

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2019 Volume 23 No. 3

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University)**

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru.

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.university.

Подписано в печать 02.09.2019. Выход в свет 09.09.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 31,62. Тираж 500 экз. Заказ № 1105. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina-tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova-as@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Daniel Kadar, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Andreas Musolff, University of East Anglia (Norwich, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer Design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Tel.: +7 (495) 434-20-12;

e-mail: lingj@rudn.ru; vestnik_linguistics@mail.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina-tv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova-as@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохран, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Жельвис Владимир Ильич, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Кадар Дэниел, Исследовательский центр института лингвистики Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия)

Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Музолф Андреас, Университет Восточной Англии (Норвич, Великобритания)

Ойши Этсуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путиц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*
Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

CONTENTS

Stef Spronck (Helsinki, Finland) Speaking for Bakhtin: Two Interpretations of Reported Speech. A Response to Goddard and Wierzbicka (2018)	603
Sviatlana Karpava (Nicosia, Cyprus), Natalia Ringblom (Stockholm / Dalarna, Sweden) and Anastassia Zabrodskaia (Tallinn / Tartu, Estonia) Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia	619
Annabelle Mooney (London, Great Britain) A Fool and his Money are Soon Parted: A Critical Examination of Credit Card Websites	642
Łukasz Grabowski (Opole, Poland / Ostrava, Czechia) Distinctive Lexical Patterns in Russian Patient Information Leaflets: A Corpus-Driven Study	659
Magdaléna Bilá, Ingrida Vaňková (Prešov, Slovakia) Tourist Notices in the Spotlight of Linguistic Landscape and Translation Studies	681
Andrey Fomin, Elizaveta Mona (Kemerovo, Russia) Conceptual Metaphor as a Means of Terrorist Suggestion (on the Material of the Islamic State Video Messages)	698
Boris Ju. Norman (Minsk, Belarus / Ekaterinburg, Russia) Syntactics, Cognition and Compositional Semantics	714
Igor G. Miloslavsky (Moscow, Russia) Contextuality in the Russian Language	731
Vera A. Pishchalnikova (Moscow, Russia) Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics	749
Olga A. Solopova, Maria S. Saltykova (Chelyabinsk, Russia) Constructing the Ideal Future in Foreign Military Media Discourses of the World War II Period	762
Dana O. Baigozhina (Astana, Kazakhstan), Natalia I. Klushina (Moscow, Russia), Serik Sh.Takhan (Astana, Kazakhstan) Mediatization of Culture in the Discourse of Modern Kazakh Media	784
Natalya N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia) Linguistic, Pragmatic, and Stylistic Peculiarities of 2018 FIFA World Cup Representation in British Media-Discourse	802

Anna A. Borisova, Yulia N. Ebzeeva (Moscow, Russia) Gastronomic Vocabulary as a Feature of Nigerian English	820
--	-----

BOOK REVIEWS

Elena O. Mendzheritskaya (Moscow, Russia) Naming: What? Why? How? Review of Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova (eds.). 2018. <i>Naming in Different Areas of Communication Field</i> . Ottawa: Carleton University	837
--	-----

Liudmila I. Bogdanova (Moscow, Russia) Media Linguistics: New Approaches and Solutions. Review of the Reference Dictionary “Media Linguistics in Terms and Concepts”, ed. L.R. Duskayeva. Moscow: Flinta, 2018. 440 pp. (In Russ.)	845
--	-----

Andrey V. Polonskiy (Belgorod, Russia) Mass Media from a Sociolinguistic Perspective. Review of I.P. Lysakova (2019). <i>Sociolinguistic Study of Soviet Press: Theory and Practice</i> . St. Petersburg, RGPU Publisher, 335 p.	852
--	-----

CONFERENCES

Elena A. Krasina, Marina L. Novikova (Moscow, Russia) Phenomenon of Language: The Paradigms of Functional Semantics and Linguosemiotics (V Novikov Readings. Moscow, Russia, 18—19 April 2019)	856
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Stef Spronck (Хельсинки, Финляндия) Speaking for Bakhtin: Two Interpretations of Reported Speech. A Response to Goddard and Wierzbicka (2018) (Говорить устами Бахтина: две интерпретации косвенной речи (ответ К. Годдарду и А. Вежбицкой [2018])	603
Sviatlana Karava (Никосия, Кипр), Natalia Ringblom (Стокгольм / Фалун, Швеция) and Anastassia Zabrodskaja (Таллин / Тарту, Эстония) Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia (Смешение языков в семейном общении (на примере Кипра, Швеции и Эстонии))	619
Annabelle Mooney (Лондон, Великобритания) A Fool and his Money are Soon Parted: A Critical Examination of Credit Card Websites (У дурака деньги долго не держатся: критический анализ веб-сайтов кредитных карт)	642
Łukasz Grabowski (Ополе, Польша / Острава, Чехия) Distinctive Lexical Patterns in Russian Patient Information Leaflets: A Corpus-Driven Study (Типизированные лексические паттерны в русских инструкциях по применению лекарственных препаратов: корпусное исследование)	659
Magdaléna Bilá, Ingrida Vaňková (Прешов, Словакия) Tourist Notices in the Spotlight of Linguistic Landscape and Translation Studies (Туристические уведомления в контексте изучения языкового ландшафта и переводоведения) ...	681
Andrey Fomin, Elizaveta Mona (Кемерово, Россия) Conceptual Metaphor as a Means of Terrorist Suggestion (on the Material of the Islamic State Video Messages) (Концептуальная метафора как инструмент реализации террористической суггестии (исследование на материале видеообращений исламского государства))	698
Норман Б.Ю. (Минск, Беларусь) Синтактика, когниция и композиционная семантика	714
Милославский И.Г. (Москва, Россия) Контекстуальность в русском языке	731
Пищальникова В.А. (Москва, Россия) Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики	749
Солопова О.А., Салтыкова М.С. (Челябинск, Россия) Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода второй мировой войны	762
Байгожина Д.О. (Астана, Казахстан), Клушина Н.И. (Москва, Россия), Тахан С.Ш. (Астана, Казахстан) Медиатизация культуры в дискурсе современных казахстанских медиа	784
Кошкарлова Н.Н. (Челябинск, Россия) Лингвопрагматические и жанрово-стилистические особенности репрезентации чемпионата мира по футболу 2018 г. в британском медиадискурсе	802
	601

- Борисова А.А., Эбзеева Ю.Н. (Москва, Россия)** Гастрономическая лексика как одна из особенностей нигерийского варианта английского языка 820

РЕЦЕНЗИИ

- Elena O. Mendzheritskaya (Москва, Россия)** Naming: What? Why? How? Review of Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova (eds.). 2018. *Naming in Different Areas of Communication Field*. Ottawa: Carleton University (НОМИНАЦИЯ: ЧТО? КАК? ПОЧЕМУ? Рецензия на коллективную монографию «Номинация в разных коммуникативных сферах» под ред. И.В. Анненковой и Е.Н. Ремчуковой. Карлтонский университет, Оттава, 2018) 837
- Богданова Л.И.** Медиалингвистика: новые подходы и решения. Рецензия на словарь-справочник под ред. Л.Р. Дускаевой «Медиалингвистика в терминах и понятиях». М.: Флинта, 2018. 440 с. 845
- Полонский А.В.** Средства массовой информации в социалингвистической перспективе. Рецензия на монографию И.П. Лысаковой «Социалингвистическое исследование советской прессы: теория и практика». СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 335 с. 852

КОНФЕРЕНЦИИ

- Красина Е.А., Новикова М.Л.** Феномен языка в парадигмах функциональной семантики и лингвосемиотики (V Новиковские чтения. Москва, 18—19 апреля 2019 г.) 856

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-603-618

Research Article

Speaking for Bakhtin: Two Interpretations of Reported Speech A Response to Goddard and Wierzbicka (2018)

Stef Spronck

University of Helsinki

PL 24 (Unioninkatu 40) Helsinki, 00014, Finland

Abstract

Vološinov ([1929]1973) is one of the most frequently cited works in studies on reported speech, but its interpretation varies considerably between authors. Within the linguistic anthropological tradition, its central message is often conflated with Erving Goffman's 'speaker roles', and in a recent publication, Goddard and Wierzbicka (2018) marry ideas they attribute to Vološinov (1973) and Mikhail M. Bakhtin to those by the formal semanticist Donald Davidson. Responding to Goddard and Wierzbicka (2018) (and a shorter version of a similar argument in Goddard and Wierzbicka (2019)), this paper seeks to explore the philosophical foundations of reported speech research, particularly in relation to Vološinov/Bakhtin. It suggests that reported speech research is motivated by two fundamentally distinct goals, one here labelled 'Fregean' and the other 'Bakhtinian'. Questions and methods used in both of these research traditions lead to two radically different understandings of reported speech. This affects the applicability of the definition of direct/indirect speech Goddard and Wierzbicka (2018) propose. It also motivates an alternative approach to reported speech advocated by the current author and others that is criticised by Goddard and Wierzbicka (2018). The article further seeks to rehabilitate the analysis of Wierzbicka (1974), which Goddard and Wierzbicka (2018) partially reject. Whereas Wierzbicka (1974) treats direct and indirect speech as constructions of English, Goddard and Wierzbicka (2018) elevate the opposition to a universal, which belies the cultural sensitivity to semantic variation the authors display in other work. The paper concludes with a brief note about the semantic status of 'say' in Australian languages and states that the relevance of Vološinov ([1929]1973) is undiminished, also in the light of recent developments in language description. It remains a highly original study whose implications are yet to fully impact research on reported speech.

Keywords: *reported speech, dialogism, Valentin N. Vološinov; Mikhail M. Bakhtin; Gottlob Frege; Australian aboriginal languages (Ungarinyin)*

For citation:

Spronck, Stef (2019). Speaking for Bakhtin: Two Interpretations of Reported Speech. A Response to Goddard and Wierzbicka (2018). *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 603—618. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-603-618.

Говорить устами Бахтина: две интерпретации косвенной речи (ответ К. Годдарду и А. Вежбицкой [2018])

Стеф Спронк

Хельсинский университет

PL 24 (Unioninkatu 40) Хельсинки, 00014, Финляндия

Аннотация

Работа В. Н. Волошинова (Vološinov, 1929/1973) — один из наиболее цитируемых научных трудов, посвященных косвенной речи, однако его интерпретация разными авторами неоднозначна. В рамках лингвоантропологической традиции его основной посыл часто смешивается с «ролями говорящего» Э. Гоффмана, а в своей недавней публикации К. Годдард и А. Вежбицкая (2018) объединяют идеи, которые они приписывают В. Н. Волошинову и М. М. Бахтину, с идеями представителя формальной семантики Д. Дэвидсона. Настоящая статья — это ответ Годдарду и Вежбицкой (2018), в ней рассматриваются философские основы исследования косвенной речи, особенно по отношению к идеям Волошинова / Бахтина. Высказывается мысль о том, что изучение косвенной речи преследует две основные цели, одна из которых восходит к Фреге, а вторая — к Бахтину. Вопросы и методы, связанные с этими традициями, ведут к двум радикально различным пониманиям косвенной речи. Это влияет на применимость определения прямой / не прямой речи, предлагаемого Годдардом и Вежбицкой, а также порождает альтернативный подход, развиваемый автором данной статьи и другими учеными и критикуемый Годдардом и Вежбицкой (Там же). Цель статьи — реабилитировать анализ Вежбицкой (1974), от которого Годдард и Вежбицкая (2018) частично отказываются. Рассматривая прямую и не прямую речь как английские конструкты, они, тем не менее, поднимают это понятие до универсального уровня, что вступает в противоречие с понятием культурной чувствительности относительно семантических вариаций, о котором они пишут в других работах. Автор статьи приходит к выводу, что, в свете современных тенденций описания языка, труд Волошинова (1929/1973) не теряет свой значимости и заслуживает всяческого внимания.

Ключевые слова: *передача чужой речи, диалогизм, В.Н. Волошинов, М.М. Бахтин, Г. Фреге, языки аборигенов Австралии (Ungarinyin)*

Для цитирования:

Spronck, Stef (2019). Speaking for Bakhtin: Two Interpretations of Reported Speech. A Response to Goddard and Wierzbicka (2018). *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 603—618. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-603-618.

1. Introduction: Reported speech and the direct/indirect speech opposition

The study of reported speech, the linguistic structures and meanings involved in talking about an utterance, centres around two broad questions: how do expressions of reported speech relate to non-reported speech expressions, and what are the relevant semantic and structural oppositions among expressions of reported speech? The implications of how we answer these questions are surprisingly far-reaching.

With respect to the question of how to distinguish *between* reported speech constructions, the analysis of direct speech, as in (1), and indirect speech (also: direct/indirect discourse), as in (2) has become a standard.

- (1) John said: I am a fool.
- (2) John said that he was a fool. (Wierzbicka 1974, 267)

Wierzbicka (1974) demonstrates that, contrary to traditional accounts in Transformational Generative Grammar, constructions as in (2) are not simply derived from those in (1). Rather, the distinction between the two constructions rests in the semantic effect the current speaker intends to achieve.

'I submit that the "illocutionary purpose" [(i.e. the real or pretended intention with which the speech act is performed, as indicated by the speaker] of the semidirect discourse, is roughly this:

I want to cause you to know what this person said,

whereas that of direct discourse is double:

I want to cause you to know what this person said,

I want to cause you to know how he said it.' (Wierzbicka 1974, 274—75)

In other words, with a construction as in (2), the speaker simply signals that John thinks of himself as a fool, whereas in (1) a further communicative intention is to signal that John used the *very words* of the reported speech clause to convey this message. In summary:

'in direct quotation one assumes the role of the original speaker, i.e. one imagines oneself as that original speaker; in indirect speech one undertakes to state the content of the speech as though one were prepared to assert it oneself' (Wierzbicka 1974, 284—85).

The broader question of how reported speech, exemplified by direct and indirect speech clauses, relates to other linguistic expressions has deep roots in the philosophy of language. Wierzbicka (1974), and, more recently, Goddard and Wierzbicka (2018), critically engage with this philosophical literature, particularly by responding to the work of Donald Davidson (1968) and Mikhail Bakhtin/Valentin Vološinov (1973). They explicitly present their definitions of direct and indirect speech as an alternative to a definition proposed in Spronck (2015a), which was developed further in Spronck (2017) and Spronck and Nikitina (2019).

In the present paper I aim to pursue three goals: (1) I want to voice opposition to parts of the analysis in Goddard and Wierzbicka (2018), and Goddard and Wierzbicka (2019)¹, in favour of the account in Wierzbicka (1974); (2) I want to highlight the distinctions between the approaches to reported speech by Davidson (1968) and Vološinov (1973), and position Goddard and Wierzbicka (2018) with respect to the research goals of these two authors; and (3) I want to address Goddard and Wierzbicka's (2018) claim that the distinction between direct and indirect speech forms a universal category. The discussion motivates the need I perceive for an alternative to the lexical approach Goddard and Wierzbicka (2018) advocate.

¹ Goddard and Wierzbicka (2019) cover much of the same ground as Goddard and Wierzbicka (2018). The current paper is primarily a response to the longer, earlier paper but may also be read as a reply to Goddard and Wierzbicka (2019) where points are addressed that are relevant to both Goddard and Wierzbicka (2018) and Goddard and Wierzbicka (2019).

Section 2 begins by sketching the philosophical foundations of reported speech research, as represented by Frege (1892) and authors such as Davidson (1968) on the one hand, which I label the Fregean tradition (section 2.1). A separate approach is formed by Vološinov (1973), the Bakhtinian tradition (section 2.2). My main aim is to demonstrate that the uniqueness of the Bakhtinian position is consistently downplayed in the literature, and that Goddard and Wierzbicka (2018) and Goddard and Wierzbicka (2019) are no exception. In section 2.3 I argue that the approach in Goddard and Wierzbicka (2018) is primarily Fregean (and more so than the approach in Wierzbicka (1974)). My main point is that while Goddard and Wierzbicka (2018) purport to speak for the Bakhtinian position, their concern is mostly with the Fregean objective of qualifying the relation between the words used in reported speech and the world, whereas the Bakhtinian account is about how the form of a reported speech expression may reflect complex social relations between the current speaker, the addressee and the reported speaker. These philosophical affiliations are fundamental to appreciating the relative role of language structure and meaning in the analysis of reported speech, which lies at the heart of the debate about direct/indirect speech. For the Fregean approach and Goddard and Wierzbicka (2018) this opposition is a binary distinction between saying something about the words of a reported speaker (direct speech) and saying something about what the reported speaker means (indirect speech). For the Bakhtinian approach the distinction between direct and indirect speech is relevant for an entirely different reason. Bakhtin states that what we say is always influenced by the words of others in some way, but in reported speech these ‘other voices’ actually become overt through the syntactic construction of the utterance. Direct and indirect speech (and the many intermediate strategies languages may have) are different structural ways of explicitly making other voices heard. From the Bakhtinian perspective, the opposition between direct and indirect speech is only relevant in the sense that it illustrates how the speaker can structurally signal other voices: direct speech displays the voice of the reported speaker as if the current, reporting speaker reflects it fully (cf. also Wierzbicka 1974), ‘less direct’ strategies increasingly signal that the voice of the reported speaker is filtered through that of the reporting speaker.

Section 3 takes up the claim that, as per Goddard and Wierzbicka (2018), direct/indirect speech are universal categories. It discusses the Australian Aboriginal language Ungarinyin, for which Rumsey (1990) claims the opposition between direct and indirect speech is not structurally relevant (also see McGregor 2014) and demonstrates that the verb ‘say’ and the syntactic construction used to express reported speech are separate linguistic units. I argue that the observations by Rumsey (1990) and McGregor (2014) do not invalidate the proposal that ‘say’ and ‘think’ are universal concepts, but strongly suggest that reported speech constructions and the lexemes ‘say’ and ‘think’ are not necessarily related. This idea is not addressed by Goddard and Wierzbicka (2018, 2019), or Knight (2008), on whose analysis they rely for the Australian language Bunuba. Section 4, finally, forms a brief discussion and conclusion.

2. Philosophical foundations: reported speech as a problem of reference, and as grammar of dialogue

2.1. Frege (1892) and his discontents

The most prominent introduction of reported speech/quotation² in the Western philosophy of language and formal semantics is formed by the following passages from Frege's (1892) *Sinn und Bedeutung*:

'In reported speech one talks about the sense — e.g., of another person's remarks. It is quite clear that in this way of speaking words do not have their customary referents but designate what is usually their sense. In order to have a short expression, we will say: In reported speech, words are used *indirectly* or have their *indirect* referents. [...] Such exceptions must always be borne in mind if the mode of connection between sign, sense, and referent in particular cases is to be correctly understood (Frege 1948, 211—12) [...] '[T]he truth value of a sentence containing another as part must remain unchanged when the part is replaced by another sentence having the same truth value. Exceptions are to be expected when the whole sentence or its part is direct or indirect quotation [...]. In direct quotation, a sentence designates another sentence, and in indirect quotation a thought. [...] [In] indirect quotation [...] the words [...] have their indirect referents coinciding with what is customarily their sense (Frege 1948, 218)

There is much to unpack in these statements, and formal semantic/pragmatic approaches to reported speech continue to do so until the present day. However, the basic idea is relatively simple: 'regular' linguistic signs have a direct referential relationship with the real world, but reported speech does not. For Frege (1892), reported speech on the one hand presents an interesting anomaly, but is also the exception that confirms the rule: it enforces the relevance of drawing a distinction between abstract 'sense' and referential meaning. Reported speech does not have a denotational/referential meaning in the here-and-now (i.e. it is 'used indirectly'), which shows that the semantics of an element are more general than the specific instantiation of it³.

This distinction gave rise to the often invoked opposition between 'using words' (i.e. invoking reference in the here-and-now of the speech situation) and 'mentioning words' (i.e. using words not to directly refer) (Goddard and Routley 1966; Saka 1998; Saka 2006, 455; also see Burge 2012; Jacquette 2017 for useful literature reviews). Quine (1956) is the first author to discuss this distinction using the labels *de dicto* and *de re*. With a *de dicto* 'about the speech' interpretation, the addressee understands the wording of the reported utterance (henceforth: R) to reflect the *form* of the message

² The most common term used within the logical tradition is 'quotation', which, depending on the author may either refer to direct speech only, direct speech-like phenomena (e.g. mentioning a book title), the opposition between direct and indirect speech or an even broader interpretation closer to reported speech in the sense of Vološinov (1973). Here, I will use quotation/reported speech interchangeably. I do not adopt 'represented speech', a third term that is commonly found in the literature, but my interpretation of 'reported speech' is synonymous with the way in which, e.g. Banfield (1982) uses the latter notion. Also note that reported speech constructions frequently express types of mental processes other than speech, such as thought or intention. Güldemann (2008, 5) adopts the label 'reported discourse' for this reason.

³ 'Denotation' is a more appropriate term to represent the Fregean position than 'reference' (Capuano 2012), but given the centrality of referential meaning to much of the subsequent discussion on reported speech/quotation, which Frege (1892) foreshadows, I will mostly use the latter term here.

in the projected reported speech situation. Under a *de re* ‘about the thing’ interpretation, R is understood as an utterance describing the *contents* of projected reported utterance (i.e. presenting what it was about, rather than implying that the reporting utterance represents the reported message ‘accurately’). Indirect speech commonly allows for both readings, whereas the *de re* reading is unavailable for direct speech constructions, they always ‘mention’ R and are therefore not just about what R *means* but also about *how R is formulated*.

The opposition between direct and indirect speech, illustrated in (1)—(2), remains a fixture of formal semantic/pragmatic research. However, the exact boundaries between *de dicto/de re* interpretations are difficult to draw (Goddard and Routley 1966) and the distinction is controversial (cf. Cieśluk 2010; Cappelen and Lepore 2012). One reason for this is, as Saka (1998) points out, that a word can be ‘mentioned’ in relation to multiple properties, highlighting, e.g., the phonological, conceptual or lexical form(s) of R. Given that the *de dicto/de re* interpretations covary, but not always perfectly correlate with the structural expression of reported speech, formal semantic and formal pragmatic authors have come to distinguish a range of sub-types of reported speech/quotation, such as ‘open quotation’ (Recanati 2001, 2008), ‘hybrid quotation’ (De Brabanter 2005), ‘mixed quotation’ (Geurts and Maier 2005; Maier 2007) and ‘double-duty quotation’ (García-Carpintero 2011).

Within this broad research tradition, which I here label ‘Fregean’, authors differ about whether reported speech is a semantic or primarily a pragmatic phenomenon (Recanati 2001; Gutzmann and Stei 2011; De Brabanter 2017), about the status of the reported clause (Abbott 2011, 35), and about what other types of phenomena count as ‘mentioning’ words (see Saka 2006 for an interesting discussion of positions). What this literature largely agrees on, however, is that Frege (1892) indeed correctly identifies *why* reported speech presents a problem for linguistic analysis: it atypically does not allow speakers to say something about the world, but can receive *de dicto* interpretations. It can be about *how* words are said.

2.2. *Vološinov/Bakhtin and dialogism*

Vološinov (1973) originates a second tradition of reported speech research. Formal semantic and formal pragmatic authors adopting and revising Frege’s (1892) account rarely reference Vološinov (1973), but the work has become influential in descriptive and linguistic anthropological studies. Often however, references to Vološinov (1973) primarily serve to establish reported speech as a historically accepted research topic, standing in a similar sociological tradition as later developed by Goffman (1979, 1981)⁴.

⁴ Goodwin (2007, 29) states that he was ‘urged [...] to read Volo[š]inov (1973)’ by his teacher Erving Goffman, while the latter was working on Goffman (1979), and suggests that ‘Goffman’s thinking in [Goffman (1979)] was influenced in part by his reading of Volo[š]inov’, although Goodwin (2007, 29) also notes to ‘have no other evidence’, since Vološinov (1973) is not cited in Goffman (1979) and cited only once in Goffman (1981). The Vološinovian/Bakhtinian notions of ‘voice’ and the Goffmanian notion of ‘footing’ are often described as approximate equivalents (e.g. Kuipers 2013, 401) (although see Cresswell and Hawn 2011). Discussing the notion of addressivity, Bertau (2004, 122) credits Bakhtin with introducing the idea that all language is ‘addressed’ on some level, and then refers to Goffman and Levinson as taking this idea further, by delimiting addressivity to participation, and by specifying types of participation in face-to-face interaction. The impression that emerges

Goddard and Wierzbicka (2018) dilute the unique contribution of Vološinov (1973) even further, by insisting that their account both draws on this work⁵ and on the formal semanticist Davidson (1968), suggesting that the two address similar questions.

This is a mistake. In order to demonstrate how Goddard and Wierzbicka (2018) misrepresent Vološinov (1973), it is important to understand the context in which the study of reported speech appears in Vološinov (1973), a volume about how social relations affect language. The study constitutes the last section of the book, and is entitled *K istorii form vyskazyvanija v konstrukcijax jazyka* ‘On the history of the forms of the utterance in linguistic constructions’ (emphasis added)⁶, starting with a chapter called *Teorija vyskazyvanija i problemy sintaksisa* ‘The theory of the utterance and problems of syntax’ (emphasis added). The key points listed at the head of this chapter include: *Značenie problemy sintaksisa* ‘The meaning (or: significance) of problems of syntax’, *Sintaksičeskie kategorii i vyskazyvanie kak celoe* ‘Syntactic categories and the utterance as a whole’ and *Problema form peredači čužoj reči* ‘The problem of the forms of transmission of reported speech’ (emphasis added). In the little more than nine pages of the second chapter of this book section, *Ėkspozicija problemy <<čužoj reči>>* ‘Exposition of the problem of reported speech (lit.: ‘another speech’)', the word *sintaksis* ‘syntax’ occurs eight times and *form* 29 times, as opposed to, e.g., *smysl* or *značenie* ‘meaning’ (or derivations of the words), which occur nine times and once, respectively (but not in relation to the semantics of reported speech).

Nevertheless, Goddard and Wierzbicka (2018) remark, without any additional argumentation:

‘It seems clear to us that for Bakhtin himself the grammatical mechanisms involved were not the main point: to be sure, they needed to be understood, but only as a means to an end; and the end had to do not with grammar as such, but with meaning.’

Not only does this statement ignore the extensive signposting in Vološinov (1973), but it explicitly goes against the central message of the study: the meaning of reported speech is exactly *not* what makes the phenomenon particularly interesting for Vološinov/Bakhtin’s purposes⁷.

from these, admittedly rather random, observations about the reception of Vološinov (1973), is that Goffman (1981), and, in extension, ethno-methodologically based accounts in linguistic anthropology and Interactional Linguistics have superseded the proposal in Vološinov (1973).

⁵ Goddard and Wierzbicka (2018) consistently refer to the author of Vološinov (1973) as ‘Bakhtin’. Although there is no doubt that Valentin Vološinov and Mikhail Bakhtin were close collaborators, the assumption from the 1980s that Mikhail Bakhtin is the author of Vološinov (1973) is no longer commonly stated as fact, and is rejected by most Bakhtin scholars (Bota and Bronckart (2011) even denounce the idea as a collective delusion, maliciously fuelled by Bakhtin himself). For a comprehensive overview of positions in the debate about the question of authorship, in favour of assuming Bakhtin, Vološinov or both as (primary) authors of this work, see Lähteenmäki (2001, 16ff.). Also see Erdinast-Vulcan and Sandler (2015) for an authoritative discussion of current thinking about Bakhtin’s philosophical school.

⁶ Subtitle: *Opyt primenenija sociologičeskogo metoda k problemam sintaksisa* ‘An essay applying a sociological method to the problems of syntax’ (emphasis added).

⁷ Vološinov (1972) writes: *čužoe vyskazyvanie javljaetsja ne tol’ko temoj reči* ‘A reported utterance, however, is not just a theme [content] of speech’ (Vološinov 1973, 115).

What are these purposes? Studying language as dialogue, or ‘Dialogism’, the term later given to the conceptualisation of language and human interaction in the sense of both Vološinov (1973) and Bakhtin (Holquist 2002; Erdinast-Vulcan and Sandler 2015). The fundamental idea of Dialogism is that *all actions and utterances are inherently interactive*. They respond to and anticipate other actions and utterances and are therefore always shaped by (imagined) dialogue. The loudness, the register, the length, and even the meaning of what I say is shaped by how I expect you to receive it, and how you have talked to me in the past. *Nothing* in the dialogic conceptualisation of language is ever exempt from being intersubjective or interpersonal.

In this respect, a direct speech sentence, as in (1), is no different from any other utterance. For example, if I say “Ponyo is surely better than Totoro,” I expect you not only to be able to identify the name of Studio Ghibli anime films (and even to understand the abbreviated title ‘Totoro’), but to have an opinion about them and share the opinion that the first title is better than the second. For Vološinov (1973) and Bakhtin all of these expectations are part of the meaning of this utterance, and if we would want to quantify these dialogic meanings (can you identify these referents, is this a topic I can discuss with you, do you share my attitude?) the sentence above perhaps contains even more interpersonal meanings than any common utterance of direct speech. What makes the direct speech construction (1) *different* is that we can actually see that this sentence has a dialogic nature, because it has the *form* of a dialogic exchange. In the famous phrase of Vološinov (1973): ‘what is expressed in the forms employed for reporting speech is an *active relation* of one message to another, and it is expressed, moreover, not on the level of the theme but in the stabilized constructional patterns of the language itself’ (Vološinov 1973, 116, italics in the original).

Calling Bakhtin’s account of reported speech ‘interpersonal’ is similar to saying, e.g., “for Newton, an apple has gravity”. The point is not that reported speech is somehow special in having dialogic qualities — for Bakhtin and Vološinov *everything* does. Reported speech is salient because it demonstrates its dialogic nature in a way that allows us to study it with relatively conventional linguistic means, as a linguistic *form*. Like Newtons anecdotal apple, reported speech is a symptom, it represents an instance of a much broader phenomenon, viz. the principle of Dialogism, but reported speech constructions allow us to *recognise* this phenomenon.

This is where the Bakhtinian approach to reported speech is truly unique. Vološinov (1973) does not come to the topic because it conflicts with a core idea of how he believes language should work, it *follows* from this idea. Frege (and the authors who subsequently followed or contested his views, as described in the previous section) see reported speech/quotation as a *problem* for explaining language as a referential phenomenon, an apparent exception to the idea that language consists of a relation between a meaning and some referential value in the external world. For Vološinov (1973)/Bakhtin reported speech *affirms* their view of language as dialogue: it shows that dialogue as the fundamental organising principle in language can even be studied in syntax.

This means that Vološinov (1973) assigns the distinction between direct and indirect speech a radically different interpretation: ‘[the forms used in reported speech] reflect basic and constant tendencies in the *active reception of other speakers’ speech*’ (Vološi-

nov 1973, 117). In direct speech, the reported message R retains maximum ‘constructional and semantic autonomy’ (Vološinov 1973, 115), structurally showing that the current speaker steps out her own speech and adopts the dialogic role of the reported speaker. In indirect speech as in (2), on the other hand, R is structurally embedded, reflecting a *perceiving*, rather than a *reproducing* role on behalf of the current speaker:

‘Indirect discourse “hears” a message differently; it actively receives and brings to bear in transmission different factors, different aspects of the message than do the other patterns’ (Vološinov 1973, 129).

Here, Vološinov (1973) comes close to a version of the *de dicto/de re* distinction the pro- and anti-Fregeans take as a binary opposition⁸. But the Bakhtinian goal is not to diagnose the difference between ‘mentioning’ vs. ‘using’ words, but to *explain* this distinction. Direct speech is inherently *de dicto* because, as a structural representation of dialogue, it aims to represent the position of the *reported speaker*. Indirect speech can be interpreted as *de re* because, as a structural representation of dialogue, it aims to represent the position of the *perceiving, current speaker*. Thereby, the subtle ‘syntactic, stylistic and compositional norms’ (Vološinov 1973, 116) used in reported speech constructions, ‘in the stabilized constructional patterns of the language itself’ (Vološinov 1973, 116), provide a unique opportunity for studying the way in which speakers evaluate and transmit the words and ideas of others *in grammar*. Despite the abundant references to Vološinov (1973) and Bakhtin in the literature on reported speech, I would say that this is a challenge that we still barely have begun to explore.

2.3. Positioning Wierzbicka (1974) and Goddard and Wierzbicka (2018) among the Fregean and Bakhtinian traditions

How do the definitions of direct and indirect speech Goddard and Wierzbicka (2018) propose relate to the traditions sketched above? Let us first consider their main generalisations about direct speech⁹:

- (3) ‘In all parts of the earth, often something like this happens:
 Someone says some things to someone else.
 After some time, this someone else wants some other people to know what this someone said/
 At the same time this someone else wants these other people to know how this someone said it. Because of this, this someone else says two things, one after the other:
 one is “this someone said/spoke like this ...”
 the other one is the same thing as this someone said
 when this someone else says it, he/she wants to say it in the same way, with the same words. If one of these words was “I”, this someone else says it with the word “I”.
 If this someone said it with words like “now”, “here”, “this”, this other someone says it with the same words’ (Goddard and Wierzbicka 2018)

⁸ Sergeiy Sandler (p.c.) rightly points out that since the mixing of voices in reported speech cannot be captured in a binary opposition with Bakhtin/Vološinov’s approach, characterising it in terms of the Fregean distinction *de dicto/de re* is not satisfactory (cf. Sandler 2013, 2016).

⁹ Goddard and Wierzbicka (2018) introduce two ‘similar-but-different’ versions of the generalisation in (3), only one of which is cited here. The objections to this representation put forward in this section apply to both.

The central part of the definition in (3) serves to explicate *de dicto* interpretation: each component in (3a), (3b) and (3c) restates an aspect of *de dicto* in increasingly specific terms, viz. it reflects how R is to be interpreted, that it (purportedly) uses the ‘same words’ as the reported speaker, and gives examples of deictic words. Goddard and Wierzbicka (2018) acknowledge their philosophical affiliation with the early sketch of the demonstrative theory in Davidson (1968), but also reject Davidson’s approach, because of his claim that in direct speech the current, reporting speaker acts as a “same-sayer” of the reported speaker (i.e. actually *says* what the reported speaker said, rather than just say it in the same way). According to them, Wierzbicka (1974) ‘essentially agreed with Davidson on this point’. Puzzlingly, however, Wierzbicka (1974) does *not*:

‘The semantic representation proposed by Davidson [for the sentence ‘Galileo said: “The earth moves”] is this:

The earth moves.

($\exists x$) (Galileo’s utterance *x* and my last utterance make us samesayers).

In my opinion, Davidson’s analysis needs one correction: the person reporting Galileo’s sentence does not really represent himself as Galileo’s samesayer, because he does not commit himself to Galileo’s view; *he only behaves as though he wanted to be Galileo’s samesayer, warning his addressee at the same time that this behaviour is just acting*. The reporter — imagines that he wants to be Galileo’s samesayer [...], and he behaves accordingly — all with the purpose of letting the addressee know what Galileo said [...]. He does not make the same assertion that Galileo did.’ (Wierzbicka 1974, 286—87, emphasis added)

In other words, the reporting speaker does not actually say what the reported speaker said; direct speech allows the current speaker to behave *as if* she did. This ‘dramatic’ or ‘performative’ quality was one of the main insights Wierzbicka (1974) added to the literature on reported speech. And although Wierzbicka (1974) does not cite Vološinov (1973), with the Bakhtinian approach it looks beyond features like verbatimness¹⁰ in order to explain *why* mentioning the ‘same words’ matters. Wierzbicka (1974) states that these display R’s performative properties. For Vološinov (1973), they allow us to hear the ‘voice’ (*and* the meaning) of the reported speaker. In the paraphrase in (3b), that the reported speaker ‘wants to say it in the same way’, both insights are lost. Also lost: the insight from the formalist literature that ‘words’ can be mentioned in multiple ways (the funny voice of the reported speaker, his/her strange lexical choice, the use of a particular syntactic frame etc.).

Goddard and Wierzbicka’s (2018) definition of indirect speech, in (4), basically explicates the *de re* interpretation:

(4) ‘someone says this about X: - - -’ (Goddard and Wierzbicka 2018)

The element ‘about X’ almost literally translates the Latin ‘about (the thing)’. Goddard and Wierzbicka (2018) attribute the observation that indirect speech (unlike direct speech) is not about *how* R was said to Vološinov (1973)/Bakhtin. However, as indicated in section 2.2 this property is a *byproduct* for Vološinov (1973), not the actual point

¹⁰ I.e. the degree to which R is an actual, literal representation of what the reported speaker said. This has not proven an insightful variable in the analysis of reported speech, see Vandelanotte (2009, 118—30) for discussion.

of his analysis. The *de re* interpretation in indirect speech is a structurally reflected expression of transferring to the voice of the current speaker¹¹. No aspect of (3) or (4) reflects the Bakhtinian approach.

3. The universality of the direct/indirect speech opposition and Ungarinyin reported speech

Whereas Goddard and Wierzbicka (2018) loose explanatory power compared with Wierzbicka (1974), their account also makes a considerably stronger claim about the expression of reported speech than the earlier paper: Goddard and Wierzbicka (2018) suggest that the semantic primes involved in the definition in (3) and (4) have direct syntactic relevance. Specifically, they suggest that in the languages of the world the semantic prime SAY is necessarily expressed through a lexeme ‘say’ in reported speech:

‘[A]ll languages have a word (a verb) encoding, in one of its meanings, the indefinable concept SAY, with a valency option which allows this word to introduce a quotation: ‘he/she said: - - -’; and this basic frame can be extended to include an addressee: - - -’. Second, all languages appear to have resources for approximating other people’s speech, that is, they allow the verb meaning SAY (or SPEAK) to combine with a phrase (or a word) meaning ‘like this’, i.e. to the frame ‘he/she said/spoke like this...’ (Goddard and Wierzbicka 2018)

The decision to base the analysis of reported speech on a *word* that (in one of its meanings) expresses the prime SAY has two important consequences: (1) it leads to the claim that all languages use a lexeme meaning SAY or SPEAK in reported speech, and (2) it suggests that direct and indirect speech as defined above are universal categories, since these correspond to the proposed syntactic frames associated with SAY or SPEAK. The main argument that Goddard and Wierzbicka (2018) put forward for this far-reaching hypothesis is that a definition of reported speech that makes use of the semantic prime SAY is clearer and simpler than definitions proposed in the literature that do not, like Spronck (2015a).

Unnecessary obscurity is an offence too often committed in academia and in cross-cultural communication, and Goddard and Wierzbicka (2018) are right to call attention to this. However, the argument of simplicity cannot cover up the fact that the hypothesis that reported speech expressions necessarily involve a lexeme ‘say’ does not follow from the premises that SAY and SPEAK are semantic primes. It is entirely possible to accept that SAY (and THINK) are possibly universal concepts/semantic primes while *rejecting* the idea that reported speech *constructions* can and should be defined on the basis of these lexematic meanings¹².

¹¹ Again, to the extent that we can apply the binary opposition *de dicto/de re* at all to the Bakhtinian analysis: significantly, for Vološinov (1973) and Bakhtin (1981) in most utterances voices are ‘mixed’.

¹² One reason for why Goddard and Wierzbicka (2018, 2019) may not acknowledge the rather obvious distinction between the meaning of a construction and its lexematic content is because, especially after Wierzbicka (1996), the research programme on the Natural Semantic Metalanguage increasingly seems to assume a strong link between syntactic frames and the combinability of the presumed universal semantic building blocks of language, semantic primes (Gladkova and Larina 2018, 503). Without taking a position on this research goal, it seems to me that it is consistent with the idea that a semantic prime (or even a combination of semantic primes) may be expressed with a specific

A minor debate around this distinction in recent years has focused on Australian languages, such as Bunuba and languages of the Nyulunyan family, in which the distinction between SAY and THINK is underspecified in reported speech (cf. Goddard 2003, 115; Wierzbicka 1996, 197ff; Knight 2008; McGregor 2014; Goddard and Wierzbicka 2018). The original discussion of such a language is Rumsey (1990), who finds that in Ungarinyin (Australian; Worroran) reported speech/thought constructions are inherently ambiguous, as in (5).

- (5) [[*ngurrba nyungiminda*] *ama jirri*]
 [[*ngurrba nyunga₂-iy-minda*] *a₁-ma-ø jirri*]
 [[hit-ITRV 3fsg.O:1sg.S-FUT-TAKE] 3msg-do-PRS m.ANAPH]
 ‘He says: “I will hit her”, or: He says that he will hit her’
 ‘He thinks: “I will hit her”, or: He thinks that he will hit her’
 ‘He wants to hit her’ (Spronck 2015b, 71)

Crucially, Rumsey (1990) does not suggest that Ungarinyin does not have dedicated lexemes for SAY or THINK (it has *ni* ‘think’, and *wurla* ‘speak’ is often translated by Ungarinyin speakers as ‘say’), but the syntactic *construction* used for expressing reported speech is not built around such lexically specific words. Rumsey (1990) also does not claim that speakers of Ungarinyin would be stumped by the conceptual distinction between holding a thought in one’s head and physically uttering words (also see McGregor 2014). However, in Ungarinyin the lexemes meaning *wurla* ‘say, speak’ and *ni* ‘think’ cannot be used in a syntactic reported speech construction. What examples such as (5) indicate is that Ungarinyin makes a distinction between the *meanings* SAY and THINK (which, as per Wierzbicka (1996, 50) could therefore still be semantic primes) and the syntactic structure used for reported speech (also see Spronck 2015b). On the basis of these and other observations Spronck and Nikitina (2019) argue that reported speech should be analysed as a syntactic construction in its own right, more on a par with epistemic expressions (i.e. modal and evidential structures) than regular transitive/intransitive clauses headed by a specific verb (also see Rumsey 1982; McGregor 1994; Spronck 2017).

Rumsey (1990) further states that since Ungarinyin only has a single reported speech construction, it would be a mistake to call this construction *direct speech*: the absence of a structural opposition between different types of reported speech means that the *de dicto/de re* distinction is simply not codified in Ungarinyin grammar.

Goddard and Wierzbicka (2018), as well as Goddard and Wierzbicka (2019), address none of these arguments, which is particularly troubling since there is a plausible link between legalistic/written culture and cultivation of a strict direct/indirect speech opposition (Linell 2005, 94). Whereas it has been one of the hallmarks of Anna Wierzbicka’s work to identify such cultural biases in cross-linguistic meaning, for example

syntactic multi-word construction in some languages and with a specific word or combination of lexemes in others. Under this assumption, whether a reported speech construction expresses a universal meaning and whether all languages have lexemes that can express, e.g., the meaning SAY SOMETHING are two entirely different questions.

in pointing out the non-universality of Anglo ‘probably’ (Wierzbicka 2006, 267—68), Goddard and Wierzbicka (2018) simply posit *de dicto* marking (‘how R was said’) as a universal. This is a much more sweeping claim than the account Wierzbicka (1974) puts forward, since the latter primarily sought to define *English* direct/indirect speech. What is more, it is an entirely unmotivated and unnecessary step for the purpose of arguing that the notion of SAY can be understood in all cultures. And it is an outright regressive step with respect to valuing cross-linguistic variation.

4. Discussion and conclusion: Taking Vološinov and Bakhtin seriously

If we take Vološinov (1973) seriously, there is a second reason for why refraining from defining reported speech on the basis of SAY and THINK is preferable: reported speech is an *entry point* to studying the grammar of Bakhtinian dialogue. For this reason, Spronck (2015a) seeks to characterise reported speech using more general grammatical meanings, such as evidentiality and modality (also see Spronck (2017), Spronck and Nikitina (2019)). I fully accept that these definitions of reported speech may be simplified and improved, and am grateful for Goddard and Wierzbicka (2018, 2019) to engage in debate around them. But these definitions aim to examine the Bakhtinian hypothesis that the structure of reported speech can bring us closer to understanding how dialogue shapes grammar. Given the observation that Bakhtinian ideas about addressivity are reflected in more types of grammatical structures than is commonly acknowledged in language description and typology (cf. Evans, Bergqvist, and San Roque 2018), I believe that such a research programme has value, alongside lexical approaches like Goddard and Wierzbicka (2018) espouse.

© Stef Spronck, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Acknowledgments

I thank Sergeiy Sandler, Alan Rumsey, Tatiana Nikitina, the editor of this journal Tatiana Larina, Helen Bromhead and the anonymous reviewers for very helpful comments and discussion. None of them bear any responsibility for what appears here, but I am grateful for the errors they enabled me to take out.

REFERENCES

- Abbott, Barbara (2011). Attitudes Toward Quotation. In *Understanding Quotation*, edited by Elke Brendel, Jörg Meibauer, and Markus Steinbach, 35—46. Berlin/New York: De Gruyter Mouton.
- Bakhtin, Mikhail (1981). *The Dialogic Imagination: Four Essays by M. M. Bakhtin*. Edited by Michael Holquist. Austin: University of Texas.
- Banfield, Ann (1982). *Unspeakable Sentences: Narration and Representation in the Language of Fiction*. Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Bertau, Marie-Cécile (2004). Reflections on Addressivity: From the Role of the Other to Developmental Aspects. In *Aspects of the Dialogical Self: Extended Proceedings of a Symposium on the Second International Conference on the Dialogical Self*, edited by Marie-Cécile Bertau, 87—128. Berlin: Lehmanns.

- Bota, Cristian, and Jean-Paul Bronckart (2011). *Bakhtine Démasqué: Histoire d'un Menteur, d'une Escroquerie et d'un Délire Collectif*. Paris: Droz.
- Burge, Tyler (2012). Referring *de Re*. In *Having in Mind: The Philosophy of Keith Donnellan*, edited by Joseph Almog and Paolo Leonardi, 107—21. Oxford etc.: Oxford University Press.
- Cappelen, Herman, and Ernest Lepore (2012). Quotation. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2012 Edition)*, edited by Edward N. Zalta. <http://plato.stanford.edu/archives/spr2012/entries/quotation/>.
- Capuano, Antonio (2012). The Ground Zero of Semantics. In *Having in Mind: The Philosophy of Keith Donnellan*, edited by Joseph Almog and Paolo Leonardi, 7—29. Oxford etc.: Oxford University Press.
- Cieśluk, Andrzej (2010). De Re/de Dicto Distinctions (Syntactic, Semantic and Pragmatic Interpretation). *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric* 22 (35): 81—94.
- Cresswell, James, and Allison Hawn (2011). Drawing on Bakhtin and Goffman: Toward an Epistemology That Makes Lived Experience Visible. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research* 13 (1). <<http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1594/3306>> (Date accessed: 15 February 2016).
- Davidson, Donald (1968). On Saying *That*. *Synthese* 19 (1): 130—46.
- De Brabanter, Philippe (2005). Quotations and the Intrusion of Non-Linguistic Communication into Utterances. *Context*, 126—39.
- De Brabanter, Philippe (2017). Why Quotation Is Not a Semantic Phenomenon, and Why It Calls for a Pragmatic Theory. In *Semantics and Pragmatics: Drawing a Line*, edited by Ilse Depraetere and Raf Salkie, 227—54. Dordrecht etc.: Springer.
- Erdinast-Vulcan, Daphna, and Sergeiy Sandler (2015). Bakhtin and His Circle. In *Theoretical Schools and Circles in the Twentieth-Century Humanities: Literary Theory, History, Philosophy*, edited by Marina Grishakova and Silvi Salupere, 23—40.
- Evans, Nicholas, Henrik Bergqvist, and Lila San Roque (2018). The Grammar of Engagement I: Framework and Initial Exemplification. *Language and Cognition*, 110—40. <https://doi.org/10.1017/langcog.2017.21>.
- Frege, Gottlob (1892). Über Sinn Und Bedeutung. *Zeitschrift Für Philosophie Und Philosophische Kritik* 100: 25—50.
- Frege, Gottlob (1948). Sense and Reference. *The Philosophical Review* 57 (3): 209—30.
- García-Carpintero, Manuel (2011). Double-Duty Quotation, Conventional Implicatures and What Is Said. In *Understanding Quotation*, edited by Elke Brendel, Jörg Meibauer, and Markus Steinbach, 107—38. Berlin/New York: De Gruyter Mouton.
- Geurts, Bart, and Emar Maier (2005). Quotation in Context. *Belgian Journal of Linguistics* 17: 109—28.
- Gładkova, Anna, and Tatiana Larina (2018). Anna Wierzbicka, Words and the World. *Russian Journal of Linguistics* 22 (3): 499—520. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520>.
- Goddard, Cliff (2003). Thinking Across Languages and Cultures: Six Dimensions of Variation. *Cognitive Linguistics* 14 (2—3): 109—40. <http://www.degruyter.com/view/j/cogl.2003.14.issue-2-3/cogl.2003.005/cogl.2003.005.xml>.
- Goddard, Cliff, and Anna Wierzbicka (2018). Direct and Indirect Speech Revisited: Semantic Universals and Semantic Diversity. In Capone, Alessandro et al. (eds) *Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology*, 173—99. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-78771-8_9.
- Goddard, Cliff, and Anna Wierzbicka (2019). Reported Speech as a Pivotal Human Phenomenon: Commentary on Spronck and Nikitina. *Linguistic Typology* 23 (1): 167—75. <https://doi.org/10.1515/lingty-2019-0006>.

- Goddard, and Routley (1966). Use, Mention and Quotation. *Australasian Journal of Philosophy* 44: 1.
- Goffman, Erving (1979). Footing. *Semiotica* 25 (1—2): 1—30.
- Goffman, Erving (1981). *Forms of Talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Goodwin, Charles (2007). Interactive Footing. In *Reporting Talk: Reported Speech in Interaction*, edited by Elizabeth Holt and Rebecca Clift, 16—46. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Gutzmann, Daniel, and Erik Stei (2011). Quotation Marks and Kinds of Meaning. Arguments in Favor of a Pragmatic Account. In *Understanding Quotation*, edited by Elke Brendel, Jörg Meibauer, and Markus Steinbach. Berlin/New York: De Gruyter Mouton.
- Güldemann, Tom (2008). *Quotative Indexes in African Languages: A Synchronic and Diachronic Survey*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Holquist, Michael (2002). *Dialogism. Bakhtin and His World*. 2nd edition. London/New York: Routledge.
- Jacquette, Dale (2017). Referential Analysis of Quotation. In *The Semantics and Pragmatics of Quotation*, edited by Paul Saka and Michael Johnson, 335—55. Springer International Publishing.
- Knight, Emily (2008). Hyperpolysemy in Bunuba, a Polysynthetic Language of the Kimberley, Western Australia. In *Cross-Linguistic Semantics*, edited by Cliff Goddard, 205—23. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Kuipers, Joel (2013). Evidence and Authority in Ethnographic and Linguistic Perspective. *Annual Review of Anthropology* 42: 399—413.
- Lähtenmäki, Mika (2001). Dialogue, Language and Meaning: Variations on Bakhtinian Themes. PhD thesis, University of Jyväskylä.
- Linell, Per (2005). *The Written Language Bias in Linguistics: Its Nature Origins and Transformations*. London; New York: Routledge.
- Maier, Emar (2007). Mixed Quotation: Between Use and Mention. In *Proceedings of Lenls 2007*.
- McGregor, William B. (1994). The Grammar of Reported Speech and Thought in Gooniyandi. *Australian Journal of Linguistics* 14 (1): 63—92.
- McGregor, William B. (2014). The ‘Say, Do’ Verb in Nyulnyul, Warrwa, and Other Nyulnylan Languages Is Monosemic. In *Events, Arguments and Aspects: Topics in the Semantics of Verbs*, edited by Klaus Robering, 301—27. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Quine, W.V. (1956). Quantifiers and Propositional Attitudes. *The Journal of Philosophy* 53 (5): 177—87. <https://doi.org/10.2307/2022451>.
- Recanati, François (2001). Open Quotation. *Mind* 110 (439): 637—87.
- Recanati, François (2008). Open Quotation Revisited. *Philosophical Perspectives* 22: 443—71.
- Rumsey, Alan (1982). *An Intra-Sentence Grammar of Ungarinjin, North-Western Australia*. Canberra: Pacific Linguistics.
- Rumsey, Alan (1990). Wording, Meaning and Linguistic Ideology. *American Anthropologist* 92 (2): 346—61.
- Saka, Paul (1998). Quotation and the Use-Mention Distinction. *Mind* 107 (425): 113—35. <https://doi.org/10.1093/mind/107.425.113>.
- Saka, Paul (2006). The Demonstrative and Identity Theories of Quotation. *The Journal of Philosophy* 103 (9): 452—71.
- Sandler, Sergeiy (2013). Language and Philosophical Anthropology in the Work of Mikhail Bakhtin and the Bakhtin Circle. *Rivista Italiana Di Filosofia Del Linguaggio*, no. 2: 152—65. <https://doi.org/10.4396/20130711>.

- Sandler, Sergeiy (2016). Fictive Interaction and the Nature of Linguistic Meaning. In *The Conversation Frame: Forms and Functions of Fictive Interaction*, edited by Esther Pascual and Sergeiy Sandler. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Spronck, Stef (2015a). Refracting Views: How to Construct Complex Perspective in Reported Speech and Thought in Ungarinyin. *STUF — Language Typology and Universals* 68 (2): 165—85.
- Spronck, Stef (2015b). Reported Speech in Ungarinyin: Grammar and Social Cognition in a Language of the Kimberley Region, Western Australia. PhD thesis, The Australian National University. <http://hdl.handle.net/1885/733712596>.
- Spronck, Stef (2017). Defenestration: Deconstructing the Frame-in Relation in Ungarinyin. *Journal of Pragmatics* 114: 104—33. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.03.016>.
- Spronck, Stef, and Tatiana Nikitina (2019). Reported Speech Forms a Dedicated Syntactic Domain. *Linguistic Typology* 23 (1): 119—59.
- Vandelanotte, Lieven (2009). *Speech and Thought Representation in English: A Cognitive-Functional Approach*. Berlin/New York: De Gruyter Mouton.
- Vološinov, Valentin N. (1972). *Marksizm I Filosofija Jazyka*. The Hague/Paris: Mouton. (Facsimile reprint of the second edition, originally published by Priboj, Leningrad, 1930.)
- Vološinov, Valentin N. (1973). *Marxism and the Philosophy of Language*. Edited by Ladislav Matejka and I. R. Titunik. New York/London: Seminar Press.
- Wierzbicka, Anna (1974). The Function of Direct and Indirect Discourse. *Papers in Linguistics* 7 (3): 267—307.
- Wierzbicka, Anna (1996). *Semantics, Primes and Universals*. Oxford etc.: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2006). *English: Meaning and Culture*. Oxford etc.: Oxford University Press.

Article history:

Received: 19 February 2019

Revised: 08 April 2019

Accepted: 10 May 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 февраля 2019

Дата принятия к печати: 10 мая 2019

Bionote:

STEF SPRONCK (PhD The Australian National University 2016) is a postdoctoral researcher at the University of Helsinki, Finland, and previously at the University of Leuven, Belgium. After his training in Slavic and General Linguistics at the University of Amsterdam, The Netherlands, he carried out extensive documentary fieldwork in Aboriginal Australia, working on reported speech and stance in Ungarinyin. His research focuses on typology, dialogic linguistics and reported speech/TAME.

Contact information: e-mail: stef.spronck@helsinki.fi

Сведения об авторе:

СТЕФ СПРОНК получил степень PhD в Австралийском национальном университете (2016), научный сотрудник Хельсинкского университета (Финляндия), до этого — Лёвенского университета (Бельгия). После обучения по программе славянского и общего языкознания в Амстердамском университете (Нидерланды) провел обширное полевое исследование языков аборигенов Австралии, в частности косвенной речи и картины мира аборигенов Ungarinyin. *Сфера научных интересов:* типология, диалогическая лингвистика, чужая речь.

Контактная информация: e-mail: stef.spronck@helsinki.fi

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-619-641

Research Article

Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia

Sviatlana Karpava¹, Natalia Ringblom²
and Anastassia Zabrodskaia³

¹University of Cyprus
75 Kallipoleos, P.O. Box 20537, Nicosia, 1678, Cyprus

²Stockholm University
Dalarna University
Universitetsvägen 10 E, Stockholm, 10691, Sweden
Dalarna University, Falun, 79188, Sweden

³Tallinn University
University of Tartu
Narva mnt 25, Tallinn, 10120, Estonia
Jakobi 2-412, Tartu, 51005, Estonia

Abstract

The aim of this paper is to highlight translanguaging practices in the home among bilingual/multilingual Russian-speaking children and their parents in Cyprus, Sweden and Estonia. Multilingual families are the focus of our research: 50 in Cyprus, 20 in Estonia and 50 in Sweden. Using parental written questionnaires with the focus on general background, socio-economic status and language proficiency, as well as oral semi-structured interviews and ethnographic participant observation, our study attempts to describe how family language policy is managed through translanguaging and literacy activities in multilingual Russian-speaking families in three different cultural and linguistic environments. Our results show both differences and similarities among Russian-speakers in the three countries, not only in their family language practices, but also in their attitudes towards the fluidity of language, language repertoires, translanguaging and Russian-language literacy. Russian-speakers incorporate a wide range of language repertoires in their everyday lives. Sometimes, such language contacts generate power struggles and the language ideological dimension becomes a key terrain to explore how speakers feel about the need to effectively attain a degree of multilingualism. Multilingualism and the maintenance of the Russian language and culture are usually encouraged, and parents often choose the one-parent-one-language approach at home. However, not all families make conscious choices regarding specific language management and may have “laissez-faire” attitudes to the use of languages in the family. We show how family language use and child-directed translanguaging can support, expand and enhance dynamic bilingualism/multilingualism, and reinforce and integrate minority language in a wider context: societal and educational.

Keywords: *code-switching, bilingualism, multilingualism, minority language, Russian*

For citation:

Karpava, Sviatlana, Natalia Ringblom, and Anastassia Zabrodskaia (2019). Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 619–641. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-619-641.

Научная статья

Смещение языков в семейном общении (на примере Кипра, Швеции и Эстонии)

Светлана Карпова¹, Наталья Рингблом²,
Анастасия Забродская³

¹Кипрский Университет
75 Kallipoleos, P.O. Box 20537, Никосия, 1678, Кипр

²Стокгольмский университет
Университет Даларна
Universitetsvägen 10 E, Стокгольм, 10691, Швеция
Dalarna University, Falun, 79188, Sweden

³Таллиннский университет
Тартуский университет
Narva mnt 25, Таллинн, 10120, Эстония
Jakobi 2-412, Тарту, 51005, Эстония

Аннотация

Целью данной статьи является рассмотрение практики общения между родителями и детьми в двуязычных и многоязычных семьях, где одним из языков является русский. В центре нашего исследования — многоязычные семьи на Кипре (50), в Эстонии (20) и Швеции (50). Используя письменные анкеты для родителей с целью получить информацию об их социально-экономическом статусе и владении языком, а также устные полуструктурированные интервью и этнографические наблюдения, авторы описывают языковую политику, которая осуществляется посредством развития межъязыкового общения и грамотности в многоязычных семьях в трёх разных культурно-языковых средах, показывают различия и сходства среди русскоязычных коммуникантов из этих трёх стран не только в их семейных языковых практиках, но и в их отношении к изменению языка, языкового репертуара, транслингвизму и русскоязычной грамотности. Русскоязычное население включает широкий спектр языковых средств в свою повседневную жизнь. Иногда языковые контакты порождают борьбу за власть, и идеологическое измерение языка становится ключевой областью для изучения того, каким образом достигается необходимая степень многоязычия. Многоязычие и поддержание русского языка и культуры обычно поощряются, и родители часто выбирают дома подход «один родитель — один язык». Однако не все семьи делают осознанный выбор в отношении использования конкретного языка и могут проводить политику «невмешательства» по отношению к языкам в семье. Мы показываем, как использование семейного языка и ориентированного на ребёнка транслингвизма может поддерживать, расширять и усиливать динамический билингвизм/многоязычие, а также укреплять и интегрировать язык меньшинств в более широком контексте — социальном и образовательном.

Ключевые слова: переключение кодов, билингвизм, мультилингвизм, миноритарный язык, русский язык

Для цитирования:

Karpava, Sviatlana, Natalia Ringblom, and Anastassia Zabrodskaja (2019). Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 619—641. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-619-641.

1. Introduction

Since the 2000s the Russian language has been emerging as a new lingua franca and “a commodity” in the former USSR republics and abroad (Muth, 2017; Pavlenko 2017; Suryanarayan 2017; Viimaranta et al. 2017; Yelenevskaya and Fialkova 2017) due to tourism, immigration, international marriages and in some cases — especially

in Cyprus — even cultural and religious ties, military and political cooperation, investments and transnational corporations (Filippov 2010; Kuznetsov 2010). In most communities in and outside post-Soviet space where Russian-speakers live, there is an ongoing discussion of the role played by the Russian language in children's education and linguistic backgrounds (Pavlenko, 2008; Ryazanova-Clarke, 2014).

Baker (2011: 289) considers translanguaging (hereafter TL) to be a great advantage in bilingual education for “deeper and fuller understanding of the subject matter development of the weaker language, home-school links and cooperation, and integration of fluent speakers with early learners.” According to Lewis et al. (2012), TL is the use of one language in order to reinforce another and to facilitate the learning of both languages by a bilingual. This paper will apply a broader view of TL since we see clear similarities in the language practices at school and at home.

Earlier we studied the self-reported assessment of the process of Russian and majority language choice at and outside the home (Karpava, Ringblom and Zabrodskaia, 2018). Our main goal here is to document TL strategy in three different linguistic environments and present everyday communication practices in these different contexts: Cyprus, Sweden and Estonia. We understand the linguistic environment as a totality of communicative conditions surrounding an individual and his/her linguistic community. The languages used in private interpersonal communication and in education greatly affect the ability of bilingual individuals and their families to cope with the demands of everyday realities. We aim to identify clear similarities and differences in the three countries: not only in family language practices, but also in attitudes towards TL.

In our paper, we give a definition of family language policy and TL in Section 1. These two approaches set the dual framework for our study. Section 2 introduces the diverse methodological approaches to the collection of bilingual practices based on the example of individual speakers in family settings. Section 3 gives a picture of three sociolinguistic contexts in which the results will be analysed. Section 4 presents the qualitative part: the use of languages in informal family conversations. The paper also presents and analyses the use of TL to reach interactional goals.

2. Family language policy and TL: the theoretical position in the current study

Research on family language policy (hereafter FLP) aims to determine why some children grow up to be bilingual while others are monolingual, and how this is related to the ways in which parents promote their children's use of a particular language (Curdt-Christiansen, 2013). Since access to the minority language is often limited to the family, family interactions are very important for language maintenance. Following King et al. (2008), we define FLP as an integrated approach to how languages are managed, learned and negotiated within individual families. We place family at the central position as a main prerequisite for language maintenance. Applying the theories of FLP, we explore divergent language choice within the family context in connection with available linguistic resources.

Such phrases as: “Life with Two Languages” (Grosjean, 1982), “One Speaker, Two Languages” (Milroy and Muysken, 1995) and “One Mind, Two Languages” (Nicol, 2001) explain traditional practices of bilinguals. The two languages are always used

in different domains, on different occasions and/or with different people. The first language might be labelled as a heritage language (hereafter HL), by which we mean the language that is primarily spoken at home, the minority language that is acquired on the basis of interaction with naturalistic input. There might be quantitative and qualitative differences in HL input, as well as the influence of the societal majority language and differences in education (Rothman, 2009: 156). The other language is the majority language, e.g. the language of the environment, the official language of the country.

It is natural that during interactions languages become mixed. These combinations of two (or more) languages and / or varieties in the same conversation or sentence by bilinguals are called “code-switching” (see Gardner-Chloros, 2009: 4—5, who metaphorically compare it to “a window on speech and language” because it provides insight into what is communicated “beyond the superficial meaning” of a speech act).

But languages are not homogeneous, and a linguistic item cannot always be assigned to a particular language or dialect. Following García (2009: 45), we call “multiple discursive practices in which bilinguals engage in order to make sense of their bilingual worlds” TL. By TL we mean the “flexibility of bilingual learners to take control of their own learning, to self-regulate when and how to use a language, depending on the context in which they are being asked to perform” (García and Li Wei, 2014: 80).

TL theory relying on a conceptualisation of bilingualism as dynamic, argues that there are not two interdependent language systems that bilinguals shuttle between, but rather one semiotic system integrating various lexical, morphological and grammatical linguistic features, in addition to social practices and features individuals “embody (e.g. their gestures and their posture), as well as those outside of themselves which through use become part of their bodily memory (e.g. computer technology)” (García, 2016; referred via Vogel and García 2017: 1). We support TL as a flexible approach to multilingual data analysis because it does not require sociolinguists to determine the grammar of code-switching or to look for possible constraints and their violation.

TL goes beyond code-switching and translation: it is focused on flexible bilingualism and multiple discursive practices (García, 2009; Blackledge and Creese, 2010). TL takes a heteroglossic and dynamic perspective on bilingualism and suggests that a bilingual person has one integrated linguistic system (Bailey, 2007; García, 2009; García and Li Wei, 2014; Otheguy et al., 2015; García and Lin, 2016). The two terms (code-switching and TL) are often used interchangeably by researchers and there is no consensus so far where to draw the line between the two. However, TL has mostly been discussed in the school domain. This paper aims to focus on a more general context.

With the definitions and theoretical discussions presented above in mind, let us now turn to the methodological discussions and data collection procedures.

3. Methodology and data collection procedures

In the systematic treatment of research methods in sociolinguistics, the main distinction is between quantitative (nomothetic) and qualitative (hermeneutic) research as distinct approaches. These approaches are not incompatible: mixed research is linked to the nature of a research question and the interests of a particular researcher (see

Dörnyei, 2011). The aim of our study is to investigate TL practices of bilingual (or multilingual) Russian-speaking children and their parents in Cyprus, Sweden and Estonia, at home, at school and in the community. We believe that our case study of language data requires not only qualitative and quantitative data but also ethnographic data, since that provides insights and details that would not be available otherwise. In research terms, such an approach is called triangulation or analysis of multiple sources of data because “researchers should not rely on any single source of data, interview, observation, or instrument” (Mills, 2003: 52). Dörnyei (2011) goes further and subdivides all data into three categories: quantitative, qualitative and language data. The latter is often subsumed under qualitative but not all qualitative data are language data. Differences appear not only in processing data but in how data are obtained and categorised.

We see our three case studies as tools for getting a “thick description”. In addition, it is useful to compare these case studies in research on the attested TL phenomenon. In our research, there were 120 multilingual families: 50 in Cyprus, 50 in Sweden, and 20 in Estonia.

In Cyprus, 50 Russian-Cypriot Greek (mixed-marriage, middle socio-economic class) families (with Greek Cypriot husbands, Russian wives and Russian-Cypriot Greek bilingual children) were studied in terms of their FLP, identity, heritage language use, maintenance and transmission, as well as TL practices. The age of the parents was from 31 to 45 years old. The Russian-speaking adult females, the mothers of bilingual children, were from Russia, Belarus, Ukraine, Latvia and Moldova. Their children aged from 6 to 13 years old attended Greek-speaking schools. They had only 1.5 hours of Russian classes per week (Saturday schools).

Regarding family context, the recordings were done while children were in the kitchen or dining room with their parents during mealtime, when they were doing various activities together, playing, doing homework or communicating on various topics. This is an ongoing project. In this paper, we will present the case of one family with two siblings, Russian-Cypriot Greek bilinguals, whose mother is Russian-speaking and father is Cypriot Greek.

Observations of a TL situation are important because of the uniqueness and diversity of the contact situations under analysis. To reflect this diversity, the bilingual data we analysed came from three sources: questionnaires, interviews and participant observation of spontaneous everyday language practices. Jarvis and Pavlenko (2008: 34 and references therein) point out that “the most useful studies ... are often those that investigate patterns of language use across different types of data”. During the fieldwork, we followed ethical procedures. The micro-ethnographers Varenne and McDermott (1998: 177) contend “it is not easy to capture people in the real time of their practice”. This is why we first used parental written questionnaires with the focus on general background, socioeconomic status and language proficiency. Then we conducted oral semi-structured interviews with the Russian-speaking mothers, keeping in mind our attempt to describe how FLP is managed through TL and bilingual activities in the Russian-speaking families in three different cultural and linguistic environments. Besides, we had enriched our data with recordings of spontaneous speech in a family situation in the Swedish, Cypriot and Estonian contexts.

The Swedish material, in addition to 50 questionnaires and 18 interviews, included recordings of three bilingual siblings born and raised in Sweden to a Russian-speaking mother and a Swedish father. We tried to limit the scope of the recordings to the home-work situation where the elder sisters explained maths, Swedish and social science to their younger sister J. These siblings were particularly captivating since two of them received their education in English and we were also interested in how much English was used in their communication with each other and with their other sister who knew English but did not receive any education in it. In total, there were 11 hours of recorded speech.

In Estonia, a number of interesting bilingual phenomena were observed during the collection of informal conversational data from family settings. Not all 20 families who participated in the quantitative study agreed that recordings could take place in their homes during evening meals, preparation of school assignments or on any other occasion when the family members usually came together. Semi-structured interviews were carried out with 20 Russian-speaking mothers in their thirties — forties, with Estonian higher education. The families were selected through the network of the Estonian researcher. At the end of the interviews informants were asked for a permission to make recordings in their homes. Two mothers were enthusiastic that their families' language behaviour could become a resource for the examination of code-switching and TL (the informants, as laypeople, both referred to TL as multilingualism, the use of different languages). The mothers were given detailed information about the project "Sustainability of Estonian in the Era of Globalisation" and the future aim of sharing the data and its analysis in oral and written forms (in presentations and articles) with the researchers was explained. It was also agreed that in transcripts, any identifying information would be removed and the recordings would not be played publicly.

In total, we recorded 10 hours of conversations. After having transcribed the interactions, we decided to focus only on instances involving diverse language choices and switches between Russian and Estonian (as well as sometimes English).

From this introduction to the methodological part of our study, we now turn to the sociolinguistic context and the overall language situations in Cyprus, Sweden and Estonia.

4. Three settings — three different linguistic environments

Various languages are spoken in Cyprus, Sweden and Estonia but this study focuses on the language contact situation on a micro level involving the majority language of the country and Russian. The aim of the next three sections is to present the sociolinguistic contexts and factors that contributed to the development of present-day bilingualism among Russian-speaking communities settled in the countries.

4.1. Cyprus

The linguistic situation in Cyprus can be characterised as diglossic (Ferguson, 1959), bi-dialectal (Grohmann and Leivada, 2011) or bilectal (Rowe and Grohmann, 2013). The Greek Cypriot population uses two language varieties: Standard Modern Greek and Cypriot Greek. The island can also be considered multilingual as there are various immigrant and minority communities residing there. The Russian community is one of the largest immigrant groups in the Republic of Cyprus.

According to the Cypriot government census of 2011, there are approximately 11,000 people of Russian origin residing in Cyprus. Most of them arrived in Cyprus in the 1990s due to Soviet and post-Soviet immigration. The emerging role of Russian in Cyprus as one of the dominant and preferred foreign languages has led to some changes in the educational process and policy, as more and more Cypriots start learning Russian. Russian is even functioning as a *lingua franca* in Cyprus and it is perceived as a commodity (Eracleous, 2015).

In Cyprus, there are several private Russian-speaking schools. Russian is a foreign language in all public schools and tutor centres. This island is a highly touristic destination, and even the Cypriots are eager to learn Russian as it is an essential tool for finding a good job in international companies. The role of English in Cyprus should not be ignored as it is widespread in the former British colony. There is a debate about the status of English in Cyprus (Schneider 2003, 2007, and Buschfeld, 2013): whether it is a second language (Görlach, 1990, 1995; Graddol 1997) or a foreign language (Quirk et al., 1985; Schneider, 2007; Strevens, 1992). It is obvious that the linguistic situation in Cyprus is complex and unique and it affects the language choices and dominant language constellation of the Russian immigrant population.

Classroom observations showed that students in bilingual Russian-Cypriot Greek classes alternate languages. Russian-speaking teachers switch codes and use Greek, the dominant language, in order to make meaning comprehensible for Russian heritage students. The usage of Greek scaffolds the teaching of the Russian language in Russian heritage classes. This is in line with Lin and Martin's (2005) findings. Arthur and Martin (2006) call this practice the "pedagogic validity of code-switching". Teachers consider the TL pedagogical practice (Williams, 1994), or TL pedagogy (Blackledge and Creese, 2010) to be very effective in bilingual education. This makes it possible to create a TL space, and facilitates the interaction of bilingual/multilingual individuals and full use of the linguistic repertoire (García and Lin, 2016).

4.2. Sweden

In Sweden the official and dominant language of the country is Swedish. However, the country can boast a great linguistic diversity, with over 150 languages spoken there. Just as in Cyprus, many children grow up multilingual. However, Russians have never been a large immigrant group in this country, unlike Finns, Turks, Arabs, Syrians, Persians, Spaniards, Kurds or Somalis. Therefore, Russian is not a major immigrant language in Sweden. Today there are approximately 30,000 Russians living all over the country (Parkval, 2015: 276). Their number is increasing, but it is difficult to count the number of Russians since many residents are listed as coming from the former Soviet Union. The Russian-speaking immigrant community is very heterogeneous.

The children of Russian-speaking parents (just like the children of other linguistic minorities) are entitled to mother tongue instruction (MTI) for one hour per week. If Russian is actively used as a language of communication at home, the children receive a mark in MTI beginning with grade 6. MTI is supported by the Swedish government. Even though MTI is supported by the government and is a rather unique privilege given to bilingual children and their families in Sweden, not all of them take advantage of this opportunity. A lot seems to depend on the particular teacher and his/her ability to motivate students.

4.3. Estonia

In Estonia, the share of Russians is about 25%, while Russian-speakers make up 29.6%. Russian is spoken as the first language (or one of the first languages in the case of bilingual language acquisition) by not only ethnic Russians, but also by many Ukrainians, Byelorussians and members of other ethnicities who switched to Russian during the Soviet time. This group is heterogeneous, including diversity within the Russian-language community (the indigenous group vs. Soviet-era newcomers and their descendants), regional variation in language environments and inter-generational differences in language knowledge (see more in Ehala and Zabrodskaia, 2014; Zabrodskaia, 2015).

The position of the Russian-speakers in post-Soviet Estonia includes conflicting and contested narratives (see Zabrodskaia, 2015, p. 223 and references therein). According to the contemporary nationalising discourses, the first language is the main boundary feature between the titular group whose ethnic identity relies heavily on native fluency in Estonian, and the rest. Basic school education with Russian as a language of instruction is provided free of charge to all, but Russian-speaking parents often prefer language immersion or Estonian-medium schools because competence in Estonian has become heavily connected to access to higher education and professional career opportunities. In the Baltic countries, education is an important factor in the Russian language transition and shift (Zabrodskaia, 2015). When looking at TL practises, it is important to bear in mind that all Russian-speaking children have some knowledge of Estonian, even if they attend Russian-language primary or basic schools. They come into contact with Estonian every day while attending school. As the single official language, Estonian dominates as the only language of instruction on the secondary school level.

By shifting the focus to the findings of empirical studies on TL phenomena, we now turn to the results, which we present in extracts from data collected across the three countries. We will show how bilingual speakers use Russian and Greek/Swedish/Estonian to manage conversations. Our data combine languages and provide a holistic approach to TL practices.

5. TL practices of bilinguals from the perspectives of the users themselves

Linguistic identities of speakers are fluid, dynamic and flexible rather than rigid and clearly defined. Johnstone (2000) is one of those who point out that in sociolinguistics we often forget the importance of the individual speaker. To give a general picture of TL practices among Russian-speaking family members, it was important for us to get a picture of the different TL situations found among the Russian-speaking family members in Sweden, Cyprus and Estonia. Let us now turn to the examples where TL occurs without interrupting or disturbing discourse. While these examples may not be entirely typical for the whole Russian-speaking communities under study, they reveal some common features of the patterns of interaction between the children and the parents observed at home. It is possible, therefore, to examine TL by using a combined approach, where children and their parents are engaged in the Swedish, Cypriot and Estonian contexts.

5.1. The case of Sweden

In order to see how TL is used in everyday family communication, let us look at the following three dialogues, each indicating a very important aspect of TL practice. Our main interest here is the *communication process at home per se* when Russian heritage speakers discuss topics that are more cognitively loaded (for instance, when explaining homework and facts, and talking about the news). We want to understand what this can tell us about the people involved, the languages and the situations in which they are used.

In the extracts, the Russian part is in *italics*, and Swedish/Greek Cypriot/Estonian in bold. In the glosses and translations, Swedish/Greek Cypriot/Estonian items are in UPPER-CASE. English-language items are in bold and underlined. Phonologically and morphologically in-between items are underlined. COM% rows attempt to add to a more detailed analysis of the background of the interactions, which may help the reader to visualise the situation and its development turn-by-turn. In our extracts, we do not use conventions for the separation of language into sentences because we are studying code-switching and TL as units of analysis in spontaneous interaction.

Extract 1 highlights some of the main properties of TL where the individual languages (Russian and Swedish) are switched, code-switching is unconstrained and TL coincides with the interlocutors' contributions. It is clear that the overall decision to code-switch and to use TL is connected with the teenager's knowledge that her family members are speakers of both languages and active code-switchers themselves.

Extract 1:

Situation: teenager J is at home sitting on a sofa, talking to her boyfriend L. She is doing her homework: writing an essay about herself. Her mother and older sister S are in the kitchen.

J: **Vad ska jag skriva mer?** (Talking to L. over the telephone) “WHAT MORE SHALL I WRITE?”

M: *Что????* “What?”

J. (to her boy friend): **Men! Jag kan visst engelska** “OF COURSE I CAN SPEAK ENGLISH” (L. on the phone has probably questioned this).

Vad sager du? (surprised) “WHAT ARE YOU SAYING!?”

J: Turning to her mother: *Можно?* “May I?”

M: *Можно* “yes, you may.”

J: **Hallå! Ä:... Мама! Помогите мне! Ой! Oh nej! Мама!** (turning to her mum) “HELLO... mother! Help me! Oh! OH NO! Mother!”

M: *С чем тебе помочь?* “What shall I help you with?”

J: *С мой mellanår* “With my MIDDLE YEARS IN SCHOOL.”

S: **C narcissismen** “with NARCISSISM” (COM% meaning that what she has just read is very narcissistic).

J: *Это мама написала половину!* “Mum has written half of it.” (COM% talking only to S.)

(laughter).

J: **Mamma skrivit halva den där texten — det är därför det står så bra grejer om mig** (talking to her boy friend again) “MUM HAS WRITTEN HALF OF THIS TEXT — THAT’S WHY YOU CAN READ SUCH NICE THINGS ABOUT ME.” (COM% J. is translating the utterance to L.)

Mom: *Котичек... skulle pappa skriva det...* (Darling... IF DAD HAD WRITTEN THIS ... COM% her mother is talking loudly in order to include even the boyfriend, who is on the phone) // “inclusion strategy”.

J: *Skulle det inte finnas någonting* “THEN NOTHING AT ALL WOULD BE WRITTEN”. (COM% J. laughs and says this to L. very loudly, looking both at her mother and her sister S. at the same time in order to include them as well. Here Swedish seems to be enough).

S: *Ладно, ничего* “It is okay.” (pause) *Это tidningsartikel, а не ты* “it reads like a NEWSPAPER ARTICLE, not like you”.

M: *Mmm... то есть я так пишу как tidningsartikel* “so I write like a NEWSPAPER ARTICLE?”

S: *Ты же пишешь свои статьи* “well, you are writing your articles, so...”. COM% note that, in this sentence, the word “article” is in Russian.

This dialogue continues for 14 more minutes and after a while starts to include even more code-switching by J. Then all of a sudden J. says to L: “I am speaking like this so you can understand what it is about and I do not need to translate all the time.” This function of TL — to include the speakers of both languages in the same conversation at the same time (when one of the speakers is over the phone and not physically present in the room) — has to the best of our knowledge not been noted in the literature earlier. However, we are aware of the fact that Grosjean (1982: 152), Baker (1995: 77), Appel and Muysken (1992: 118—120) and Auer (1995: 120) found that one of the pragmatic functions of code-switching is that different languages might be used for social purposes: to include or exclude interlocutors in a stretch of bilingual talk.

Let us take the next example of a conversation from the Swedish data. This dialogue highlights two important features of TL: comprehension and communication (see Toth and Paulsruud, 2017):

Extract 2

Situation: J. is doing her homework and her older sister S. is helping her.

S: *Åtta gånger tjogo sju* “TWENTY SEVEN MULTIPLIED BY EIGHT.”

Сейчас делай тот же самый uppgift, но вместо forti tre komma två — fjorton “now you do the same TASK, but instead of FORTY THREE COMMA TWO it should be FOURTEEN.”

J: *И что тут?* “and what is here?”

S: *Тот же самый uppgift* “the same TASK.”

S: *Почему ты берёшь экс? Это не экс! Ты должна иметь samma* “why do you take X? It is not X! It should be the SAME.”

S: *Ладно, fortsätt* “ok, CONTINUE.”

S: *Fjorton!* “FOURTEEN.” COM% angrily

J: *Почему Fjorton* “why FOURTEEN?” com% loud

S: *Fjorton* “FOURTEEN.”

J: *Ну åtta...* “well, EIGHT.”

S: *Ok ok fortsätt! Это просто глупый steg, но ладно fortsätt* “OK, OK, CONTINUE; it is a stupid STEP, but just CONTINUE.” COM% S. is rather irritated at this moment.

S: *Нет, ett komma femtio sex* “no, ONE COMMA FIFTY SIX.”

S: *Fortio fyra* “FORTY FOUR.”

S: *Ты поняла сейчас математику?* “Did you understand your maths now?”

J: (Happily) *Да! Спасибо за помощь, С!* “Yes! Thank you for your help, S!”

This dialogue in Extract 2 focuses on language choice in doing homework in an environment where the participants have similar access to both languages. J's understanding would not benefit from a Russian-only or Swedish-only policy, and thus the girls challenge the myth of language separation and the necessity for it. While caretakers often insist on using one language at a time (see Ringblom, 2012), the girls used the language that is most accessible to them at the moment in order to meet their pragmatic needs. They transferred across the two languages to create meaning. As we see from this dialogue, the girls used Russian for common everyday vocabulary, but all mathematical terminology was in Swedish.

Language monitoring is also a common feature across educational contexts in Estonia and Cyprus where teachers (just like parents) encourage the students to keep their languages separate (cf. Ganuza and Hedman, 2017).

The languages might be chosen depending on the activity and interlocutor, as can be seen in the following bilingual example, which is a monologue that reveals a number of interesting features, for instance, the use of both English and Swedish languages, both English exclamations and content words (the child has received her education in English):

Extract 3

Situation: A child is describing a part of a film she has just watched to her mother:

Они... tävlar om... ну! “They... COMPETE ON... well...”

Один берёт вот этот... ты знаешь такой инструмент ... там, где ставишь ноты? Вот эти черные? “One of them takes this... you know this kind of an instrument... The place where you put the notes... these black ones...”

И он хочет его vika, и другой мальчик приходит и вот так «нет, ты не правильно!»

“And he wants to BEND it, and the other boy comes along and goes like this: 'no, not this way!'”

И потом они начинают драться и потом они падают... э на пол, и потом они э... tillsamm/// (togeth...) ну они они... они целуются друг друга! (SIC)

“And then they start to fight and then they fall... on the floor... And then they aaaa... TOGETH... .. well, they... they... THEY KISS OF EACH OTHER (COM% not they kiss each other).

И он же его ненавидел! “And that guy hated him you know!”

И это так chockande потому что он вообще не verkade gay, он такой мерзкий masculine такой ... ну, ты знаешь.

“And this was so shocking since he did not SEEM gay (Eng) at all; he was disgustingly masculine (Eng) (COM% with English pronunciation)... well, you know what I mean.”

И потом они oh my God/// он так «Что?» и потом следующий день в школе он был вот так: тебе никому нельзя вот это говорить, вот это очень hemligt, никому нельзя знать, что я gay ну как-то... но потом он пришёл в школу, и они сели ... ну он сел около б него, потому что это было единственное место и потом он вот так ногу вот так... к нему и потом руку вот так.

“And then they oh my God (Eng)... he goes 'What?' and then next day at school he goes: ‘don’t tell anyone about this, it is a BIG SECRET/MYSTERY, no one should know I am gay’... kind of... And then he came to school and they sat down... well, he sat close to him since it was the only place and then he put his leg like this on him (COM% shows how) and then he put his hand like this” (COM% shows how).

M: *То есть второй тоже был гей, да?* “so the other guy was gay as well?”

J: *ДААААА!* “yeeeeees!”

M: *А как фильм называется?* “and what was this film called?”

J: *Ну это serie, это не фильм.* “it is a SERIES, not a film.”

The next dialogue illustrates the use of English between the two siblings. English is used just as naturally as Swedish since both girls received their education in English. Extract 4 discusses the short story competition at the International English School.

Extract 4

Situation: siblings are discussing a novel that the younger sister J has written about a murder, and her older sister tells her that the novels that win are usually about rather trivial things. Note the insertion of English even in the older sister’s language (she has also received her education in English). The languages are mixed in a very uncomplicated manner; this way of communication seems to be rather natural and unmarked choice for the siblings:

J: *Она там стояла и он взял нож и högg henne i magen* семь раз! “She stood there and he took a knife and STABBED HER IN THE STOMACH seven times.”

V: *Ты знаешь, все новеллы, которые выиграли, они были mest banala — про маму там, или про папу... Ну это жутко mundane event ...* “you know, all short stories that won were MOSTLY BANAL — about a mother or about a father. But this is a creepy mundane event.”

5.2. The case of Cyprus

In the Cypriot part, we will analyse the spontaneous speech of Russian-Cypriot Greek children and their mother in a mixed marriage family (the mother is a Russian-speaker and the father is a Cypriot Greek speaker).

The data analysis of the (recorded) interviews showed that when Russian-speaking parents talked to their children or about their children, they might code-switch. They might use Greek (their L2) for concepts or terminology related to their everyday life and where they might not know the relevant word or concept in their L1, or due to high cognitive load and processing they might not be able to retrieve the exact word or translate it very quickly. Thus, they decided to use the Greek (L2) equivalent.

Cypriot Greek or Greek was the children’s dominant language. It was often the case that while talking in Russian they inserted some words from the dominant language because they did not know (or could not quickly find) the equivalent in the heritage language. Even the parents tended to use Greek words instead of Russian equivalents. They got used to these words and terminology and other Russian speakers in Cyprus could easily understand them. Extracts 5—10 illustrate such cases.

Extract 5

Мама, заверни бутерброды в ασημόκόλλα “Mother, could you please wrap it in FOIL.”

Extract 6

Здесь хорошо, рядом своя φρουταρία. “It is very good there; we have our own VEGETABLE SHOP nearby.”

Extract 7

Старший пойдет в πρόδημοτική. “My older son will go to the PRIMARY SCHOOL.”

Extract 8

*Надо звонить в **δημαρχείο**.* “You need to call the TOWN HALL.”

Extract 9

*Γραφείο **ενημερίας** μπορεί να βοηθήσει, если ты **τρίτεκνη**, я **мать-одиночка**.* “The OFFICE OF WELFARE can help if you are a MOTHER OF THREE CHILDREN. I am a single mother.”

Extract 10

*Я даже не знала, как готовить **κολοκάσι και φακές**.* “I did not even know how to cook SWEET POTATOES and LENTILS.”

Similar results have been shown by Zabrodskaia (2013), who studied Russian-Estonian code-switching and morphosyntactic contact-induced language change in Estonian Russian among young bilingual speakers (who were native speakers of Russian). In her study, insertional Russian-Estonian code-switching was also related to a number of pragmatic functions, among others switches of semantically specific vocabulary (Backus 2001 also discusses semantic specificity). According to Zabrodskaia (2013, p. 86), code-switching may occur because of the shortness of the Estonian equivalents, their high productive structure (compound nouns are very common in Estonian) and greater frequency in everyday speech in comparison with their Russian equivalents. Zabrodskaia (2013) even identified some lexical borrowings of Estonian (compound) nouns that had reached the stage where the borrowings had superseded the standard Russian equivalents, while others occurred alongside Russian nouns.

Both parents and children also used a lot of English words or terms, as English is a widespread language in Cyprus, as seen in Extracts 11—13. In these situations, when Russian mothers communicated with each other, they code-switched and used English terms that are widespread and accepted in Cyprus instead of Russian. The children heard their parents switching languages and saw this as a norm. This is in line with our previous finding that children hear the use of code-switching by their parents and start switching themselves (Ringblom and Karpava, 2019). It should be mentioned that very often Cypriots themselves code-switch between Cypriot Greek and English.

Extract 11

*...по дороге, если свернуть с **highway**.* “If you drive on the road and turn from the HIGHWAY.”

Extract 12

*Нужна страховка для **migration**.* “You need insurance for MIGRATION.”

Extract 13

*Ребенок вчера потерял **residence permit**.* “My child lost her RESIDENCE PERMIT yesterday.”

Below, one case is selected to illustrate how a bilingual teenager switched from Greek to Russian at the end of her question when she explained what word she was asking for. Her mother supported her language choice and replied in Russian as well. It might be that, for both the teenager and mother, kitchenware and other supplies are emotionally connected with Russian because the Russian-speaking mother is passionate about cooking, actively involving both her daughters in it (cf. the Swedish examples,

where the Swedish and English terminology was used in a context where the Russian-speaking girls attended a Swedish-language school).

Extract 14

— **Μαμά πως ονομάζεται αυτό που εσύ κάνεις** блинчики? “MUM, WHAT DO YOU CALL THE THING WITH WHICH YOU MAKE pancakes?”

— *Сковородка?* “A frying pan?”

Extract 15 shows the interaction among the daughters and the mother during their afternoon/evening meal. It seems that the initiator of TL is their mother and then, after the mother has introduced code-switching from Russian to Greek, one of the daughters switches to Greek as well. The reasons for TL could be the desire to express emotions or taste, to emphasise or to show solidarity with local culture and cuisine.

Extract 15

Mother: *Такой вкусный. Знаешь, почему я их [апельсины] не ем, потому что я всегда βαριέμαι να κόψω.* “It is so tasty. Do you know why I do not eat them [oranges]? Because I am always too LAZY TO CUT THEM.”

S. (daughter 1): *Да, мамочка.* “Yes, mum.”

Mother: *Я тоже люблю апельсины. У меня была проблема их порезать και δεν χορταίνεις εν το μεταξύ представляешь.* “I also like oranges. I went to the trouble of cutting them and you are STILL HUNGRY, BY THE WAY. Can you imagine?”

E. (daughter 2): **ρουφάς το αυτό ... ρουφάς το χημό από μέσα.** “YOU DRINK THIS... DRINK THE JUICE FROM INSIDE.”

Mother: **δεν μπορώ να χορτάσω, θέλω άλλο ... επειδή είναι πολύ ζουμερό ...вкусненько... а лимончик.** “I CANNOT STOP BEING HUNGRY. I WANT ANOTHER BECAUSE IT IS VERY JUICY... and a lemon...”

E. (daughter 2): *Какой твой любимый фрукт сейчас?* “What is your favourite fruit now?”

Mother: *Сейчас апельсин...* “Now, it is oranges.”

S. (daughter 1): *Лучше шоколад... мне не нравится с лимоном. Я с лимоном только только лимонаду делаю.* “Chocolate is better. I do not like it with lemon. With lemon I only make lemonade.”

E. (daughter 2): *И все так ем, мама... я лимон и грейпфрут и все ем.* “I eat everything like this, mum. Lemon and grapefruit and everything.”

Mother: *Короче, я куплю апельсины на выходных.* “In short, I will buy oranges over the weekend.”

As we can see from Extract 15, the three speakers were clearly fluent enough to use both languages and the resources available to them. TL broke up the monotony of monolingualism. The analysis of the data revealed that the majority of the families tried to use and maintain their heritage language and to develop Russian-language literacy among their children. Their family language practices were characterised by TL, which enhances dynamic bilingualism at home. Extracts 16 and 17 (taken from the oral interviews) show that the mothers could implement TL if it served communicative purposes and facilitated comprehension of the interlocutors in a particular situation. The choice of the language by the speaker, English, Greek (Cypriot Greek or Standard Modern Greek) or Russian, depended on the listener and his/her command of a particular

language. This could be done on purpose, when the participants controlled their speech, or subconsciously, as it might be easier for them to retrieve a word or a phrase from L1/L2/L3 while speaking.

Extract 16

— *Хорошо, смешиваете ли вы два языка, русский или греческий?* “Well, do you mix two languages?”

— *Стараюсь не смешивать, но бывает...* “I try not to, but it happens...”

— *В каких ситуациях?* “In which situations?”

— *Если, допустим русские, которые знают греческий язык, то при разговоре мы можем смешивать, какие-то слова вставлять греческие...* “If, for example, the Russians know Greek, then during our conversation we can mix, and insert some Greek words...”

Extract 17

— *Часто ли вы смешиваете два языка?* “Do you often code-switch?”

— *С ребенком не часто, а когда в общении с киприотами часто, частенько, английско-греческий, да...* “With my child not often, but when communicating with Cypriots, often, English-Greek, yes...”

It should be noted though that some parents took a very strong position regarding the one-parent-one language (OPOL) strategy; they believed that it was the only way to maintain and transmit their heritage/minority language, as can be seen in Extract 18.

Extract 18

— *Смешиваете ли вы два или три языка?* “Do you mix two or three languages?”

— *Я не педагог по образованию, но мое мнение, этого не стоит делать, если говорить на одном языке, то на одном, так как, вот у меня подруга... она полностью с сыном, с сыном, а подруга с Латвии, она запретила вообще всем общаться на русском языке, так как в школе сказали у него проблема с **ελληνικά**. Я говорю, что ты делаешь, сын не говорит на украинском, на русском языке, а сейчас она стала смешивать языки и это не надо делать, но это мое, как-бы не знаю, мнение...* “I am not a teacher, but in my view, you should not do that; if you speak one language, you need to speak one language. For example, I have one friend... she is from Latvia and she has forbidden everybody to use Russian as at school she was told that her son had a problem with GREEK. I asked her ‘what are you doing?’ Her son does not speak Ukrainian or Russian, and now she has started to mix languages and you should not do that, but this is my view...”

5.3. The case of Estonia

There are a lot of examples of filling lexical gaps in Russian with Estonian insertions as better options than native equivalents. Very often Russian-speaking teenagers switch precisely because Estonian contains the most accurate term in connection with school or their extracurricular activities.

Extract 19

Situation: two bilingual siblings, a Russian-speaking mother and an Estonian-speaking father are having dinner together. In this family, it is common to discuss what each of the family members have done during the day. This is a school day.

Mother: *Ну что вы сегодня в школе проходили?* “What did you study at school today?” %com turns to her husband **Võta rohkem juurikaid**. “TAKE MORE BEETROOTS.”

Daughter 1: **Ikka õppisime**. “WE STUDIED.”

Daughter 2: *A мы не õppisime* “But we did not STUDY.” %com she starts to laugh.

Father: **No jah. Teie kindlasti hängisite**. “WELL, YOU HUNG OUT” %com hängima < English hang out (an Estonian slang word).

%com mother looks astonished.

Father (turning to her and explaining): **Neil oli täna kinoskäik**. “THEY HAD A FILM DAY TODAY.”

Daughter 1: **Mis asja? Omaty?** “WHAT? Again?”

Daughter 2: **kadestada pole midagi. See oli tüütu muuvikas**. “DO NOT BE ENVIOUS. IT WAS AN ANNOYING MOVIE” %com muuvikas < English movie (an Estonian slang word)

Mother: *a почему tüütu-мо?* “but why ANNOYING?”

Daughter 1: То есть учи там всяких **selgroogsed loomad, imetajad — roomajad...** “because we were studying all kinds of VERTEBRATE ANIMALS, MAMMALS AND REPTILES.”

Father (interrupts and makes a joke): **Ja saabki varsti olla meil oma loomaarst!** “AND SOON WE WILL HAVE OUR OWN VETERINARIAN.”

Mother: **Stopp!** *Нашли мне тему!* “STOP! They found a topic for me.”

As we see in Extract 19, starting a conversation in Russian, the mother tries to implement a one-parent-one-language strategy. But she talks in Estonian with her husband. This fact might have facilitated the code-switching produced by daughter 1 (who might have been expected to answer in Russian). But code-switching might also have been caused by the fact that the girl was asked about school. TL was offered by daughter 2. TL was accepted by the mother, who also expressed herself using both Russian and Estonian. Her Estonian switch actually had a pragmatic function as she repeated a word said by daughter 2. It is interesting to note that the father spoke only Estonian and used an Estonian slang word (borrowed from English). His slang might have caused another Estonian slang word inserted by daughter 2.

Russian-Estonian code-switching or, more precisely, TL used by a Russian child or a teenager (in other words, younger family members) might function as a compromise to suit the older family members who have lower levels of competence in Estonian. This is demonstrated in Extract 20.

Extract 20

Situation: two siblings are working on their home assignments. A Russian-speaking grandmother has come to visit her daughter (their mother). She enters the girls' room.

Daughter 2: **ära pane seda lõppu** “DO NOT PUT THAT ENDING.” %com she means that a case ending chosen was wrong.

Daughter 1: **Miks** “WHY?”

Grandmother (entering): *Ну, куколки мои, опять миксим* “well, my dolls, we mix again” %com миксим is a new creation from Estonian **miksima** “TO MIX” and a Russian ending of the verb that tells us that it is the “we” form (first person plural).

Daughter 2: **Ta grammatikat ei oska** “SHE DOES NOT KNOW THE GRAMMAR.”

Daughter 1: **Miks** “WHY?”

Grandmother: **Oska** *соска* “[DOES NOT] KNOW nipple” %com word play with a bilingual rhyme.

Daughter 2 (starts to laugh): *Соска ei oska* “a nipple DOES NOT KNOW.”

Daughter 1 (explains to her grandmother): *Она меня грамматике учит. Говорит, что я не умею — ei oska — а теперь ещё и соска... ise oled* “She is teaching me grammar. She says that I do not know — DO NOT KNOW — and now also there is a nipple ... YOU YOURSELF ARE.”

Among the youngest members of a family, TL exists naturally and often compromise or in-between forms are used to increase the similarity between Russian and Estonian and maybe even to become some sort of a “family language”. Here we see that the grandmother used the word миксим “mix”, which is a new creation, where an Estonian stem and a Russian ending can be separated (if we still wish to rely on a monolingual yardstick for the analysis of bilingual grammar).

It is evident that the code-switching produced by participants in the study depended a lot on the speakers’ metalinguistic capacities and increasing competence in both languages. Functions and patterns of code-switching might change over time but their current manifestation communicates the idea that TL might serve as actual messages or even the unmarked language of a family interaction.

6. Conclusion

The aim of our paper was to describe and analyse the patterns of TL in the three Russian-speaking communities. This was a huge and challenging task, considering the diverse sociolinguistic situations and demographic compositions in Cyprus, Sweden and Estonia. Also, because of official language policy and regulations regarding minority languages, there is the impact of mass media and education and top-down attitudes towards societal and individual bilingualism, as well as bottom-up bilingual practices. Therefore, our results should be taken as strictly synchronic, representing a snapshot that does not reflect actual dynamics in TL processes.

Our results show both differences and similarities among Russian-speakers in the three countries, not only in their family language practices, but also in their attitudes towards the fluidity of languages, language repertoires and TL.

The Swedish data show that even though TL was a common practice in many families, it was still not always a fully acceptable strategy among the parents. The parents did not see it, in García’s view (2009), as a choice of bilinguals, but were often still stuck in the language separation myth and saw language separation and balanced bilingualism as a necessity in order to be a real bilingual. Even though many parents wanted their children to separate their languages (Ringblom et al. 2018), the second generation (or young heritage speakers) were more relaxed about linguistic purism, seemed to see language as a means of communication and expressing their thoughts and ideas, used what seemed to be available to them at the moment, and did not think about the particular language (*я говорю как хочу* “I speak as I want” as 14-year-old J put it).

In Cyprus, TL seemed to be a frequent phenomenon among the Russian-speaking families, though some of the participants expressed a very strong negative view about code-switching and language mixing. A lot of participants had very good metalinguistic awareness and could control the implementation of TL for semantic and pragmatic reasons in particular contexts and situations. Others used TL subconsciously, just because

that was the easiest way for them to communicate, especially under the pressure of time. TL could also be an expression of solidarity with the interlocutors of a specific social group or network.

As our paper demonstrates, in Russian-speaking families living outside Russia and a Russian-language environment, one may find a highly complex linguistic reality. When looking at the role of language dominance in the direction of the switch, in Sweden, Swedish, Russian and English were used by children who were educated in English; in Cyprus, this involved Greek (Cypriot Greek/Standard Modern Greek), English and Russian, while, in Estonia it was Estonian and Russian. New loans, slang words in particular, might be inserted from English, but these were often Estonianised in terms of their phonetic realisation (this is a general trend for Russian-speakers in Estonia; see Zabrodskaia, 2009).

There is no one single FLP, but rather a number of policies that individuals use to cope with the demands of the linguistic environment and sociolinguistic realities. Russian-speakers incorporate a wider range of language repertoires in their everyday lives. Sometimes, such language contacts generate power struggles and the language ideological dimension becomes a key terrain to explore how speakers feel about the need to effectively attain a degree of multilingualism. Multilingualism and TL are usually encouraged and parents often support them at home.

We demonstrated how FLP and child-directed TL can support, expand and enhance dynamic bilingualism/multilingualism, and reinforce and integrate Russian as a minority language in a wider context: societal and educational. It is our hope that our research will enrich sociolinguists' understanding of TL, which occurs so frequently in bilingual Russian-speaking families.

© Sviatlana Karpava, Natalia Ringblom, Anastassia Zabrodskaia, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ACKNOWLEDGEMENTS

The writing of this paper has benefited from ongoing discussions on the theme of “translanguaging”. The initial draft of this paper was presented as a part of the presentation at the conference “Translanguaging in the Individual, at School and in Society”, 11—12 April 2019, Linnéuniversitetet, Växjö, Sweden. The theoretical results are relevant and will be further investigated in the project IUT20-3 “Sustainability of Estonian in the era of globalisation” (EKKAM).

Note

Authors 1, 2 and 3 all contributed equally and should be considered co-first authors.

REFERENCES

- Arthur, Jo, and Martin, Peter. (2006). Accomplishing lessons in postcolonial classrooms: Comparative perspectives from Botswana and Brunei Darussalam. *Comparative Education*, 42, 177—202.
- Appel, René, and Muysken, Pieter. (1992). *Language contact and bilingualism*. London, New-York, Melbourne, Auckland: E. Arnold a division of Hodder & Stroughton.
- Auer, Peter. (1995). The pragmatics of code-switching: a sequential approach. In L. Milroy, P. Muysken (eds.), *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University, 115—135.

- Backus, Ad. (2001). The role of semantic specificity in insertional codeswitching: Evidence from Dutch-Turkish. In R. Jacobson (ed.), *Codeswitching Worldwide II*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 125—154.
- Bailey, Benjamin. (2007). Heteroglossia and boundaries. In M. Heller (ed.), *Bilingualism: A Social Approach*. Basingstoke, UK: Palgrave, 257—276.
- Baker, Colin. (1995). *Foundations of bilingual education and bilingualism*. Clevedon, Philadelphia, Adelaide: Multilingual Matters.
- Baker, Colin. (2011). *Foundations of bilingual education and bilingualism* (5th ed). Bristol: Multilingual Matters.
- Blackledge, Adrian, and Creese, Angela. (2010). *Multilingualism: A critical perspective*. London: Continuum.
- Buschfeld, Sarah. (2013). *English in Cyprus or Cyprus English? An empirical investigation of variety Status*. Amsterdam: John Benjamins.
- Curdt-Christiansen, Xiao Lan. (2013) Family language policy: Realities and continuities. *Language Policy*, 12, 1—6.
- Dörnyei, Zoltan. (2011) *Research methods in applied linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Ehala, Martin, and Zabrodskaia, Anastassia. (2014). Ethnolinguistic vitality and acculturation orientations of Russian speakers in Estonia. In L. Ryazanova-Clarke (ed.), *The Russian Language outside the Nation*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 166—188. doi: 10.3366/edinburgh/9780748668458.003.0007.
- Eracleous, Natalia. (2015). *Linguistic landscape of Limassol: Russian presence*. MA thesis, University of Cyprus.
- Ferguson, Charles A. (1959). Diglossia. *Word*, 15, 325—340.
- Filippov, Sergey. (2010). Russian companies: the rise of new multinationals. *International Journal of Emerging Markets*, 5, 307—332.
- Ganuzha, Natalia, and Hedman, Christina. (2017). Ideology vs. practice: Is there space for pedagogical ‘translanguaging’ in mother tongue instruction. In B. Paulsrud, J. Rosén, B. Straszer and Å. Wedin (eds.), *New Perspectives on Translanguaging and Education*. Bristol: Multilingual Matters, 208—226.
- García, Ofelia. (2009). *Bilingual education in the 21st century: A global perspective*. West Sussex, UK.: Wiley-Blackwell.
- García, Ofelia, and Li Wei. (2014). *Language, bilingualism, and education*. New York, NY: Palgrave MacMillan.
- García, Ofelia. (2016). *A sociolinguistic biography and understandings of bilingualism*. Unpublished manuscript.
- García, Ofelia, and Lin, Angel. (2016). Translanguaging and bilingual education. In O. García, A. Lin and S. May (eds.), *Bilingual and Multilingual Education*. Encyclopedia of language and Education 5. New York: Springer, 117—130.
- Gardner-Chloros, Penelope. (2009). *Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Görlach, Manfred. (1990). The development of standard Englishes. In: M. Görlach (ed.), *Studies in the History of the English Language*. Heidelberg: Winter, 9—64.
- Görlach, Manfred. (1995). Dictionaries of transplanted Englishes. In M. Görlach (ed.), *More Englishes: New Studies in Varieties of English 1988—1994*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 124—163.
- Graddol, David. (1997). *The future of English?* London: The British Council.

- Grohmann, Kleantes, and Leivada, Evelina. (2011). Towards disentangling bi-x: metalinguistic awareness and competing motivations, paper presented at the 2011 UIC Bilingualism Forum, University of Illinois at Chicago (14—15 April 2011).
- Grosjean, François. (1982). *Life with two languages. An introduction to bilingualism*. Cambridge, Mass., and London, England: Harvard University.
- Jarvis, Scott, and Pavlenko, Aneta. (2008). *Crosslinguistic influence in language and cognition*. New York and London: Routledge.
- Johnstone, Barbara. (2000). *Qualitative methods in sociolinguistics*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Karpava, Sviatlana, Ringblom, Natalia, and Zabrodskaja, Anastassia. (2018). Language ecology in Cyprus, Sweden and Estonia: Bilingual Russian-speaking families in multicultural settings. *Journal of the European Second Language Association*, 2, 107—117. doi: 10.22599/jesla.41.
- Kuznetsov, Alexey. (2010). *Industrial and geographical diversification of Russian foreign direct investments*. Turku School of Economics Pan-European Institute Electronic Publication, 7.
- King, Kendall, Fogle, Lyn, and Logan-Terry, Aubrey. (2008). Family language policy. *Language and Linguistics Compass*, 2, 907—922. doi: 10.1111/j.1749-818X.2008.00076.x.
- Lin, Angel, and Martin, Peter. (2005). *Decolonisation, globalisation: Language-in-education policy and practice*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
- Lewis, Gwyn, Bryn Jones, and Colin Baker. (2012). Translanguaging: Developing its conceptualisation and contextualisation. *Educational Research and Evaluation*, 18, 655—670.
- Mills, Geoffrey. (2003). *Action research: A guide for the teacher researcher*. 2nd Edition. Merrill/Prentice-Hall: Upper saddle River, NJ.
- Milroy, Lesley, and Muysken, Pieter. (eds.) (1995). *One speaker, two languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. Cambridge: Cambridge University.
- Muth, Sebastian. (2017). Russian language abroad: Viewing language through the lens of commodification. *Russian Journal of Linguistics* 21, 463—492.
- Nicol, Janet. (ed.) (2001). *One mind, two languages: Bilingual language processing* (Explaining linguistics). Oxford: Blackwell Publishers.
- Otheguy, Ricardo, Ofelia García, and Wallis Reid. (2015). Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*, 6, 281—307.
- Parkval, Mikael. (2015). *Sveriges språk i siffror*. Språkrådet Morfem.
- Pavlenko, Aneta. (2008), (ed.) Multilingualism in post-Soviet countries. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 11, 3&4.
- Pavlenko, Aneta. (2017). Russian-friendly: How Russian became a commodity in the European service industry and beyond. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 20, 385—403. doi: 10.1080/13670050.2015.1115001.
- Pavlenko, Aneta. (2017). Linguistic landscapes and other sociolinguistic methods of Russian language research abroad. [in Russian: Iazikovie ladshafti idrugie sociolingvisticheskie metodi issledovania russkogo iazika zarubezhom.] *Russian Journal of Linguistics* 21, 493—514.
- Quirk, Randolph, Greenbaum, Sidney, Leech, Geoffrey, and Svartvik, Jan. (1985). *A comprehensive grammar of the English language*. London: Longman.
- Ringblom, Natalia. (2012). *The Acquisition of Russian in a Language Contact Situation: A Case Study in a Bilingual Child in Sweden* (doctoral thesis). Stockholm, Sweden: SU Press.
- Ringblom et al. (2018) = Рингблом, Наталия, Забродская, Анастасия, и Карпова, Светлана. (2018). Challenges for the strategy ‘one parent — one language’: from the experience of bilingual

- families in Sweden, Estonia and Cyprus. [In Russian: Vizovi dla strategii ‘odin roditel-odin iazik’: iz opita dviuiazichnih semei v Shvecii, Estonii i na Kipre]. In Nikulassi, A. and Protassova, E. (eds.), *Multilingualism and Family* [In Russian: Mnogoiazichie I Semia]. Berlin: Retorika GmbH, 37—48.
- Ringblom, Natalia, and Karpava, Sviatlana. (2019). Family language policy, Russian language use, maintenance, and transmission in Cyprus and Sweden. In A. Mustajoki, E. Protassova and M. Yelenevskaya (eds.), *The Soft Power of the Russian Language. Pluricentricity, Politics and Policies*. Routledge: New York, 237—245.
- Rothman, Jason. (2009). Understanding the nature and outcomes of early bilingualism: Romance languages as heritage languages. *International Journal of Bilingualism*, 13 (2), 155—163.
- Rowe, Charley, and Grohmann, Kleanthes. (2013). Discrete bilectalism: Towards co-overt prestige and diglossic shift in Cyprus. *International Journal of the Sociology of Language*, 224, 119—142.
- Ryazanova-Clarke, Lara. (Ed.) (2014). *The Russian Language outside the Nation*. Russian Language and Society 1. Edinburgh, Scotland, UK: Edinburgh University Press. doi: 10.3366/edinburgh/9780748668458.001.0001.
- Schneider, Edgar. (2003). The Dynamics of New Englishes: From identity construction to dialect birth. *Language*, 79, 233—281.
- Schneider, Edgar. (2007). *Postcolonial English: Varieties around the world*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Stevens, Peter. (1992). English as an International Language. In B. Kachru (ed.), *The Other Tongue: English across Cultures* (2nd ed.). Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 27—47.
- Suryanarayan, Neelakshi. (2017). The role of the Russian language in India’s healthcare sector. *Russian Journal of Linguistics*, 21, 515—529.
- Toth, Jeanette, and Paulsrud, BethAnne. (2017). Agency and Affordance in Translanguaging for Learning: Case Studies from English-medium Instruction in Swedish Schools. In B. Paulsrud, J. Rosen, B. Straszer and A. Wedin (eds.), *New Perspectives on Translanguaging and Education*. Bristol: Multilingual Matters, 189—207.
- Varenne, Hervé, and McDermott, Ray. (1998). *Successful failure*. Colorado, CO: Westview Press.
- Viimaranta, Hannes, Ekaterina Protassova, and Arto Mustajoki. (2017). Aspects of commodification of Russian in Finland. *Russian Journal of Linguistics* 21, 620—634.
- Vogel, Sara, and García, Ofelia. (2017). Translanguaging. *Languages and Literacies Online Publication* DOI: 10.1093/acrefore/9780190264093.013.181. Retrieved from: <http://oxfordre.com/education/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-181>.
- Williams, Carol. (1994). *An evaluation of teaching and learning methods in the context of bilingual secondary education*. Unpublished doctoral thesis, University of Wales, Bangor.
- Zabrodskaia, Anastassia. (2009). *Russian-Estonian language contacts: Grammatical aspects of language use and change* (doctoral thesis), Tallinn: Tallinn University Press.
- Zabrodskaia, Anastassia. (2013). Morphosyntactic contact-induced language change among young speakers of Estonian Russian. In I. Léglise and C. Chamoreau (eds), *The Interplay of Variation and Change in Contact Settings*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 77—106.
- Zabrodskaia, Anastassia. (2015). “What is my country to me?” Identity construction by Russian-speakers in the Baltic countries. *Sociolinguistic Studies*, 9, 217—241. doi: 10.1558/sols.v9i2.26885.
- Yelenevskaya, Maria, and Fialkova, Larisa. (2017). Linguistic landscape and what it tells us about the integration of the Russian language into Israeli economy. *Russian Journal of Linguistics*, 21, 557—586.

Article history:

Received: 28 March 2019

Revised: 08 May 2019

Accepted: 25 May 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 марта 2019

Дата принятия к печати: 25 мая 2019

Bionotes:

SVIATLANA KARPAVA (PhD) is a Lecturer in Applied Linguistics/TESOL at the Department of English Studies, University of Cyprus. She is a Management Committee Member of the “European Family Support Network Cost Action. A bottom-up, evidence-based and multidisciplinary approach” (2019—2023) as well as a working group member of the “European Network for Combining Language Learning with Crowdsourcing Techniques” Cost Project (2017—2021). Sviatlana participates in Erasmus plus project “Planting languages-seeds of success” (2019—2021). She is the general secretary of the Cyprus Linguistic Society (CyLing) and active member and research collaborator of Cyprus Acquisition Team. Her area of research is applied linguistics, syntax, morphology, semantics and pragmatics, first and second language acquisition, bilingualism, multilingualism and dialect acquisition, sociolinguistics, teaching and education.

Contact information: e-mail: karpava.sviatlana@ucy.ac.cy

ORCID ID: 0000-0001-8416-1431

<https://karpava.wordpress.com/>

NATALIA RINGBLOM (PhD) is a Slavist affiliated with the Department of Slavic and Baltic studies, Finnish, Dutch and German at Stockholm University. She is also an educational developer at Dalarna University. Her main research interests include bilingualism, heritage language acquisition and maintenance, with a particular focus on Russian in Sweden. Her PhD dissertation defended in 2012 was devoted to the acquisition of Russian in a language contacts situation. Her current projects deal with family language policy, as well as heritage language acquisition and maintenance. Natalia is a member of a COST Project: “Enhancing children’s oral skills across Europe and beyond”. She has a long experience of teaching Russian and Swedish at various levels.

Contact information: e-mail: nari@slav.su.se; nri@du.se

ANASTASSIA ZABRODSKAJA (PhD) is a Professor of Intercultural Communication at Tallinn University. She works as a Senior Research Fellow in Sociolinguistics at the University of Tartu, in the project IUT20-3 “Sustainability of Estonian in the Era of Globalisation”. In 2013—2017 she participated in the COST project “New Speakers in a Multilingual Europe: Opportunities and Challenges” and in 2019—2023 — in the COST project “The European Family Support Network: A Bottom-up, Evidence-Based and Multidisciplinary Approach”. Her research deals with identity, intercultural communication, code-switching and linguistic landscape. She has published a monograph and numerous articles on bilingualism and language contacts.

Contact information: e-mail: anastassia.zabrodskaia@gmail.com

Сведения об авторах:

СВЕТЛАНА КАРПОВА (PhD) — преподаватель прикладной лингвистики / TESOL на факультете изучения английского языка Университета Кипра. Она является членом Европейского проекта по вопросам поддержки семьи (2019—2023), а также членом рабочей группы Европейского проекта по изучению языка и краудсорсинга (2017—2021). Светлана участвует в проекте «Эразмус плюс» по развитию языков (2019—2021). Она является генеральным секретарем Лингвистического общества Кипра (CyLing) и активным членом и научным сотрудником группы по изучению языков на Кипре. Область ее исследований — прикладная лингвистика,

синтаксис, морфология, семантика и прагматика, овладение первым и вторым языком, двуязычие, многоязычие и овладение диалектом, социолингвистика, преподавание и образование.

Контактная информация: *e-mail:* karpava.sviatlana@ucy.ac.cy

ORCID ID: 0000-0001-8416-1431

<https://karpava.wordpress.com/>

НАТАЛЬЯ РИНГБЛОМ (PhD) — славист, преподает на кафедре Славянских и балтийских языков, финского и немецкого языка Стокгольмского университета. Является разработчиком программ высшего образования в университете Даларна. Основные темы научных интересов включают билингвизм, изучение и сохранение эритажного языка, в особенности русского языка в Швеции. В 2012 году защитила докторскую диссертацию об освоении русского языка в ситуации языкового контакта. Её сегодняшние проекты связаны с политикой семейного языка, а также изучением и сохранением русского языка в Швеции. Член Европейского COST проекта “Enhancing children’s oral skills across Europe and beyond”. Имеет большой опыт преподавания русского и шведского языков на разных уровнях.

Контактная информация: *e-mail:* nari@slav.su.se; nri@du.se

АНАСТАСИЯ ЗАБРОДСКАЯ (PhD) — профессор межкультурной коммуникации Таллиннского университета, старший научный сотрудник Института эстонского и общего языкознания в Тартуском университете, участник проекта IUT20-3 “Sustainability of Estonian in the Era of Globalisation”. В 2013—2017 участвовала в Европейском COST проекте “New Speakers in a Multilingual Europe: Opportunities and Challenges”, а в 2019—2023 — в Европейском COST проекте “The European Family Support Network: A Bottom-up, Evidence-Based and Multidisciplinary Approach”. Сфера научных интересов — идентичность, межкультурная коммуникация, переключение кодов и языковой ландшафт. Автор монографии и многочисленных статей по билингвизму и языковым контактам.

Контактная информация: *e-mail:* anastassia.zabrodskaia@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-642-658

Research Article

A Fool and his Money are Soon Parted: A Critical Examination of Credit Card Websites

Annabelle Mooney

University of Roehampton

Department of Media, Culture and Language, London SW15 5SL, England

Abstract

This paper critiques the idea that a fool and their money are soon parted by using multimodal analysis to explore one of the ways in which people are parted from money: credit cards. I analyse the homepages of two products, the ‘best’ and ‘worst’ as rated by UK consumer organisation Which? In order to understand the range of communication used in these websites, I employ a multimodal analysis of their language, choice of colour, typeface, layout and images (Kress & van Leeuwen 2006; van Leeuwen 2005, 2011). Together, these show that the individual is constructed in different ways by the two products. For the card rated best, the viewer is constructed as a trustworthy consumer who is rewarded for this with further opportunities for consumption. For the card rated as worst, the viewer is positioned as a failed, but redeemable, consumer. The different constructions of the consumer also suggest that ‘credit’ is desirable but ‘debt’ is not. Taking into account the moral complexity of debt, I suggest that the lexical item *credit card* would be better changed to *debt token*. I argue that the real foolishness is the system itself, the one that credit cards (‘debt tokens’) index and exemplify. Taking the two sites together, I show that consumption is constructed as both desirable and risky. As credit cards construct the individual as an (isolated) person with few rights and great responsibility (Henry 2010), I suggest that these sites index the central role of the individual as a consumer. A good citizen is parted from their money.

Keywords: *semiotics, multimodal communication, credit cards, debt, semiotics, ideology, consumption*

For citation:

Mooney, Annabelle (2019). A Fool and his Money are Soon Parted: A Critical Examination of Credit Card Websites. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 642—658. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-642-658.

Научная статья

У дурака деньги долго не держатся*: критический анализ веб-сайтов кредитных карт

Аннабель Муни

Рохэмптонский университет

Department of Media, Culture and Language, Лондон SW15 5SL, Великобритания

Аннотация

В статье дается критический анализ идеи о том, что «у дурака деньги долго не держатся». С использованием мультимодального анализа рассматривается один из способов расставания человека с деньгами с помощью кредитных карт. Анализируются веб-страницы двух продуктов — «лучшего» и «худшего», согласно обществу потребителей Великобритании. Для того, чтобы осмыслить набор

* Английская пословица.

коммуникативных средств, применяемых на этих сайтах, используется мультимодальный анализ языка, выбора цветов, шрифта, расположения и картинок (Kress & van Leeuwen 2006; van Leeuwen 2005, 2011). В совокупности эти средства показывают разные способы конструирования образа индивидуума на двух сайтах. «Лучшая» карта ассоциируется с образом надежного потребителя, вознаграждаемого за это дальнейшими возможностями потребления. Для «худшей» карты сконструирован образ потребителя-неудачника, вставшего на путь исправления. Различные конструкты потребителя также предполагают, что «кредит» является желанным, а «долг» — нет. Учитывая сложные моральные ассоциации с понятием долга, автор предлагает заменить лексику «кредитная карта» на «долговой жетон» и утверждает, что порочна сама система, символизируемая кредитной картой («долговым жетоном»). Сопоставление сайтов демонстрирует, что они характеризуют потребление одновременно как желаемое и рискованное. Поскольку кредитные карты конструируют индивидуума как (изолированную) личность с незначительными правами и огромной ответственностью (Henry 2010), высказывается мнение о том, что эти сайты указывают на центральную роль индивидуума как потребителя. У добросовестного гражданина деньги долго не держатся.

Ключевые слова: семиотика, мультимодальная коммуникация, кредитная карта, долг, семиотика, идеология, потребление

Для цитирования:

Mooney, Annabelle (2019). A Fool and his Money are Soon Parted: A Critical Examination of Credit Card Websites. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 642—658. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-642-658.

1. Introduction

When people get into debt or lose large amounts of money, it is common to think of them as foolish. How negative this assessment is depends on the context; how the money was lost, how much was lost and how the person is otherwise viewed. Nevertheless, such negative views are captured in a proverb: “A fool and his money are soon parted”. This proverb has a long history, dating from around the 16th century (1573, Speake 2015: 116) and one can easily infer that the general process of being foolishly parted from money is reasonably straightforward. Whether one is stupid, gullible or simply unlucky, some other person has a scheme, plan or design by which the less able will be relieved of their money.

In this paper, I want to explore the truth of this proverb by considering the communication that takes place when selling debt in the form of credit cards. I use analytical tools developed, in part at least, from systemic functional linguistics. These are applied to the homepages of two credit cards being offered in the UK in order to understand whether those who apply for and use them really are foolish. In Section 2 I provide some UK background for debt generally and for credit cards in particular. I also set out the methodology used in this paper. Specifically, I follow Brookes and Harvey’s (2016) analysis of the Wonga website (a UK pay day loan provider). In Section 3 I provide some background on the two companies who offer the credit cards being examined. I show that their reputations and branding play a role in how their customers are constructed. In Section 4 I analyse the home pages of the cards, paying particular attention to language, colour, typography, layout and the stated benefits of the cards before synthesising these findings in Section 5. I show that customers are constructed as different kinds of consumer but that consumption is valorised. Finally, I consider how we might rewrite and rethink our ideas about money and foolishness.

2. Background

Debt can be held in many forms. In contemporary Britain (and other parts of the world, including the USA and Australia) perhaps the most obvious practice to consider in relation to interest is that of pay day loans (short term, high interest modes of borrowing). They are an obvious target as they have been the subject of great discussion, attention and regulation in recent years¹. Pay day loans have been criticized on a number of grounds (Gibbons 2014; Packman 2014) including the ways in which pay day loan companies position and speak to their potential customers (Brookes & Harvey 2016). I do not consider them in this paper. This is largely because the work just cited has produced a thorough description and account of these products from a linguistic and semiotic point of view. Nevertheless, as Brookes and Harvey's work shows, the promotion of a product through multimodal means (e.g. a website) can be crucial in audience understanding and in tracing the broader social significance of a financial product. As there are so many credit card products on the market, the choice of a particular lender may well be influenced by the communicative strategies used to speak to customers (in advertisements, websites and apps). The strategies of a credit provider are carefully analysed by Brookes and Harvey in their article "Just Plain Wronga?" (2016) and it is their methodology that I follow in this paper.

Brookes and Harvey document and critique the semiotic techniques used by a well-known UK pay day loan provider, Wonga, on their website (2016)². Making use of tools developed from linguistics to analyse multiple modes of communication (Kress & van Leeuwen, 2006; van Leeuwen 2005, 2011), they analyse the multimodal presentation of information (colour, layout and typography) and the positioning of author and audience (through textual and visual representations), "in order to identify how the social actors and processes involved in payday lending are discursively represented across this text" (Brookes & Harvey 2016: 171). Their multimodal analysis clearly demonstrates that Wonga constructs its users as empowered and responsible.

This multimodal approach helps us to understand how these websites work to normalise pay day loan provision as well as to encourage people to take out expensive loans through the use of "subtle semiotic techniques" (Brookes & Harvey 2016: 169). In addition to the language the websites use, in which 'loans' are transformed into 'products' for example, a number of other complementary strategies are used. The naturalistic (photographic) visual representations used by Wonga offer viewers an appealingly normal subject position which the viewer can easily identify with. Through the use of interactive tools to buy the loan product, the way the customer is addressed and the choice of colour and layout, emotions are manipulated, terms and conditions simplified and negative consequences downplayed (Brookes & Harvey 2016: 169). The result is that the whole practice of borrowing money is both normalised and destigmatised (Brookes & Harvey 2016). A loan is simply another product that the consumer can buy.

¹ A good example of such attention is Stella Creasy's (MP for Walthamstow, London) campaign against the rates that pay day loan providers charge. A cap on these charges has been introduced (Jones 2015) through the creation of the Financial Conduct Authority (FCA).

² Wonga has recently gone into administration.

2.1. Credit cards

Since the Access card was introduced in the UK in 1972 (Gibbons 2012: 32—3, 49), credit cards have become increasingly used and normalised. In September 2018, credit card debt stood at £72 billion, an average of £2,647 per household. According to research by the Citizens Advice Bureau (Pardoe, Lane, Lane, & Hertzberg 2015), arrears in both credit cards and other bills (e.g. council tax) have risen in recent years. Recent data from the Bank of England confirm the credit card debt pressure people are experiencing (Monaghan & Wearden 2017).

The way a credit card works is reasonably straightforward. One applies for the credit card and if the application is successful, a line of credit will be opened. This allows “consumers to borrow money very easily in order to satisfy their purchasing desires” (Lo & Harvey 2011: 80). Credit cards can also be used to access cash and (for some cards) to draw a cheque on the line of credit. Once a month, a statement will be produced and the customer will usually be required to pay at least the minimum amount (around 3% of the total). Interest may or may not be charged depending on the terms and conditions, and levels of interest charged vary according to what the card is used for and when and how much payment is made towards the balance.

Despite the normality of credit card debt, the way in which it is viewed by society is not straightforward. Henry points out that while providers may be held accountable for misleading or aggressive marketing, indebted consumers are also maligned on the basis of their (alleged) ignorance and lack of control over their own spending and management of debt (2010: 672; see also Gathergood 2012: 600). Henry frames the positions of provider and customer in terms of rights and responsibilities, an enduring trope in understanding both politics and society more generally. He elaborates this rights and responsibilities paradigm further by discussing the importance of power, autonomy and the different ways that individuals and corporations exercise these in relation to debt. In his investigation of individual understandings of this nexus, Henry finds that a common strand is the valuing of personal autonomy and individual responsibility (2010: 682).

While cards are sold to all of us *en masse*, judgments attach to individuals. And the responsibility for managing the product (the line of credit) and the debt is located at the individual level. At first blush, this makes sense. Just as individual subjects can own property, they are also responsible for their debts. But it is possible that this is a cultural rather than a logical or natural norm. This becomes particularly apparent when one considers the long history of debt jubilees (where all debt is wiped) and other modes of debt forgiveness (Graeber, 2014). Such jubilees certainly benefit individuals, but they also benefit society more generally. In the present time, however, there is little sense of community (and few spaces to create it) among consumers, especially those consumers in difficulty. As Henry explains, “expressions of threat from credit card debt are perceived as individual threats, rather than shared — debtors are in it on their own” (Henry, 2010: 683; see also Custers, 2017).

3. The cards: The best of rates and the worst of rates

For the analysis in this paper, I examine the home pages for two UK credit cards. Drawing on the UK consumer magazine *Which?* recommendations, I have chosen their ‘best’ product (John Lewis/Waitrose) and their ‘worst’ (Vanquis)³. While there does not appear to be any linguistic research on credit card terms and conditions, nor very much in other disciplines (see Wang, 2009: 1178), this is not a hindrance to analysis. Credit cards are products, with costs and benefits. They are sold and managed using multimodal textual means making their websites suitable for analytical purposes. In this case, the advantage of using multimodal analysis is that it allows a better understanding of the audience experience. When visiting a webpage, audiences are communicated with not simply through language, but also through a whole host of other choices made by the provider. These choices are not unmotivated. They are linked to company branding, the product on offer and the audience being addressed. These differences can easily be mapped in the case of John Lewis and Vanquis. In relation to particular semiotic choices they differ, and these differences lead to a very different kind of message being sent. I will describe the way the companies position and identify both themselves and the consumer by paying attention to the company background and brand, the multimodal choices made on homepages and the way in which customers are constructed by the semiotic choices made in the websites.

3.1. John Lewis

John Lewis (JL) is a UK company that runs as a partnership⁴. That is, individuals who seem to work *for* John Lewis department stores (or their Waitrose branded grocery stores) are in fact *partners* in the business⁵. “They have rights of ownership that go beyond the normal rights of employment,” reports the chair of the John Lewis Partnership (JLP), Charlie Mayfield (Public Policy Research 2012: 216). Mayfield continues, “However, alongside these rights they have responsibilities that go beyond those that stem just from having a job. The shorthand we use is that every John Lewis partner has a responsibility to do their job *better* every day” (Public Policy Research 2012: 216).

Mayfield extols the virtues of employee owned organisations mentioning the long-term relationship that partners have with the organisation, as well as the long-term sustainable business practices of such organisations (Public Policy Research 2012). This positive view is echoed in the JLP (John Lewis Partnership) Constitution where their ‘ultimate purpose’ is set out:

The happiness of all its members, through their worthwhile and satisfying employment in a successful business. Because the Partnership is owned in trust by its members, they share the responsibilities of ownership as well as its rewards — profit, knowledge and power (Cox 2010: 272 cited in Paranque & Wilmott 2014: 607; see also Cathcart 2013; Street 2006).

³ The JL website was accessed 17/10/16; the Vanquis page was accessed 19/09/16.

⁴ For an account of its history, see Paranque and Wilmott (2014: 606—7).

⁵ A recent rebranding of the company was exactly to foreground this ‘partnership’ (Wood 2018).

The lexical choices here are positively inflected across a range of domains: happiness, satisfaction, trust, responsibility, personal and financial reward. In large part because of their partnership model, JL is seen as an example of ‘responsible capitalism’ in the UK business sector (Paranque & Wilmott 2014: 605). It “exemplifies a comparatively ‘responsible’ kind of enterprise, at least with regard to its employees and customers” (Paranque and Wilmott 2014: 606). This is central to the brand. As Paranque and Wilmott observe, “[i]t is highly trusted by its loyal and generally affluent customers” (2014: 607). We will see that this profile is relevant to the semiotic choices made in the website.

The JL financial products, of which the Partnership Credit card is one, carry the JL brand but are in fact provided by other partners. The credit card is provided by a bank: HSBC. But this is not prominent on the website; this is not a case of co-branding (see Hélène, Kumar, & Christophe 2012). Rather, in providing the credit card, JL is capitalising on its own brand in selling a consumer packaged good (Hlavanka & Gomez 2007). Wang argues that “consumer responses are favourable toward corporations that are socially responsible” (2009: 1180). As the brand is widely perceived to be responsible and is in high esteem generally, it makes financial sense for JL to market this credit card.

The Partnership credit card examined here was launched around April 2004 to existing store card holders (Credit Management 2003: 12). The choice of *Partnership* card seeks to both remind consumers of the JL business model and to invite them into a particular financial relationship. That is, customers are arguably positioned as partners in their debt agreements with JL (despite the fact the debt is provided by someone else). The partnership card initially offered the same interest as the store card (around 13%, the lowest in this product domain in the UK) and asked existing customers about which kinds of ‘rewards’ they would like linked to the card (Ibid). The rewards that developed will be detailed and discussed in Section 4.3.

3.2. Vanquis

The second card, from Vanquis, is aimed at an entirely different market. Vanquis is a subsidiary of Provident Financial, an established doorstep lender (Seib 2008)⁶. Offering lines of credit to people who would otherwise be refused, the product has been described as a ‘sub prime’ credit card. A typical APR (Annual Percentage Rate) is 49.9% but this can vary widely (rising to 100% on cash advances). It was launched in 2004 after a trial in Scotland (Flanagan 2005). And after a difficult early start, Vanquis is now profitable (Waller 2013).

This product was subject to a deal of criticism at its launch⁷. When it was being trialled in 2003, Brocklebank and Poulter reported in the *Daily Mail* that “SCOTLAND is being *targeted* by a credit card company that *punishes* the poor with interest rates of nearly 60 per cent” (2003, emphasis added). The article goes on to find fault with the product, especially in relation to the APRs of other credit cards. Despite the early

⁶ As the name suggests, a doorstep loan provider employs agents that call on customers at home in order to both sell the loan and collect repayments.

⁷ More recently, Vanquis have also been criticised for selling on the street (Lythe 2016).

criticism, there was also positive commentary. Very soon after Vanquis's launch, arguments were made that the card (or similar cards) may well be appropriate for some people. As the company itself argued, while the APRs are high, because their credit limits are low (in the hundreds rather than thousands of pounds) the product provides a reasonable and sensible way for people to demonstrate that they can manage credit and thus improve their credit score (Prestridge, 2005). Other commentators point out that such a credit card is preferable to pay day loans (Hagger 2012, 2013); this preference becomes even more clearly marked in relation loan sharks (Flanagan 2005). Thus by 2012, subprime credit cards were being recommended as a much cheaper alternative to pay day loan rates (Hagger 2012; Phillips 2015).

The name of the company is evocative and potentially laden with positive associations. As the MS Word auto-correct indicates, 'Vanquis' is very close to 'vanquish'. As entities like dragons and other threats are 'vanquished', debt and financial demons may well be thought to be slain by this product. To be the vanquisher, or even just be associated with it, is a powerful and appealing subject position to be offered. Thus, instead of drawing on an established brand and reputation (as JL does), Vanquis capitalises on the positive associations of its brand name. Given it is marketed to people fighting a poor credit history, this is highly appropriate.

4. Homepages

Like Brookes and Harvey (2016), I focus on the homepage of these credit card providers in order to analyse the language and other semiotic choices made in order to suggest what their communicative consequences might be. In order to draw out significant similarities and differences, I treat the JL and Vanquis data concurrently in order to draw out their similarities and differences.

In terms of the viewer experience, it is worth noting that both the JL and Vanquis websites are optimised for mobile devices⁸. Both sites make use of a band of white at the top of the page, in which navigation buttons can be found. The JL site centre justifies text (see Figures 1 and 2). This means it translates in a visually effective way whether viewed on a smart phone, a tablet or a large computer monitor. JL also uses a great deal of white space, low text density and clear designations of space by using bounded areas of colour giving it a clean and spacious appearance. The Vanquis site has been designed to be visually most effective on a tablet screen or smart phone (see Figure 4). On a large monitor it is less appealing, as in that format the textual margins are about 10 cm from either edge of the screen. In what follows, I consider both pages as they appear on a 10 inch screen. I return to layout in Section 4.3.

4.1. Colour

The colour palettes used by each site are distinctive. JL uses a combination of primary (yellow, blue — 2 kinds), secondary (green — 2 kinds) and tertiary colours (orange and blue/ green). The hues are all both slightly shaded (addition of black) and

⁸ For John Lewis see: <https://web.archive.org/web/20161224085517/https://www.johnlewisfinance.com/partnership-card.html>.

For Vanquis see: <https://web.archive.org/web/20161002035115/https://www.vanquis.co.uk/>.

slightly tinted (addition of white) (van Leeuwen 2011). They are not pastel, dark or in fact pure primary. As the colours used are next to each other on the colour wheel (though pure primary colours do not feature) it can be described as an analogous colour scheme. It is best described as a palette drawn from the natural world as there is a striking prominence of greens, yellows and blues and the near complete absence of red (the only exceptions being its presence in a MasterCard icon and a HSBC logo). Finally, the text on the largely white background does not appear to be a true black, but rather a dark charcoal.

Vanquis, on the other hand, has a very straightforward palette: blue (various tints), green (verging on pastel) and white. Text is generally blue (on a white background) and white (on a blue background) with shadow effects on the white text suggesting tangibility. Naturally, the meaning of colour is not straightforward (van Leeuwen 2011). But as with the Wonga site, the Vanquis site uses a modulated blue, lighter at the top and darker at the bottom. Brookes and Harvey describe the use of blue and white on the Wonga website as both “cleansing and calming” and reassuring and authoritative (2016: 173, 176). Further, as Brookes and Harvey suggest, the colour graduation may suggest increasing optimism and ‘brighter’ futures ahead (2016: 175). And while the use of a clashing green against the dominant blue for ‘apply now’ buttons may not be desirable from a colour design perspective, it does foreground the application buttons. Indeed, both sites use green ticks in the place of bullet points when listing the benefits and advantages of their products. In addition, JL uses green to indicate hyperlinks. The positive associations of green in this context will be considered further below (see Section 4.3).

4.2. Typeface

Both webpages use a san-serifed typeface. Inspecting the elements of the webpage⁹ reveals that John Lewis uses Arial, Helvetica, its own sans serif typeface¹⁰ or anything sans serif, while Vanquis uses Arial, Helvetica, or a sans-serif typeface. JL make slightly more use of consistent upper case and also space their letters a little more than Vanquis. As they both use san-serifed typefaces they both suggest solidity, and reliability. This is emphasised by the slight shadowing effect in some of the Vanquis text. This effect suggests that the text is actually comprised of objects (as they cast a shadow). This impression of tangibility is in stark contrast to the very abstract nature of credit.

The typeface and colour palettes taken together seem to suggest modernity (JL) and respectability (Vanquis) respectively, in short, two kinds of legitimacy (van Leeuwen 2005: 139). As JL is a respected, established brand, it makes sense that they would make semiotic choices that invoke the modern (their history is well established). In contrast, as Vanquis may not have the same name recognition or reputation, it is important that they convey a more traditional sense of reliability by adopting standard corporate colour schemes.

⁹ This was done through my browser by selecting ‘Developer tools’. The code shows which typeface should be used in order of preference (and depending on what is available on the user’s machine).

¹⁰ GillSans for John Lewis.

4.3. The benefits

Both landing pages foreground the benefits of the credit cards and it is here that the customer is constructed in some detail. I deal with JL before turning to Vanquis.

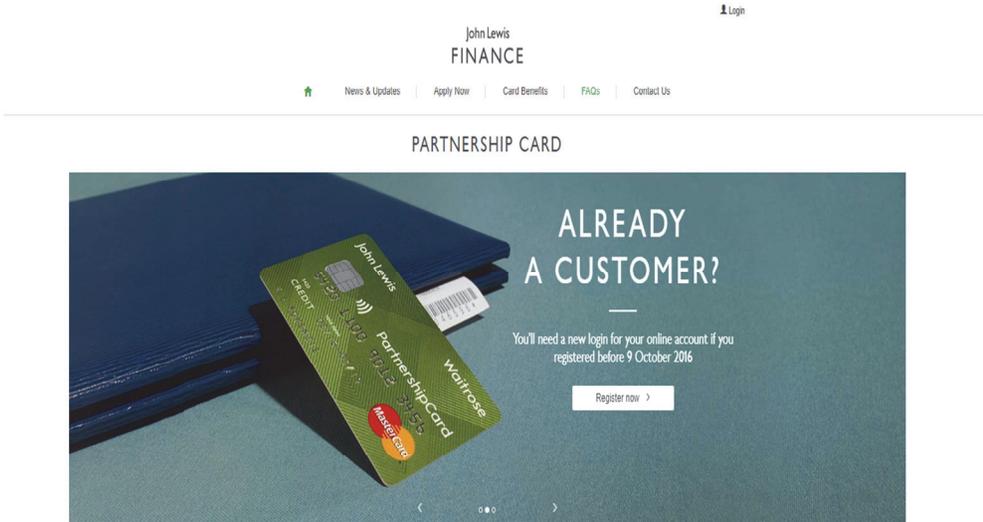

Figure 1: John Lewis Homepage (1)

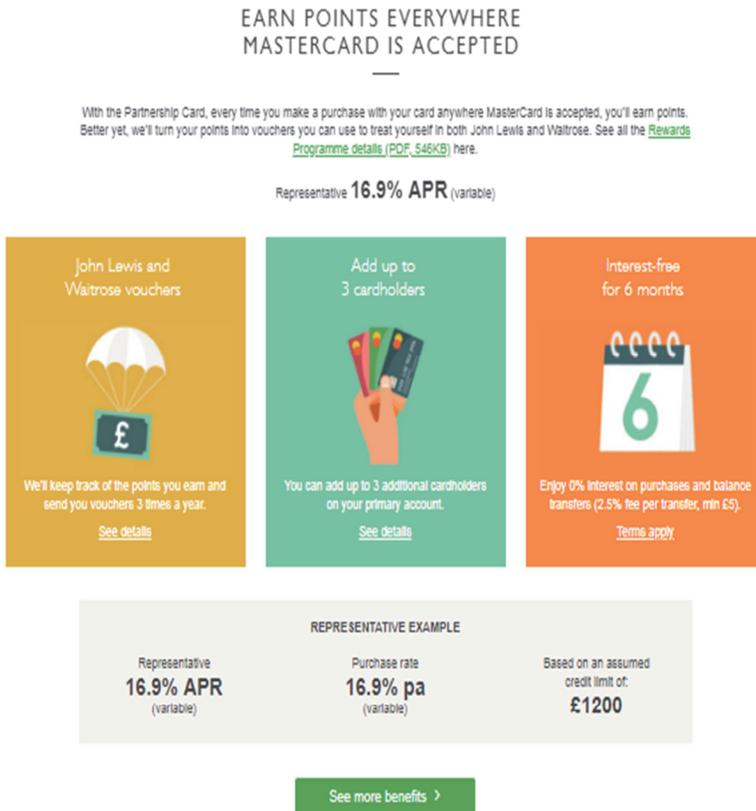

Figure 2: John Lewis Homepage (2)

The top of the homepage (Figure 1) includes navigation tools and presents photographic images of credit cards with questions. These are the only photographs on the page and I return to them below. Nevertheless, these foreground the main benefits of the Partnership Card. As Figure 2 shows, the JL benefits include:

- 1) rewards in the form of John Lewis and Waitrose vouchers,
- 2) up to three cardholders, and
- 3) a six-month interest free period.

These benefits are announced by white type in coloured squares which also include small indicative images. For example, the ‘vouchers’ box (benefit 1) has a small parachute attached to an oblong green shape with a pound sign on it (to indicate that the vouchers are ‘sent’ to users). The ‘three cardholder’ square shows a hand holding three credit cards. The images are naive yet very modern representations; more iconic than mimetic. Blocks of colour (that is, with no variation or shading) are used in these images in line with the general colour palette.

The colourful benefits are followed by an announcement of the interest rate (Figure 2). The numerical interest rate is marked as it is bold and much larger than the surrounding text. Beneath the coloured benefit squares, there is a little more detail about interest rates. Directly underneath this, in a vibrant green box with white writing, we are invited to ‘See more benefits’. Scrolling down further, one finds an embedded video introducing the new website and providing some detail about the service that users can expect. Beneath this, in dark text, the reader is told that applicants must be resident in the UK, at least 18 years old and have a minimum income of at least £6,750 a year. Directly underneath that, centred and prominent is a green ‘Apply now’ button.

Perhaps the most interesting feature of the JL home page is the ‘Points Calculator’ (see Figure 3). Here, customers can calculate how many points (and therefore vouchers, benefit 1 above) they are likely to accrue. This is done by providing sliding scales. By moving small arrows from left to right, viewers can indicate how much (to the right) they spend on these activities:

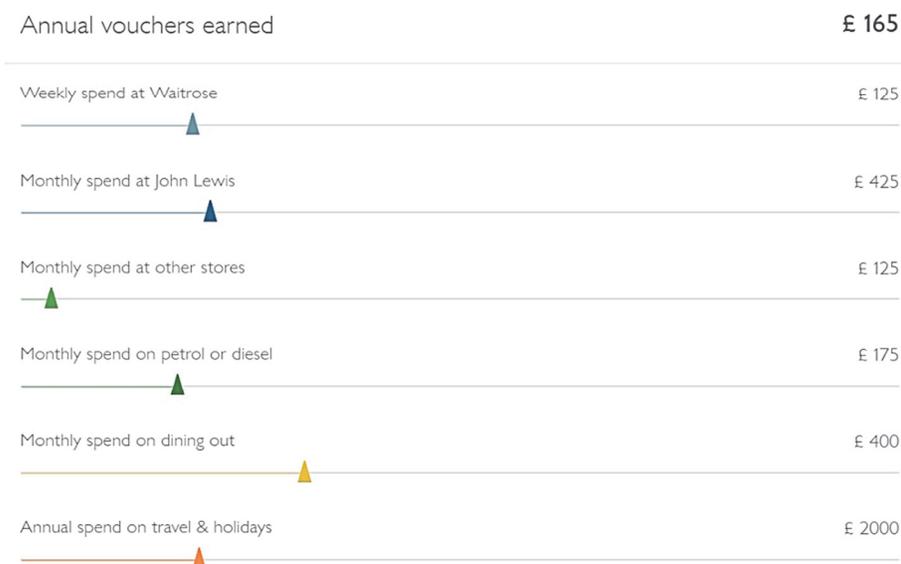

Figure 3: John Lewis Benefits Calculator

The maximum ‘spend’ per line item is as follows:

- ◆ Weekly at Waitrose (max £650)
- ◆ Monthly at JL (max £2000)
- ◆ Monthly at other stores (max £4000)
- ◆ Monthly on car fuel (max £1000)
- ◆ Monthly on ‘dining’ out (£1250)
- ◆ Annually on ‘travel & holidays’ (max £10,000)

This list constructs and represents a very specific kind of person and lifestyle. This is someone who shops for groceries *weekly* at Waitrose, spends enough at JL that this can be reckoned monthly, and so on. This customer does not ‘eat out’, they ‘dine out’. The choice of ‘spend’ over ‘spent’ (as in ‘Monthly spend at John Lewis’) is also significant. Instead of using a past tense verb (‘spent’) we find a noun, turning an activity into a more concrete thing. Moving the sliders changes the amount of ‘Annual vouchers earned’ (a frame containing this information freezes so that it is always visible) with money spent at JL stores earning the most vouchers. Depicted here are not just amounts spent but a whole consumption lifestyle. What is earned (and the vouchers are explicitly ‘earned’) from this consumption is the ability and freedom to consume more.

It is impossible not to compare these sliders with those found on other credit product sites. Brookes and Harvey (2016) discuss the details and consequences of the sliders on Wonga’s website. On the Wonga website, sliders are used by customers to indicate how “much money they would like to borrow and for how long” (Brookes & Harvey 2016: 173).

This user-driven element encourages borrowers to freely manipulate the moveable scales in search of the right amount, an interactive and immersing feature (Ensslin, 2012) which affords a degree of agency and control over the lending process (Brookes & Harvey 2016: 173).

In the JL scales, this is reversed as users indicate how much they *have spent* over a period of time. The presence of these sliders, and the prominence given to the JL card rewards, clearly indicates that the rewards package is the most important feature of this card. While the APR is competitive, this is not given a great deal of prominence on the landing page. This credit product is all about the consumption benefits that further consumption brings.

The Vanquis landing page also highlights the benefits of its card but the benefits are very different (see Figure 4). Its intended audience can be immediately gleaned from the elements it foregrounds and the identity it constructs for the reader.

As the discussion of colour and typeface above indicated, the Vanquis website is much more in line with what one might expect from a financial service provider. The top left of the page provides the “Vanquis Bank” name while oriented to the right one finds a number of navigation menus. The main text, justified left, positions the product clearly (see Figure 4).

There are rewards for users of this credit card, but they are not quite the same kind of rewards as those offered to JL customers. One of the Vanquis rewards, important for the development and marketing of this card, is the ability to build a credit rating.

Figure 4: Vanquis Home page

As seen above, while the bank has been criticised for targeting those on low incomes, it is possible to argue that they are doing them a favour by alerting them to the existence of this product. Nevertheless, it should be borne in mind (as Brookes & Harvey (2016) argue in relation to Wonga) that seeing the service provided as one that positively empowers individuals and improves financial standing works to defuse other valid criticism about the high interest rates charged.

This credit card is not so much about consumption and rewards as turning over a new financial leaf. The repetition of ‘Start’ and the modal ‘could’ in the bullet points in Figure 4 suggest the potential of a new chapter and a better future. While vanquishing bad credit history is a long process, ‘start’ and ‘starting’ manage to convey both speed and freedom at the same time. The colour choices can also be read in this light. Specifically, green is used in strategic places to align with some of the positive associations of ‘start’ (i.e. move forward, go). Green is the colour of the tick bullet points above, and of the two ‘Apply online’ buttons on the screen. One of these is placed top right (ideal and new), the other bottom left (real and given) (Kress & van Leeuwen 2006: 186). Their placement is entirely consistent with customers needing to both acknowledge their current (given and real) financial situation, while wanting to move to a better (ideal and new) future.

The use of numbers on the Vanquis page is also significant, especially when compared to the JL website. Vanquis uses more numerals than JL. The numbers it uses are also higher. While the first three digits provided by the JL site are 16.9 (representative APR), 3 (number of cardholders permitted) and 6 (interest free months), Vanquis provides three amounts (£150, £1000, £4000). The use of these numbers aligns with the main selling points of the respective cards. But in the case of Vanquis, it may well be that providing other numbers larger than their APR encourages the viewer to understand 39.9 as (relatively) small. That is, the numerical amounts anchor the number field at a high level (Tversky & Kahneman 1974). Finally, there is a very large number at the bottom of the initial Vanquis frame.

“We’ve already accepted over 3,000,000 people! We could accept you too!”

This high number is presented as though it is a physical flip counter (rather than a digital display), with black digits on a white background, while the rest of the text is white on a navy-blue background that runs as a band across the page. This number (3 million) is roughly three times the height of the surrounding text.

The parallel syntactic construction, with the repetition of ‘accept’, sends a range of messages. First, it positions the lender in a powerful position as they can also reject an application. The balance between past and future is also resonant. The use of the present perfect (‘have accepted’) is poised between the past and the present. The use of ‘already’ only serves to emphasise this. The second sentence clearly gestures towards a hypothetical future with ‘could’ suggesting a much more positive outcome than alternatives (‘may’ or ‘might’). The use of the ‘counter’ (which does not actually move) also suggests an ongoing acceptance rate, providing an (admittedly analogue) indication of the link between past, present and future.

Finally, it is worth considering the pages in terms of their general layout, taking into account these elements. They can both be read in relation to the ‘ideal/real’ distinction where the ‘ideal’ is towards the top and the ‘real’ at the bottom (Kress & van Leeuwen, 2006: 197). In the Vanquis page, the ideal space is dominated by absence. This is where a white band with navigation buttons is found. As has been mentioned above, this white can be read as the final destination of an ever lightening blue (which at the bottom of the page is quite dark). The real space (at the bottom) for Vanquis displays information about the three million applications it has already accepted. The JL page reverses this relation. The real space (towards the bottom) is where sliders that help reckon how many vouchers customers ‘earn’ through their consumption (Figure 3). The ‘ideal’ space is the only space on the site where high modality, photographic and therefore naturalistic (or ‘real’), images are found (see Figure 1). This is an important semiotic inversion. The ideal space shows the real credit card in photographic detail. The real space shows the ideal calculation of maximum consumption and reward.

5. Comparison

Returning to the semiotics of the two websites, I now want to address the significant similarities and differences as well as a striking absence for both webpages.

As JL is an established and trusted brand, associated with the affluent middle classes, it can exploit a more modern colour palette and offer ‘rewards’ which allow for further consumption. Any need to be seen as ‘sensible’ or ‘reliable’ is taken care of by the presence of JL itself. The customer, by being a customer of JL, inherits the qualities by association. The brand serves as a warrant for the linguistic and multimodal arguments being made. Vanquis’s target customer is rather different. Implicit in the benefits offered by Vanquis is also an acknowledgement of their past financial difficulties. But this is placed firmly in the past by the lexical choices made. Being sensible and reliable (from now on), as both product provider and product user, is emphasised. Very traditional financial semiotics including staid blues and the presence of numbers root the company in respectability. In short, through both text and other semiotic choices, both sites construct and communicate a reliable and trustworthy persona who offers a particular customer segment relevant rewards. In the case of JL,

the consumption behaviour of the customer is never questioned; on the contrary, it is encouraged. Vanquis, on the other hand, seeks to position its customers as failed consumers, but fixable through more consumption. The customers on both websites are, however, positioned as individuals. They are responsible for their own debt and their own consumption.

In relation to Brookes and Harvey's analysis of the Wonga website (and indeed their work on the Cash Converters app (2017)), however, there is a curious absence on both sites examined here. There are no people¹¹. While Wonga provides a "naturalistic photographic image" of a woman situated in a very ordinary domestic setting (Brookes & Harvey 2016: 172) and the Cash Converters app positions a human buyer and seller in a frame of pleasurable pass times and respectable consumption (Brookes & Harvey 2017), the JL and Vanquis websites are completely devoid of any such human representations. The difference may well be due to the much more conventional nature of credit cards, especially when compared with pay day loan products. As Brookes and Harvey convincingly argue, Wonga's naturalistic images serve to position the viewer in a desirable, conventional and natural manner thus normalising the application process and the product itself (2016). Credit cards are already normal.

While these cards address particular customer segments, they also address an individual. Indeed, only once application information has passed from an individual to the company is it possible to know what the terms of the contract are. Further, the individual is responsible for understanding all the text, the terms and conditions and the varying interest rates. And even though the Vanquis card asserts that it will help you 'start' to build credit again, it is a journey that the customer takes alone. A credit card agreement is a lonely place to be. This is perhaps implicit in the absence of people from the sites. There are no human faces (let alone bodies) to be found on the websites. The closest one comes to any visible human presence is a dismembered, iconic hand holding three credit cards on the JL site. As Henry (2010) argues, debt individualises and responsabilises individuals for their consumption, credit and debt.

These cards and their rewards teach us another lesson, or at least remind us of the place of the individual in contemporary society. The role of the individual is that of consumer. The 'best' card rewards and encourages consumption. The 'worst' card is designed to fix the negative effects of 'faulty consumption'. From all of this we learn that consumption is good, bad consumption is bad and credit cards can fix it all. But consumption of the kinds that credit cards encourage can only occur in community. For the most basic financial transaction one needs a buyer and a seller. Even such minimal communities are absent from these websites.

6. Conclusion

Credit cards are about consumption. That much is clear. For JL, consumption is part of a normalised, valorised lifestyle, which — if done to appropriate levels — results in the reward of more consumption. For Vanquis customers, consumption is the road to redemption. Debt is just another commodity (Poovey 2001), a product, and consumers are central to this. It would seem, then, that a good subject is a consuming subject. This

¹¹ The current Vanquis website now includes a photo of a woman looking down thoughtfully at a credit card [accessed 23rd April 2018].

subject is also a responsible individual.¹² A good subject is also an indebted subject. But an indebted subject is, albeit in different ways, an impoverished subject. Credit is good. Debt is bad. These are the contradictory messages received from credit card companies. Given the history of associations that debt has (Davidko 2011) this is perhaps not surprising. As Davidko notes, old ideas have a tendency to return, especially “in times of trouble” (2011, 86). The times of trouble brought on by the last global financial crisis have not yet ended and we are required to hold these contradictory messages in balance.

It is also easier to focus on credit. As Maurer notes, “Credit has always been sexier than debt” (2012: 474). This sexiness, and the cognitive load that we are asked to bear in balancing ideas about credit and debt may well explain why there is no such thing as a ‘debt card’. The problem is that this is precisely what a credit card is. A credit card is a small, plastic debt token. As Lanchester writes, “one of the most brilliant things the financial services industry ever did was to take the word ‘debt’ which people were brought up to believe was a bad thing that you want to avoid, and to rename it as ‘credit’, which sounds like a good thing that you want more of” (2014: 107). He calls this an example of ‘reversification’, that is “A term being turned into its opposite” (2014: 20).

This reversification of ‘debt’ into ‘credit’ is perhaps connected to the crucial role that consumption plays in the modern economy. Consumption is said to fuel growth and debt fuels consumption. As Lazzarato notes, “Through consumption, we maintain an unwitting relationship with the debt economy” (2012: 20). The market requires that we are all in debt. Debt “represents the economic and subjective engine of the modern-day economy” (Lazzarato 2012: 25)

What does all this mean for the proverb? Are fools easily parted from their money?

Given the consumption that credit cards demand and encourage, it seems that financial providers *need* individuals to be foolish. This is communicated not as foolishness but as responsibility. A good citizen consumes. Seen in this way, financial institutions are merely carrying out actions that benefit the national economy. The responsibility for accruing and managing personal debt is implicitly presented as part of a larger responsibility to the common good. A good citizen and their money are soon parted.

© Annabelle Mooney, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ACKNOWLEDGMENTS

A version of this paper was presented at the Second International Conference on Sociolinguistics, Loránd University, Budapest 2018. Comments from delegates were very useful in refining this work. Thank you also to my colleague Dr Eva Duran Eppler who was present and later helped with finalising this paper. All errors and omissions are my own.

REFERENCES

- Brocklebank, J. and Poulter, S. (2003). Credit Card Loan Sharks. *Daily Mail* (London), October 23, 1, 2.
- Brookes, G. and Harvey, K. (2017a). Just Pain Wronga? A Multimodal Critical Analysis of Online Payday Loan Discourse. *Critical Discourse Studies*, 14(2): 167—87.

¹² See Poovey for an account of how our current debt regimes are historically relatively new (2001).

- Brookes, G. and Harvey, K. (2017b). The Discourse of Alternative Credit: A Multimodal Critical Examination of The Cash Converters Mobile App. In Mooney, A. and Sifaki, E. (eds) *The Language of Money and Debt: A Multidisciplinary Approach*. Cham: Palgrave, 233—56.
- Cathcart, A. (2013). Directing democracy: Competing interests and contested terrain in the John Lewis partnership. *Journal of Industrial Relations*, 55 (4), 601—20.
- Cox, P. (2010) *Spedan's Partnership: The Story of John Lewis and Waitrose*. Labatie Books.
- Credit Management. (2003). Never knowingly undersold on credit. *Credit Management*, November: 12.
- Custers, A. (2017). Falling Behind: Debtors' Emotional Relationships to Creditors In Mooney, A. and Sifaki, E. (eds) *The Language of Money and Debt: A Multidisciplinary Approach*. Cham: Palgrave: 163—185. Cham, Switzerland.
- Davidko, N. (2011). The concept of DEBT in collective consciousness (a socio-historical analysis of institutional discourse). *Studies about Languages*, 19, 78—88.
- Ensslin, A. (2012). *The language of gaming*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Flanagan, B. (2005). Cash: Borrowing: A credit card with APR of 70 per cent. is this exploitation or the help some people need?: It may be the lesser of two evils. *The Observer*, February 27, 7.
- Gathergood, J. (2012). Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness. *Journal of Economic Psychology*, 33, 590—602.
- Gibbons, D. (2014). *Britain's Personal Debt Crisis: How We Got Here and What to do About it*. Searching Finance.
- Graeber, D. (2014). *Debt: The first 5,000 years*. London: Melville House.
- Hagger, A. (2012). Despite their high rates, these credit cards are good news. *The Independent* (London), August 25, 52.
- Hagger, A. (2013). Find a cheaper alternative to payday loans. *The Independent* (London), November 30, 64.
- Hélène, A.M., Kumar, M. and Christophe, B. (2012). Determinants of cause-cobranding success: A study of consumers' attitudes in banking sector. *Banks and Bank Systems*, 7 (2), 107—15.
- Henry, P.C. (2010). How mainstream consumers think about consumer rights and responsibilities. *Journal of Consumer Research*, 37 (4), 670—87.
- Hlavinka, K. and Gomez, L. (2007). The total package: Loyalty marketing in the world of consumer packaged goods (CPG). *Journal of Consumer Marketing* 24 (1), 48—56.
- Jones, R. (2015). Payday loan caps come into force. *The Guardian*, January 2, <https://www.theguardian.com/money/2015/jan/02/payday-loans-caps-fca> [accessed 30th November 2017].
- Kress, G. and van Leeuwen, T. (2006). *Reading images: The grammar of visual design* (2nd ed.). Oxford: Routledge.
- Lanchester, J. (2014). *How to speak money: What the money people say and what they really mean*. London: Faber & Faber.
- Lazzarato, M. (2012). *The making of the indebted man: An essay on the neoliberal condition*. Jordan, J.D. (trans.). Los Angeles, CA: Semiotext(e).
- Lo, H-Y, and Harvey, N. (2011). Shopping without pain: Compulsive buying and the effects of credit card availability in Europe and the Far East. *Journal of Economic Psychology*, 32, 79—92.
- Lythe, R. (2016). The bank flogging credit cards in the street. *Daily Mail* (London), February 10.
- Maurer, B. (2012). Late to the party: Debt and data. *Social Anthropology*, 20 (4), 474—81.
- Monaghan, A. and Wearden, G. (2017) Rise in credit card default rate adds to concerns over household finances. *The Guardian*, July 13 <https://www.theguardian.com/money/2017/jul/13/rise-in-credit-card-default-rate-adds-to-concerns-over-household-finances> [accessed 17th July 2017].
- The Money Charity (2018) The money statistics, September. <http://themoneycharity.org.uk/money-statistics/> [accessed 15 October 2018].

- Packman, C. (2014). *Loan sharks: The rise and rise of payday lending*. Searching Finance.
- Paranque, B. and Willmott, H. (2014). Cooperatives — saviours or gravediggers of capitalism? Critical performativity and the John Lewis partnership. *Organization*, 21 (5), 604—25.
- Pardoe, A., Lane, J., Lane, P. and Hertzberg, D. (2015) Unsecured and insecure? Citizens Advice Bureau, <https://www.citizensadvice.org.uk/Global/CitizensAdvice/Debt%20and%20Money%20Publications/UnsecuredorinsecureFinal.pdf> [accessed 1 December 2017].
- Phillips, T. (2015). How you can find a way back from bankruptcy; nightmare can have a happy ending. *Daily Mirror*, April 22, Features Section. 34, 35.
- Poovey, M. (2008). *Genres of the credit economy: Mediating value in eighteenth- and nineteenth-century Britain*. Chicago: University of Chicago Press.
- Prestridge, J. (2005) That's what I think of your 49.9%. *Mail on Sunday* (London), March 20, C1_04; Pg. 15; Pg. 17.
- Public Policy Research. (2012). Why aren't there more companies like John Lewis? *Public Policy Research*, December—January, 216—21.
- Seib, C. (2008). Amid a credit crunch, is this man in danger of giving doorstep lending a good name? *The Times* (London), August 18, 46.
- Speake, J. (2015). *Oxford dictionary of proverbs*. Oxford: Oxford University Press.
- Street, A. (2006). Releasing profits to partners at John Lewis Partnership. *Strategic HR Review*, 5 (4), 12—3.
- van Leeuwen, T. (2005). Typographic meaning. *Visual Communication*, 4 (2), 137—143.
- van Leeuwen, T. (2011). *The language of colour: An introduction*. Oxford: Routledge.
- Wang, A. (2009). Advertising disclosures and CSR practices of credit card issuers. *Management Research News*, 32 (12), 1177—1191.
- Waller, M. (2013). Provident financial; credit report looks promising. *The Times* (London), October 19, sec BUSINESS.
- Wood, Z. (2018) John Lewis department store cuts 270 jobs as it rebrands. *The Guardian*, September 4, <https://www.theguardian.com/business/2018/sep/04/john-lewis-joins-department-store-rout-with-250-job-cuts> [accessed 21st September 2018].

Article history:

Received: 04 February 2019

Revised: 21 March 2019

Accepted: 23 April 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 04 февраля 2019

Дата принятия к печати: 23 апреля 2019

Bionote:

ANNABELLE MOONEY is Professor of Language and Society at the University of Roehampton, UK. Her research interests include the language of money and financial literacy, and the language of human rights.

Contact information: e-mail: a.mooney@roehampton.ac.uk

Сведения об авторе:

АННАБЕЛЬ МУНИ — профессор Рохэмптонского университета (Великобритания). К ее научным интересам относятся «язык денег», финансовая грамотность и язык прав человека.

Контактная информация: e-mail: a.mooney@roehampton.ac.uk

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-659-680

Research Article

Distinctive Lexical Patterns in Russian Patient Information Leaflets: A Corpus-Driven Study

Łukasz Grabowski

University of Opole
pl. Kopernika 11a, Opole, 45-040, Poland

University of Ostrava
Dvořákova 7, Ostrava 1, 701 03, Czechia

Abstract

This methodologically-oriented corpus-driven study focuses on distinctive patterns of language use in a specialized text type, namely Russian patient information leaflets. The study's main goal is to identify keywords and recurrent sequences of words that account for the leaflets' formulaicity, and — as a secondary goal — to describe their discursal functions. The keywords were identified using three methods (G2, Hedges' g and Neozeta) and the overlap between the three metrics was explored. The overlapping keywords were qualitatively analyzed in terms of discursal functions. As for the distinctive multi-word patterns, we focused on recurrent n-grams with the largest coverage in the corpus: these were identified using the FormuLex method (Forsyth, 2015b), which provides complementary data with respect to more conservative n-gram and lexical bundles approaches. The results revealed that the most distinctive keywords were identified using Hedges' g metric, that the largest overlap occurred between G2 and Neozeta metrics, and that the frequent use and discursal functions of the identified lexical patterns correspond with situational contexts and communicative purposes of patient information leaflets. It is hoped that this study will provide an opportunity for a methodological reflection and inspire further corpus-driven research on distinctive recurrent lexical patterns (e.g., keywords, n-grams, lexical bundles) or — more generally — on formulaic language in texts originally written in Russian.

Keywords: *keywords, n-grams, formulaic language, phraseology, patient information leaflets, Russian language*

For citation:

Grabowski, Łukasz (2019). Distinctive Lexical Patterns in Russian Patient Information Leaflets: A Corpus-Driven Study. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 659—680. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-659-680.

Типизированные лексические паттерны в русских инструкциях по применению лекарственных препаратов: корпусное исследование

Лукаш Грабовский

Опольский университет
pl. Kopernika 11a, Опале, 45-040, Польша

Оставский университет
Dvořákova 7, Острава 1, 701 03, Чехия

Аннотация

Данное методологически ориентированное исследование, проведенное с использованием корпусного метода, посвящено анализу наиболее отчетливо выраженных паттернов использования языка в русских инструкциях по применению лекарственных препаратов. Цель исследования двуплановая и заключается, во-первых, в установлении и эксцерпции ключевых слов и повторяющихся словосочетаний, которые вносят вклад в формулярность данного типа текста, и, во-вторых, в последовательном описании их дискурсивных функций. Для эксцерпции ключевых слов использовались три метода: логарифмическая функция правдоподобия (ЛФП), g-Хеджеса и Неодзета. Для дальнейшего качественного анализа были выбраны только ключевые слова, совпадающие во всех трех процедурах. Рекуррентные N-граммы с самым большим лексическим охватом в корпусе извлекались с использованием метода Формулкс (Forsyth 2015b), который предоставляет взаимодополняющие данные относительно более консервативных N-грамм и лексических связей. Результаты показали, что: 1) наиболее ярко выраженные ключевые слова были выявлены с использованием формулы g-Хеджеса; 2) самое большое совпадение ключевых слов было выявлено для формул ЛФП и Неодзета; 3) частотность и дискурсивные функции отобранных слов и словосочетаний обусловлены как ситуативным контекстом, так и коммуникативными функциями инструкций по применению лекарственных препаратов. Исход проведенного анализа позволяет надеяться, что полученные результаты станут толчком для методологических размышлений, а также дальнейших корпусных исследований типичных, часто употребляемых лексических паттернов (например, ключевых слов, N-грамм, лексических связей) и в целом — формулярности русскоязычных текстов.

Ключевые слова: *ключевые слова, N-граммы, шаблонный язык, фразеология, инструкции по применению лекарственных препаратов, русский язык*

Для цитирования:

Grabowski, Łukasz (2019). Distinctive Lexical Patterns in Russian Patient Information Leaflets: A Corpus-Driven Study. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 659—680. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-659-680.

1. Introduction

Formulaicity has been a rather nebulous term encountered in a broad variety of disciplines of arts and humanities, including painting, sculpture or visual arts, among others, where an object of enquiry (a work of art, industrial design, text, etc.) has the properties that may be readily described as patterned-like, template-like, stencilled, trite, clichéd, to name but a few epithets. When studying a natural language, with various purposes in mind, linguists of various schools often refer to it as formulaic. In recent years, the linguistically-oriented research on formulaicity has been flourishing (e.g., Wray, 2002, 2008, 2009; Schmitt & Carter, 2004; Wood, 2010a, 2010b, 2015; Kecskes, 2016; Myles & Cordier, 2017; Nelson, 2018; Peçik, 2018).

In view of the fact that every sub-discipline of linguistics approaches formulaicity from a different perspective, it is difficult to precisely determine what is meant by formulaic language. Norbert Schmitt and Ronald Carter (2004: 3) argue that this phenomenon should be treated in an inclusive way so that multiple types of linguistic units fall under an umbrella term *formulaicity*. In a similar vein, Piotr Pezik (2018: 241), who uses the term formulaicity interchangeably with phraseological prefabrication, argues that it “is a ubiquitous, complex and multifaceted linguistic phenomenon”. An attempt at a conceptual clarification as to how linguists of various schools approach formulaicity was made by Błażej Gałkowski (2006: 163—164), who singles out three major approaches, that is, a purely linguistic one, where formulaicity is explored using various lexical and grammatical categories identified primarily on the basis of formal or lexical criteria; a psycholinguistic approach, which focuses on storage and processing of linguistic data in the mental lexicon of language users; finally, a socio-linguistic approach, which explores situational and cultural underpinnings of formulaicity. To these, one may also add a corpus linguistic approach, which explores formulaicity by focusing on the frequency and distribution of various types of recurrent sequences of words in texts¹. According to Rosamund Moon (2007: 1046), corpus linguists, in particular those conducting research on phraseology, are primarily interested in frequent and statistically significant multi-word patterns in which particular words occur. This approach contrasts with more traditional analytical methods of phraseological research, e.g., the ones proposed and developed by Viktor Vinogradov (1947/1977), Natalia Amosova (1963), which focused on the analysis of systemic invariant forms of phraseologisms (as they are or rather should be recorded in a dictionary) abstracted from situational contexts of their use. However, corpus approach is closer in spirit to more synthetic approaches to phraseology (e.g., Ivanov 1957; Bogusławski 1976, 1989; Anic’kov 1992; Mel’cuk 1995, 1998; Chlebda 1991, 2009) focusing on the identification of links between situational contexts of language use and recurrence of linguistic forms. Consequently, the frequency-driven approach is particularly attractive for the analyses of routinized or clichéd texts since they rely more on limited stocks of prefabricated chunks of text or boilerplate formulas, notably when compared with more creative literary texts.

In terms of theoretical underpinnings, this descriptive and methodologically-oriented study also draws inspiration from research conducted by Wojciech Chlebda (1991, 2009, 2010), who looks at phraseology from a perspective of a producer of an utterance in a specific social context. More precisely, Chlebda (1991) proposes that a ‘phraseme’ (*frazem*), in later works (Chlebda 2009, 2010) referred to as a ‘reproduct’ (*reprodukt*), be treated as a central unit of analysis; it is defined as “a linguistic unit (a component of the language system of a given ethnic language) isolated from texts based on the verification of its regular and repeated occurrence, functioning as a verbalizer of specific content, e.g., a notion, proposition, intention, emotion” (Chlebda 2010: 15—16 and 140)².

¹ More detailed discussion on different approaches to study formulaic language can be found in Forsyth & Grabowski (2015) and Grabowski (2015c, 2018).

² Chlebda (2010: 16) argues that a reproduct can be a single word or a multi-word unit with a non-compositional or compositional meaning, and that the emphasis should be put on the analysis

Although recurrent use is a defining feature of reproducts, and at the same time one of the key characteristics of formulaicity, Chlebdá (2009, 2010) does not operationalize any frequency or distribution threshold — unlike in the aforementioned lexical bundles approach (Biber et al. 1999) — allowing one to decide whether a given single word or a sequence of words is a reproduct. On the contrary, the search for reproducts is largely manual, based on close reading of textual material and intuition-based analysis of a number of textual features, e.g., quotation marks, structures with reporting verbs, temporal signals, location signals, community signals, authorial signals, generic and quasi-generic operators (Chlebdá 2010: 19). Such signals are also referred to as *phraseology markers* (Pęzik 2018: 213), which stand for a stable yet extensible set of lexical devices that signal phraseological prefabrication in texts. Thus, the role of corpus linguistic methods in this approach is, strictly speaking, limited to consulting language corpora to perform a frequency check when intuition, notably a subjective assessment of the degree of perceptual salience, is insufficient to decide whether a given text chunk shall be treated as a reproduct (Chlebdá 2009, 2010) or — from a different perspective — as proverbial, conventional, idiomatic or prefabricated (Pęzik 2018: 213). An approach like this is often referred to as a corpus-informed one.

In this corpus-driven study, however, the search for reproducts, which can be treated as markers of formulaic language in texts, is conducted in the opposite direction. More precisely, the recurrent single words and multi-word units are first identified based on their frequent occurrence in texts and then they are aligned with specific discourse functions in order to ensure that they constitute context-sensitive form-meaning mappings. This should enable one to single out those recurrent textual patterns, i.e., keywords and recurrent n-grams, that contribute to the formulaic nature of a text type under scrutiny, namely patient information leaflets written originally in Russian. A study like this one — inspired by theoretical insights from Russian, Polish and English phraseology (traditional and distributional one) — is hoped to fill in the gap in data-driven research on recurrent patterns of language use found in Russian texts.

2. Research material and methodology

In this corpus-driven study³, we aim to identify and describe recurrent lexical items (single- and multi-word units) that contribute to the formulaic nature of patient information leaflets originally produced in Russian⁴. As mentioned earlier, the emphasis

of the latter. According to Grabowski (2015c), this observation complies with results of certain corpus studies which showed that multi-word units with compositional meaning are considerably more frequent in texts than idioms or fixed expressions with non-compositional meaning (Moon 1998; Biber et al. 1999).

³ I would like to thank Richard Forsyth and Costas Garbielatos for some of the comments with respect to the problems addressed in this study. Also, I am grateful to an anonymous Reviewer for a number of important remarks that helped me improve the paper.

⁴ In that respect, the study may be treated as an extension of the author's earlier corpus linguistic research on keywords and/or lexical bundles in Polish and English patient information leaflets (Grabowski 2014, 2015a).

will be put on keywords and recurrent n-grams with the largest coverage in the corpus, which will be described in greater detail later in the paper. Given the various constraints pertaining to the communicative function, situational contexts of use, target audience of the text type under scrutiny as well as a highly standardized macro-structure of patient information leaflets, one may expect to find there only a limited number of recurrent lexical items. Furthermore, to the knowledge of the author, corpus linguistic studies, notably corpus-driven ones, of recurrent multi-word units in Russian texts have been scarce. For example, Maria Kunilovska, Natalia Morgoun and Alexey Pariy (2018) compared learner and professional translations from English into Russian, on the one hand, with native Russian texts, on the other, by focusing on the number of indicators, such as sentence length, lexical variety (TTR and proportion of high frequency words), lexical density and word frequencies; however, recurrent sequences of words (e.g., n-grams or otherwise) have not been explored in their study. A rare exception is the study by Daehyeon Nam and Sungmin Lee (2016), who explored the use and discourse functions of lexical bundles (Biber et al. 1999) in spoken and written Russian attested in a 1-million-word sample of the Russian National Corpus; the authors revealed that referential bundles predominate in written texts while stance bundles are more frequent in spoken texts (Nam & Lee 2016). However, in the Russian National Corpus one may find a variety of text types and genres (both contemporary and older ones, e.g., produced in the 19th century), which means that the results briefly summarized by Nam and Lee (2016) constitute generalizations that may not be applicable to any specific text type or genre.

That is why in this study we focus on a quasi-specialist text type used in the health care sector, that is patient information leaflets (short PILs). We aim to identify those single- and multi-word units that justify referring to patient information leaflets as a formulaic text type. Importantly, the goal of this research is not to measure the amount of formulaic language (cf. Forsyth & Grabowski 2015; Nelson 2018), but to describe the formulaic profile of the sample of Russian PILs by identifying those linguistic items that account for its highly patterned and clichéd style.

Generally speaking, PILs are found in sales packages of medicines and they are written in the language of the country where the medicines are sold, which in this study is the Russian language. In short, PILs are produced — in accordance with relevant legal regulations in a particular country — by pharmaceutical companies for patients, pharmacists, nurses, general practitioners, etc., who are typically target readers of this text type. However, PILs also have intermediate users, such as regulatory authorities. According to Vicent Montalt Resurrecció and Maria Gonzalez Davies (2007: 68—69), the main communicative purpose of PILs is to provide specific information on proper and safe use and administration of medicines (doses, side effects, etc.).

In fact, there have been many corpus linguistic studies exploring lexis and phraseology in PILs originally written in English and other languages, conducted by Silvia Cacchiani (2006, 2016), Rosemary Clerehan, Di Hirsh and Rachelle Buchbinder (2009) or Łukasz Grabowski (2014, 2015a, 2015b), among others. However, to the knowledge of the author of this paper, there has been no study focusing on PILs written in Russian.

The research material includes a tailor-made corpus of 100 PILs (i.e., full-texts) produced by fourteen pharmaceutical companies operating (as of the year 2016) on the

Russian market: Astellas Russia (10), AstraZeneca (10), Bayer (10), BerlinChemie (10), Biochimik Saransk (1), Boehringer Ingelheim (10), Farmstandard (10), Graminex Farma Russia (1), Kirkland Rindoxil Russia (1), Lundbeck Russia (5), Novartis (10), Sanofi Russia (10), Servier Russia (10), Takeda Russia (2). All in all, the corpus size is 229,346 word tokens, and the mean block TTR (a type-token ratio in per cent calculated using text chunks of 100 words, which can be treated as a provisional measure of lexical richness) is 78.48%, which is an average of block TTR scores of 100 documents in the study corpus. Also, the linguistic data have not been subjected to annotation or lemmatization. The research questions addressed in this primarily methodologically-oriented study are as follows:

- 1) What are the keywords typical of Russian patient information leaflets? To what extent do the keywords differ when identified using different keyword metrics? What are the discourse functions of overlapping keywords?
- 2) What are the distinctive recurrent sequences of words (n-grams) in Russian patient information leaflets? What are their discourse functions?

3.1. Units of analysis: keywords and recurrent n-grams with the largest textual coverage

In the first stage of the study, we focus on the identification of keywords, that is those words that for some reason (frequency of use, symbolic value, social or cultural significance, etc.) are more important than other words in texts (Stubbs 2011: 21). It is common knowledge that a corpus linguistic approach to the identification of keywords relies primarily on statistics. According to Michael Scott (2008: 176), keywords are those words “whose frequency is unusually high in comparison with some norm”, which is found in the reference corpus constituting a benchmark for comparison. More precisely, the keywords are identified through their ‘keyness’, an indicator whose value is contingent primarily on word frequencies and corpus size, which — in turn — depends on subjectively specified thresholds of frequency, effect-size and statistical significance, on the choice of the unit of analysis (word forms, lemmas, constructions, senses, etc.), and on the very characteristics (representativeness, balance, size, etc.) of the corpora under comparison (Gabrielatos 2018: 252). The core component of the definition of keyness and the essence of keyword analysis is therefore the comparison of frequencies of individual linguistic items (Gabrielatos 2018). However, researchers have also recently experimented with other approaches, e.g., based on comparisons of means of frequencies of individual items (Forsyth 2014b), grounded in topic modeling (Murakami et al. 2017), etc., which go beyond the original idea of keyword analysis.

Since calculating keyness is far from straightforward⁵, there are methods galore that help one identify whether a word is a *key* one in a corpus. One of the most popular approaches involves, first, comparing a frequency of a word in a study corpus with a frequency of the same word in a reference corpus and, second, by cross-tabulating the results taking into consideration the size (i.e., total number of tokens) of both corpora and by applying a test of statistical significance, e.g., Ted Dunning’s (1993) log-likeli-

⁵ For a more detailed overview, see Gabrielatos (2018).

hood test (also known as G2 test) or Pearson’s chi-square test (Scott 2008: 122). This approach is implemented (up to version 6.0) in WordSmith Tools⁶ (Scott 1996—2017).

Another approach is proposed by Costas Gabrielatos and Anna Marchi (2011), who argue for measuring the effect size (i.e., the extent or magnitude of the frequency difference) rather than statistical significance of the frequency difference, the latter being highly sensitive to corpus size. Consequently, Gabrielatos and Marchi (2011) propose the effect size metric %DIFF, which is independent from sample size (Rosenfeld & Penrod 2011: 84) and calculated as follows: $\%DIFF = (\text{NormFreq in SC} - \text{NormFreq in RC}) \times 100 / \text{NormFreq in RC}$ ⁷. It is implemented, following the procedure proposed by Hardie (2014), in the version 7.0 of WordSmith Tools (Scott 2017), where it is called *Log-ratio*. Importantly, the log-likelihood test and %DIFF result in different rankings for keywords, i.e., a high log-likelihood score does not correlate with a high %DIFF (Gabrielatos & Marchi 2011), unlike the rankings produced by two size effect metrics (e.g., %DIFF and Ratio⁸), which turned out to be identical for all keywords (Gabrielatos 2018: 232). In short, tests of statistical significance and effect size metrics “measure different aspects of a frequency difference” and hence they “are not alternative measures of keyness” (Gabrielatos 2018: 231). In practice, this means that two rankings of keywords, e.g., based on a test of statistical significance and effect size metric respectively, are hardly comparable with each other.

According to Paul Ellis (2010: 9), another useful method that can be employed to measure effect size is Hedges’ *g* (Hedges 1981), which — as explained by Richard Forsyth (2014b: 10) — expresses — in standard deviation units — the difference in mean frequency rates between a study corpus and a reference corpus, hence producing a z-score (i.e., a standardized difference). To sum up, in contrast to non-parametric tests of statistical significance (e.g., Pearson’s chi-square test, Dunning’s log-likelihood test), metrics of effect size (e.g., %DIFF, Hedges’ *g* or Cohen’s *d*) help one avoid the problem of small yet at the same time statistically significant differences between frequencies of words in two corpora, the problem typical of comparing corpora of large size (Gabrielatos & Marchi 2011; Gabrielatos 2018). It often happens that statistical significance is not paramount to practical significance between the observed differences. At this point, however, it is worthwhile emphasizing that different size effect metrics are based on different assumptions, e.g., %DIFF compares frequencies of individual items in a corpus while Hedges’ *g* and Cohen’s *d* compare means of frequencies of individual items in the texts in a given corpus⁹.

There are also other methods, e.g., Simple Math metric (Kilgarriff 2009) that includes a variable that allows one to focus on either lower or higher frequency words¹⁰.

⁶ WordSmith Tools ver. 1.0 was released in 1996; the most recent version of the software (7.0) was released in 2017. The program is downloadable from the following website: <http://lexically.net>.

⁷ ‘NormFreq’ stands for a normalized frequency, ‘SC’ stands for a study corpus and ‘RC’ stands for a reference corpus.

⁸ The metric was proposed by Adam Kilgarriff (2001) (cited in Gabrielatos 2018: 231—235).

⁹ I would like to thank Costas Gabrielatos for this remark.

¹⁰ The Simple Math method (Kilgarriff 2009) is implemented in SketchEngine (Kilgarriff et al. 2014).

In the Keysoft software package, a collection of scripts written in Python 3.4, Forsyth (2014a) implements twelve methods to identify keywords, some of them commonly used in the field of authorship attribution (e.g., Zeta or Neozeta). Originally developed by John Burrows (2007), and later modified by Hugh Craig and Arthur Kinney (2009), Neozeta enables one to identify keywords by segmenting corpora into text chunks of equal length and counting occurrences of words in those text chunks. According to Maciej Eder (2016: 35), such a method whereby the frequencies of text chunks rather than individual words are used for corpus comparison enables one to filter out the words that appear in texts with high frequencies (e.g., function words) and, consequently, to focus on content words that convey themes or topics discussed in texts, i.e., the so-called *aboutness* (Phillips 1989).

Hence, in order to capitalize on the whole variety of approaches, we will use the Keysoft package (Forsyth 2014a) to identify and compare keywords in Russian PILs using three fundamentally different metrics, that is G2 (Dunning 1993), Hedges' *g* (Hedges 1981) and Neozeta (Craig & Kinney 2009), which measure different aspects of a frequency difference¹¹. Since we do not focus on comparisons of statistical significance metrics only (e.g., G2), we do not additionally apply — as recently recommended by Gabrielatos (2018) — the BIC score, i.e., a metric calculated by deducting the combined size (logarithmized) of the compared corpora from the G2 value of the frequency difference.

Although the three metrics provide different flavours to keyword rankings, it is believed that there is some practical value in undertaking such a comparison. Firstly, it will enable one to further verify the correlation (if any) between rankings produced by a test of statistical significance (G2) and effect size metric (Hedges' *g*), the latter one focusing on means of frequencies of individual words. Second, some researchers, especially those using keywords in critical discourse analysis or sociolinguistic research, still use tests of statistical significance for keyword analysis (e.g., Baker et al. 2019), which means that it may be useful for them to compare rankings of keywords obtained using different methods, irrespective of the fact that different methods may be based on different statistical assumptions, e.g., comparisons of means of word frequencies rather than frequencies of individual items in two corpora.

As a reference corpus, we will use the Russian component of the Leeds Pentaglossal Corpus¹² (Forsyth & Sharoff 2014), which includes 113 documents or fragments of documents representing 13 text types (e.g., Bible, corporate statements, fiction, news articles, ted.com transcripts, United Nations documents). Hence, the composition of the corpus is more heterogeneous as compared with the Russian PILs. The size of the Russian Pentaglossal Corpus (henceforth RPC) is 251,204 word tokens and the mean block TTR (type-token ratio) is 79.09%. Since the STTR of Russian PILs is 78.48%, the RPC can be intuitively described as similar in terms of its lexical variation.

¹¹ The mathematical formulae used to calculate keyness using the three methods are described and explained in greater detail by Forsyth (2014b: 9—12).

¹² Leeds Pentaglossal Corpus is downloadable from the following website: <http://corpus.leeds.ac.uk/tools/5gcorpus.zip>.

Next, we will compare the keywords obtained using three different methods to identify any overlapping ones, which will be subject to further qualitative analysis. The rationale behind focusing on the overlap (i.e., similarity) between the keywords is the claim made by Gabrielatos (2018: 225) who argues that “the vast majority of keyness studies focus on difference, at the expense of similarity”. Also, due to their unusually high frequency the keywords may be the center of units of meaning in texts thereby performing specific discourse functions and contributing to the texts’ formulaicity. According to Stanisław Goźdz-Roszkowski (2011: 35), keywords can “reveal not only a great deal about the subject matter, the ‘aboutness’ of a particular genre, but they can also specify the salient features which are functionally related to the genre”. This observation has two important implications. Firstly, since keywords are typically studied through their typical co-occurrence patterns, it should be possible to align them with specific discourse functions. In practice, this means developing a set of provisional categories in the form of tentative labels reflecting typical characteristics of the keywords — the type of information they convey, their role in the organization of discourse, their semantic prosody and evaluative charge etc. (Goźdz-Roszkowski 2011: 65; Grabowski 2015c). Secondly, the exploration of co-occurrence patterns or wider contexts of use of keywords should also enable one to identify distinctive or salient sequences of words that perform specific discourse functions in texts. The resulting sequences may include specialist terms or text chunks contributing to the formulaic style of a given text type or genre.

According to Bestgen (2018: 206), “one of the frequently used approaches to studying formulaic language is based on the automatic identification of recurrent continuous sequences of words”. With this goal in mind, in the second stage of the study we will use a recently proposed method called *Formulex* (Forsyth 2015b), which identifies properly fragmented n-grams based on the concept of ‘coverage’. According to Forsyth (Forsyth 2015b: 17), the method whereby “the sequences are mutually exclusive” and that “longer prefabricated phrases [are prevented] from being swamped by the elements of which they are composed” enables one to specify more precise boundaries of recurrent strings of words. As demonstrated by Grabowski & Juknevičienė (2016)¹³, *Formulex* method may come in useful when dealing with overlapping sequences of n-words or with those sequences of words that constitute fragments of longer n-grams (e.g., *в недоступном для детей, в недоступном для детей месте, хранить в недоступном для детей месте* ‘store in a place not accessible for children’). A problem like this one is often faced by researchers using the lexical bundles methodology (Biber et al. 1999) where the recurrent sequences of words are extracted from texts using the criteria such as orthographic length, minimum frequency and distribution range. In that approach, overlapping or structurally-incomplete items are often identified when analyzing highly-patterned, formulaic text types or genres; this is precisely the scenario that we aim to avoid when using *Formulex* method (Forsyth 2015b) in an attempt to extract right-sized n-grams from the study corpus.

¹³ Using a corpus of Lithuanian and Polish students’ EFL writing, Grabowski & Juknevičienė (2016) filtered out the original lists of lexical bundles, identified using three traditional criteria (Biber et al. 1999, 2003, 2004; Biber 2006), against the lists of formulas generated using the *Formulex* method (Forsyth 2015b).

4. Results

In the first stage of the study, we focused on exploration of the most salient words in Russian PILs. To that end, we used the Keysoft package (Forsyth 2014a) and identified keywords using three different metrics described earlier in this paper, that is G2 (Dunning 1993), Hedges' *g* (Hedges 1981) and Neozeta (Craig & Kinney 2009), which resulted in three lists with 52, 55 and 51 positive keywords respectively. The top-50 keywords are presented in Table 1. For the sake of clarity, all the numbers were deleted from the lists of keywords — this way three numbers were deleted from the keywords identified using G2 test, four numbers from the list identifies using Neozeta, and none from the list of keywords identified using Hedges' *g* metric. In brackets right next to each keyword, there is information concerning the overlap among the top-50 keywords, e.g., (3) indicates that a given keyword was identified using each method; (2) indicates an overlap between G2 and Neozeta; (2h) indicates an overlap between G2 and Hedge's *g*; (2n) indicates an overlap between Hedge's *g* and Neozeta; (1) indicates that a keyword was identified using a single method only. As mentioned earlier, this procedure should provide a preliminary insight into the similarity between the output of the three keyword metrics.

The results revealed that 22 keywords (44%) out of top-50 identified using three different metrics overlap with each other. Also, it was revealed that 20 keywords overlap in the case of using G2 test and Neozeta; 2 keywords (*реакции* 'reactions', *беременности* 'pregnancy') overlap in the case of using G2 and Hedges' *g*; 2 keywords overlap in the case of using Hedges' *g* and Neozeta (*особые* 'particular', *взаимодействие* 'interaction'). The most distinctive keywords were identified using Hedges' *g* statistic: 23 keywords (46%) do not overlap with the ones identified using either G2 or Neozeta. The corresponding figure for G2 and Neozeta is 7 for both metrics. Hence, the findings confirm that the three metrics — based on different statistical assumptions — prioritize different keywords.

The provisional results were further verified using Spearman Rank Correlation (R_s)¹⁴ applied to ranks of all positive keywords identified using each metric. In cases when a word does not occur on the list of positive keywords produced by a given metric, it was decided to assign to it a rank of $N+1$. For example, in comparisons of keywords identified using G2 (52 words) with the ones obtained using Hedges' *g* (55 words), all the words that occurred in G2 list (e.g., *после* 'after') were assigned 56th rank ($55 + 1$), as if they appeared on the Hedges' *g* list. The results confirmed our earlier observations: the highest R_s score (0.778)¹⁵ was reported in the case of G2 vs Neozeta, which indicates rather strong positive association. The R_s scores for G2 vs Hedges' *g* (0.293) and Hedges' *g* vs Neozeta (0.189) indicate weak association between the metrics.

¹⁴ The same approach was used by Baker (2010: 92).

¹⁵ Ranks in G2 test: Mean: 26.5, Standard deviation: 15.15; Ranks in Neozeta: Mean: 26.5, Standard deviation: 15.1; Covariance = $90.83 / 51 = 178.1$; $R_s = 178.1 / (15.15 * 15/1) = 0.778$.

Table 1

Keywords in Russian PILs (top-50): comparing G2, Hedges' g, Neozeta

Rank	G2	Hedges' g	Neozeta
1	мг (3)	препарата (3)	препарата (3)
2	препарата (3)	дозы (3)	при (3)
3	пациентов (2)	при (3)	пациентов (2)
4	при (3)	следует (3)	тг (3)
5	дозы (3)	противопоказания	следует (3)
6	следует (3)	применению (3)	дозы (3)
7	крови (3)	особые (2п)	У (2)
8	лечения (3)	взаимодействие (2п)	применения (3)
9	приема (3)	лекарственная (1)	или (1)
10	терапии (3)	форма (1)	крови (3)
11	применения (3)	лекарственными (3)	лечения (3)
12	с (3)	годности (1)	приема (3)
13	мл (2)	инструкцией (1)	после (2)
14	применении (3)	препарат (3)	применение (3)
15	применение (3)	показания (1)	терапии (3)
16	препарат (3)	побочное (1)	применении (3)
17	нарушения (2)	тг (3)	препарат (3)
18	печени (2)	торговое (1)	с (3)
19	у (2)	выпуска (1)	рекомендуется (3)
20	сутки (2)	применение (3)	развития (2)
21	стороны (1)	фармакокинетика (1)	до (1)
22	концентрации (2)	хранения (1)	течение (2)
23	таблетки (2)	фармакотерапевтическая (1)	применению (3)
24	редко (1)	отпуска (1)	может (1)
25	лечение (3)	действие (3)	концентрации (2)
26	рекомендуется (3)	фармакологические (1)	лечение (3)
27	риск (2)	симптомы (1)	печени (2)
28	доза (3)	вспомогательные (1)	риск (2)
29	применению (3)	рекомендуется (3)	мл (2)
30	снижение (2)	свойства (1)	период (2)
31	течение (2)	реакции (2п)	действие (3)
32	прием (2)	регистрационный (1)	снижение (2)
33	часто (1)	передозировка (1)	нарушения (2)
34	дозе (2)	лечение (3)	прием (2)
35	почек (2)	приема (3)	необходимо (1)
36	после (2)	средствами (3)	другими (1)
37	беременности (2п)	беременности (2п)	дозе (2)
38	препаратов (2)	применении (3)	препаратов (2)
39	составляет (3)	состав (1)	средствами (3)
40	развития (2)	срока (1)	функции (1)
41	пациенты (1)	доза (3)	таблетки (2)
42	период (2)	крови (3)	доза (3)
43	плазме (1)	применения (3)	риска (2)
44	со (1)	с (3)	составляет (3)
45	лекарственными (3)	осторожностью (1)	сутки (2)
46	риска (2)	терапии (3)	почек (2)
47	действие (3)	лечения (3)	лекарственными (3)
48	мин (1)	условия (1)	особые (2п)
49	средствами (3)	составляет (3)	системы (1)
50	реакции (2п)	повышенная (1)	взаимодействие (2п)

Although the application of each method results in three largely different sets of keywords, there are 22 overlapping words on three lists. These keywords may be provisionally divided into a number of functional categories, such as high-frequency function words (*при* ‘at’, *с* ‘with’) or content words (*составляет* ‘(it) constitutes’), measurement keywords (*мг* ‘mg’), keywords referring to administration of medicines to patients (*доза* ‘dose’, *дозы* ‘doses’, *действие* ‘activity’, *приема* ‘(drug) taking’, *применение, применения, применении, применению* ‘administration/application’), recommendation or advisory keywords (*рекомендуется* ‘it is recommended’, *следует* ‘(one) should’), keywords referring to human body (*крови* ‘blood’ gen.), procedural keywords (*лечение, лечения* ‘treatment’, *терапии* ‘therapy’), as well as aboutness keywords that convey a general idea about the topics raised in the Russian PILs (*препарат, препарата* ‘drug’, *лекарственными* ‘medicinal’, *средствами* ‘products’).

The second stage of the study is aimed to identify distinctive or salient sequences of words in the sample of Russian PILs. The rationale behind our approach is that the keywords are not salient by themselves or by virtue of the communicative function of the text variety under scrutiny only. On the contrary, it is believed that the salience of keywords measured by their outstanding frequency results from the frequent use of certain text chunks and/or grammatical constructions. For example, an outstanding frequency of articles in specialist texts may result from frequent use of noun phrases or nominalizations. To that end, in the final stage of the study, we used the Formulib software (Forsyth 2015a), a collection of scripts written in Python 3.4, and attempted to identify n-grams, built of four words or longer, with the highest coverage of texts in the study corpus. More specifically, the coverage threshold was arbitrarily set at 0.02%. Since coverage is calculated in terms of the number of characters, the corresponding threshold taking into consideration the size of the study corpus is 345 or more characters. As regards the procedure of n-gram extraction, Formulib script treats coverage as a binary category, which means that the number of n-grams that match a particular text sequence is irrelevant; what the program verifies is whether the text sequence is covered or not (Forsyth 2015b: 13—14). For example, if n-grams such as *связь с белками плазмы* and *с белками плазмы крови* cover a certain part of the text sequence *связь с белками плазмы крови* ‘interaction with blood plasma proteins’, each of those five words in the last sequence is marked as covered once. Based on that, the proportion of covered to uncovered characters for each text is calculated and, subsequently, the character coverage for a text category, in this study — Russian PILs, is aggregated (Forsyth 2015b: 13—14)¹⁶.

Apart from providing insights into recurrent chunks of text, the Formulex method (Forsyth 2015b) also allows one to identify boundaries between recurrent n-grams, in particular overlapping or structurally incomplete ones. To illustrate the problem, on 22 occasions in the Russian PILs a contiguous sequence of words, such as *с белками плазмы крови*, was not a fragment of a longer sequence *связь с белками плазмы крови*, which is recorded in Russian PILs 15 times; as a matter of fact, the sequence *с белками плазмы крови* occurs 46 times in total in various patterns in the Russian

¹⁶ Forsyth (2015b: 25) notes that his method is similar to one of the algorithms (“Serial Cascading Algorithm”) proposed by O’Donnell (2011: 149—153).

PILs corpus, yet it occurs by itself only 22 times. Such a solution, namely that “the sequences [of words] are mutually exclusive” and that “longer prefabricated phrases [are prevented] from being swamped by the elements of which they are composed of” (Forsyth 2015b: 17), allows one to specify more precise boundaries of formulaic sequences of words, which has been one of the challenges in research on n-grams or lexical bundles (Biber et al. 1999; Biber et al. 2004)¹⁷.

The results in the form of n-grams with the largest coverage in the Russian PILs are presented in Table 2. For the reasons of limited space, only the 50 n-grams with the largest coverage in the study corpus are presented; in practice, this translates into coverage of more than 0.02% of the study corpus. Also, the keywords found in the n-grams are presented in bold. It is believed that the salience of the 22 keywords constituting the core vocabulary of Russian PILs and identified earlier in the study may be also contingent on the frequent occurrence of the text chunks presented in Table 2. The reason for that is that those text chunks constitute textual building blocks of the Russian PILs.

Table 2 presents 50 n-grams, i.e., contiguous sequences of 4 and 5 words, with the largest coverage in the Russian PILs under study. The results reveal that among the ten top-coverage n-grams four are in fact headings describing macro-structure of the genre (*взаимодействие с другими лекарственными средствами* ‘interaction with other drugs’, *инструкция по медицинскому применению препарата* ‘instruction for medical use of the drug’, *способ применения и дозы* ‘methods of administration and doses’, *взаимодействие с другими лекарственными препаратами* ‘interaction with other medicinal products’), while the remaining ones are found within the PILs’ contents.

Since all the n-grams presented in Table 2 are frequently used in the analyzed text type, an attempt has been made to explore their discourse functions. To that end, we capitalized on two functional typologies. The first one is largely based on the functional taxonomy originally proposed by Douglas Biber, Susan Conrad and Viviana Cortes (2004: 384—388) and Biber (2006: 139—145) and applied to lexical bundles, which are divided into three inclusive categories, namely *referential*, *discoursal* and *expressing stance*. The other one is the functional typology originally developed by Kenneth Hyland (2008: 13—14), who divided lexical bundles into three major functional categories, namely *research-oriented* (in this study called “referential” bundles), *text-oriented* and *participant-oriented bundles* (in this study called “stance/evaluation” bundles).

More specifically, in this study *referential* n-grams refer to various properties (pharmacological, pharmacokinetic etc.) of medicines or to main themes conveyed in the Russian PILs; *text-oriented* n-grams help organize and convey information presented in the analyzed text type; finally, *stance/evaluation* n-grams help express judgments or assessments of information presented in the Russian PILs. Also, more fine-grained functional subcategories are provided to account for specific functional roles of the n-grams under scrutiny. In that respect, the typology used in the present research is similar to the one applied in the study of lexical bundles in Polish patient information leaflets (Grabowski 2014).

¹⁷ The same method was used by Grabowski & Juknevičienė (2016).

Table 2

Top-50 n-grams (by coverage) in Russian PILs

No.	Coverage	Freq.	Char.	Words	N-gram
1	0.1617	57	50	5	<i>взаимодействие с другими лекарственными средствами</i>
2	0.1202	45	47	5	<i>инструкция по медицинскому применению препарата</i>
3	0.1099	79	24	4	<i>способ применения и дозы</i>
4	0.0933	43	38	5	<i>со стороны сердечно сосудистой системы</i>
5	0.0854	59	25	4	<i>см раздел особые указания</i>
6	0.0839	29	51	5	<i>взаимодействие с другими лекарственными препаратами</i>
7	0.0535	31	30	4	<i>при одновременном применении с</i>
8	0.0529	25	37	5	<i>со стороны желудочно кишечного тракта</i>
9	0.0514	33	27	4	<i>см раздел побочное действие</i>
10	0.0501	30	29	4	<i>у пациентов пожилого возраста</i>
11	0.0499	28	31	5	<i>у пациентов с сахарным диабетом</i>
12	0.0477	22	38	5	<i>со стороны центральной нервной системы</i>
13	0.0428	22	34	4	<i>со стороны пищеварительной системы</i>
14	0.0381	18	37	5	<i>нарушения со стороны иммунной системы</i>
15	0.0379	22	30	4	<i>со стороны дыхательной системы</i>
16	0.0378	17	39	5	<i>у пациентов с почечной недостаточностью</i>
17	0.0369	17	38	5	<i>для приготовления раствора для инфузий</i>
18	0.0361	18	35	4	<i>с другими лекарственными средствами</i>
19	0.0333	13	45	5	<i>следует соблюдать осторожность при назначении</i>
20	0.0331	17	34	4	<i>следует соблюдать осторожность при</i>
21	0.0312	16	34	4	<i>может потребоваться коррекция дозы</i>
22	0.0304	13	41	5	<i>у пациентов с печеночной недостаточностью</i>
23	0.0294	12	43	4	<i>повышение активности печеночных трансаминаз</i>
24	0.0292	25	20	4	<i>у детей и подростков</i>
25	0.0285	19	26	4	<i>со стороны кожных покровов</i>
26	0.0285	16	31	5	<i>способ применения и дозы внутрь</i>
27	0.0282	22	22	4	<i>с белками плазмы крови</i>
28	0.0275	13	37	4	<i>таблетки покрытые пленочной оболочкой</i>
29	0.0267	10	47	5	<i>по поводу хронической сердечной недостаточности</i>
30	0.0258	16	28	4	<i>концентрации глюкозы в крови</i>
31	0.0256	20	22	4	<i>по сравнению с плацебо</i>
32	0.0247	12	36	5	<i>нарушения со стороны нервной системы</i>
33	0.0247	12	36	4	<i>с другими лекарственными препаратами</i>
34	0.0245	10	43	5	<i>претензии потребителей направлять по адресу</i>
35	0.0242	15	28	5	<i>связь с белками плазмы крови</i>
36	0.0234	10	41	5	<i>всасывается из желудочно кишечного тракта</i>
37	0.0233	22	18	4	<i>в течение 24 часов</i>
38	0.0231	16	25	5	<i>баллов по шкале чайлд пью</i>
39	0.0230	18	22	4	<i>у пациентов в возрасте</i>
40	0.0227	17	23	4	<i>не оказывает влияния на</i>
41	0.0223	10	39	5	<i>у пациентов с артериальной гипертензией</i>
42	0.0220	22	17	4	<i>в том случае если</i>
43	0.0218	14	27	5	<i>как и при применении других</i>
44	0.0218	14	27	4	<i>со стороны иммунной системы</i>
45	0.0217	26	14	4	<i>в связи с этим</i>
46	0.0217	10	38	5	<i>беременность и период кормления грудью</i>
47	0.0214	11	34	5	<i>со стороны костно мышечной системы</i>
48	0.0211	10	37	5	<i>у пациентов с фибрилляцией предсердий</i>
49	0.0211	10	37	4	<i>необходимо соблюдать осторожность при</i>
50	0.0209	15	24	4	<i>на фоне приема препарата</i>

As for *referential n-grams* (40 items), they include *topic n-grams*, referred to by Hyland (2008: 13) as *topic-bundles*, which identify certain themes conveyed in PILs or key aspects of medicines described therein. This group includes the following n-grams: *взаимодействие с другими лекарственными средствами* ‘interaction with other drugs’, *с другими лекарственными средствами* ‘with other drugs’, *с другими лекарственными препаратами* ‘with other medicinal products’, *взаимодействие с другими лекарственными препаратами* ‘interaction with other medicinal products’, *инструкция по медицинскому применению препарата* ‘instruction for medical use of the drug’, *таблетки, покрытые пленочной оболочкой* (‘film coated tablets’, i.e., referring to a pharmaceutical form of medicines), *по поводу хронической сердечной недостаточности* ‘due to chronic heart failure’, *беременность и период кормления грудью* ‘pregnancy and lactation period’ (i.e., referring to illnesses or physical conditions), *баллов по шкале чайлд пью* ‘points on the Child-Pugh scale’. Another group in this category includes *location n-grams*, which refer to composition, parts or systems of human organism (blood plasma, central nervous system, immune system etc.) affected by illnesses or subjected to the activity of medicines, e.g., *со стороны сердечно-сосудистой системы* ‘of the cardiovascular system’, *со стороны желудочно-кишечного тракта* ‘of the gastrointestinal tract’, *со стороны центральной нервной системы* ‘of the central nervous system’, *со стороны пищеварительной системы* ‘of the digestive system’, *нарушения со стороны иммунной системы* ‘disorders of the immune system’, *нарушения со стороны нервной системы* ‘disorders of the nervous system’, *со стороны дыхательной системы* ‘disorders of the respiratory system’, *со стороны кожных покровов* ‘of the skin surfaces’, *со стороны иммунной системы* ‘of the immunological system’, *со стороны костно-мышечной системы* ‘of the osseous muscular system’, *с белками плазмы крови* ‘with blood plasma cells’. Next, *procedure-related n-grams* relate to various aspects of administration of medicines to patients (preparation, dose etc.), e.g., *способ применения и дозы* ‘method of administration and doses’, *способ применения и дозы внутрь* ‘method of administration and use inside’, *при одновременном применении с* ‘when used simultaneously with’, *для приготовления раствора для инфузий* ‘for preparation of solution for infusion’, *на фоне приема препарата* ‘while taking the drug’, *по сравнению с плацебо* ‘in comparison with placebo’, *как и при применении других* ‘as well as in the application of’. Process-related n-grams describe chemical processes related to the activity or presence of active substances or excipients in the human body, e.g., *повышение активности печеночных трансаминаз* ‘increased activity of hepatic transaminases’, *концентрации глюкозы в крови* ‘blood glucose concentration’, *связь с белками плазмы крови* ‘interaction with blood plasma cells’, *всасывается из желудочно-кишечного тракта* ‘is being absorbed from the gastrointestinal tract’. Finally, one may find a single temporal n-gram (*в течение 24 часов* ‘within 24 hours’) related to the frequency of administration or duration of the activity of medicines.

Next, *text-oriented n-grams* include one *condition n-gram* (*в том случае если* ‘in the case when’), which is used to introduce certain condition related to administration of medicines, two *transition n-grams* (*в связи с этим* ‘in connection with this’, *не оказывает влияния на* ‘it does not affect’), which, according to Hyland (2008: 14), help

establish additive or contrastive links between information conveyed in PILs, and two text-deixis n-grams, e.g., *см раздел особые указания* ‘see section special instruction’, *см раздел побочное действие* ‘see section side effects’, which help readers navigate through the contents or macro-structure of PILs.

Finally, stance/evaluation n-grams include one *desire n-gram* (*может потребоваться коррекция дозы* ‘dosage adjustment may be required’), which expresses a desirable course of action undertaken by patients in the event of any problems arising from the use of medicines, and four *obligation/directive n-grams*, starting with the third person present tense form of the verb *следует* used in the impersonal form and followed by the infinitive ‘(one) should’, predicative *необходимо* ‘(one) needs’ followed by a single action verb in its infinitive form (*необходимо/следует соблюдать осторожность при* ‘(one) needs/should be careful when’), or centered around the verb in the infinitive form (*направлять* ‘send’), e.g., *претензии потребителей направлять по адресу* ‘customer complaints should be sent to’. All in all, this last group of n-grams is used to direct patients to carry out specific actions related to the use of medicines.

5. Conclusions

Inspired by theoretical insights from Russian, Polish and English phraseology, this methodologically-oriented study falls within the scope of frequency-driven distributional phraseology (Granger & Meunier 2008; Pezík 2013), and its main goal was to identify the keywords and distinctive recurrent sequences of words in a sample of Russian patient information leaflets, and — as a secondary goal — to describe their discursal functions. We also compared three methods of identifying keywords in texts (G2, Hedges’ g and Neozeta) and further tested — using Russian language material — a recently proposed method of identification of recurrent multi-word units called Formulex (Forsyth 2015b).

The results revealed that that 22 keywords out of top-50 identified using three different metrics overlap with each other. Those keywords refer to administration of medicines to patients or to recommendations and advice offered to patients. As for the methods of keyword identification, the biggest overlap was recorded between G2 and Neozeta methods, while the application of Hedges’ g yielded the most distinctive keywords. Finally, using Formulex method (Forsyth 2015b), we identified 50 n-grams with 4 or 5 words with the largest coverage in the Russian PILs. The qualitative analysis revealed that the largest group of those recurrent sequences of words perform referential functions, that is, they refer to various aspects of the use and administration of medicines.

In general, the findings revealed that the analyzed text type relies on a limited stock of single words and prefabricated chunks of text frequently used in Russian patient information leaflets, the items that account for the formulaicity of the text type under scrutiny. Also, the comparison of the performance of the three keyword metrics — each based on different statistical assumptions — enabled one to gain an insight into both similarities and differences¹⁸ between lexical patterns, which may come in useful for researchers using keywords in critical discourse analysis (CDA), among others.

¹⁸ This distinction is referred to by Gabrielatos (2018: 252) as *keyness-S vs keyness-D*.

As regards future avenues, more research is required to compare the performance of keyword metrics other than the ones used in this study. Also, to take into account distances between keyness scores, Gabrielatos (2018) proposes that candidate key words be clustered according to an effect size score, which is another idea for the future. As for comparisons of rankings of keywords, apart from Spearman Rank Correlation test used in this study, it is possible to use Mann Whitney U test on ranks to obtain another proximity score between different keyword metrics. Furthermore, it may be useful to consider employing other approaches to extract salient vocabulary from texts and study its aboutness, e.g., unsupervised topic modeling approaches (Silge & Robinson 2017) that help cluster individual words together providing an overview of the texts' semantic content¹⁹. Finally, more caution is required when it comes to selection of a reference corpus, which is one of the crucial decisions in the traditional keyword analysis. Although it is now known that there is no optimum size of the corpus (Gabrielatos 2018), it often happens — usually in the case of smaller corpora with limited representativeness — that many words do not occur in them. As a result, it is necessary to carefully think about an attenuating factor (i.e., its value) assigned to zero-frequencies in a reference corpus, and — more broadly — about the very characteristics of an appropriate reference purpose given the nature of the study corpus. Crucially, those decisions have important implications on the results of any keyword analysis. Last but not least, more comprehensive research is required to further compare different keyword metrics by conducting multiple studies on corpora of different size and make-up.

As for recurrent multi-word items, the Formulex method (Forsyth 2015b) should be compared with other metrics designed to extract structurally-complete or non-overlapping sequences of words from texts, e.g., cascading serial algorithm (O'Donnell 2011), transitional probability metric (Appel & Trofimovich 2015), Independence-Formulaicity score (Peżik 2015), frequency consolidation method (Buerki 2017), dependency-based approaches (Peżik 2018). Furthermore, the results of a study like this one may be further verified using lemmatized Russian language data. It is also hoped that this study may be inspirational for future research on distinctive recurrent lexical patterns and on formulaicity of other genres of texts originally written in Russian. Finally, a comparison of the findings presented in this paper with the ones conducted for patient information leaflets written in other languages may yield comparable data that may be employed for developing domain-specific multilingual resources useful for translators, lexicographers or teachers of Russian for specific purposes (RSP/ПООИЯ), among others.

© Łukasz Grabowski, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹⁹ See Murakami et al. (2017) for comparisons using topic modelling techniques, where it is not necessary to use a reference corpus, with a traditional keyword analysis involving comparisons of frequencies of individual items in a study corpus and a reference corpus.

REFERENCES

- Altenberg, Bernd (1998). On the phraseology of spoken English: The evidence of recurrent word combinations. In: A. Cowie (ed.), *Phraseology: Theory, Analysis and Applications*. Oxford: Oxford University Press. 101—122.
- Amosova, Natalia (1963). Ocnovy angliiskoi frazeologii [Fundamentals of English Phraseology]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta (cited in Cowie 1998, 5—6, 215).
- Anic'kov, Igor' (1992). Idiomatika i Semantika [Idiomatics and semantics]. *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 136—150 (cited in Dobrovolskij & Filipenko 2007, 715).
- Appel, Randy and Trofimovich, Pavel (2015). Transitional probability predicts native and non-native use of formulaic sequences. *International Journal of Applied Linguistics*. Article first published online: 29 Jan 2015 (accessed on 26 February 2015).
- Baker, Paul (2010). *Sociolinguistics and Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Baker, Paul, Gavin Brookes, and Craig Evans (2019). *The Language of Patient Feedback: A Corpus Linguistic Study of Online Health Communication*. London: Routledge.
- Bestgen, Yves (2018). Evaluating the frequency threshold for selecting lexical bundles by means of an extension of the Fisher's exact test. *Corpora*, 13(2), 205—228.
- Biber, Douglas (2006). *University Language. A corpus-based study of spoken and written registers*. Amsterdam: John Benjamins.
- Biber, Douglas, Susan Conrad, and Viviana Cortes (2003). Lexical bundles in speech and writing: An initial taxonomy. In Andrew Wilson, Paul Rayson, & Tony McEnery (eds.), *Corpus Linguistics by the Lune: A Festschrift for Geoffrey Leech*. Frankfurt/Main: Peter Lang, 71—92.
- Biber, Douglas, Susan Conrad, and Viviana Cortes (2004). If you look at...: Lexical bundles in university teaching and textbooks. *Applied Linguistics*, 25 (3), 371—405.
- Biber, Douglas, Stig Johansson, Geoffrey Leech, Susan Conrad, and Edward Finegan (1999). *The Longman grammar of spoken and written English*. London: Longman.
- Bogusławski, Andrzej (1976). O zasadach rejestracji jednostek języka. *Poradnik językowy* 8, 356—364.
- Bogusławski, Andrzej (1978). Jednostki języka a produkty językowe. Problem tzw. orzeczeń peryfrastycznych. In: Mieczysław Szymczak (ed.), *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 15—30.
- Buerki, Andreas (2017). Frequency consolidation among word N-grams: a practical procedure. In: Ruslan Mitkov (ed.), *Computational and Corpus-Based Phraseology, Lecture notes in Computer Science*, vol. 10596. Cham: Springer, 432—446.
- Burrows, John (2007). All the way through: testing for authorship in different frequency strata. *Literary and Linguistic Computing*, 22 (1), 27—48.
- Cacchiani, Silvia (2006). Dis/similarities between Patient Information Leaflets in Britain and Italy: Implications for the Translator. *New Voices in Translation Studies*, 2, 28—43.
- Cacchiani, Silvia (2016). On intralinguistic translation from summaries of product characteristics to patient information leaflets. In: Giuliana Elena Garzone, Dermot Heaney & Giorgia Riboni (eds), *LSP Research and Translation across Languages and Cultures*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 219—251.
- Chlebda, Wojciech (1991). *Elementy frazematki: wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole: Wydawnictwo WSP.
- Chlebda, Wojciech (2009). Idiomatykon 4: gdzie jesteśmy, dokąd zmierzamy (i parę zdań o tym, skąd przychodzimy). In: Wojciech. Chlebda (ed.), *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski 4*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 9—38.

- Chlebda, Wojciech (2010). Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproductów wielowyrzowych. In: Wojciech Chlebda (ed.), *Na tropach reproductów: w poszukiwaniu wielowyrzowych jednostek języka*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 15—35.
- Clerehan, Rosemary, Di Hirs and Rachele Buchbinder (2009). Medication information leaflets for patients: the further validation of an analytic linguistic framework. *Communication & Medicine* 6 (2), 117—128.
- Cowie, Anthony (1998). *Phraseology: Theory, analysis and applications*. Oxford: Clarendon Press.
- Craig, Hugh and Kinney, Arthur F. (eds.) (2009). *Shakespeare, Computers, and the Mystery of Authorship*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dobrovolskij, Dmitri, and Tatjana Filipenko (2007). Russian phraseology. In: Harald Burger (ed.), *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*, Vol. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 714—727.
- Dunning, Ted (1993). Accurate Methods for the Statistics of Surprise and Coincidence. *Computational Linguistics*, 19 (1), 61—74.
- Eder, Maciej (2016). Słowa znaczące, słowa kluczowe, słowozbiory — o statystycznych metodach wyszukiwania wyrazów istotnych. *Przegląd Humanistyczny*, 3, 31—44.
- Ellis, Paul (2010). *The Essential Guide to Effect Sizes: Statistical Power, Meta-Analysis, and the Interpretation of Research Results*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Erman, Britt and Warren, Beatrice (2000). The idiom principle and the open choice principle. *Text*, 20 (1), 29—62.
- Forsyth, Richard (2014a). *Keysoft*. Available at: <http://www.richardsandesforsyth.net/software.html> (accessed on 14 March 2017).
- Forsyth, Richard (2014b). *Keysoft. User notes* <http://www.richardsandesforsyth.net/docs/formulib.pdf> (accessed on 14 March 2017).
- Forsyth, Richard (2015a). *Formulib: Formulaic Language Software Library*. Available at: <http://www.richardsandesforsyth.net/zips/formulib.zip> (accessed on 30 November 2015).
- Forsyth, Richard (2015b). Formulib: Formulaic Language Software Library. User notes <http://www.richardsandesforsyth.net/docs/formulib.pdf> (accessed on 2 November 2015).
- Forsyth, Richard and Sharoff, Serge (2014). Document dissimilarity within and across languages: A benchmarking study. *Literary and Linguistic Computing*, 29 (1), 6—22.
- Forsyth, Richard, and Łukasz Grabowski (2015). Is there a formula for formulaic language? *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*, 54 (1), 511—549.
- Foster, Pauline (2001). Rules and routines: A consideration of their role in the task-based language production of native and non-native speakers. In Martin Bygate, Peter Skehan and Merrill Swain (eds.), *Researching pedagogic tasks: Second language learning, teaching, and testing*. Harlow: Longman, 75—93.
- Gabrielatos, Costas and Marchi, Anna (2011). Keyness. Matching metrics to definitions. Paper presented at the conference Corpus Linguistics in the South: Theoretical-methodological challenges in corpus approaches to discourse studies — and some ways of addressing them. Portsmouth, United Kingdom, 5 Nov 2011. Available at: <http://repository.edgehill.ac.uk/4100/7/Gabrielatos%26Marchi-Keyness-2011.pdf> (accessed 15 October 2012).
- Gabrielatos, Costas (2018). Keyness Analysis: nature, metrics and techniques. In Charlotte Taylor and Anna Marchi (eds.), *Corpus Approaches to Discourse: A Critical Review*. Oxford: Routledge, 225—258.
- Gałkowski, Błażej (2006). Kompetencja formułiczna a problem kultury i tożsamości w nauczaniu języków obcych. *Kwartalnik Pedagogiczny*, 4, 163—180.

- Goźdz-Roszkowski, Stanisław (2011). *Patterns of Linguistic Variation in American Legal English. A Corpus-Based Study*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag.
- Grabowski, Łukasz (2014). On Lexical Bundles in Polish Patient Information Leaflets: A Corpus-Driven Study. *Studies in Polish Linguistics*, 19 (1), 21—43.
- Grabowski, Łukasz (2015a). Keywords and lexical bundles within English pharmaceutical discourse: a corpus-driven description. *English for Specific Purposes*, 38, 23—33.
- Grabowski, Łukasz (2015b). Phrase frames in English pharmaceutical discourse: a corpus-driven study of intra-disciplinary register variation. *Research in Language*, 3, 266—291.
- Grabowski, Łukasz (2015c). *Phraseology in English Pharmaceutical Discourse: A Corpus-Driven Study of Register Variation*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Grabowski, Łukasz (2018). Kilka słów o formułczości z różnych perspektyw językoznawczych. In: Alicja Pstyga, Tatiana Kananowicz and Magdalena Buchowska (eds.), *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza. Tom VII. Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 67—76.
- Grabowski, Łukasz and Juknevičienė, Rita (2016). Towards a refined inventory of lexical bundles: an experiment in the Formulex method. *Kalbu Studijos/Studies About Languages*, 29, 58—73.
- Granger, Sylviane and Meunier, Fanny (2008). Introduction: The many faces of phraseology. In: Sylviane Granger & Fanny Meunier (eds.), *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Amsterdam: John Benjamins, xix—xxx.
- Hardie, Andrew (2014). Statistical identification of keywords, lockwords and collocations as a two-step procedure. Paper delivered at the ICAME 35 conference, Nottingham, UK, March 2014. Available at: <http://www.nottingham.ac.uk/conference/fac-arts/english/icame-35/documents/icame35-book-of-abstracts.pdf> (accessed on 15 March 2017).
- Hedges, Larry (1981). Distribution Theory for Glass's Estimator of Effect Size and Related Estimators. *Journal of Educational Statistics*, 6 (2), 107—128.
- Hyland, Kenneth (2008). As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. *English for Specific Purposes*, 27, 4—21.
- Ivanov, Vyacheslav (1957). Lingvisticheskie vzglyady E. D. Polivanova [Linguistic views of E.D. Polivanov]. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 55—76. Available at: <http://vja.ruslang.ru/archive/1957-3.pdf> (accessed 5 August 2019).
- Kecskes, Istvan (2016). Deliberate Creativity and Formulaic Language Use. In: Keith Allan, Alessandro Capone and Istvan Kecskes (eds.), *Pragmemes and Theories of Language Use*. Berlin: Springer, 3—20.
- Kilgarriff, Adam (2009). "Simple maths for keywords". In: Michaela Mahlberg, Victorina González-Díaz and Catherine Smith (Eds), *Proceedings of Corpus Linguistics Conference CL2009*. University of Liverpool, UK, July 2009. Available at: <https://www.sketchengine.co.uk/wpcontent/uploads/2015/04/2009-Simple-maths-for-keywords.pdf> (accessed on 12 March 2017).
- Kilgarriff, Adam, Vit Baisa, Jan Bušta, Milos Jakubíček, Vojtech Kovář, Jan Michelfeit, Pavel Rychlý and Vit Suchomel (2014). The Sketch Engine: ten years on. *Lexicography* 1 (1), 7—36.
- Kunilovska, Maria, Natalia Morgoun and Alexey Pariy (2018). Learner vs. professional translations into Russian: Lexical profiles. *Translation & Interpreting*, 10 (1), 33—52. Available at: <https://trans-int.org/index.php/transint/article/view/585/304> (accessed on 16 December 2018).
- Mel'cuk, Igor' (1995). Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Martin Everaert, Erik-Jan van der Linden, Andre Schenk and Rob Schreuder (eds.), *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 167—232. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1500171&pg=175> (accessed 10 March 2014).

- Mel'cuk, Igor' (1998). Collocations and Lexical Functions. In: Anthony Cowie (ed.), *Phraseology: Theory, analysis and applications*. Oxford: Clarendon Press, 21—53.
- Montalt Resurrecció, Vicent and Gonzalez Davies, Maria (2007). *Medical Translation Step by Step. Translation Practices explained*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Moon, Rosamund (2007). Corpus linguistic aspects of phraseology. In: Harald Burger (ed.), *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenoessischer Forschung* Vol. 2, Berlin: Walter de Gruyter, 1045—1059.
- Murakami, Akira, Paul Thompson, Susan Hunston and Dominik Vajn (2017). 'What is this corpus about?': using topic modelling to explore a specialised corpus. *Corpora*, 12 (2), 243—277.
- Myles, Florence and Cordier, Caroline (2017). Formulaic Sequence(fs) Cannot be an Umbrella Term in SLA: Focusing on Psycholinguistic FSs and Their Identification. *Studies in Second Language Acquisition*, 39, 3—28. Available at: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/AFCD7233ACEC89C2A4314392127C5967/S027226311600036Xa.pdf/div-class-title-formulaic-sequence-fs-cannot-be-an-umbrella-term-in-sla-div.pdf> (accessed on 12 December 2016).
- Nam, Daehyeon and Lee, Sungmin (2016). Lexical bundles in spoken and written Russian. *Corpus Linguistics Research*, 2, 46. Available at: <http://www.kacl.or.kr/read.php?pageGubun=journalsearch&pageNm=article&search=&journal=Vol.%202&code=286336&issue=21290&Page=2&year=2016&searchType=&searchValue=> (accessed on 12 March 2017).
- Nelson, Robert (2018). How 'chunky' is language? Some estimates based on Sinclair's Idiom Principle. *Corpora*, 13(3), 431—460.
- O'Donnell, Matthew Brook (2011). The adjusted frequency list: A method to produce cluster-sensitive frequency lists. *ICAME Journal*, 35, 135—169.
- Pęzik, Piotr (2013). Wybrane aspekty reprezentatywności małych i średnich korpusów. In: Wojciech Chlebda (ed.), *Na tropach korpusów. W poszukiwaniu optymalnych zbiorów tekstów*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 45—58.
- Pęzik, Piotr (2015). Using n-gram independence to identify discourse-functional lexical units in spoken learner corpus data. *International Journal of Learner Corpus Research*, 1 (2), 242—255.
- Pęzik, Piotr (2018). *Facets of prefabrication. Perspectives on modelling and detecting phraseological units*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Phillips, Martin (1989). *Lexical Structure of Text. Discourse Analysis Monographs 12*. Birmingham: University of Birmingham (cited in Scott 2001: 110).
- Rosenfeld, Barry and Penrod, Steven (2011). *Research Methods in Forensic Psychology*. London: John Wiley and Sons (cited in Gabrielatos & Marchi 2011).
- Schmitt, Norbert and Carter, Ronald (2004). Formulaic sequences in action: An introduction. In: Norbert Schmitt (ed.), *Formulaic Sequences: Acquisition, Processing and Use*. Amsterdam: John Benjamins, 1—22.
- Scott, Michael (1996—2017). *WordSmith Tools*. Liverpool: Lexical Analysis Software. Available at: <http://www.lexically.net/wordsmith/> (accessed on 30 May 2017).
- Scott, Michael (2001). Mapping key words to *problem* and *solution*. In Michael Hoey, Michael Scott and Geoff Thompson (eds.), *Patterns of text: In Honour of Michael Hoey*. Amsterdam: John Benjamins, 109—127.
- Scott, Michael (2008). *WordSmith Tools Help*. Liverpool: Lexical Analysis Software.
- Sinclair, John (1991). *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press.
- Silge, Julia and Robinson, David (2017). *Text Mining with R. A Tidy Approach*. [Section 6: Topic modelling]. Sebastopol: O'Reilly Media.

- Stubbs, Michael (2011). Three concepts of keywords. In Michael Scott and Marina Bondi (eds.), *Keyness in Texts*. Amsterdam: John Benjamins, 21—42.
- Vinogradov, Victor (1947/1977). O osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke [About Basic Types of Phraseological Units in Russian]. In Alexey Shakhmatov (ed.), *Сборник статей и материалов* [Collection of Papers and Materials]. Moscow: Nauka, 339—364 (cited in Cowie 1998, 2—4 and Dobrovolskij & Filipenko 2007, 714). Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm> (accessed on 10 August 2012).
- Wood, David (2015). *Fundamentals of Formulaic Language*. London: Bloomsbury.
- Wood, David (ed.) (2010a). *Perspectives on Formulaic Language: Acquisition and Communication*. London: Continuum.
- Wood, David (ed.) (2010b). *Formulaic Language and Second Language Speech Fluency. Background, Evidence and Classroom Applications*. London: Continuum.
- Wray, Allison and Perkins, Michael (2000). The functions of formulaic language: an integrated model. *Language & Communication*, 20, 1—28.
- Wray, Allison (2002). *Formulaic language and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wray, Allison (2008). *Formulaic language. Pushing the boundaries*. Oxford: Oxford University Press.
- Wray, Allison (2009). Identifying formulaic language. Persistent challenges and new opportunities. In Roberta Corrigan, Edith Moravcsik, Hamid Ouali and Kathleen Wheatley (eds.), *Formulaic Language. Vol. 1. Distribution and historical change*. Amsterdam: John Benjamins. 27—51.

Article history:

Received: 29 January 2019

Revised: 02 March 2019

Accepted: 15 April 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 января 2019

Дата принятия к печати: 15 апреля 2019

Bionote:

ŁUKASZ GRABOWSKI — Associate Professor at the Institute of Linguistics, University of Opole (Poland), and Department of English and American Studies, University of Ostrava (Czechia). His research interests include corpus linguistics, phraseology, formulaic language, translation studies and lexicography. He is also interested in computer-assisted methods of text analysis. He has published research articles in *International Journal of Corpus Linguistics*, *English for Specific Purposes*, *International Journal of Lexicography* as well as book chapters with John Benjamins, Emerald or Springer, among others.

Contact information: e-mail: lukasz@uni.opole.pl or Lukasz.Grabowski@osu.cz

ORCID ID: 0000-0002-3968-9218

Сведения об авторе:

ЛУКАШ ГРАБОВСКИЙ — доцент Института языкознания Опольского университета (Польша) и кафедры английских и американских исследований Остравского университета (Чехия). Научные интересы включают корпусную лингвистику, фразеологию, лексикографию, теорию и практику перевода, а также методы анализа текста с привлечением компьютерных технологий. Имеет публикации в международных журналах, в частности *International Journal of Corpus Linguistics*, *English for Specific Purposes*, *International Journal of Lexicography* и др.

Контактная информация: e-mail: lukasz@uni.opole.pl или Lukasz.Grabowski@osu.cz

ORCID ID: 0000-0002-3968-9218

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-681-697

Research Article

Tourist Notices in the Spotlight of Linguistic Landscape and Translation Studies

Magdaléna Bilá and Ingrida Vaňková

University of Prešov

1, 17. Novembra Str., 08078, Prešov, Slovakia

Abstract

In the 21st century, even local tourist spots are globally accessible and need to be communicated in a globally shared language, a lingua franca (Ben-Rafael & Ben Rafael 2015). The language of most obvious choice among speakers from different linguacultural backgrounds is English. When translating notices in national parks into English, translators should predominantly consider the function of the TT (target text), the target audience (not exclusively L1 speakers of English but, the speakers of a variety of languacultures communicating in English as lingua franca (ELF) and opt for translation solutions that would account for visitors representing a diversity of languacultures. The present paper aims at finding out what modifications in translation of visitors' rules may be necessary if the target readership is to be considered, and at explicating the translation process through applying a transdisciplinary perspective of ELF studies, linguistic landscape (LL) studies, cross-field studies on conceptualization, translanguaging and translation studies. The study shows that these modifications affect the significance and hierarchy of the four principles operating in LL (presentation-of-self, power-relations, good reasons and collective-identity) and are projected into specific LL-tailored translation solutions (shifts in modality, lexis, style and discourse markers). The modifications are achievable in ELF, which, as a form and function, a de-regionalized and de-culturalized artifact of global village, is capable of catering for a variety of languacultures with their specific societal conventions, practices, and the whole explicit and implicit axio-sphere.

Keywords: *linguistic landscape, multilingualism, translanguaging, English as lingua franca, languaculture, conceptualization, translating, translation solutions*

For citation:

Bilá, Magdaléna and Vaňková, Ingrida (2019). Tourist Notices in the Spotlight of Linguistic Landscape and Translation Studies. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 681—697. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-681-697.

Научная статья

Туристические уведомления в контексте изучения языкового ландшафта и переводоведения

Магдалена Била, Ингрида Ванькова

Прешовский университет

1, 17. Novembra Str., Прешов, 08078, Словакия

Аннотация

В XXI веке даже локальные туристические места доступны всему миру, и о них следует писать на глобальном языке — lingua franca (Ben-Rafael & Ben Rafael 2015). Наиболее очевидным выбором для носителей разных лингвокультур является английский язык. При переводе на английский язык

уведомлений в национальных парках переводчикам следует обращать особое внимание на функцию целевого текста, целевую аудиторию (не только носителей английского языка, но и тех, кто использует его как *lingua franca*) и стремиться к переводческим решениям, приемлемым для носителей разных лингвокультур. Цель настоящей статьи — определить, как следует модифицировать переводы уведомлений для туристов, учитывая целевую аудиторию, и эксплицировать процесс перевода, используя междисциплинарный подход, объединяющий представителей изучения языка как *lingua franca*, исследователей концептуализации, многоязычия и переводоведения. Исследование показывает, что эти модификации влияют на значимость и иерархию четырех принципов, применяемых при изучении языкового ландшафта (самопрезентации, отношения власти, здравого смысла и коллективной идентичности) и определяют переводческие решения (переключение модальности, выбор лексики, стиля и дискурсивных маркеров). Модификации доступны при использовании английского языка как *lingua franca*, который, будучи формой и функцией, артефактом глобальной деревни, не привязанным к определенному региону, способен удовлетворять потребности разных лингвокультур, с их устоями, практиками и системой ценностей.

Ключевые слова: языковой ландшафт, многоязычие, английский язык, *lingua franca*, лингвокультура, концептуализация, перевод, переводческие решения

Для цитирования:

Bilá, Magdaléna and Vaňková, Ingrida (2019). Tourist Notices in the Spotlight of Linguistic Landscape and Translation Studies. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 681—697. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-681-697.

1. Introduction

Due to technical and scientific progress and international cooperation, the world has virtually shrunk into a ‘global village’. Globalization has been modeling modern everyday life; the world’s economies, cultures, and populations become increasingly interconnected, cross-border financial transactions and exchange of merchandise, services, technology and information are commonplace, frequently accompanied by flows of labor force. The effect of globalization, also referred to as ‘McDonaldization’ (Heller 2003), is multifaceted and politically charged (beneficial for society as a whole, while instigating detriment to certain social groups of people)¹.

Globalization has affected each branch of economy including tourism labeled as the 21st century industry. Due to globalization, even rare tourist destinations have come under the spotlight and become globally accessible. This situation requires that the local tourist spots be communicated in a globally shared language. Nowadays, the role of a language acting as a globally shared “*lingua franca*” is fulfilled by English.

2. Globalization and the Role of English as *Lingua Franca*

Depending on the specific cultural context, various *lingua francas* may be selected, such as English, Russian, Chinese (Muth 2017, Pavlenko 2017) or French (Hülmbauer, Böhringer, Seidlhofer 2008). However, English as *lingua franca* (ELF) tends to be the language of most frequent choice among speakers from different linguacultural backgrounds. ELF setting may include Inner (L1 speakers) and Outer Circle (English as a foreign/second language) speakers (Jenkins 2009). This status of ELF is also manifested in translating tourist texts targeted at visitors from a variety of linguacultural back-

¹ What is globalization? And how has the global economy shaped the United states <https://piie.com/microsites/globalization/what-is-globalization.html>.

grounds. Predictably, the translators commissioned to translate public notices on furnishing information and regulating visitors' activities in tourist areas consider the function of the translated text and the target audience representing a variety of languacultures communicating in ELF.

English, a high-status lingua franca, is primarily used with an emblematic function (Blommaert 1996) implying prestige and modernity, and, most noticeably, the prominent position of its users in the social, political, and economic spheres (Papen 2012) and has become an advantage for non-English-speaking countries (Ben-Rafael and Ben-Rafael 2015). English is 'imported' into the original languacultural settings due to various reasons, such as a country's operating in global markets, hosting worldwide events (Aristova 2016), accepting foreign labor force or trying to attract visitors to tourist destinations. Current globalization trends are typically associated with ELF playing a paramount role both globally and locally, thus affecting the conventional language configurations in many aspects (Aristova 2016).

In ELF encounters 'English' operates as a means of intercultural communication. Being appropriated to ever-changing communication contexts and purposes, it exhibits both regularity and variability of forms and structures, "it is constantly emergent, constantly 'under construction'" (Hülmbauer, Böhringer, Seidlhofer 2008: 33). In Europe, ELF is one of the features of multilingual settings, a contact language emerging from the need to use a language repertoire suitable for a wide range of language users whose native languacultures are different but who have opted for English as a suitable foreign language (Gnutzman 2000). Hülmbauer, Böhringer, Seidlhofer (2008: 27) emphasize the functional definition of ELF by stressing its purpose as a means of intercultural communication, as opposed to formal definition accounting for its relatedness to the native speaker norms. Within intercultural communicative settings, such an understanding of ELF, shuns the view of this variety as a deviant one, it rather treats it "as democratized and universalized in the exolingual use" (Hülmbauer, Böhringer, Seidlhofer 2008: 27) and stresses the language users' intercultural competences and strategies (*ibid*).

Within the provided definition of ELF, the above-cited scholars (2008: 28) have reconsidered the concepts of speaker status, community and variety. L1 speakers are no longer viewed upon the *Russian Journal of Linguistics* (21 (3), 493—514) as norm-setting, ELF users are thus independent of native speaker norms and can cooperatively and on-line negotiate meanings and create their own norms in order to adjust the code to their communication needs. ELF users are perceived as a specific community, a community of practice, for which a common native language is irrelevant, a community not defined by a common language variety, rather a variety constantly being shaped by the community (*ibid*).

ELF is viewed as a contact variety operating in intercultural settings, as an amalgam of native forms and structures and the ones that are the outcomes of communicative strategies aiming at achieving an effective goal of intercultural communication (*ibid*). Scholars investigating ELF have summarized its features as resulting from underlying processes exploiting redundancy (e.g. omitting the 3rd person singular — (e)s), creating novel combinations and forms which may be regarded as 'latent possibilities' (Widdowson 2003), e.g. adding words as in *in the year 2019*, reconsidering the functions of certain structures, e.g. overuse of -ing forms, etc.

3. Linguistic Landscape, Translanguaging and Multilingual Identity

Tourist areas are associated with a specific kind of social practice — engaging in meaningful leisure time activities (such as getting to know new places and new people, enjoying new experiences and carrying out a variety of outdoor activities) thus representing a specific type of public space. On the one hand, participating in given activities testifies to an individual's social role fulfillment (that of an educated and sophisticated person with a reasonable income, being aware of the necessity of a healthy and active lifestyle). On the other hand, it confirms the individual's social status (manifesting their affiliation to a social class, to other individuals who can afford to buy a package of services and sports gear related to visiting tourist places and engaging in all sorts of sports activities).

National parks and tourist spots, as places that can offer the aforementioned pastimes have become favorite tourist destinations and, at the same time, specific public spaces. “[P]ublic space has been drawn into the processes of commercialization, and, over the past few decades it has been intensely globalized, i.e. incorporated into the flow of cultural patterns across the globe” (Ferenčík 2015: 367). The signage and notices occurring in them appeal to the potential visitors' needs, tastes and desires, and, in a certain manner and to a certain extent, they also regulate the visitors' behavior and activities. Thus, tourist areas have become linguistic landscapes and, unsurprisingly, are getting the attention of LL studies.

A region-specific linguistic landscape (LL), in the flagship study authored by Landry and Bourhis (1997: 23), is defined as the “visibility and salience of languages on public and commercial signs in a given territory or region”, or as “the use of language in its written form in the public sphere <...> language that is visible in a specified area” by other scholars (Bourhis and Landry 2002 In: Gorter 2006). A LL is conceptualized as “a symbolic construction of the public space” (Ben-Rafael & Ben-Rafael 2015), as “a buffer between the state and the private sphere” (Habermas 2013), “a kind of social construct resulting from limitless human choices, barely governed by a universal pattern” (Burr 2003), as a space “riddled with ‘LL items’ created by all kinds of LL actors” (Ben-Rafael & Ben Rafael 2015). An updated understanding of LL also includes moving signage of various kinds (such as running lines on video screens, ads and texts on vehicles, on clothing, etc.) and institutional, commercial and individual websites, thus viewing a LL not as a static entity but as a highly dynamic and virtual entity (Yelenevskaya and Fialkova 2017).

When walking or driving along linguistic landscapes, we are submerged by all the signage and texts some of which we intentionally read or merely glimpse for a split of a second, but oftentimes the words from signage on the buildings and facilities remain undetected. Scholars view a linguistic landscape as a Gestalt which materializes from the display of signs. In a LL, due to fluidity in using various languages, the individual signs and languages cease to function as discrete entities and fluctuation between various language codes — translanguaging — is observed, understood as the selecting and deploying of particular features, structures and even modalities from a unitary linguistic repertoire (Ben-Rafael et al. 2010).

The flexibility and dynamism of comprehending signage and texts in several languages is captured in the concept of multilingualism (Wei 2011, Cenoz and Gorter 2015, Pavlenko 2017, Yelenevskaya and Fialkova 2017). From the perspective of trans-

linguaging, multilingual language users utilize their language repertoire as an interrelated and unitary communication system, not as a sum of discrete and disconnected entities (*cf.* Kecskes and Papp 2002; Canagarajah 2013; Velasco and García 2014). In order to achieve multilingual conceptual fluency (see: Danesi 1992), it is crucial for multilinguals to create a unified and complex linguistic and conceptualization system which serves as an inventory of language features and concepts.

4. Translation in a Language Landscape

The configuration of languages in a LL testifies to their local significance, to the statuses of certain languages in a country or a region. In other words, the rate of occurrence of a certain language within a LL reflects its status, prestige, power and significance in a society (Kasanga 2012). English occupies a special position in a LL. On the one hand, it fulfills emblematic functions (Blommaert 1996) as a display and symbolic language associated with modernity and high status of its users. On the other hand, in translated signage and notices, it is utilized for different reasons being used more functionally, as a lingua franca, for those who may not be able to communicate in the local language(s) (Koskinen 2012: 81).

In translated signage and texts, the favored direction of translation indicates what its primary purpose is — either to help speakers of the local language to understand English or to cater for foreigners who prefer communicating in English as lingua franca (Koskinen 2012). Scholars in LL research and in translation studies regard the target user orientedness as a fundamental issue. With regard to translated signage and texts in LL, considerations of potential readers materialize in various pragmatic adaptations in translation, such as explicitation, censorship, and politeness strategies (Koskinen 2012) the result of which would be a translation accessible and acceptable to readers from diverse languacultures. In the same vein, ELF scholars argue that within a specific communication context in which speakers from different languacultures communicate in English, modifications within any local form of ELF are to be made for the benefit of all the interactants (Jenkins 2009). Thus, “ELF is <...> a question, not of orientation to the norms of a particular group of English speakers, but of mutual negotiation involving efforts and adjustments from all parties” (Jenkins 2009: 201). For the purpose of translations within LL, we understand ELF as a strategy combined with a fluctuating form, the value of which lies in its adaptability to various languacultures.

For the purpose of analyzing translation-related issues in LL studies, the categorization of multilingual writing strategies was introduced by Reh (2004). The taxonomy includes duplicating multilingual information (furnishing identical information in a source language and target language/s), fragmentary display of multilingual information (providing full information in one language and translating parts of it into the target language), overlapping arrangement of multilingual information (partly identical information provided in the ST and TT, however with some supplementary information given in ST and TT) and complementary multilingual writing (accounting for code-switching or code-mixing) (Koskinen 2012: 79—80).

Edelman (2010: 99) elaborated on Reh’s categorization further subdividing the duplicating into “word-for-word translation” and “free translation”, labeling fragmentary translation as “partial translation” and adding the category of “no translation” thereby tagging the shortage of a translation component in complementary multilingual writing

(Koskinen 2012). “However, within translation studies this traditional binary division has been found to be too simplistic, and to grasp the variety of translation strategies fully, a more nuanced understanding of the options available for translators is needed. This is where translation studies can be of assistance” (Koskinen 2012: 80). Moreover, Koskinen (2012) claims that any categorization of multilingual writing strategies should be tailor-made taking into consideration the target audience and the specific language-pair in question (Koskinen 2012).

5. Research

5.1. Objective, Method and Material (data)

The objectives of the present paper are to find out what modifications in translation of visitors’ rules may be necessary in order to take considerations of the target readership from various languacultures, and to explicate the components of the translation process through applying a transdisciplinary perspective of ELF studies, LL studies, cross-field studies on conceptualization, translanguaging and translation studies.

We have posed two research questions: How is the conceptualization of visitors’ rules achieved in the source texts (STs) and target texts (TTs), with regard to the four principles structuring LL (presentation-of-self, power-relations, good reasons and collective identity)? How are the potential conceptualization discrepancies projected into the translation process?

Thereby we may explicate and elucidate the translation solutions for a specific discourse in a multilingual setting. The data to be analyzed comprise Slovak source texts of tourist notices photographed in all 7 national parks in Slovakia, 4 tourist spots, in 4 ski resorts, 2 camping areas, 5 tourist trails and 3 water sport areas as well as 5 related websites and their renderings into English.

The below-given notice exemplifies duplicating bilingual information (Reh 2004), i.e. furnishing identical facts in a source language (Slovak, on the left) and a target language (on the right) without considering the target readership orientedness. This is a commonly occurring presentation of information in tourist notices in the seven Slovak national parks under investigation; identical types of lexis and morphosyntactic structures are used in both ST and TT.

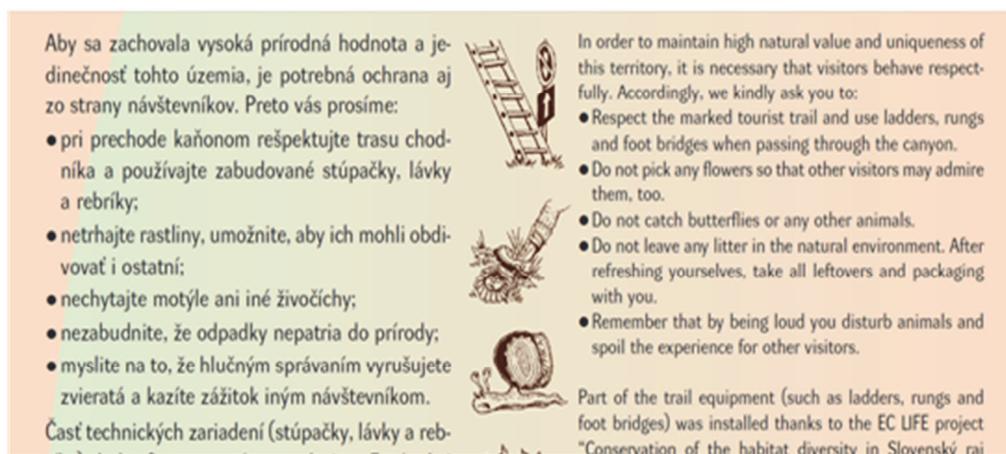

Figure 1: Example of a notice board with Slovak text and its duplicate translation into English

5.2. Suggesting the components of the translating process

We agree with Koskinen (2012) who argues that Reh's categories have proven to be helpful, but it appears mandatory to account for the roles and functions of the translated LL texts, and these can only be explicated through analyzing the suggested components of the translating process itself.

We have elaborated on our previous research based on socio-constructivist treatment of human identity, exploring it as a structure defined by using and experiencing language and producing discourses (Bilá, Kačmárová and Vaňková 2015). We view a translator as having a multilingual identity from a socio-pragmatic perspective, i.e. "by virtue of their regular exposure to social encounters in native settings or with native speakers" (Kačmárová 2011), and we intend to expand such treatment to the encounters with language configurations within a LL. In the present research, we understand a multilingual person as an individual capable of translanguaging.

We (Bilá, Kačmárová and Vaňková 2017) have developed a four-dimensional pattern of the process of conceptualization which we have applied to linguistic studies (linguistics terminology) and socio-pragmatic studies (conceptualizing various relationships associated with the expression 'friend', Bilá, Kačmárová and Vaňková, forthcoming). In the analysis below, we apply it to a model of translator's activities involved in LL translation of the aforementioned discourse. The four-point design of the process of conceptualization includes:

1. Frame establishment
2. Encoding/Pre-understanding
3. Saliency
4. Code configuration

The suggested four-dimensional pattern should guarantee that the translation as an intercultural communication has taken place; since it is only when the conceptualization is adopted that the transfer of meaning from a SL (source language) into a TL (target language) has been performed. Conceptualization means necessarily the proper assigning of meanings to the whole texts as well as to their structural components (Bilá, Kačmárová and Vaňková 2018).

5.2.1. Frame establishment

In order to achieve conceptualization, it is necessary to employ a cognitive structuring device, an organizer of human experience (Fillmore 1985), which in translating may be understood as identifying the text function, the target audience/readership (*cf* Nord 2005) and the topic(s). In this particular case, the target text function is to inform and persuade visitors and, at the same time, to regulate their behavior. The target audience includes visitors from a variety of languacultures and the topics comprise the interlinkage of tourist industry and green issues. Appropriate understanding of the frame enables the translator to perform an in-depth analysis of the ST which, in our paradigm, is referred to as encoding/pre-understanding.

5.2.2. Pre-understanding

Developing on hermeneutic pre-understanding (Ricoeur 2000), this concept, in our research, represents conceptual knowledge of cultural and linguistic structural systems and codes of a SL, an inevitable part of the translating process, and a TL. At this stage,

the translator identifies a specific type of discourse, while this identification causes further specifics of the translator's performance. In this case, it is the discourse of a LL in the structuration of which four principles operate (Ben-Rafael 2009), namely the presentation-of-self, good-reasons, collective-identity and power-relation (ibid). We assume that in the explored type of discourse all four principles are involved, however, their share in a SL (Slovak) and TL (ELF) discourses differs.

Our assumption is that this types of Slovak texts derive from legal documents (usually available on websites) issued by central or local governments and therefore are compiled as such. They fulfill conative and informative functions manifested through morphosyntactic and lexical features of legal language (rules for visitors are verbalized as orders and/or prohibitions taking the form of imperatives, e.g. in Figure 1: *netrhajte rastliny — don't pick plants*; and passives, e.g. in Figure 2: *pohyb motorových vozidiel je zakázaný — the movement of motor vehicles is prohibited*). Each legal language is embedded in a specific culture (Šarcevic 2000) and, therefore, utilizes specific features with regard to the manner of expressing certain concepts. Thus, in accordance with the Slovak conventions, the notices for tourists and visitors are understood as quasi-legal directive or regulatory (see Schneiderová 2013) texts.

The Slovak tourist notices are top-down texts² (official texts) commonly consisting of three parts — introduction, body and conclusion (see Figure 2 below). The first part may be characterized as a text on marketing performing predominantly an informative function combined with persuasion. It tends to be rich in terminology and formal in register, thus creating social distance between the initiator/author and the target readership.

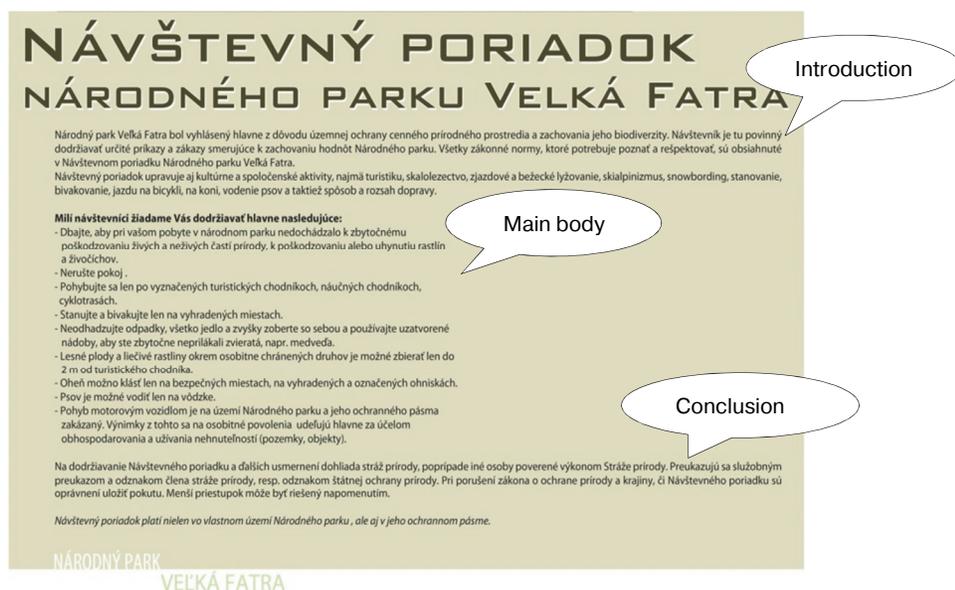

Figure 2: Example of a Slovak LL top-down-text consisting of three parts

² LL studies differentiate between top-down and bottom-up texts taking into consideration a difference between official texts placed by the government or official institutions and non-official texts placed by commercial enterprises or by private organizations or persons (Gorter 2006).

The main body specifies the rules formulated as imperatives (orders and prohibitions), hence its chief function is conative. This part may also be rich in terminology, formal learned lexis and legalese (oftentimes making explicit reference to legal documentation and specific acts of law), passives and impersonal syntactic structures again creating social distance between the initiator/author and the target readership.

Finally, the conclusion tends to fulfill a conative function through calling upon the visitors to obey the rules. The social distance between the initiator/author and the target readership is reiterated here through presenting the initiator/author as the authority endowed with the power or privilege to issue orders, make decisions, and enforce respect and obedience with regard to tourist spots.

The discourse in question manifests a specific arrangement of the four principles operating in LL. All of them are present, however, they do not seem to be balanced; rather they exhibit varied degrees of significance. The presentation-of-self principle is established at the very beginning of the discourse — in its introductory part, and is expressed through lexical items (terminology and formal register), by means of which the national park authority manifests their expertise and exclusive status with regard to a specific national park. The given principle is foregrounded in the main body in which the initiator/author, as an authority in charge, exercises their power and imposes a number of rules on the visitors. The presentation-of-self and the power-relation principles tend to be intertwined, difficult to separate and even inter-dependent. A national park/tourist spot authority claims all responsibilities, not allowing for any share of the public in this respect. Stylistically, the discourse is structured in such a manner that protecting the environment is to be achieved through obeying the rules rather than through participating in or sharing the responsibilities, or engaging in a joint action. Thus, due to the absence of any appeal for joint action, the collective-identity principle tends to be backgrounded, thus defying the concept of active citizenship. Similarly, the-good-reasons principle, though implicitly present, is backgrounded.

5.2.3. *Saliency*

Salient meanings are generally understood as such meanings that are favored over other meanings, especially because of being encoded in the user's mind as conventional, or prototypical (Giora 1997, 2003). Based on the user's prior experience and the mere communicative situation and/or mental frame, they are processed automatically. Saliency is a matter of involvement of one's experience. It is built upon prior knowledge: an experience is once one of many (one within the hierarchy of possible meanings) and gradually becomes the most frequent for the mental frame concerned (Kačmárová, Bilá and Vaňková 2018).

The hierarchy and arrangement of the aforementioned principles (both in L1 and L2) becomes encoded in a translator's mind through intensive study, translating practice and general exposure to particular discourses. From the perspective of translation as a form of intercultural communication, a translator becomes aware of the discrepancies between the hierarchy and arrangement of these principles in the source languaculture and the target languaculture. In other words, what is taken for granted in one culture does not work for another culture, and a specific arrangement of these principles in one lan-

guaculture may be unacceptable in another one. In LL of a global village, we cater for a variety of languacultures, i.e. it appears to be inevitable to communicate the topic in question (regulating our behavior in a certain manner in order to protect the environment) through applying the four principles of LL structuring in the manner that is both globally and locally accessible and acceptable. Due to the involvement in the specific LL of a variety of languacultures and the necessity to account for all the aspects of text structuring (e.g. with regard to operating on the scale between directness and implicitness as endpoints), the salient choice of a code for a translator seems to be ELF.

5.2.4. Code configuration

This stage completes the process of translation as intercultural communication. Rendering the meanings in the target language is performed in the configuration process, i.e. in drafting and editing the target text with the deployment of available translation solutions in ELF. In other words, with regard to the specific type of discourse (tourist notice), in order to arrive at an appropriate translation solution in ELF, the process of translating has to be preceded by three phases: frame establishment (i.e. identifying the text function, target audience/readership and the topic), pre-understanding (i.e. identifying the particular type of discourse and the operating principles in the SL text) and salience (i.e. the selection of the appropriate language/code).

Tables 1, 2 and 3 and the following discussion provide the exemplification and the justification of suggested translation solutions in the selected target language — ELF. The middle columns of the three tables give the literal translation of the SL lexis and structures in order to illustrate the difference in expressing the meaning in the SL (Slovak) and the target language (ELF). We have rendered the translation in order to exemplify the code-configuration stage in the translating process. The given solutions strive to account for such TL form and function (ELF with modifications) that would be accessible and acceptable for the target readership representing a diversity of languacultures.

In the introductory ST (column 1) a preference for academic terminology (transferred Latin or Greek words associated with academic papers) and professional terminology (formal terms used by experts) may be observed; in the suggested TT popular terms prevail (i.e. layman vocabulary, i.e. familiar alternative terms) (Newmark 1988). The subcategories of academic and professional terms represent a higher level of terminology than popular terms, thus intensifying the formality and impersonality through which the self-presentation and power-relation principles are not only utilized but even enhanced.

Table 1

Introduction: Exemplification of ST and TT translation solutions

ST — Slovak	Literal translation	TT — Translation solution
Atraktivnosť územia zvyšuje aj výskyt zaujímavých skalných útvarov...	The attractiveness of the area is enhanced by occurrence of interesting rock formations...	In the area, you can admire various interesting rock formations...
strmé a hlboké kaňony	steep and deep canyons	sheer-faced canyons
tiesňavy a rokliny	mountain passes and gorges	rock chimneys
Kaňon je prístupný celoročne.	The canyon is accessible all the year round.	You can visit the canyon and enjoy staying here in any season.

Opting for popular terms in the TT is a shift to a lesser degree of formality and impersonality, which results in reducing the social distance and thus in rearranging the order of the four principles. Using accessible (popular terminology) less impersonal language enhances the principles of collective-identity (“*all of us do understand on what grounds an area becomes a national park*”) and good reasons (“*all of us are and are willing to be in charge of protecting the environment*”). Because of this shift, the self-presentation and power-relations principles become backgrounded.

Table 2

Main body: ST vs. TT translation solutions

	ST — Slovak	Literal translation	TT — Translation solution
1	Aby krásu prírody NP SR aj v budúcnosti mohli návštevníci obdivovať v tejto podobe, pri pohybe, pobyte a činnosti na území NP SR je potrebné dodržiavať nasledovné pokyny.	In order to preserve the beauty of the Slovenský raj National Park so that, in future, visitors may enjoy it in this form, when moving around, staying and engaging in activities, in the territory of the National Park, it is necessary to obey the following instructions.	In order to preserve its natural beauties for future generations, the visitors are requested: ...
2	Chráňte prírodu Slovenského raja.	Protect the natural beauties of the Slovak Paradise.	[the visitors are requested:] to protect the countryside.
3	Netrhajte a nepoškodujte rastliny.	Do not tear or damage plants.	[the visitors are requested:] not to tear and damage plants.
4	Klášť oheň v lese a jeho blízkom okolí mimo vyhradených miest je zakázané.	It is forbidden to put up fire in the forest and its surroundings, outside the designated areas.	[the visitors are requested:] to make fires only in designated areas and not make fires in the woods and nearby areas.
5	Neničte hniezda vtákov, nepoškodujte zariadenia na prikrmovanie zveri. Rušenie, prenasledovanie a odchyt živočíchov je zakázaný.	Do not destroy birds' nests; do not damage animal feed points. Disturbing, pursuit and trapping of animals are prohibited.	[the visitors are requested:] not to destroy birds' nests, not to damage feeding areas. Disturbing, chasing and catching animals is forbidden.
6	Zachovajte ticho. Vo voľnej krajine obmedzujte používanie svetiel a vonkajšieho osvetlenia.	Keep quiet. In the open country, reduce the use of lights and outdoor lighting.	[the visitors are requested:] not to make unnecessary noise and to restrict the use of lights.
7	Voľný pohyb psov v NP je zakázaný.	Free movement of dogs in the NP is prohibited.	[the visitors are requested:] to keep dogs on leads.

The main body specifies the rules; hence its chief function is conative. In the ST (see column 2 for literal translation), within the modal meanings, orders and prohibitions prevail taking the morphosyntactic forms of imperatives and passives. These morphosyntactic features, together with the richness of terminology, formal learned lexis and even legalese foreground the principles of self-presentation and power-relations. The remaining two principles of good-reasons and collective-identity, though inherently present, are not explicitly articulated. In such a manner, social distance between the initiator/author and the target readership is created.

In the TT (column 3) we suggest a considerable shift in expressing modality in that the modal meaning of order and prohibition changes into the modal meaning of request.

From the perspective of translation procedure, we suggest a change in expression, more specifically a change in perspective (boxes 4, 6 and 7)³. This shift, together with popular terminology in the TT, results in decreasing formality and impersonality, thus reducing the social distance and, consequently, rearranging the four principles. Change in modal meanings, preference for popular terminology and less impersonal language act in favor of the principles of collective-identity (“*all of us are familiar with do’s and don’ts in national parks*”) and good-reasons (“*all of us are in charge of protecting the environment*”). Because of this shift, the self-presentation and power-relations principles are subdued.

Table 3

Conclusion: Exemplification of ST and TT translation solutions

	ST — Slovak	Literal translation	TT — Translation solution
1	Počas svojho pobytu v NP SR dodržujte Návštevný poriadok.	During your stay in the National Park, follow the Visiting Rules.	Please follow these rules when staying in the NP.
2	Takto i Vy nám pomôžete ochrániť prírodu.	This way you will help us to protect nature.	You can also help to protect the nature in this way.
3	Želáme Vám príjemný a ničím nerušený pobyt.	We wish you a pleasant and undisturbed stay.	We wish you a pleasant and peaceful stay.

In the ST, the conclusion fulfills a conative function through calling upon the visitors to obey the rules (see column 2). Within the modal meanings, orders and statements of facts prevail manifested by the morphosyntactic form of imperatives and declaratives (with the modal verb *will*). The social distance between the initiator/author and the target readership is reiterated since the initiator/author acts as the authority.

In the TT (column 3) we suggest a considerable shift in expressing modality, due to which the modal meaning of order changes into the modal meaning of a polite request (use of the discourse marker *please* in box 1) and the modal meaning of statement of fact (*will*) shifts into the modal meaning of possibility (*can*). Regarding the translation procedure, we again recommend a change in expression, more specifically a change in perspective. This shift, together with popular terminology in the TT, results in decreasing formality and impersonality thus reducing the social distance and, consequently, rearranging the four principles. The change in modal meaning and the use of a less impersonal language act in favor of the principles of collective-identity and good-reasons (“*all of us are members of a culture community, being here and now, and can protect the environment because we know how to achieve that*”) and to the disadvantage of self-presentation and power-relations principles.

6. Conclusion

The discourse of tourist notices manifests a specific arrangement and hierarchy of four principles operating in LL. We suggest that in translated texts operating in a linguistic landscape, their significance and hierarchy be scrutinized and subjected to the function and target reader orientedness.

³ The term is defined by A. Pym (2016).

In the Slovak ST (tourist notice), the principle of the presentation-of-self is established in the very introduction of the text expressed through lexical items (terminology) and formal register. Thus, the authority in question — a National Park Administration/A Local Government — manifests their exclusive status and expertise with regard to the tourist area. In the main body, the given principle is in the forefront; thereby the initiator/author becomes an authority that is in charge of imposing a number of rules on the visitors to a national park. The presentation-of-self principle merges with the power-relation principle in that a National Park Administration/A Local Government is self-presented as the only government body entitled to operate and protect a national park. Thus, the collective-identity and the-good-reasons principles, though inherently present, are backgrounded.

In the suggested TT, the hierarchy of four principles is different, and this rearrangement is achieved through several language means and communication strategies. Reducing the social distance is achieved by preferring accessible (popular terminology), using less impersonal language and changing modal meanings (order and prohibition are converted into requests/polite requests), thereby boosting the collective-identity and good-reasons principles. The self-presentation and power-relations principles, though inherently present, become backgrounded.

The ST arrangement and the suggested TT rearrangement of the four principles can be illustrated by the following figure.

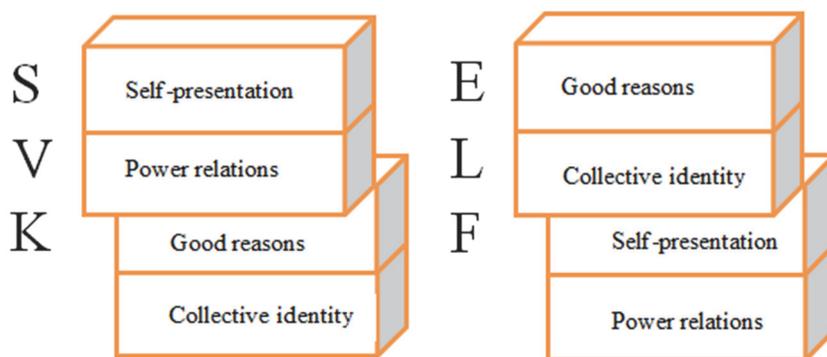

Figure 3: Hierarchy of Four LL Principles in a ST and a TT

We suggest that in rendering the Slovak tourist notices (quasi-legal texts) in ELF certain considerations be taken into account. For the purpose of translation, these texts may be considered as promotional tourist-friendly texts providing references to the relevant Slovak legislation. Therefore, the function and/or purpose of the target text should be considered as the starting point of the translation process. The initiator then would operate as an active agent and clearly and succinctly communicate the details of all the extratextual features of the TT (such as its placement in physical or virtual space, accompaniment by graphic material, video material, etc.).

In summary, if the translation of visitors' notice in a national park/a tourist area is to fulfill its function, i.e. to furnish the readership with information on the natural beauties and rules to be followed, several modifications appear to be necessary. The

modifications affect the significance and hierarchy of the four principles operating in LL, and these are subsequently projected into specific LL-tailored translation solutions. These may include shifts in modality, lexis, style and discourse markers. In addition, in accordance with EU documentation, e.g. European Models of Good Practice in Protected Areas (2004), a recommendation on the manner of communicating environment protection issues was suggested. Specifically, the language means should be widely comprehensible, clear and “free of the impenetrable jargon” (Synge 2004). The modifications are achievable in ELF, which, as a form and function, a de-regionalized and de-culturalized artifact of the global village is capable of catering for a variety of languacultures with their specific societal conventions, practices, and the whole explicit and implicit axio-sphere.

The present research is by no means exhaustive. In the follow-up investigation, the suggested renderings will be tested through experiments in which informants representing the languacultures of most frequent visitors to the Slovak national parks and tourist spots will be involved in order to provide a justification for the EFL renderings. Furthermore, we may explore the justification of the principle of faithfulness observed in translating tourist notices in other types of quasi-legal texts.

© Magdaléna Bilá, Ingrida Vaňková, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The present research has been conducted within the authors' research activities in the following project: KEGA 007PU-4/2019 entitled *Defining a writing style of scholarly papers written in English vs. Slovak/Slavic languaculture conventions*.

REFERENCES

- Aristova, Nataliya (2016). English translations in the urban linguistic landscape as a marker of an emerging global city: The case of Kazan, *Russia. Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 231, 216—222. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.09.094.
- Backhaus, Peter (2007). *Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Barni, Monica and Carla Bagna (2015). The critical turn in LL: New methodologies and new items in LL. *Linguistic Landscape, an international journal*, 1, 1-2, 6—18, doi: 10.1075/ll.1.1-2.0bar.
- Ben-Rafael, Eliezer and Miriam Ben-Rafael (2015). Linguistic landscapes in an era of multiple globalizations. In: *Linguistic Landscape, an international journal*, 1, 1-2, 19—37. doi: 10.1075/LL.1.1-2.02ben.
- Ben-Rafael, Eliezer; Elana Shohamy, Muhammad Amara and Nira Trumper-Hecht (2006). Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel. In: Gorter, D. (Ed.) *Linguistic Landscape. A New Approach to Multilingualism*. Buffalo, Toronto: Multilingual Matters Ltd., 7—30.
- Bilá, Magdaléna, Alena Kačmárová and Ingrida Vaňková (2015). Adopting cross-disciplinary perspectives in constructing a multilingual's identity. *Human Affairs: a postdisciplinary journal for humanities & social sciences*. 25 (4), 430—442. doi: 10.1515/humaff-2015-0035.
- Bilá, Magdaléna, Alena Kačmárová and Ingrida Vaňková (2017). What is behind the compiling of a dictionary for a bilingual user? *Evolving nature of the English Language: Studies in theoretical and applied linguistics*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 201—209.

- Blommaert, Jan (1996). Language planning as a discourse on language and society: the linguistic ideology of a scholarly tradition. *Language Problems and Language Planning*, 20 (3), 199—222.
- Burr, Vivien (2003). *Social constructionism*. London: Routledge.
- Canagarajah, Suresh (2007). The Ecology of Global English. *International Multilingual Research Journal*, 1:2, 89—100. doi: 10.1080/15257770701495299.
- Danesi, Marcel (1992). Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension. In: Alatis, J. (Ed.), *Georgetown University round table on language and linguistics*. Washington, DC: Georgetown University Press, 189—500.
- Ferenčík, Milan (2012). English in the Glocalized World: English Language Profile of a Local Linguistic Landscape from a Pluriparadigmatic Perspective. In: *Language, literature and culture in a changing transatlantic world II: part I: linguistics, translation and cultural studies*. Prešov: Faculty of Arts, University of Prešov, 36—57.
- Ferenčík, Milan (2015). Construction of private space in an urban semioscape: a case study in the socio-linguistics of globalisation. *Human Affairs: a postdisciplinary journal for humanities & social sciences*, 25 (4), 365—379. doi: 10.1515/humaff-2015-0029.
- Giora, Rachel (1997). Understanding figurative and literal language: The graded salience hypothesis. *Cognitive Linguistics*, 8 (3), 183—206. doi: 10.1515/cogl.1997.8.3.183
- Giora, Rachel (2003). *On Our Mind: Salience context and figurative language*. New York: OUP.
- Gnutzmann, Claus (2000). Lingua franca. In Byram, M. (ed.). 2004. *Routledge encyclopedia of language teaching and learning*. London: Routledge, 356—359.
- Gorter, Durk and Cenoz, Jasone (2015). Translanguaging and linguistic landscapes. *Linguistic Landscape, an international journal*, 1 (1-2), 54—74. doi: 10.1075/ll.1.1-2.04gor.
- Gorter, Durk (2006). The Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism. In: Gorter, D. (Ed.) *Linguistic Landscape A New Approach to Multilingualism*. (Clevedon • Buffalo • Toronto: Multilingual Matters LTD. 1—7.
- Habermas, Jürgen (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: Polity Press.
- Heller, Monica (2003). Globalization, the new economy and the commodification of language. *Journal of Sociolinguistics* 7 (4), 473—492. doi: 10.1111/j.1467-9841.2003.00238.
- Hülmbauer, Cornelia, Heike Böhringer and Barbara Seidlhofer (2008). Introducing English as a lingua franca (ELF): Precursor and partner in intercultural communication. *Synergies Europe* (3), 25—36.
- Jenkins, Jennifer (2009). English as a Lingua Franca: interpretations and attitudes. *World Englishes*. 28 (2), 200—207. doi: 10.1111/j.1467-971X.2009.01582.x.
- Káčmárová, Alena (2012). Multikulturalita a jej sociálny rozmer. In: *Jazyk a kultúra: internetový časopis Lingvokulturologického a prekladateľsko-tlmočnického centra excelentnosti pri Filozofickej fakulte Prešovskej univerzity v Prešove* [online], 2 (5). Available at: http://www.ff.unipo.sk/jak/5_2011/kacmarova.pdf.
- Káčmárová, Alena, Magdaléna Bilá and Ingrida Vaňková (2018). *The conceptualizing of conceptualization (of Linguistics Metalanguage)*. Prešov: FF PU. Available at: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Kacmarova6>.
- Kasanga, Luanga Adrien (2012). Mapping the linguistic landscape of a commercial neighbourhood in Central Phnom Penh. In: *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 33 (6), 553—567. doi:10.1080/01434632.2012.683529.
- Keckes, Istvan and Tunde Papp (2000). *Foreign language and a mother tongue*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publishers.

- Koskinen, Kaisa (2012). Linguistic Landscape as a Translational Space: The Case of Hervanta, Tampere. In: Vuolteenaho, Ameen, L., Newby, A. & M. Scott (eds.) *Language, Space and Power: Urban Entanglements. Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences 13*. Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies, 73—92.
- Landry, Rodrigue and Richard Y Bourhis (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 16 (1), 23—49. doi: 10.1177/0261927X970161002.
- Muth, Sebastian (2017). Russian language abroad: viewing language through the lens of commodification. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (3), 463—492. doi: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-463-492.
- Newmark, Peter (1988). *A Textbook of Translation*. New York, London, Toronto, Sydney, Tokyo: Prentice Hall.
- Nord, Christiane (2005). *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-oriented Text Analysis*. Amsterdam, New York: Rodopi, B. V.
- Papen, Uta (2012). Commercial discourses, gentrification and citizens' protest: The linguistic Landscape of Prenzlauer Berg, Berlin. *Journal of Sociolinguistics*, 16 (1), 56—80. doi: 10.1111/j.1467-9841.2011.00518.
- Pavlenko, Aneta (2017). Linguistic landscape and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (3), 493—514. doi: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514.
- Pym, Anthony (2016). *Translation Solutions for Many Languages. Histories of a flawed dream*. Bloomsbury academic.
- Reh, Mechthild (2004). Multilingual writing: A reader-oriented typology — with examples from Lira Municipality (Uganda). *International Journal of the Sociology of Language*, 170, 1—41.
- Ricoeur, Paul (2000). *Čas a vyprávění I*. [Narrative Time I]. Praha: Oikomenh.
- Šarcevic, Susan (2000). *New Approach To Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International.
- Schneiderová, Anna (2013). In: Ďuricová, A. (ed.). *Od textu k prekladu VIII. Klasifikácia právnych textov a problematika prekladu*. Praha: Jednota tlumočníků a překladatelů, 96—110.
- Shohamy, Elana, Eliezer Ben-Rafael and Monica Barni (eds.) (2010). *Linguistic Landscape in the City*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Synge, Hugh (2004). *European Models of Good Practice in Protected Areas*. IUCN, Gland, Switzerland, and Cambridge, UK and the Austrian Federal Ministry of Agriculture, Forestry, Environment and Water Management.
- Velasco, Patricia and Ofelia García (2014). Translanguaging and the writing of bilingual learners. *Bilingual Research Journal: The Journal of the National Association for Bilingual Education*, 37 (1), 6—23. doi: 10.1080/15235882.2014.893270.
- Wei, Li (2011). Moment analysis and translanguaging space: Discursive construction of identities by multilingual Chinese youth in Britain. *Journal of Pragmatics*, 43 (5), 1222—1235, doi: 10.1016/j.pragma.2010.07.035.
- Widdowson, Henry G. (2003) *Defining issues in English language teaching*. Oxford: Oxford University Press.
- Yelenevskaya, Maria and Larisa Fialkova (2017). Linguistic landscape and what it tells us about the integration of the Russian language into Israeli economy. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (3), 557—586. doi: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-557-492.

Article history:

Received: 15 January 2019

Revised: 21 February 2019

Accepted: 05 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 января 2019

Дата принятия к печати: 5 марта 2019

Bionotes:

MAGDALÉNA BILÁ is a Professor at the Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, The University of Prešov in Prešov, Slovak Republic. Her research interests include comparative and contrastive studies (juxtaposing English and Slovak), discourse analysis and translation studies (conceptualization in a source and a target language).

Contact Information: e-mail: magdalena.bila@unipo.sk

INGRIDA VAŇKOVÁ is an Assistant Professor at the Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, The University of Prešov in Prešov. Her research interests include comparative and contrastive studies (English and Slovak lexicology, phraseology, and word formation), text hermeneutics, and translation studies.

Contact Information: e-mail: ingrida.vankova@unipo.sk

Сведения об авторах:

МАГДАЛЕНА БИЛА — профессор Института британистики и американистики Прешовского университета в Прешове, Словакия. Сферы научных интересов: компаративные и контрастивные исследования (сопоставление английского и словацкого языков), дискурс-анализ и переводоведение (концептуализация языка-источника и языка перевода).

Контактная информация: e-mail: magdalena.bila@unipo.sk

ИНГРИДА ВАНЬКОВА — доцент Института британистики и американистики Прешовского университета в Прешове, Словакия. Сферы научных интересов: компаративные и контрастивные исследования (английская и словацкая лексикология, фразеология и словообразование), текстовая герменевтика и переводоведение.

Контактная информация: e-mail: magdalena.bila@unipo.sk

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-698-713

Research Article

Conceptual Metaphor as a Means of Terrorist Suggestion (on the Material of the Islamic State Video Messages)

Andrey Fomin and Elizaveta Mona

Kemerovo State University
650000, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia

Abstract

Manipulative verbal influence is an immanent feature of modern international communication. Successful realization of the suggestive aspect allows the speaker to exert influence on the recipient's worldview and ingrain certain ideological attitudes in their mind. This situation is characteristic of various types of discourse: political, advertising and media. However, the most dangerous for political stability and safety is utilization of persuasive linguistic devices by extremist groups and terrorist organizations. Thus, research in this field has become extremely relevant. The article presents linguistic analysis of such manifestations of destructive manipulation in the Islamic State (IS) speech, found in their official video messages. The analysis was carried out on the material of the official IS video messages, obtained through the selective sampling method on the video hosting website YouTube. Within the framework of the research we distinguish, classify and subject to a thorough linguistic analysis of conceptual metaphors which are used by the terrorists. The data obtained enables us to make a conclusion regarding the key role of conceptual metaphor in realization of the IS speaker's communicative intention, which presupposes attracting the recipient's attention to their activities and creating a radicalized ideological attitude in the minds of the audience. Furthermore, we prove that the metaphor is deliberately used by the terrorists to successfully fulfill their pragmatic intention, which involves manipulating the recipient. The provisions developed as part of the study and the results of the analysis can be further applied in modelling the mechanisms to confront and counteract terrorist suggestion in cyberspace and mass media.

Keywords: *communicative intention, conceptual metaphor, terrorist discourse, suggestive influence, linguistic manipulation, verbal extremism*

For citation:

Fomin, Andrey and Mona, Elizaveta (2019). Conceptual Metaphor as a Means of Terrorist Suggestion (on the Material of the Islamic State Video Messages). *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 698—713. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-698-713.

Концептуальная метафора как инструмент реализации террористической суггестии (исследование на материале видеообращений исламского государства)

А.Г. Фомин, Е.А. Мона

Кемеровский государственный университет
Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия

Аннотация

Манипулятивное речевое воздействие является имманентной чертой современной международной коммуникации. Успешная реализация суггестивной задачи позволяет спикеру влиять на мировоззрение реципиента и внедрять в его сознание определенные идеологические установки. Подобная ситуация характерна для различных дискурсов: политического, рекламного, медийного. Однако наиболее опасным для политической стабильности и безопасности целевой аудитории является применение речевых приемов и языковых средств реализации персуазивной стратегии экстремистскими группировками и террористическими организациями. В связи с этим, исследования в данной области являются на сегодняшний день крайне актуальными. Данная статья посвящена лингвистическому анализу подобных проявлений деструктивной манипуляции в устной речи спикеров Исламского Государства (ИГ), зафиксированной в официальных видеообращениях. Материалом для работы послужили официальные видеозаписи террористов ИГ, отобранные методом направленной выборки на видео хостинге YouTube. В рамках исследования выделяются, классифицируются и подвергаются детальному лингвистическому анализу концептуальные метафоры, употребляемые террористами. Результаты анализа позволяют выявить ключевую роль концептуальной метафоры в достижении спикером ИГ коммуникативной цели, заключающейся в привлечении внимания к своей деятельности и создании радикальной идеологической установки в сознании общественности. Также доказывается, что метафора целенаправленно используется террористами и для успешной реализации прагматической установки, предполагающей оказание манипулятивного воздействия на реципиента. Положения, разработанные в ходе исследования, и полученные результаты анализа могут быть в дальнейшем применены при моделировании механизмов противостояния и противодействия террористической суггестии в киберпространстве и медийной среде.

Ключевые слова: коммуникативная интенция, концептуальная метафора, террористический дискурс, суггестивное воздействие, языковое манипулирование, вербальный экстремизм

Для цитирования:

Fomin, Andrey and Mona, Elizaveta (2019). Conceptual Metaphor as a Means of Terrorist Suggestion (on the Material of the Islamic State Video Messages). *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 698—713. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-698-713.

1. Introduction

To date, extremist groups' and terrorist organizations' use of information and communication technologies is considered to be one of the most socially significant global problems. More specifically, in order to propagate their destructive ideology, the Islamic State (henceforth — the IS) militants employ various communication tools, which enables them to achieve a great public impact by manipulating mass media. The terrorists issue leaflets containing threatening slogans and make use of audio and video equipment to record their messages, which are further uploaded onto various websites

accessible to the general public. Such activities are examples representative of “verbal extremism”. As a rule, since verbal extremism is used to achieve political goals, the influence of advanced means of propaganda on mass audience in causing public uproar is quite significant (Korosteleva 2015: 20).

Nowadays manipulative influence is commonly revealed in public speech. Radical groups try to reach massive target audience by subliminally applying linguistic means of social mind manipulation. Manipulation might be considered as a form of persuasion. However, whereas persuasion provides the recipient with a choice of whether to accept certain ideas and perform some actions or not, manipulation makes the recipient more passive, unable to resist the speaker’s suggestion (Van Dijk 2006). Linguistic manipulation, which is defined in the following way: hidden verbal influence on a recipient intentionally making them confused concerning the initial meaning and contents of speech (Danilova 2009: 12), is regarded as an immanent feature of modern international communication. Moreover, it is a complex means of unilateral communicative influence of psychological nature successful use of which by the addresser creates subtle motivation, provoking incipience of beliefs and desires that are not peculiar to the addressee and creating an illusion of self-made decisions; linguistic manipulation makes a person behave in terms of certain stereotypical ideas and a different view of reality, imposed by the misfeasor (Bubnova 2012: 87). As stated elsewhere, in most cases the influence on a recipient is not evident and is accomplished through specific phrasing. Furthermore, it rarely correlates with lying or distortion of facts (Chernyavskaya 2006: 15).

Successful actualization of linguistic manipulation depends on the speaker’s range of linguistic means, the most significant being the lexemes that contain an emotive component. Taking into consideration the fact that the main aim of subtle linguistic manipulation is forming definite attitude towards some public or political events in minds of target recipients, a speaker needs to pay special attention to putting new meanings and connotations into lexical formatives to be used, as well as to choosing a synonymous word containing either pejorative or meliorative emotive component (depending on the speaker’s intention). While modelling a text an author of manipulative messages tends to choose mostly neutral lexis from any semantic field, though such words are able to obtain the traits necessary to exert influence, since being opposed to words with strong negative connotation they subtly present positive attitude towards a particular object, reflecting the position of the whole ideology system (Larina et al. 2011: 28—29).

Thus, it can be stated that in order to make an utterance an efficient recruitment tool an author of a manipulative message has to be extremely mindful of verbal organization of the text which is supposed to affect the recipients’ consciousness. Suggestive influence is implemented not only by using certain communicative strategies and tactics but also by applying a vast number of linguistic expressive means. According to linguists, conceptual metaphor is one of the most productive linguistic means of manipulative influence as it was noted that the sources of metaphoric expansion are public realia (Gornostaeva 2018: 113). As a result of such influence an individual becomes immersed into the sphere of information phantoms which can be fraught with destructiveness, misinformation and anti-social mindset (Zaripov 2014: 147). Thus, metaphor use should be regarded as “a complex process of metaphor production-cum-reception, which goes

fundamentally beyond the mere “application” or “processing” of mappings” (Musolff 2019: 35—36). R. Entman, a professor of communication and political science, stated that there are certain weak points in human consciousness connected with ignorance and prejudice. Detecting and making use of them to propagate means controlling people’s minds (Budaev 2007: 71).

From the perspective of language studies verbal means that make manipulation possible are identified as instruments of linguistic violence — unreasoned or poorly reasoned verbal influence, the aim of which is to deform an individual’s personal attitude (mental, ideological, axiological etc.). It is worth noting that manipulation is becoming more aggressive, the main aim of linguistic manipulation accentuated by verbal and non-verbal aggression is to deliberately mislead the audience imposing on it the desired idea of ideological subordination (Ozyumenko 2017: 220; Ozyumenko, Larina 2017). Linguistic violence presupposes the presence of ideological mythologems, euphemisms and dysphemisms, irony and offensive utterances aimed at “demonization” (which, according to S. Ivanova (2016), is one of the main techniques of deliberate creation of a negative, more preferably a repulsive, image of the opponent) in a person’s speech (Kopnina 2008). Using such means is always accompanied by an essential number of linguistic devices. Metaphor is regarded as the most prominent one since it has both euphemistic (creating a positive image) and dysphemistic (creating a negative image) potential. Moreover, constant repetition of the same metaphoric models within a text of any discourse provides systematical continuous pressure on the target audience (Zaripov 2014: 149). G. Baigarina (2004) also notes that active use of a metaphor with its ability to change perception in a way it is desired should be seen as refusing to openly propagate ideas and shows a speaker’s intention to manipulate the general public subtly.

2. The Conceptual Metaphor Theory: Definition and Functions

The correlation between language and cognition became most relevant in linguistics during the 1980s—90s. The research devoted to this issue helped to provide the extensive theoretical basis, the principles of which served as a foundation for a new scientific discipline — cognitive linguistics. Studying conceptualization and verbalization specificity of psychological processes in this scientific field enables the researchers not only to consider the data concerning a referent of nomination but also to describe mental constructs of consciousness (responsible for storing, processing and passing on knowledge) within the analysis (Kuprieva 2013: 45).

One of the most important achievements of cognitive linguistics is the conceptual metaphor theory, the basics of which were first outlined in G. Lakoff and M. Johnson’s work “*Metaphors We Live By*”. Lakoff and Johnson were the first to treat the phenomenon of transfer of meaning as a metaphoric occurrence or a *conceptual metaphor*. The term “conceptual metaphor” was defined by the authors as a cognitive process that underlies differentiation of linguistic means of an expression (Lakoff, Johnson 2008). This approach takes into account various features of human learning as a linguistic personality, whose mental activity determines the peculiarities of individual language use. Thus, metaphor becomes a complex notion that exceeds the boundaries of the

language system and, therefore, can be regarded as a phenomenon stemming from the interplay between language, cognition and culture.

In publications to follow, the researchers defined “the source domain” and “the target domain” (in several works by Russian linguists it is possible to see the terms translated as “*the donor zone*” and “*the recipient zone*”). G. Lakoff’s invariance hypothesis plays the key role in understanding the correlation between these notions. Lakoff and Johnson hypothesize that source domain preserves “cognitive topology” of the target domain, i.e. it inherits the structural framework from the target domain as a set of basic elements and how they correlate (Skrebtsova 2018: 45).

Lakoff and Johnson state that the primary function of conceptual metaphor is that it allows us to simplify and concretize extremely complex situations, phenomena and notions (ideas, emotions); metaphor is considered to be the only way to comprehend the abstract (Lakoff, Johnson 2008). Thus, it could be presumed that in terms of analyzing the limited linguistic valence of an abstract notion, it becomes possible to restore an individual’s mental images, connected with the primarily described object. This, in turn, proves the significance of modelling metaphorical expressions as a means of examining an individual’s conceptual framework.

Regular use of concrete images in relation to any phenomenon permits a conclusion about the presence of corresponding conceptual metaphor in a linguistic personality’s mind. It is noteworthy that conceptual metaphors are often used by native speakers unconsciously (unintentionally) due to certain concepts being rooted in their cognition. A compelling example of this situation is the existence of the so-called “trite” or “dead” metaphors. While analyzing the language material, Lakoff and Johnson opt for working with this type of metaphor, since, according to their theory, it is the average metaphors that allow the researchers to identify conventional means of comprehending reality by an individual. In “genuine” or “original” metaphors, which are perceived as occasional, the resulting image is noticeable to the speaker (Skrebtsova 2018: 46).

Nevertheless, this article is primarily focused on “genuine” conceptual metaphors, since they have been used deliberately within the context of terrorist narrative, which allows us to examine their role in fulfilling the communicative intention of the speaker — to have a destructive effect on a recipient’s mind. Furthermore, we have previously proved the hypothesis that IS terrorist speech is a preconceived text, the author of which cannot be solely the speaker himself (Fomin, Mona 2016). Therefore, the conclusion that occasional metaphors are more intrinsic to an individual’s cognition is inapplicable in terms of this research. We can also justifiably make additions to opinions regarding cultural foundation of conceptual metaphors — we believe that their use might also be contingent on the speaker’s social background (in this case, being part of a terrorist organization).

3. Classification of Conceptual Metaphors

Based on the nature and means of conceptualization of objects and events, G. Lakoff and M. Johnson identified three types of conceptual metaphors: orientational, structural and ontological.

Oriental metaphors are the most prevalent ones. This type of metaphorical conception is defined as follows: “there is another kind of metaphorical concept, one that does not structure one concept in terms of another but instead organizes a whole system of concepts with respect to one another. We will call these orientational metaphors, since most of them have to do with spatial orientation” (Lakoff, Johnson 2008: 14). As they are grounded in our physical and cultural experience, such metaphorical orientations are not arbitrary. It is consistency of orientational metaphors that makes them appear systematic. With the help of orientational metaphors in many cultures it becomes possible to describe physical, emotional and social condition of an individual; moreover, spatial characteristics of ideas and events may be equated with their assessment. These are metaphors based on spatial oppositions (e.g., “up — down”, “left — right”, “central — peripheral”) (Kondrat’eva 2002). However, Lakoff states that “though the polar oppositions up-down, in-out, etc., are physical in nature, the orientational metaphors based on them can vary from culture to culture. For example, in some cultures the future is in front of us, whereas in others it is in back” (Lakoff, Johnson 2008: 35). Frequency of orientational metaphors used in a specific linguistic community highlights the peculiarities of worldview in cognitive classifications. Human interaction with the environment naturally results in rationale for constructing spatial metaphors; those that are more frequently used and fixed in an individual's mind vary from culture to culture.

Although orientational metaphors, ingrained in the minds of bearers of a particular culture, are closely connected with the culture's fundamental values, various subcultures can interpret certain concepts differently. Regardless, the systems of group and individual values primarily correspond with basic orientational metaphors of the said culture. This proposition is invaluable for the current research, as terrorists, being bearers of a radical subculture (and, consequently, bearers of a particular ideological worldview), have a distinct perception of good and evil from the majority. However, despite their distorted perception of reality, the IS terrorists appeal to basic values of Muslim culture in each and every video message.

Using the category of spatial orientation to comprehend the surrounding reality is so trivial in daily life that it occurs, as a rule, unconsciously. Equally natural a process is interpretation of personal experience in terms of physical objects and substances — an individual unknowingly divides it (similarly to a discrete object) into specific parts, which are then grouped, evaluated, etc. Lakoff and Johnson define such operations using the so-called ontological metaphors (Lakoff, Johnson 2008).

Ontological metaphors are quite diverse. The most prevalent ones are, for instance, “metaphors of entity”, which enable one to comprehend the abstract through the concrete. Interpretation of abstract concepts via terms used for describing physical objects allows referring them, quantifying, seeing the reason for something in it, making decisions regarding further actions, etc. (Chyudinov, Budaev 2007). The initial notion, as a result, takes the form of a tangible, material entity; the abstract thought leaves the boundaries of imageability that hinders perception.

Another type of ontological metaphors is also the personification metaphor, which is used to comprehend inanimate objects and abstract notions in terms of qualities and

characteristics intrinsic to a human being. Personification is a general category, which includes a subset of more specific metaphors that use separate human qualities to transfer meaning.

Oriental and ontological metaphors, based on physical notions, underlie the human conceptual system. However, their use does not yield enough information regarding the “target domain”. Using more concrete concepts to comprehend a notion and conceptualize its essence in greater detail is possible only in case of structural metaphors.

A prominent feature of the structural metaphor is that they ensure only partial structuration of the target domain with the help of the source domain. This proposition can be exemplified by a quick analysis of the structural metaphor “time is money”. In reality, these objects are not equal, and, therefore, the qualities and the properties of one object do not correspond with those of the other. For instance, unlike money, time wasted cannot be reimbursed. Subsequently, it is possible to conclude that any metaphor is simultaneously highlighting and obscuring or obfuscating various characteristics of a notion (while one aspect is emphasized, the other is de-emphasized) (Skrebtsova 2018: 52—53).

The most complex case of obscuring certain aspects of a notion is the conduit metaphor, which was first described by M. Reddy. This metaphor is used to structure human perception of the nature of language and communication. Here, the object of metaphorization is ideas or meaning, with the containers being linguistic expressions, and the conveyor being communication itself. The speaker puts certain ideas (objects) into words (= containers) and sends them (along a conduit) to a hearer who takes the idea / objects out of the word / containers and deciphers the message (Reddy 1979). The examples of the conduit metaphor are such expressions as “your words are empty” or “the sentence is without meaning”. Similar expressions are fairly trivial, as the metaphor that underlies them is rarely recognized. It is seemingly natural to assume that linguistic expressions (words and sentences) contain meaning that can be discerned and scrutinized. However, A. Vezhbitskaya points out that the very idea that “a word / sentence has a meaning” is metaphorical and, as a result, is substantially different from a literal statement (e.g. “He has a well-paid job”). As the metaphor at the core of these expressions is not recognized, it is obvious that they obscure some aspects of the communication process. This idea found a response in Lakoff and Johnson’s works as well. The statement “a word / sentence has a meaning” presupposes that meanings exist independently from people that use them, which contradicts basic principles of cognitive linguistics (Vezhbitskaya 1996: 147).

The authors of “Metaphors We Live By” pay particular attention to the danger of literal interpretation of metaphorical expressions. In order to understand this problem fully, it is necessary to examine the theory of the so-called computer metaphor. Although the majority of researchers agree that it is counter-productive to describe human brain activity using computer terminology, expressions such as “a human is processing information” are still found in scholarly works and everyday speech. Cognitive processes are universally described through operations, algorithms, formats, created to represent knowledge in computers (networks, frames, models, etc.). These analogies create

an illusion that humans think according to the laws of formal logic. The emphasis shifts from meaning to information (thus, the abovementioned obfuscation takes place), and the computer metaphor is recognized less and less; gradually, the “mechanistic representations of cognition” become more dominant (Skrebtsova 2011: 45—46).

The illustrated ontologization of the computer metaphor allows us to reveal another substantial feature of metaphors, which was first examined thoroughly by Lakoff and Johnson. It is the “metaphorical creativity”. It means that an individual, while using a metaphor, not only interprets the surrounding reality but also creates a new one. This feature of the metaphor allows the bearer of a specific ideology to exploit this device to create the desired image in the recipient’s mind: as a result, conceptual metaphor becomes a powerful means of suggestive influence (Skrebtsova, 2018: 57).

4. Conceptual Metaphor in Political Discourse

Conceptual metaphors are used by politicians and the military in a drastically different way when describing an armed conflict, the main function becomes not conceptualization of notions but manipulation of public consciousness. As pointed out by George Lakoff, who was the first to apply the conceptual metaphor theory to language material in political discourse, in 1990-1991 official speeches of the US politicians indoctrination and recruitment of the public was the primary focus of the country’s administration, pursuing their own “selfish goals” and having economic interest in the outbreak of the war (Lakoff 2003). As noted previously, any metaphor highlights certain characteristics of a notion by obfuscating or obscuring the others. In this case, American politicians made regular use of conceptual metaphors in their speeches and statements, which helped them to conceal negative outcomes of military actions (death, loss of loved ones, injuries, trauma, etc.) that the US citizens would face if there were war. Lakoff characterized this use of metaphors as immoral and deemed it necessary to thoroughly analyze the US government’s argumentation within the framework of the conceptual metaphor theory. He identified main conceptual metaphors in speeches, revealed the aspects they were supposed to obscure and made the case for insolvency of the official argumentation from the ethical, military, political, and economic standpoints (Skrebtsova 2018: 66).

G. Lakoff’s article became a fundamental work that laid the ground for the analysis of political language in terms of the conceptual metaphor theory. The important role of metaphor in political discourse was demonstrated thoroughly and convincingly. By being able to create required images in the recipient’s mind and conceal undesirable aspects of the notion that the speaker is relaying, conceptual metaphors serve as a tool for politicians to control public opinions and influence many political processes (Skrebtsova 2011: 59).

5. Conceptual Metaphor in Terrorist Discourse

The existence of pro-Islamic radical groups and provocative behavior of their representatives provoke negative public opinion. Muslim revelators criticize actions of such communities, which, according to their beliefs, have nothing in common with real postulates of Islam and spread aggressive inhumane artificial ideology. Therefore, prevarication takes place in polylingual environment. The discourse created by the Islamic

State is an example of “destructive communication”, which is extremely dangerous for public consciousness and leads to drastic changes in a person’s value perception of the world, as a speaker aggressively inserts a subject matter into the addressee’s perceptive field and makes him perform some action beneficial for the misfeasors (Komalova 2013: 151).

In this article we understand the term “destructive” as consciously performing aggressive actions in order to make someone suffer without feeling any remorse and, on the contrary, being satisfied because of such actions. Destructive communication, therefore, is a type of communicative interaction, aimed at causing an interlocutor mental or physical damage and accompanied with epicaricacy (Volkova, Panchenko 2016: 168). In the framework of the conceptual metaphor theory destructive communication is defined quite generally as forms and specific features of contacts which negatively affect the interlocutor and complicate interaction (Kunitsina et al. 2001: 271). Linguistic manipulation is a shining example of this phenomenon, since it restructures individual consciousness by inculcating new categories in case of the successful implementation of persuasive (*influence on the addressee through oral or written speech aimed at exhortation and making an individual do or avoid doing a certain action*) (Chernyavskaya 2006: 26) or suggestive (*subtle, mostly verbal influence which results in changing someone’s intentions, objectives and ideas in the atmosphere of free choice*) strategies (Nickl 1998: 27).

There is no doubt that linguistic means of emotional expressiveness (especially conceptual metaphor) play an important role in stylistic organization of publicly presented texts of manipulative essence — the use of them helps to ensure that the final product will not be commonplace or easily forgotten and enables authors of radical messages to create vivid images in recipients’ memory (Ermoshin 2011: 5—6).

Since analysis of conceptual metaphors enables researchers to reveal implicit meanings in a speaker’s utterance, define communicative intention of an author of a message and demonstrate his social position, this method is considered applicable for any discourse. This research is carried out within the terrorist discourse, which is defined as a complex of oral and / or written texts created by terrorists and extralinguistic features explaining their specificity (for instance, common pragmatic intention and motivation of the IS speakers or the fact that they belong to the social group “terrorists”). It should also be stated that structurally we see the terrorist discourse as a subtype of the extremist discourse which is itself part of the political discourse (in other words, terrorist discourse is one of the constituents of political discourse).

Within the framework of the terrorist discourse we shall examine in detail terrorists’ video messages from the standpoint of the conceptual metaphor theory. The choice of video messages (which are to some extent examples of public speech) as the object of this research is justified by the fact that nowadays such models of conveying information to huge amounts of recipients is rather common. The main aim of this form of communication is finding the most effective ways and means of suggestive influence to propagate some ideology (Ivanova 2013: 37). Another objective of radical video messages presented to the general public is to eliminate any cause of hesitation which can make a recipient start questioning the validity of the speakers’ arguments. Set expressions might lose power of conviction if the addressee of a message starts noticing them

due to frequent use. That is why authors of such tests must be ingenious to hold the attention of the subject of linguistic manipulation. Making use of linguistic means (lexical and syntactic) serves this goal. Lexical means include linguistic devices, the main one of which is metaphor (Savosin 2013: 78—79). This determines the necessity of analyzing conceptual metaphors in the IS video messages.

6. Analysis of Conceptual Metaphor in Islamic State Video Messages

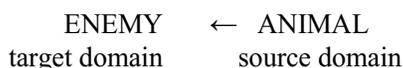
Within the framework of the research the selective sampling method was applied to create the data corpus for further analysis. Thus, seven official IS video messages originally made in English were taken from YouTube (the most visited video hosting website available to the general public). According to various news outlets, English-speaking IS members come from the UK (Mohammed Emwazi, also known as “Jihadi John”, and another currently unidentified terrorist), Australia (Abdullah Elmir, also known as “Ginger Jihadist”) and Canada (John McGuire). The selected video messages were then transcribed by us, which made it possible to identify the most prevalent conceptual metaphors in the texts.

An orientational conceptual metaphor discovered in the terrorists’ texts is the idea WE-ON-TOP — ENEMY-UNDER-OUR-FEET. This image is created with the help of the following expressions:

- (1) “put the black flag **on top** of...”, used by the terrorist to convey the meaning “claim victory over the enemy” (“*Until we put the black flag **on top** of Buckingham Palace, until we put the black flag **on top** of the White House*”);
- (2) “to be under one’s feet”; the meaning of this metaphorical expression consists in being in a state of helplessness and inability to protect one’s life (“...*know that today your citizenship is **under our feet***”).

These examples illustrate the opposition “up — down”, where the author’s preferred processes and events are primarily connected with the concept UP, and the least desirable one — with the concept DOWN. This way, the IS terrorists reinforce their idea of superiority over the enemy, presenting the latter as feeble and unable to retaliate.

With a view to ontological metaphors, we deem it necessary to distinguish the ENEMY-ANIMAL model, where the former concept is the target domain, and the latter is the source domain.

*Mechanism of an ontological conceptual metaphor
(exemplified in ENEMY-ANIMAL)*

Since the target domain preserves “cognitive topology” of the source domain, we can observe transfer of the structural framework of the latter into the metaphorical field of the former:

ENEMY	ANIMAL
(3) kill, murder	slaughter
(4) David Cameron	swine, lapdog, mule
(5) Barack Obama	dog

Consider the following examples:

- (3a) *“The blood of David Haines was on your hands David Cameron. Alan Henning will also be **slaughtered** but his blood is on the hands of the British parliament”.*
- (3b) *“...this knife will not only **slaughter** Kenji...”*

According to Oxford English Dictionary, the first meaning of the verb “to slaughter” is “the killing of animals for their meat” (OED Online). Thus, the speakers dehumanize their victim by equating the latter to an animal, which helps to intimidate the recipients of the message. It is noteworthy that the speaker then shifts the blame onto “the British Parliament”, reinforcing the idea that such actions are justified and are performed in retaliation to aggression from Western countries. The purpose of this metaphor is, firstly, to create panic in minds of the recipients by presenting the terrorist organization as a ruthless force that will show no remorse towards their enemies, and, secondly, to draw the attention of the target audience to the act of killing and immediately making the viewer feel complicit in the death of the victim.

- (4a) *“Your evil alliance with America, which continues to strike the Muslims of Iraq and most recently bombed the Haditha Dam, will only accelerate your destruction and claim the role of the obedient **lapdog**”.*

Oxford English Dictionary defines a lapdog as “[a] small pampered pet dog”. However, the second meaning is “[a] person or organization which is influenced or controlled by another” (OED Online). Such nomination can be considered a conventional metaphor, i.e. which is commonly used in everyday speech to the point that it could have lost its imagery. While the metaphoric meaning behind “lapdog” has been recorded in dictionaries, it could be argued that imagery here is still quite vivid and evocative. So, we deem it reasonable to attribute this instance to the ENEMY-ANIMAL model. This metaphor is used by the terrorist to diminish and insult David Cameron, then incumbent Prime Minister of the UK, by presenting his actions as blindly following the orders of the US government. One could argue that the terrorists’ agenda in this case is to make their British viewers feel doubtful about the British policies regarding their stance on the issue and shift the recipients’ attention from the murder of the victim to their government’s role as a “puppet” of the US (cf.: “... like your **puppet** David Cameron said...” in a video message addressed to Barak Obama).

- (4b) *“This is a message to that despicable swine David Cameron”.*

The Oxford dictionary defines “swine” as a “pig” and “[a] contemptible or unpleasant person”. It is apparent that by referring to David Cameron, then incumbent Prime Minister of the UK, the terrorists both describe their opponent as an animal and add substantial negative connotation to the wording of the message. It is also important to note that, according to Quran, pigs are considered to be unclean animals, forbidden for human consumption: “Forbidden to you (for food) are dead meat, blood, the flesh of swine” (Quran, Verse 173). Therefore, the terrorists not only dehumanize the opponent by comparing him to an animal, but degrade him even further through such a nomination.

- (4c) *“Oh, slave of the White House, oh, **mule** of the Jews”.*

In this example, the terrorist speaker makes an obvious reference to Judaic tradition, in which “the Messiah’s donkey / mule” is used to refer to a person who does the “dirty work” on behalf of someone else, which corresponds with the previously analyzed (4a) metaphor and establishes David Cameron (from the IS perspective) as well as the entire British government as a helpless entity that is controlled by the US.

(5) *To Obama, **the dog of Rome**.*

This animalistic metaphor marks another reference to “dogs”. Notably, the majority of both Sunni and Shi’a Muslims consider dogs to be filthy animals, so it is only reasonable that the terrorists compare their main enemy (Barak Obama as the leader of the US at the time) to an animal with such negative connotation in Islamic discourse, which shows their detestation for their opponents. Secondly, one should also consider “the dog of Rome”, which means servant of the Vatican, the center of the Catholic Church. It is widely known that Islam and Christianity have endured a long history of mutual mistrust and, in some cases, military aggression, most notably, the Crusades, which are also mentioned several times by the terrorist speakers and will be analyzed in greater detail later in the article.

It is noteworthy that zoomorphic metaphor is frequently used to describe enemies in modern political discourse. According to O. Solopova and A. Chudinov (2018), active use of zoomorphisms in representing the image of a society is connected with the biblical tradition of zoomorphic metaphorization of countries. The “Friend or Foe” opposition also gets expressed through animal symbols. Thus, the opponents are usually related to as rats, spiders or serpents while the allies are always associated with noble animals (lion) or birds (eagle, falcon, etc.) (Weiss 2008). Moreover, it is necessary to mention that dehumanization is one of the most successful tactics of suggestive influence. Hierarchical demotion of the enemy to the level of an animal in the terrorist’s mind justifies any action towards the adversary, including inhumane executions, which have been posted online by the IS on numerous occasions.

The most eminent structural metaphor, found as a part of the current study, is the following: WAR-AS-RELIGIOUS-CONFRONTATION. Since the IS is a radical ideological group, appeal to religion plays a major role in the speaker’s argumentation. Likening the group to a religious community enables the terrorists to justify their actions as being the will of Allah and present their enemies as opponents to religion and spirituality. Furthermore, persuading the target audience that the actions are legitimate becomes significantly easier, given certain commonality with the speaker. Faith can act as such commonality.

Linguistic expression of the mentioned conceptual metaphor is vast. However, it is possible to single out several most prominent units. For instance, enemy soldiers and the former US president Barak Obama are denoted by the speakers as Crusaders (Crusader army), and the military actions of the American troops on the IS-controlled territories are, accordingly, referred to as The Crusade:

(6) “**Crusader**, it is the support of Allah you did not gain anything, you returned to your base with loss and humiliation”;

(7) “...it burns the **Crusader army** in Dabiq”;

(8) “...the first American Crusader...”

The Crusades, that took place in the medieval period, were a series of military actions aimed at gaining control over the Holy Land, which belonged to Muslims at the time. However, it is often claimed that the Crusades were sanctioned by the Catholic Church for nefarious political reasons, such as to establish dominance in the region. As a result, these campaigns led to further tensions between East and West, with the Crusaders often perceived as pillagers, rather than noble warriors and liberators. Thus, the IS speakers appeal to this historic fact and draw a parallel between the US army and the Crusaders, picturing the former as deceitful occupants that have invaded the IS-controlled territories under the pretext of liberation, actually pursuing political and economic goals (Fomin, Mona 2018).

It is worth mentioning that appeal to the Crusades is a prominent feature of Islamic discourse. For instance, Gamal Abdel Nasser (President of Egypt from 1954 to 1970 and President of the United Arab Republic from 1958 to 1970) makes the case for modern Western imperialism being similar to the Crusades (Asbridge 2012). However, while it is plausible that Muslim recipients of the message could interpret the metaphor in the intended way, one can only speculate whether it will produce the same effect on the Western audience, who are more likely to perceive Crusaders in a positive light.

The analyzed set of conceptual metaphors in the IS video messages allows us to conclude that, despite their varying linguistic expressions in terrorist discourse, all conceptual metaphors perform the same function — they contribute to realization of suggestive influence, which consists in embedding certain ideas into the public opinion and forming asocial, anti-political and pseudo-religious attitudes.

6. Conclusion

The analysis has revealed that the Islamic State speakers employ a set of preemptively devised conceptual metaphors that could be distributed to three categories: orientational, ontological and structural. The most prominent orientational metaphor in the analyzed video messages is WE-ON-TOP — ENEMY-UNDER-OUR-FEET, which is used by terrorists to exalt their organization above the opponents. The ENEMY — ANIMAL model has been identified as the foundation for the largest number of ontological metaphors, which are used to both dehumanize the terrorists' enemies and evoke fear in the recipients. Furthermore, these metaphors also contain several references to religious writings and historical events, significant within the context of tensions between East and West. The most notable structural metaphor is WAR-AS-RELIGIOUS-CONFRONTATION, which correlates with the terrorists' intention to present the military actions as a holy war, and their actions as sanctioned by the Quran, thus justifying inhumane actions towards their victims.

Overall, constant repetition of the abovementioned metaphors enables the IS terrorists to engrain specific images in the audience's minds, warranting successful suggestive influence. The data obtained could be perceived as a valuable contribution to the analysis of conceptual metaphors in terrorist discourse that we defined as one of the constituents of extremist discourse, which, in turn, belongs to political discourse.

© Andrey Fomin, Elizaveta Mona, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Asbridge, Thomas. (2012). *The Crusades: The War for the Holy Land*. Simon & Schuster. 675—680.
- Baigarina, Gerta P. (2004). Otsenochnost' kak universal'ia publitsisticheskogo teksta. *Tekst: Problemy i perspektivy*. Aspekty izucheniya v tselyakh prepodavaniya russkogo yazyka kak natsional'nogo: materialy III Mezhdunar. nauchno-metodich. konferentsii., MGU, 17—19. (In Russ.)
- Bubnova, Nataliya A. (2012). Analysis of mechanics of verbal manipulation with key words of social vocabulary exemplified in journalistic article. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 86—97. (In Russ.)
- Budaev, Eduard V. (2007). Stanovlenie kognitivnoi teorii metafory. *Lingvokulturologiya*, Ekaterinburg, 1 (2007), 16—32. (In Russ.)
- Chernyavskaya, Valeriya E. (2006). Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya. Flinta: Nauka. (In Russ.)
- Chudinov, Anatolii P. and Budaev, Eduard V. (2007). Stanovlenie i evolyutsiya kognitivnogo podkhoda k metafore. *Novyi filologicheskii vestnik*, 4 (1), 8—27. (In Russ.)
- Danilova, Anna A. (2009). *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii*. Dobrosvet, Izdatel'stvo "KDU". (In Russ.)
- Ermoshin, Yurii A. (2011). On the significance and the linguistic means of emotional expressiveness in official public speech. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5—10. (In Russ.)
- Fomin, Andrey G. and Mona, Elizaveta A. (2016). Sintaksicheskie osobennosti organizatsii zvuchashchei rechi terrorista. *Rechevoe vozdeistvie v politicheskom diskurse: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 1—3 dek. 2016 g.)* (gl. red. A.P. Chudinov; FGBOU VO "Ural. gos. ped. un-t"). Ekaterinburg, 144—146. (In Russ.)
- Fomin, Andrey G. and Mona, Elizaveta A. (2018). Leksicheskie osobennosti organizatsii rechi spikera-terrorista v video obrashcheniyakh IGIL (organizatsii, zapreshchennoi na territorii Rossiiskoi Federatsii). *Politicheskaya lingvistika*, 1 (67), 98—104. (In Russ.)
- Gornostaeva, Anna A. (2018). Ironic metaphors in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 108—125. doi: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125>.
- Ivanova Svetlana V. (2016). Linguistic resources employed in an information warfare: demonization effect techniques. *Political Linguistics Journal*, 5 (59), 28—37. (In Russ.)
- Ivanova, Yuliya E. (2013). Correlation of pitch variations on the emphasis of American public speaking. *Russian Journal of Linguistics*, 2 (2013), 37—44. (In Russ.)
- Komalova, Liliya R. (2019). Representation of the Verbal Image of Aggression in the Informational Universe of the English-Language Mass Media. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 149—164. doi: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164> (In Russ.)
- Kondratieva, Olga N. (2002). The Vertical Axis 'Up-Down' in the Characteristics of the Concepts of Person's Inner World (on the material of Russian Chronicles). *Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie*. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 90—96.
- Kopnina, Galina A. (2008). *Rechevoe manipulirovanie: uchebnoe posobie, 2-e izdanie*. Moskva: Flinta.
- Korosteleva, Larisa V. (2015). Ekstremistskii diskurs: priznaki, illokutsiya, pragmatika. *Yurilingvistika*, 4 (15). Nauchno-prakticheskii zhurnal, Kemerovo: Izdatelstvo KemGU, 18—23.
- Kunitsyna, Valentina N., Nadezhda V. Kazarinova and Valentina M. Pogol'sha (2001). *Mezhlichnostnoe obshchenie: uchebnyk dlya vuzov*. Sankt-Peterburg: Piter.
- Kuprieva, Irina A. (2013). The peculiarities of verbalization of discretisation and syncretism of dynamic property of mentality. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 45—50.

- Lakoff, George (2003). *Metaphor and War, Again*. UC Berkeley. Available on: <https://escholarship.org/uc/item/32b962zb>.
- Lakoff, George, Johnson, Mark (2008). *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press.
- Larina, Tatiana V., Vladimir I. Ozyumenko and Elena B. Ponomarenko (2011). Language mechanism used to manipulate public opinion in English and Russian news texts. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 28—37. (In Russ.)
- Musolf, Andreas (2019). Creativity in Metaphor Interpretation. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 23—39. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39.
- Nickl, Michael M. (1998). Einige Entwürfe und Einträge in der neueren kommunikationswissenschaftlichen Persuasionsforschung. Beiträge zur Persuasionsforschung. M. Hoffman, Hrsg. Ch. Keßler. Peter Lang Frankfurt.
- OED Online, Oxford University Press, June 2019. Available on: www.oed.com.
- Ozyumenko, Vladimir (2017). Media discourse in an atmosphere of information Warfare: from manipulation to aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 213—220 (In Russ.)
- Ozyumenko, Vladimir and Larina, Tatiana (2017). From manipulation to aggression: analysis of media discourse in the situation of information confrontation. 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, www.sgemsocial.org, *SGEM2017 Conference Proceedings*, 24—30 August, 2017, Book 3, Vol. 2, 737—744. doi: 10.5593/sgemsocial2017/32/S14.095.
- Reddy, Michael J. (1979). The conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language. In Andrew Ortony (ed.), *Metaphor and Thought*. Cambridge, 284—310. doi: 10.1017/CBO9781139173865.012.
- Savosin, Anton Y. (2013). Elements of artistic expression in English journalistic texts. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 78—86.
- Solopova, Olga and Chudinov, Anatoly (2018). Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: from Victory Bells to Russia's V-Day. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 313—337. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337.
- Skrebtsova, Tat'yana G. (2011). Kognitivnaya lingvistika: kurs lektsii. Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russ.)
- Skrebtsova, Tat'yana G. (2018). Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody. Moskva: Izdatel'skii Dom YaSK. (In Russ.)
- Van Dijk, Teun A. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society*, 17 (2), 359—383.
- Vezhbitskaya, Anna (1996). Prototipy i invarianty. Yazyk. Kul'tura. Poznanie (otv. red. M.A. Krongauz). Moskva. (In Russ.)
- Volkova, Yana A. and Panchenko, Nadezhda N. (2016). Destructiveness in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 161—178. doi: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-160-178> (In Russ.)
- Weiss, Daniel (2008). Animals in Soviet propaganda: verbal and graphic stereotypes. *Political linguistics*, 25.
- Zaripov, Ruslan I. (2014). Manipulation impact through metaphors in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2 (2014), 145—158. (In Russ.)

Article history:

Received: 07 February 2019

Revised: 15 March 2019

Accepted: 01 May 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 марта 2019

Дата принятия к печати: 01 мая 2019

Bionote:

ANDREY G. FOMIN is Ph.D. in Philology, Professor of the department of Translation Studies and Linguistics at the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University (Russia). His research interests include gender linguistics, linguapersonology and psycholinguistics.

Contact information: e-mail: andfomin67@mail.ru

ELIZAVETA A. MONA is a Post-graduate student at the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University (Russia). Her research interests include linguapersonology, psycholinguistics and political linguistics.

Contact information: e-mail: elizaveta-mona@yandex.ru

Сведения об авторах:

АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ФОМИН — доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и лингвистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия). *Научные интересы:* гендерная лингвистика, лингвоперсонология, психолингвистика.

Контактная информация: e-mail: andfomin67@mail.ru

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА МОНА — аспирант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия). *Научные интересы:* лингвоперсонология, психолингвистика, политическая лингвистика.

Контактная информация: e-mail: elizaveta-mona@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-714-730

Research Article

Syntactics, Cognition and Compositional Semantics

Boris Ju. Norman

Belarusian State University
31, Karl Marks str., 220050 Minsk, Belarus

Ural Federal University
51, Lenin av., 620000 Ekaterinburg, Russia

Abstract

The object of the article is word semantics and its realization in the immediate context. The goal and the innovative component of the study is the analysis of the problem in the light of cognitive linguistics. We proceed from the assumption that the lexical meaning of a word contains a component responsible for its entry into the text. This component involves searching for lexical partners of the word in the syntagmatic chain. The semes participating in this process are actualized — they must get into the bright field of consciousness. The classical manifestation of this connection is the so-called semantic agreement (*собака лает* ‘a dog barks’, *бурый медведь* ‘a brown bear’, *волосы дыбом* ‘hair (stands) on end’, etc.). We use examples from Russian literature to demonstrate that when a non-typical (non-standard) word combination is formed, the concepts get intersected (mixed). The examples, such as *самопишущий костюм* ‘a self-writing suit’ or *жаркая робость* ‘hot timidity’, expand a person’s cognitive horizons making the individual accustomed to a different (virtual) reality. The background and guarantor of this combinatorial process is the so-called “common sense” based on the native speaker’s previous experience. The result of the study is the presentation of five special situations manifesting the relationship between the word and its text partners: polysemantic words, phraseological units, introduced (embedded) meanings, additional connotations and a surprise effect. The author provides examples of the pressure (influence) of text memory on the speaker when selecting a necessary word and considers the idea of the predicative nature of the compatibility of lexemes. The article justifies the emergence of compositional semantics as a special direction in modern linguistics and demonstrates some of its results (based on the Russian language).

Keywords: *cognition, syntactics, compositional semantics, lexical meaning, word compatibility, connotation*

For citation:

Norman, Boris Ju. (2019). Syntactics, Cognition and Compositional Semantics. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 714—730. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-714-730.

Синтактика, когниция и композиционная семантика

Б.Ю. Норман

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, 220050, Беларусь;

Уральский федеральный университет
пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, Россия

Аннотация

Объектом статьи является семантика слова и ее реализация в ближайшем контексте. Цель и новаторский компонент исследования — анализ проблемы с точки зрения когнитивной лингвистики. Исходное положение: в лексическом значении слова есть составляющая, отвечающая за его вхождение в текст. Она включает в себя поиск лексических партнеров слова по синтагматической цепи. Участвующие в этом процессе семы актуализируются — они должны попасть в светлое поле сознания. Классическое проявление этой связи — так называемое семантическое согласование (*собака лает, бурый медведь, волосы дыбом* и т.п.). На материале русской художественной литературы показано, что при образовании нетипичного (нестандартного) словосочетания происходит пересечение (смешение) концептов. Примеры типа *самопишущий костюм* или *жаркая робость* расширяют когнитивные горизонты человека, приучают его к иной (виртуальной) действительности. А в качестве фона и гаранта данного комбинаторного процесса выступает так называемый «здравый смысл», опирающийся на предшествующий опыт носителя языка. Результатом работы является выделение 5 особых ситуаций, воплощающих в себе отношения слова и его текстовых партнеров: это многозначные слова, фразеологические сочетания, наводящееся (привнесенное) значение, дополнительные коннотации и эффект неожиданности. Приводятся также примеры давления (влияния) текстовой памяти на говорящего в процессе выбора нужного слова, рассматривается идея предикативной природы сочетаемости лексем. Мотивируется появление особого направления в современном языкознании — композиционной семантики и демонстрируются (на материале русского языка) некоторые его результаты.

Ключевые слова: *когниция, синтактика, композиционная семантика, лексическое значение, сочетаемость слов, коннотация*

Для цитирования:

Норман Б.Ю. Синтактика, когниция и композиционная семантика // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 714—730. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-714-730.

1. Введение

Понятие синтактики как компонента содержания знака было, как известно, введено в науку американским лингвистом Ч. У. Моррисом, одним из основателей семиотики (Моррис 1983: 42—43, 48—50 и др.). Позже эта идея стала приобретать зримые черты в виде лингвистического понятия сочетаемости, или комбинаторики. Стали появляться словари сочетаемости (первый заметный опыт на материале русского языка — см.: (Словарь сочетаемости 1983)); одновременно с этим разрабатывалось понятие устойчивой сочетаемости слов (в первую очередь применительно к фразеологическим единицам).

Одно из открытий, которое было сделано, так сказать, попутно, — это явление семантического согласования, см.: (Гак 1972: 380). Это значит, что объединяющиеся

в словосочетание слова очень часто содержат в себе общие (одинаковые) семы. Например, сочетания *собака лает*, *крапива жжется*, *петух кукарекает*, *штопать носки*, *читать книгу*, *волосы дыбом*, *кепка набекрень*, *глаза навывкате*, *пьяный вдрабадан*, *бурый медведь* и т.п. весьма устойчивы в русскоязычном сознании. И это их свойство поддерживается общими семами: информация как бы дублируется в членах словосочетания. Что такое, например, *собака* в обыденном сознании? Это животное, которое лает, стережет дом, друг человека и т.д. Что такое *лаять*? Это издавать звуки, которые обычно производит собака. В самом значении каждого слова как бы заложен второй компонент словосочетания. Вопрос только в степени устойчивости таких сочетаний.

Ниже предпринимается попытка выделить несколько языковых ситуаций, связанных с влиянием значения соседних слов на значение данной лексемы. Это имеет прямое отношение к активно дискутируемой ныне проблеме приоритета: значение слова создает контекст или же оно само порождается контекстом? (см.: Кечкеш 2014: 7—10).

1.1. Употребление многозначного слова

В случае, если слово многозначно, то его сочетаемость со словами-партнерами позволяет выбрать одно, необходимое в данном случае значение. Аппелляция к контексту позволяет на практике снять остроту теоретической проблемы разграничения слов-омонимов и лексико-семантических вариантов многозначного слова. Приведем сначала известный пример. Русские выражения *гусь в яблоках* и *конь в яблоках* содержат в своем составе идентичную словоформу *в яблоках*. Но различный смысл этих двухкомпонентных выражений (в первом случае — «праздничное блюдо», во втором — «масть лошади») подразумевает и различное значение входящего в их состав слова *яблоко*. Разница в когнитивном контенте передается благодаря сочетаемости лексемы *яблоко* с названиями разных животных: это *гусь* и *конь*.

Приведем теперь более свежий пример — из юмористического рассказа:

- (1) — *А где их [чемпионов — Б.Н.] выращивают?*
 — *У Анастасии Голубцовой. Вы видели ее, красивая такая дама в сапогах на платформе...*
 — *Железнодорожная платформа, идейная платформа, теперь уже сапоги на платформе.* — *сказал папа* (С. Шатров. Из рассказов о Васюковых).

Персонаж рассказа «разводит» значения слова *платформа* при помощи его окружений, и это не такая уж редкая в речевой практике ситуация. Синтаксический партнер слова помогает опознать и подтвердить его собственное значение.

Сама идея связи значения слова с его окружением достаточно стара, но по-прежнему привлекает внимание исследователей. Так, взаимообусловленность лексической семантики слова и его комбинаторики составляет важную часть концепции генеративного лексикона Джеймса Пустейовского. Говоря о «новых контекстах, придающих слову новые значения», ученый приходит к выводу, что «композиционность есть требование исчисления смыслов слова» (Pustejovsky 1996: 60).

С одной стороны, избирательность лексемы по отношению к ее партнерам составляет условие правильности высказывания. Еще М. Бирвиш в своей известной статье 1972 года писал: «Ограничения подобного рода называются „селекционными ограничениями“, так как они указывают, какие лексические элементы могут быть выбраны для построения семантически правильного сочетания двух или более синтаксически связанных лексических элементов» (Бирвиш 1981: 183).

С другой стороны, партнер по сочетаемости выступает как дифференциальный признак слова, в некотором смысле — как «продолжение» его значения. «Сквозные» для сочетающихся слов семантические признаки, заложенные в сознании носителя языка, составляют часть лексической семантики каждого из слов и предопределяют функционирование последних в конкретных дискурсивных условиях. Приведем еще одну цитату из статьи М. Бирвиша: «Мы должны знать, например, что слово *group* ‘группа’ в математических текстах имеет одно значение, в социологических дискуссиях — другое, в каждодневной речи — третье» (Там же: 198).

Наглядно такая уточняющая роль контекста выступает в случаях, когда адресат сталкивается с неосвоенными заимствованиями, агнонимами и прочей малознакомой лексикой. В следующем примере отражены впечатления подростка от «взрослого» слова *взятки*:

- (2) *Я не очень хорошо понимал, что такое взятки, я только помнил, что их зачем-то дают и берут и что это ужасно плохо и стыдно* (А. Вайнер, Г. Вайнер. Гонки по вертикали).

Определение значения слова «через контекст», благодаря контексту — практика, известная любому человеку, который, скажем, читает произведение на плохо знакомом языке. И, вместе с тем, это, очевидно, естественный путь освоения новой лексики в онтогенезе.

1.2. Сигнализация семантического сдвига

Если сочетаемость слова (так же, как его частотность) меняется, то это свидетельствует о сдвигах в его лексической семантике, см.: (Никифорова 2006; Влавацкая 2014 и др.). Очень характерны данные эволюционные процессы для лексики, относящейся к сфере идеологии, внешней и внутренней политики, общественных отношений.

Вертикаль власти, шаговая доступность, группа риска, бюджетная сфера, соотношение «цена — качество», ценовой сегмент, признательные показания, база данных, черный пиар, гибридная война, облачные технологии, в одном флаконе и т.п. — вот сочетания, которые были необычными для входящих в них слов и, вместе с тем, стали маркерами социальных изменений, происходящих в России с конца XX века.

После распада Советского Союза на территории Российской Федерации региональные органы власти и чиновники стали присваивать себе невозможные до тех пор обозначения *правительство, министерство, министр*. Появились словосочетания вроде *правительство Томской области, министерство образования*

Красноярского края, министерство здравоохранения Ленинградской области, министр финансов Саратовской области, министр культуры Омской области и т.п. Это, с одной стороны, говорит об объективной децентрализации власти в России, а, с другой стороны, — о стремлении региональных чиновников словесно повысить свой служебный статус. Такая девальвация содержания лексем тут же отразилась на их сочетаемости.

Если понятие, заключенное в слове, определенным образом концептуализируется, т.е. повышает свою значимость в системе общественных символов, то это, естественно, находит свое отражение в лексической сочетаемости. Например, одним из ключевых понятий классической психологии всегда была память. В соответствии с этим, *Словарь сочетаемости* фиксирует такие определения к данному слову, как *хорошая, прекрасная, отличная..., слабая, отвратительная, плохая..., зрительная, слуховая, механическая* и т. д. В качестве объекта существительное *память* выступает при глаголах *развивать, тренировать, упражнять, напрягать, потерять* (*Словарь сочетаемости* 1983). Но когда память стала частью электронно-вычислительных машин и слово вошло в ряд важнейших терминов информатики, это тут же сказалось на его сочетаемости: *компьютерная память* бывает *оперативная и постоянная, буферная, матричная, многоуровневая* и т.д., ее можно *увеличивать* или *расширять...*

Подобные сдвиги произошли за последние десятилетия в семантике и в комбинаторике многих русских слов, например: *телефон, химия, косяк, тормоз, откат, элита* и др. Еще один пример. Медицинский термин *геморрой* стал в конце XX века приобретать вторичное значение ‘неприятности, тягостные хлопоты’. В общей массе словоупотреблений, представленных в НКРЯ (211 вхождений, на 12.07.2018), употребление лексемы *геморрой* в переносном значении составляет примерно 18%. И если, по данным НКРЯ, к началу XX века частота употребления данного слова постепенно снижалась, то к концу XX века она вновь начала расти — именно благодаря таким контекстам, как *тот еще геморрой, лишний геморрой, не оберешься геморроя, геморрой с запчастями* и т.п. — см.: www.ruscorpora.ru. Все подобные контексты указывают на новое, переносное значение слова, оказавшееся востребованным в жизни общества. Не будем здесь говорить о том, что при этом может «сдвинуться» и словоизменительная парадигма лексемы, и ее словообразовательные потенции.

2. Наведение окказионального значения

В таком случае слово-партнер по синтагматической цепи помогает оправдать и разъяснить появление у лексемы необычного (в принципе отсутствующего у нее) значения. Иными словами, слушающий «расшифровывает» это окказиональное значение главным образом благодаря соседним лексемам. Два примера из художественных текстов.

- (3) *Такой же эдельвейс бежал под пулеметным огнем в Киеве купить кружево на блузку* (Тэффи. Воспоминания. Житье-бытье).

Существительное *эдельвейс* здесь обозначает женщину, в самых тяжелых и опасных условиях сохраняющую свою женственность (ранее в тексте есть объяснение такой окказиональной номинации). Но сочетание *эдельвейс бежал*

(*купить*) уже подготавливает читателя к тому, что перед ним — описание поступка человека, а не жизнедеятельности цветка.

- (4) *И они выскребают снисходительного Познера из сусека, пропитанного веселым запахом местных напитков и женских духов* (М. Веллер. Легенды Арбата).

Слово *сусек* ‘закром, помещение для хранения зерна и муки’ употреблено здесь в значении ‘комната, кабинет’. (Спровоцировано такое словоупотребление, скорее всего, глаголом *выскребать*, ср. в русской сказке «Колобок»: *по амбарам помети, по сусекам поскреби.*)

Вообще же изначальная мотивировка окказиональной номинации может быть самая разная, и со временем ей свойственно затемняться, ср. ситуацию в семье поэта Жуковского, описанную в сборнике «Русский литературный анекдот»:

- (5) *Их слуга Лука часто сидел, как турка, и кроил себе панталоны. Государь проходил мимо к Карамзиным, не замечая этого. «Император, — говорил Жуковский, — видел что-то белое и думал, что это летописи». У нас завелась привычка панталоны звать летописями.*

Понятно, что имеются в виду контексты типа *Надень летописи* или *Где мои летописи?* — и семантический окказионализм приобретает тут функцию особого маркера — для данной языковой личности или узкого круга лиц. Поясним: подобные окказиональные названия имеют очень ограниченное хождение — как правило, в малых коллективах типа семьи или корпоративной (производственной) группы. В литературе и в нашей картотеке зафиксированы, в частности, такие уникальные «домашние» номинации, как *Пиночет* ‘холодильник’, *Иглесиас* ‘салат оливье’, *Харрисон* ‘жена, супруга’, *фараон* ‘рюкзак’, *микроволновка* ‘маршрутное такси’, *Снегурочка* ‘телефонный аппарат’ и т.п. (см. также: Современный русский язык 2003: 311—323). Только соответствующий контекст (бытовой и словесный) позволяет семантизировать данные номинации правильным образом. Для членов малой группы (семьи и т. п.) данные названия не просто привычны, но служат своего рода шиболетами, паролями, позволяющими вербально отличить «своего» от «чужого».

Возвращаясь к обозначенной выше проблеме: «значение ли слова создает соответствующий контекст или же контекст определяет значение слова», следует признать наличие между этими двумя факторами взаимной обусловленности. Однако нельзя также не видеть, что в отдельных случаях значение может быть «навязано» слову, привнесено в него извне. Тогда роль контекста оказывается приоритетной. В терминах структурной семасиологии в таких случаях говорят о **наведении сем**: «Наводятся семы, отсутствующие в системном значении слова. Наведенные семы относятся к разряду окказиональных» (Стернин 1985: 118). Действительно, как в рассмотренном случае, — летописи и панталоны обладают общим признаком ‘белый цвет’, однако этого недостаточно для системного семантического переноса. Впрочем, при всей разовости, уникальности подобных наименований возникновение их мотивировано ситуацией и в этом смысле не случайно. Внедрение в значение слова чужих, посторонних компонентов оправдывается планируемым дополнительным эффектом — эстетическим, людическим, корпоративным и т.п.

3. Десемантизация слова в составе фразеологического сочетания

В качестве частного случая проявления правил лексической сочетаемости следует рассматривать устойчивые (фразеологические) сочетания слов. Синтаксический аспект значения оказывается здесь чрезвычайно важным, вплоть до того, что одно из слов-компонентов (или все они) может терять свое собственное значение. Примерами могут послужить русские выражения *зарубить на носу*, *втирать очки*, *верста коломенская*, *на кривой козе не объехать* и т. п. Это объясняет и появление в составе фразеологизмов отмерших форм (некротизмов), ср.: *ничтоже сумняшеся*, *почить в бозе*, *турусы на колесах*, *притча во языцех* и т.п. В таких случаях смысл целого как бы распределяется по нескольким лексемам — сочетание лишает слова его отдельного значения.

Русский язык приучает человека к тому, что *летучие мыши* — это «мыши», *растительное масло* — это «масло», *баклажанная икра* — это «икра», а *крабовые палочки* — это изделие из краба (хотя на деле все это совсем не так). Перед нами случаи своего рода семантического идеализма, но в обыденной речевой практике это никого не смущает.

Готовые коллокации (выражения, словосочетания) постоянно присутствуют в сознании человека в качестве своего рода словесного «гула», см.: (Гаспаров 1996: 105—109 и др.) и иногда вынуждают его употребить целое словосочетание там, где в нем нет никакой необходимости. Так, в следующем контексте слово *голубь* «вытягивает» словоформу *мира* без всякой смысловой надобности, а лишь в силу устойчивости выражения:

- (6) — ...*Один раз искал, искал — показалось, кто-то с улицы зовет, шагнул с балкона, и все, не вернулся.*
— *Разбился?*
— *Ну, с девятого этажа — шутка в деле! Он же не голубь мира. Когда летел, успел, правда, крикнуть: «Эй!»* (В. Шукшин. Вянет, пропадает).

Точно так же в цитате из рассказа М. Веллера появление слова *остров* спровоцировано известным выражением *остров сокровищ*; на деле же никакого острова как денотата в данной ситуации не было.

- (7) *И вот, скромно и горделиво бормоча комплименты своим способностям, как взлетевший на насест петух, он сноровисто сгребает в бочонок свой остров сокровищ: стальную арматуру, мотки медной проволоки, паяльники, гаечные ключи и пассатижи. Килограммов полтора* (М. Веллер. Легенды Арбата).

Персонаж одного рассказа Е. Попова употребляет в своей речи выражение *охотиться на лис*. Он говорит:

- (8) *Ты бы вместо того, чтоб на «лис» охотиться, пришел бы лучше ко мне и все исправил либо оплатил повреждения, а то — пожечь пожечь, а как отремонтировать — фью и хвостом вильнул, сукин ты сын* (Е. Попов. Живой живущий человек).

Но в конце, в примечаниях, автор рассказа комментирует:

- (9) *«Охота на лис» — состязание по радиоориентированию на местности. К данной ситуации рассказа никакого отношения не имеет, персонаж употребляет этот термин неправильно, понаслышке* (Там же).

Перед нами, таким образом, — очередные примеры «давления» текста (языковой памяти) на человека. Подобные случаи также правомерно рассматривать как свидетельство десемантизации слова в составе устойчивого словосочетания.

Великому немецкому философу Х.-Г. Гадамеру принадлежит афоризм: «Скорее язык говорит нами, чем мы говорим языком» (Gadamer 1975: 439). Последние из приведенных примеров вполне подтверждают эту максиму. Говорящий далеко не всегда находит в себе силы сопротивляться «гулу языка», и в результате на выходе появляются фразы, не мотивированные речевой ситуацией. Но эта сила языковой инерции может получить и более глубокую лингвистическую интерпретацию. Если согласиться с Ю.Н. Карауловым в том, что языковая способность носителя языка (воплощающаяся в ассоциативно-вербальной сети) — «это постоянная готовность к предикции, к созданию синтаксем, каждая из которых, представляя собой диссипативную структуру, стремится обрести более четкие очертания, став в перспективе частью завершенного синтаксического целого» (Караулов 1999: 37), то самое простое для говорящего решение этой задачи — это подыскать в памяти известные, уже использовавшиеся фрагменты текстов. И хотя данный вывод ученого основывается на материале ассоциативных экспериментов, т.е. методики в некотором смысле искусственной, условной, представляется, что его можно распространить и на естественный процесс речепорождения. Протицируем другое место из упомянутой работы: «Разбуженная предложенным ему стимулом иллюкутивная сила говорящего (активность) толкает его к предикции, а память услужливо приводит тотчас же его личный (или принадлежащий его референтной группе, целиком одобряемый и принимаемый им) шаблон, прецедент, извлеченный из типичного для него текста, из его текста, им когда-то произведенного и только ему принадлежащего» (Там же: 114). Естественно, речь идет о взрослой личности, с более или менее сформировавшимся речевым опытом, т.е. накопленной в памяти суммой текстов.

4. Появление дополнительных коннотаций

Слово-партнер может, не меняя основного значения данного слова, придавать ему особую коннотацию: эмоциональную, оценочную, идеологическую, стилистическую и т.п. Фактически это тоже наведение семы, но — коннотативной.

Характерным поводом для дальнейших рассуждений послужит нам величайшее историческое событие XX века — революция в России в октябре 1917 года. Для граждан первого в мире социалистического государства, которое просуществовало более 70 лет, совершенно естественным было выражение «*Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась*». Но прошло время, распался Советский Союз, изменился общественный строй в России, началась переоценка ценностей, и историческое событие кое-кто стал называть *октябрьским переворотом*. Стали писать: «*В России в октябре 1917 года произошел **переворот**, в результате которого к власти пришла партия большевиков*».

И в данном случае нас интересует чисто лингвистическая проблема: почему о революции говорили — *свершилась*, а о перевороте — *произошел*?

Обратимся сначала к семантике слова *революция*. Современный словарь дает следующее определение:

РЕВОЛЮЦИЯ (от лат. *revolutio* — переворот) — 1. Коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к смене общественного строя... (БТСРЯ).

Можно ли утверждать, что в значении этого слова заведомо содержится положительная оценка? Иными словами, революция — это явно лучше, чем эволюция (поступательное движение без скачков)? Судя по словарному толкованию, семантика данного существительного нейтральна или даже амбивалентна. Знаменательно, что в Толковом словаре Владимира Даля еще за пару десятилетий до событий 1917 года дается:

Революция — переворот, внезапная перемена состоянья, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство (Даль 1912).

Очевидно, в этом определении (в котором революция приравнивается к перевороту) присутствует скорее отрицательная, чем положительная окраска. Напомним также, что одним из значений латинского префикса *re-* было «возврат, движение назад» — в русском языке есть такие слова, как *регресс*, *редукция*, *репатриация*, *реституция* и т. п. Быть революции в этом ряду — не очень почетно...

Переворот же, с точки зрения современной лексикографии, мало чем отличается от революции — может быть, только своим масштабом:

ПЕРЕВОРОТ — 1. Резкий перелом, коренное изменение в развитии, течении, ходе чего-л.;

2. Коренное изменение существующей общественно-политической системы... (БТСРЯ).

Но для того, чтобы подчеркнуть положительные, благотворные свойства этого исторического события, надо было «зачеркнуть» в значении слова *революция* негативные семы («тревога», «смута» и т.п.) и «выпятить» семы позитивные («развитие», «перемены»). На службу идеологии была поставлена сочетаемость слов. *Произойти* — слово нейтральное по своей стилистике. Можно сказать: *произошел несчастный случай, произошло удивительное событие, всё произошло очень быстро... А свершиться* — глагол высокого стиля, он применяется к событиям великим, эпохальным, судьбоносным:

(10) *Судьбы свершился приговор...* (М.Ю. Лермонтов. Смерть поэта).

Таким образом, употребление в качестве партнера слова *революция* сказуемого *свершилась* было призвано поддержать имидж революции средствами русского языка. В конце же XX века, вместе с девальвацией исторического события, изменилась и сочетаемость существительного: о перевороте стали говорить — *произошел*.

Нечто подобное, даже в более явной форме, произошло со словом *залп*.

Как известно, стоявший на реке Неве крейсер «Аврора» 25 октября 1917 года произвел холостой выстрел из орудия, послуживший сигналом к штурму Зимнего дворца (где заседало Временное правительство). Обратимся к словарю.

ВЫСТРЕЛ — Выбрасывание пули, снаряда из ствола огнестрельного оружия... (БТСРЯ).

Однако выстрел крейсера «Аврора» вскоре был назван *залпом*. В учебниках так и писали: «*Залп Авроры возвестил новую эру в истории человечества...*». Согласно тому же словарю,

ЗАЛП — одновременный выстрел из нескольких орудий, ружей (БТСРЯ).

Фактически никакого залпа не было. Крейсер дал одиночный сигнальный выстрел из носового орудия. Почему же в сознание носителей русского языка так прочно вошло словосочетание *залп Авроры*? Потому что в значении слова *залп*, в отличие от слова *выстрел*, присутствует элемент «возвышенное». И ради этой стилистической детали пришлось, в общем-то, пойти на некоторую неточность (чтобы не сказать — языковую ложь).

Пример из современной поэзии. В стихотворении Е. Евтушенко «Дай Бог» читаем:

(11) *Дай Бог не вляпаться во власть...*

Само по себе слово *власть* — нейтральное и амбивалентное по своей семантике. В его толковании ничего плохого не просматривается:

ВЛАСТЬ — 1. Право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле... (БТСРЯ).

Но глагол *вляпаться* в русском языке обладает сниженной, неодобрительной коннотацией: вляпаться можно только во что-то плохое:

ВЛЯПАТЬСЯ — *Разг.-сниж.* 1. Ввалиться, вступить, попасть во что-л. грязное, пачкающее... (БТСРЯ).

Получается, что аксиологическая и эмоционально-экспрессивная окраска глагола *вляпаться* передается лексеме *власть*, наводится на нее.

Еще пример. В современной повести читаем:

(12) *У моей подруги Людки Самохиной был день рождения. Само собой, она решила его отметить, ну и назвала гостей с три короба, но не к себе в квартиру, а в студию* (Т. Полякова. Чудо в пушистых перьях).

Наречное выражение *с три короба* прочно увязывается в сознании носителя русского языка со словом *врать*. *Врать* же — явно негативный по своей семантике глагол. Отсюда читатель делает вывод, что описываемая ситуация (приглашение гостей) либо же сами гости оцениваются писателем отрицательно. Одно слово (выражение *с три короба*) перенесло свою отрицательную коннотацию на другие (*назвать гостей*).

5. Расчет на эффект неожиданности

Наконец, бывает, что нарушение стандартной сочетаемости используется как стилистический прием. Речь идет о ситуации так называемого остранения текста (термин В. Шкловского), когда читатель или слушатель сталкивается с мгновенным эффектом обманутого ожидания, достигаемого языковыми средствами.

Например, на фоне стандартных и привычных оборотов *глаза навывкате*, *удалить наотмашь*, *ночь напролет* мы встречаем в текстах сочетания *зубы навывкате*, *одеваться наотмашь*, *программу напролет*:

(13) *Похож дежурный на оглушенного бобра: зубы навывкате и шерсть мокрая* (М. Веллер. Легенды Арбата).

- (14) *Незамужняя девушка одевается наотмашь* («Комсомольская правда», 14.10.2010).
- (15) *Дамы обращаются к миллионам зрителей на южнорусском диалекте. Когда варят борщ, всю программу напролет говорят «свекла» — причем и гости в студии, поддавшись обаянию ведущих* («Комсомольская правда», 08—14.11.2012).

Как известно, для некоторых писателей употребление нестандартных словосочетаний составляет отличительную языковую черту их произведений. Например, в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова мы находим такие обороты, как *клетчатый гражданин, сиреневый клиент, самотишущий костюм, огненный борщ, бессонный этаж, балыковое бревно, доедаемая малокровием девушка, желтобрюхая грозовая туча* и т. п. Любопытно, что подобные выражения встречаются преимущественно в той части романа, где описывается Москва 20-х годов; в «исторической» же части подобных новаций практически нет.

Склонность к оригинальной комбинаторике лексем еще более характерна для прозы Владимира Набокова. Так, в повести «Король, дама, валет» встречаются сочетания *циферблат, полный отчаяния, презрения и скуки; прыщеватая жизнь школы, мохнатые дольки апельсинов, пряное мотовство, бородавка, как репейник, на щеке; обветшалая собачка, велосипед с завернутыми лапками, хитрый электрический ток, жаркая робость* и т.п. А вот собственноручное признание мастера слова: «Мне нравилось — и до сих пор нравится — ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставить врасплох» (В. Набоков. Отчаяние).

Проще всего было бы объяснить появление ломающих языковую традицию словосочетаний стремлением говорящего «оживить» текст, придать ему большую экспрессию (не случайно основная масса таких случаев встречается именно в художественной литературе и публицистике). Но у нетипичной сочетаемости есть и своя психологическая и информационная подоплека. Устойчивое словосочетание опознается и осмысливается адресатом быстрее, чем нетипичное, однако его информационная ценность ниже последнего, и в этом смысле оно тривиально. Окациональные же словосочетания «создают качество совершенно новое не только с формальной, но и с концептуальной точки зрения» (Tugula 2007: 507). Как показал Д.Дж. Аллертон, при всей условности, произвольности выбора лексического партнера в речевой цепи, он (этот выбор) может быть объяснен с когнитивистских позиций (Allerton 1990: 28—30). Наложение друг на друга, взаимопересечение (англ. *blending*) ментальных пространств порождает в сознании новые феномены. Речь тем самым идет о расширении познавательного кругозора носителя языка, об активизации его внимания, фантазии и креативного потенциала.

Вспомним еще очень уместные в данном контексте слова Эдварда Сепира: «Поставим рядом два выбранных наудачу простых английских слова. <...> Оказывается психологически невозможным услышать или увидеть эти два слова вместе, не постаравшись хоть сколько-нибудь связным образом их осмыслить» (Сепир 1993: 72). И далее американский лингвист перебирал возможности смысловой интерпретации конкретного сочетания слов...

6. Развитие композиционной семантики

Осмысление разнообразных речевых случаев, подобных описанным выше, привело к тому, что в границах семасиологического подхода сформировалось теоретическое направление **композиционной (или комбинаторной) семантики**.

Композиционная семантика — новое направление в лингвистике, которое занимается изучением комплексных знаков языка, местом значения отдельной единицы в составе значения целого, соотношением семантики сочетающихся друг с другом единиц. Это направление позволяет по-новому взглянуть как на семантическую структуру слова, так и на место лексических групп (синонимов, антонимов, гипо- и гиперонимов) в общей системе языка. В частности, сопоставление семантики сочетающихся прилагательных и существительных позволило наметить типовые пути развития метафорических значений, см.: (Aarts, Calbert 1979). А в статье С. Джонса и соавторов продемонстрировано, как контекст влияет на выбор антонима к английскому многозначному слову *dull* («глупый», «тусклый», «пасмурный», «скучный», «вялый» и т.д.) (Jones et al. 2007: 139—141). Особый интерес к данной проблематике подогревается исследованиями в смежных областях — формальной семантики и компьютерных технологий, см.: (Sweetser 1999; Asher 2011; Jacobson 2014 и др.). В России различные аспекты композиционной семантики разрабатываются в трудах Е.С. Кубряковой, Н.В. Юдиной, М.В. Влавацкой и др.

Основополагающими для композиционной семантики являются две идеи. Первая: значение слова содержится не только в нем самом, но и в его партнерах по речевой цепи. Доводя эту мысль до абсолюта, можно было бы сказать, что значение слова находится за его пределами — в соседних словах, в контексте. Но это означало бы определять одно неизвестное через другое. И такой позитивистский взгляд был бы для лингвистов малопродуктивным.

Поэтому не менее важной представляется вторая идея. Ее можно сформулировать так: при выборе нужного значения и формировании смысла целого адресат обращается к своей памяти — языковой и энциклопедической (о разграничении языковой и энциклопедической информации см., например: Рахилина 2000: 22—26). Накопленный там опыт играет роль решающего критерия, способного «переварить» любые отклонения в сочетаемости.

Плодотворность композиционного подхода уже была в свое время продемонстрирована дериватологами. Было показано, что семантический потенциал словообразовательной модели реализуется через комбинаторику морфем, однако упирается при этом в наши «знания о мире». Так, суффикс *-ник* может участвовать в русском языке в образовании названий посуды (*кофейник, чайник, молочник...*), а может — в названиях каких-то сборников (*песенник, задачник, справочник...*) или древесных зарослей (*ельник, осинник, малинник...*). Но если мы встречаем слово *птичник*, то ни к первой, ни ко второй, ни к третьей группе мы его отнести не можем. Только экстралингвистические знания, наш практический опыт позволят нам семантизировать это слово как «человек, который ухаживает за птицами», или же как «место, где содержатся птицы» (Милославский 1980: 116—117).

В целом композиционная семантика базируется на когнитивном подходе к языковому значению, на представлении, что в сознании человека активно взаимодействуют знания, закрепленные за языковыми единицами, и знания неязыковые, накопленные благодаря практическому опыту и представленные в концептуальных структурах. В таком случае практические знания, присутствующие в латентном виде в семантике слова, реализуются в высказывании благодаря взаимодействию («композиции») с другими словами. Эти другие слова как бы выбирают нужные элементы из всего семантического потенциала слова.

Скажем, в слове *талантливый* обнаруживается сема «молодой» (поэтому *талантливый музыкант* вряд ли будет сказано о 60-летнем человеке), в слове *мудрый* — сема «опытный, пожилой» (поэтому *мудрый педагог* звучит нормально, а *мудрый ученик* — странно), в слове *инструмент* — сема «мужской» (поэтому типичные инструменты — это молоток и пила, а скалку или пяльцы к инструментам не относят), а в слове *брючки* — сема «женский» (поэтому про предмет мужской одежды так может быть сказано только сугубо иронически)...

Таким образом, мы убеждаемся в том, что свойство комбинаторики не случайно, оно закономерно отражает специфику концептуализации действительности. Эта мысль высказывается в современной лингвистике по многим конкретным поводам. Так, З. А. Харитончик, размышляя над особенностями сочетаемости слов (ср.: *округлые, стреловидные листья*, но не **округлая, стреловидная листва* и т.п.), делает совершенно справедливый вывод: «Разная комбинаторика единиц *листв* (мн. *листья*) и *листва* — это убедительное свидетельство разной концептуализации, вычленения неидентичных аспектов одного денотативного пространства. Собирательные значения — это не значения множественного числа, это видение целого, собранного из некоторого числа составляющих элементов» (Харитончик 2015: 110—111).

Возникшая в недрах англистики, композиционная семантика использует метод «эксплицирующей трансформации». В частности, в значении прилагательных выявляются такие скрытые категориальные семы, как «находящийся в», «служащий для», «состоящий из», «имеющий вид», «относящийся к» и т.п. Это типичные предикаты, служащие для систематизации отношений между субстанциями. Возьмем для примера прилагательное *лесной*. Выражение *лесные ягоды* мы прочитываем как «ягоды, **растущие в лесу**», *лесная дорога* — как «дорога, **идущая через лес**», *лесная промышленность* — как «промышленность **по переработке леса**», *лесной техникум* — как «техникум, **в котором изучают разведение и эксплуатацию леса**» и т.д. Иными словами, исследования в области композиционной семантики «вытягивают» на поверхность те знания, которые скрыты в значении лексемы, синтагматически связанной с первым словом (Норман 2013: 205—207). Одновременно выясняется, каким образом взаимодействуют между собой компоненты лексического значения, какие существуют предпосылки для актуализации сем, их экспликации или, наоборот, нейтрализации (погашения).

Что касается реальных процессов речепроизводства и речевосприятия, то носитель языка вынужден то и дело уходить «в сферу здравого смысла»: иначе ему

пришлось бы неоправданно большое время затрачивать на «дешифровку» словосочетаний. Почему современные масс-медиа пестрят названиями типа *фабрика звезд, мельница моды, марафон скидок, барометр профессий, империя пиццы* — с, казалось бы, совершенно «чужими», инородными компонентами *фабрика, мельница, марафон, барометр, империя*? Потому что носитель языка уже ориентируется в сфере рекламы и заранее догадывается, к чему относятся предлагаемые ему телепрограммы, фестивали или торговые акции. В более сложных ситуациях от читателя или слушателя требуется и более сложная энциклопедическая подкованность. Подтвердим данную мысль одним примером:

(16) *В будке, на спине плачущего в гору газона жарили яичницу* (Слава Сэ. Сантехник, его кот, жена и другие подробности).

На первый взгляд эта фраза кажется абсурдной (вроде классического образца «Зеленые идеи яростно спят»). Но предложенная автором экспозиция (мужики едут на охоту) позволяет читателю дорисовать остальные подробности, и общий смысл выстраивается примерно такой: ‘в будке, в кузове грузовика, с трудом взбирающегося в гору, мужчины жарили яичницу’. Для достижения этого смысла надо знать, что грузовик марки ГАЗ имеет жаргонное название *газон*, и мощности его двигателя с трудом хватает, чтобы взбираться в гору, и что яичницу можно жарить на плитке с газовым баллоном, прямо в кузове автомобиля, и т.п. При отсутствии этих presuppositions читатель, вполне вероятно, и споткнется на приведенной выше фразе.

7. Заключение

В лексическом значении слова есть составляющая, отвечающая за его вхождение в текст (иначе говоря, ориентированная на создание текста). Она включает в себя поиск (подбор) лексических партнеров слова по синтагматической цепи. В идеале такой партнер представляет собой психологический предикат к уже выбранному слову. Уместно вспомнить здесь пионерскую идею Л.С. Выготского о «чистой предикативности» процесса речепорождения: «Предикативность — основная и единственная форма внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых» (Выготский 1982: 341). Участвующие в этом процессе семы актуализируются — они должны попасть в светлое поле сознания. А в качестве фона и гаранта данного композиционного (комбинаторного) процесса выступает так называемый «здоровый смысл», опирающийся на предшествующий опыт человека.

В статье рассмотрены пять языковых ситуаций, имеющих отношение к взаимодействию значения слова с его ближайшим контекстом. Это употребление многозначного слова и сигнализация семантического сдвига, наведение окказионального значения, поведение слова в составе фразеологического сочетания, появление у слова дополнительных коннотаций и расчет на эффект неожиданности.

Общий вывод таков: эволюционное изменение плана содержания лексемы закономерно обнаруживает себя в ее комбинаторике; в этом можно видеть прямую связь когнитивных процессов с механизмами речепорождения. С позиций слуша-

ющего (адресата), нарушение актуальных правил сочетаемости есть сигнал семантического сдвига в лексическом значении; в то же время можно утверждать, что нетипичная сочетаемость раздвигает когнитивные горизонты, приучает человека к иной (виртуальной) действительности, к иному опыту.

© Б.Ю. Норман, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The research done for this work has been funded by RFBR (project № 16-18-02005).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бирвиш М. Семантика // *Новое в зарубежной лингвистике*. X. М.: Прогресс. С. 177—199. [Birvish, M. (1981). Semantika. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. X. (Semantics). Moscow: Progress, 177—199 (In Russ.)]
- Влавацкая М.В. Оказиональная синтагматика в функционально-семантическом рассмотрении // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, № 2 (32), Часть 1. С. 39—47. [Vlavatskaya, M.V. (2014). Okkazional'naya sintagmatika v funktsional'no-semanticheskom rassmotrenii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. (The occasional syntagmatics in the functional-semantic consideration). Tambov: Gramota, № 2 (32). Chast' 1, 39—47 (In Russ.)]
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. *Собрание сочинений*. Т. 2: *Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика. С. 5—361. [Vygotskii, L.S. (1982). Myshlenie i rech'. In Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenij*. T. 2: *Problemy obshchei psikhologii*. (Thinking and speech). Moscow: Pedagogika, 5—361 (In Russ.)]
- Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // *Проблемы структурной лингвистики 1971*. М.: Наука. С. 367—395. [Gak, V.G. (1972). K probleme semanticheskoi sintagmatiki. In *Problemy strukturnoi lingvistiki 1971*. (On the problem of semantic syntagmatics). Moscow: Nauka, 367—395 (In Russ.)]
- Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое Литературное Обозрение. [Gasparov, B.M. (1966). *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya*. (Language, memory, image. Linguistics of language being). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (In Russ.)]
- Караулов Ю.Н. *Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть*. М.: ИРЯ РАН [Karaulov, Yu.N. (1999). *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'*. (Active grammar, and associative-verbal network). Moscow: IRYa RAN (In Russ.)]
- Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2014. № 1. С. 7—18 [Kechkesh, I. (2014). Slovo, kontekst i kommunikativnoe znachenie (Word, Context and Communicative Meaning). *Russian Journal of Linguistics*, 7—18 (In Russ.)]
- Милославский И.Г. *Вопросы словообразовательного синтеза*. М.: Издательство Московского университета [Miloslavskii, I.G. (1980). *Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza*. (Problems of word-formation synthesis). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta (In Russ.)]

- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // *Семиотика*. Сост. и ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга. С. 37—89. [Morris, Ch.U. (1983). *Osnovaniya teorii znakov*. In: *Semiotika*. Sost. i red. Yu.S. Stepanova. (The foundation of the theory of signs.). Moscow: Raduga, 37—89 (In Russ.)]
- Никифорова Е.Б. Изменение сочетаемости лексем как показатель динамики семантической структуры слова // *Слово — сознание — культура*. Сб. научн. трудов. Сост. Л.Г. Золотых. М.: Флинта — Наука. С. 115—122. [Nikiforova, E.B. (2006). *Izmenenie sochetanosti leksem kak pokazatel' dinamiki semanticheskoi struktury slova*. In *Slovo — soznanie — kul'tura*. Sb. nauchn. trudov. Sost. L. G. Zolotykh. (Changes in the compatibility of lexemes as an indicator of the dynamics of the semantic structure of the word). Moscow: Flinta — Nauka, 115—122 (In Russ.)]
- Норман Б.Ю. *Когнитивный синтаксис русского языка*. М.: Флинта — Наука [Norman, B.Yu. (2013). *Kognitivnyi sintaksis russkogo yazyka*. (The cognitive syntax of the Russian language). Moscow: Flinta — Nauka (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари [Rakhilina, E.V. (2000). *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetanost'*. (Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility). Moscow: Russkie slovari (In Russ.)]
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс — Универс. С. 26—203. [Sepir, E. (1993). *Yazyk. Vvedenie v izuchenie rechi*. In Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii*. (Language. An introduction to the study of speech). Moscow: Progress — Univers, 26—203 (In Russ.)]
- Стернин И.А. *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. [Sternin, I.A. (1985). *Leksicheskoe znachenie slova v rechi*. (Lexical meaning of the word in speech). Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta (In Russ.)]
- Харитончик З.А. *В поисках сущности имен*. Сб. научн. ст. Минск: МГЛУ, 2015. [Kharitonchik, Z.A. (2015). *V poiskakh sushchnosti imen*. Sb. nauchn. st. (Searching for names entity). Minsk: MGLU (In Russ.)]
- Aarts, Jan M.G., Calbert, Joseph P. (1979). *Metaphor and Non-Metaphor. The Semantics of Adjective Noun Combination*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Allerton, D.J. (1990). Linguistically Strange Word Combinations. *On Strangeness*. Ed. by M. Bridges (*Swiss Papers in English Language and Literature*. 5). Tübingen: Günter Narr Verlag, 25—38.
- Asher, Nicholas (2011). *Lexical Meaning in Context. A Web of Words*. Cambridge University Press.
- Gadamer, Hans-Georg (1975). *Warheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Methode*. (Truth and Method. Basic motions of philosophical method). Tübingen: J.C.B. Mohr. (In Germ.).
- Jacobson, Pauline (2014). *Compositional Semantics. An Introduction to the Syntax/Semantics*. Oxford University Press.
- Jones, Steven, Paradis, Carita, Lynne Murphy, M., Willners, Caroline (2007). Googling for 'opposites': a web-based study of antonym canonicity. *Corpora. Corpus-based Language Learning, Language Processing and Linguistics*, 2 (2), 129—155.
- Pustejovsky, James (1996). *The Generative Lexicon*. 2th printing. Massachusetts: MIT Press.
- Sweetser, Eve (1999). Compositionality and blending: semantic composition in a cognitively realistic framework. *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology*. Ed. by T. Janssen, G. Redeker. Berlin — New York: Mouton de Gruyter. 129—162.
- Turula, Anna (2007). Modyfikujące innowacje frazeologiczne jako amalgamaty znaczeń w świetle modelu dynamicznego opartego na uzusie językowym. *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*. Red. naukowy W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski. 503—510.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Resources

- БТСРЯ (1998): *Большой толковый словарь русского языка*. Глав. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт. [BTSRYa: Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Glav. red. S.A. Kuznetsov. (Large Explanatory Russian Dictionary). Saint-Petersburg: Norint (In Russ.)]
- Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I—IV. Изд. 4-е. Санкт-Петербург — Москва: Т-во Вольф. [Dal' V.I. (1912). Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. I—IV. Izd. 4-e. (Explanatory dictionary of the living great Russian language). Saint-Petersburg — Moscow: T-vo Vol'f (In Russ.)].
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка*. URL: www.ruscorpora.ru [NKRYa: Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (National corpus of the Russian language)]
- Словарь сочетаемости слов русского языка* (1983) Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. Москва: Русский язык [Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka. Pod red. P.N. Denisova, V.V. Morkovkina. (Dictionary of Russian words compatibility). Moscow: Russkii yazyk (In Russ.)]
- Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация* / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: ЯСК, 2003. [Sovremennyi russkii yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya. Otv. red. L.P. Krysin. (Modern Russian language. Social and functional differentiation). Moscow: YaSK (In Russ.)]

Article history:

Received: 18 January 2019

Revised: 04 March 2019

Accepted: 15 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 января 2019

Дата принятия к печати: 15 марта 2019

Bionote:

BORIS JU. NORMAN — Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Slavic Linguistics of Belarusian State University (Minsk). Research interests: grammar and lexics of Slavic languages, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, linguodidactics. Major (recent) publications: “Basics of Psycholinguistics” (Minsk, 2011), “Cognitive Syntax of the Russian Language” (Moscow, 2013), “New Amusing Russian Language Assignments” (Minsk, 2014), “Life of a Word Form” (Moscow, 2016), “Pragmatic Potential of Russian Lexics and Grammar” (Moscow — Yekaterinburg, 2017).

Contact information: e-mail: boris.norman@gmail.com

ORCID: 0000-00018520-5387

Сведения об авторе:

НОРМАН БОРИС ЮСТИНОВИЧ — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (Минск). *Сферы научных интересов:* грамматика и лексика славянских языков, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингводидактика. Основные (последние) научные публикации: «Основы психолингвистики» (Минск, 2011), «Когнитивный синтаксис русского языка» (Москва, 2013), «Новые занимательные задачи по русскому языку» (Минск, 2014), «Жизнь словоформы» (Москва, 2016), «Прагматический потенциал русской лексики и грамматики» (Москва — Екатеринбург, 2017).

Контактная информация: email: boris.norman@gmail.com

ORCID: 0000-00018520-5387

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-731-748

Research Article

Contextuality in the Russian language

Igor G. Miloslavsky

Lomonosov Moscow State University
31 Bldg.a Lomonosov Str., 119192, Russia

Abstract

The modern scientific paradigm of linguistics that replaced comparative historical and linguistic-centric paradigm is focused on the relationship between language and reality which is inherently asymmetric in nature. In this situation, the problem of an accurate and complete mutual understanding of the participants of communication becomes more and more urgent. This problem considered in the framework of cultural studies suggests the division of cultures into high context cultures, i.e. those where the behavior of communication participants does not directly express their goals and intentions, and low context cultures, implying direct and frank manifestations of those intentions. The author applies the idea of high and low contextuality to the Russian language, setting the task of identifying those typical manifestations of Russian discourse in which the linguistic signs show a high dependence on the situational and verbal context, and in this way, by virtue of the language structure, cause difficulties for mutual understanding. From this point of view, the study investigates the polysemy of Russian words and grammatical forms, as well as the conditions in which their unambiguous understanding is or is not achieved. It emphasizes the insufficiency of merely stating the possibility of several solutions and the need for algorithms that provide the only (or not the only) correct solution. The author sees another obstacle for successful communication in hyperonyms that do not have a distinct hyponymic content for each participant of communication. The third obstacle is the omission of the verbal designation of modifying and / or substantial characteristics of reality. The article emphasizes that those who speak Russian, in principle possessing the resources necessary for overcoming these difficulties, seek to use them effectively only in certain specialized areas (science, sports, trade) and do not care about the maximum adequacy of language units and reality in everyday and political discourse. In conclusion, the article describes how to take into account the noted features of the Russian language when consciously learning Russian as a native language, as well as when teaching it as a foreign language.

Keywords: *polysemy, formally unexpressed meanings, hyperonyms, context, situation, vocabulary, grammar*

For citation:

Miloslavsky, Igor G. (2019). Contextuality in the Russian language. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 731—748. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-731-748.

Контекстуальность в русском языке

И.Г. Милославский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 13-14, Москва, 119991, Россия

Аннотация

Современная научная парадигма языкознания, пришедшая на смену сравнительно-исторической и лингвоцентрической парадигме, ставит в центр внимания соотношение между языком и действительностью, которое по своей природе является асимметричным. В этой ситуации все более и более актуальной становится проблема точного и полного взаимного понимания участников коммуникации. Эта проблема, рассматриваемая в рамках культурологии, предлагает деление культур на высококонтекстуальные, т.е. такие, где поведение участников коммуникации не прямо выражает их цели и намерения, и низкоконтекстуальные, предполагающие проявления прямые и откровенные. Автор прилагает идею о высокой и низкой контекстуальности к русскому языку, ставя перед собой задачу выявить те типовые проявления русского дискурса, в которых составляющие сообщение языковые знаки проявляют высокую зависимость от контекста, ситуативного и вербального, и именно таким образом уже в силу устройства самого языка создают трудности для взаимопонимания при общении на нем. Под этим углом зрения рассматривается многозначность русских слов и грамматических форм, а также те условия, в которых достигается или не достигается однозначное их понимание. Подчеркивается недостаточность констатации возможности нескольких решений, но необходимость алгоритмов, дающих единственное (или не единственное) правильное решение. Другую помеху для успешной коммуникации автор видит в гиперонимах, не имеющих для каждого участника коммуникации внятного гипонимического наполнения. Третье препятствие состоит в опущении вербального обозначения некоторых модификационных и/или субстанциональных характеристик действительности. В статье подчеркивается, что говорящие по-русски, принципиально располагая необходимыми для преодоления этих трудностей ресурсами, стремятся их эффективно использовать лишь в некоторых специальных областях (наука, спорт, торговля) и нисколько не заботятся о максимальной адекватности единиц языка и действительности в бытовом и политическом дискурсе. В заключение в статье говорится о том, как следует учитывать отмеченные особенности русского языка при сознательном школьном обучении русскому языку как родному, а также при обучении РКИ.

Ключевые слова: *многозначность, формально не выраженные смыслы, гиперонимы, контекст, ситуация, лексика, грамматика*

Для цитирования:

Милославский И.Г. Контекстуальность в русском языке // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. С. 731—748. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-731-748.

Князь был немного ограничен
и потому любил в словах точность
Ф.М. Достоевский «Подросток»

1. Контекстуальность языка в современной лингвистической научной парадигме

Считается, что языкознание (как наука и не как практическое знание языков) началось как сравнительно-историческое. Предельно упрощая дело, можно видеть цель этой научной парадигмы в том, чтобы восстановить праязык, к которому восходят современные языки (Алифференко 2014). На пути к этой цели казалось,

что для некоторых групп языков такая задача легко достижима. Например, для русского, болгарского, чешского, польского, или немецкого, датского, шведского, или для французского, итальянского, испанского и португальского и т.п. При этом выяснилось, что общий праязык существовал не только для приведенных выше групп европейских языков, но и сами они являются продолжением более древнего так наз. индоевропейского праязыка, к которому восходят санскрит, а также некоторые другие, хотя и далеко не все, языки Европы и Азии. Объединяющая все сравнительно-историческое языкознание цель (Доброхотов 2010) — восстановление праязыка и уяснение сложных путей его развития к современным языкам — закономерно создала генетическую классификацию языков. Известные результаты такой классификации позволяют справедливо характеризовать, например, русский язык как один из языков славянских и — шире — индоевропейских. Нередко употребляющие эти характеристики забывают формально не выраженные в таком случае за их очевидностью слова «по происхождению».

Смена лингвистической научной парадигмы с исторической на синхронную привела к кардинальному изменению целей лингвистики как науки (Алпатов 2005). Эта цель предстала в виде установления правил и закономерностей, действующих в каждом конкретном языке (Соссюр 2004). Уклонимся от обсуждения вопроса о том, как поворот в языкознании от диахронии к синхронным связям и отношениям коррелирует со сменой парадигм и во многих других гуманитарных науках и как это связано с общественными запросами. Лозунг «изучать язык ради самого языка» привел и к смене основания для классификации языков. Это основание из генетического переместилось в сторону формальной техники, реализуемой конкретными языками или группами языков. В первую очередь классификаторы сосредоточились на противопоставлении аналитических языков и языков флективных, делая упор на большую или меньшую роль в языке форм словоизменения, на типы парадигм, а следовательно, на флексию, на моносемность или многосемность флексий.

В результате этих наблюдений мы можем, например, утверждать, что русский язык по преимуществу флективный, хотя в нем есть и элементы аналитизма (в отличие от преимущественно аналитического, хотя и с элементами флективности английского) (Панов 1963). При этом в русском языке флексии по преимуществу многосемные (в отличие от тюркских языков).

«Семантический взрыв», произошедший в языкознании в середине прошлого века, перевел внимание с самодовлеющего изучения устройства языков на вопрос о соотношении языка и отражаемой им действительности, включив язык в область теории познания и социального взаимодействия между людьми, пользующимися языком, т.е. в область культуры. Как известно, современная культурология также пытается классифицировать многообразные культуры прежде всего как типы социального поведения и взаимодействия людей по разным основаниям (мужские — женские, коллективистские — индивидуалистические, урбанистические — сельские и даже восточные — западные и т.п.) (Лотман 1979, Флиер 2002). Среди этих многообразных оснований классификаций (ср. с ограниченным числом оснований для классификации языков) выделяется деление культур на вы-

соко и низко контекстуальные (Hall 1990). При этом в качестве основания выступает количество информации, формально реализуемой в коммуникации: в высоко контекстуальных культурах количество такой информации меньше, в низко контекстуальных — больше. Другими словами, в низко контекстуальных культурах ценность каждого формального, в том числе и вербального, компонента больше, а в высоко контекстуальных — меньше. Ценность в этом случае рассматривается, во-первых, как адекватность и, во-вторых, как релевантность сообщений по отношению к действительности, к положению дел. Обе эти характеристики, несколько огрубляя дело, могут быть успешно соотнесены с действительностью лишь с учетом разнообразных типов контекстов в высоко контекстуальных культурах и обычно не требуют контекстного погружения в низко контекстуальных культурах (Балачандран 2016). В качестве полярных при таком взгляде примеров выступают американская культура, где *да* значит «да», а *нет* значит «нет», и японская, где *нет* вообще не употребляется, а *да* может быть окружено таким контекстом, который его значение едва ли не опровергает. Русская культура по обсуждаемому параметру занимает промежуточное положение, хотя и ближе к высоко контекстуальным, (что не редкость и в иных классификациях): ср. русское *решительное «нет»* и *да, но...*, где следующее после *но* обычно зачеркивает само предшествующее *да*.

В процессе коммуникации взаимодействуют, более или менее успешно, отправитель и получатель сообщения. Успешность коммуникации обеспечивается за счет фонда общих знаний участников о жизни вообще и о конкретной ситуации общения, в частности. Однако не следует забывать, что кроме самих участников коммуникации важную роль в ней играет само средство коммуникации, язык, на котором она осуществляется. И именно свойства языка могут или способствовать или препятствовать успеху коммуникации (Roy 2010). Очевидно, что чем более высококонтекстуальным является язык коммуникации, тем более трудные задачи приходится решать реципиенту. Для точного понимания в этих случаях он должен решать не только одноходовые задачи по соотнесению языкового знака с действительностью, но задачи двухходовые, когда из некоторого множества возможных значений следует выбрать именно то, которое представлено в тексте, созданном производителем речи. И сам производитель речи должен стремиться не только адекватно воплотить свои представления о действительности, но и предусмотреть те трудности, которые могут возникнуть у адресата и постараться избежать их. Подобную же «заботу об удобстве» получателя информации реализует соблюдение орфографических и/или орфоэпических правил. Ценность этих правил именно в облегчении усилий получателя информации, который не должен отвлекаться на отклонения от принятых норм и может (должен!) сосредоточиться исключительно на содержательной стороне сообщения (Пешковский 1959).

Предмет статьи — оценка роли контекста не в коммуникативном поведении говорящих по-русски, но в самом устройстве русского языка. Часто носитель китайского языка затрудняется с ответом на вопрос, что же означает какое-либо произнесенное по-китайски слово. В русском такая ситуация скорее редкость, хотя в толковых словарях русского языка очень мало статей, правая часть которых

не состояла бы из 1., 2., 3. и т.д. (Зализняк 2006, Иомдин 2014, Ольховская 2015, Песина 2005, Navigli 2009). Главная задача статьи состоит в том, чтобы представить те типовые случаи, когда без привлечения контекста невозможно однозначно понять значение слов и форм, предложений и текстов на русском языке. Также предпринимается попытка осмыслить те последствия, которые вытекают из соответствующих наблюдений, для практики использования и преподавания русского языка как родного и как неродного.

2. О преодолеваемой и не преодолеваемой контекстом многозначности слов

Банальным является утверждение «Контекст устраняет полисемию». Однако эта банальность редко уточняется в связи с тем, что само слово *контекст* обычно подразумевает и сам законченный фрагмент текста со всеми его словами и формами, и общую ситуацию, которая описывается в конкретном тексте (Кобрицов 2004; Добров, Лукашевич 2007). Так, например, слово *ворота* и без словесного окружения в репортаже о футбольном матче воспринимается однозначно как «воображаемая плоскость, ограниченная в длину и высоту двумя столбами и перекладиной поверх их, попадание за которую есть цель игры», в отличие от значения того же слова в ситуациях, связанных с обозначением местности, где оно обозначает «возможность сквозного проезда» (ср. также топонимы *Красные (Покровские, Спасские* и др.) *ворота*). Продолжая футбольную тему (без указания на словесное окружение!), назову еще *бровка* как «край футбольного поля» (ср. с ситуацией в парикмахерской), *судья* и *защитник* (ср. с ситуацией судебного процесса), *удар* («по мячу») и *удар* (в ситуации физического и/или морального конфликта людей или групп людей) и т.д. и т.п. Даже различая словесный и ситуативный контексты, приходится констатировать, что не все контексты обоого типа непременно преодолевают полисемию (и омонимию). Предложение *Мы долго искали и, наконец, нашли ключ* оставляет вопрос о значении слова *ключ* открытым. Если же известно, что это предложение относится к ситуации описания загородной прогулки, то очень высока, хотя и не 100 %, вероятность понимания «источник воды». Такая вероятность полностью исключается в описании любых урбанистических ситуаций. Эта очевидность достаточно хорошо исследована (не на материале русского языка), в аспекте вербальных контекстов, как способствующих пониманию А, так и исключающих понимание А. Однако признавая влияние обоих типов контекста на точность понимания, не следует забывать о таких случаях, когда такая однозначность понимания не достигается (ср. с недостаточностью улик, определяющих преступника из ряда подозреваемых). Попробуем конкретнее рассмотреть этот вопрос, двигаясь от некоторых многозначных слов.

Государство. Это слово употребляется в трех значениях. В качестве обозначения «страны» (*границы государства, государства Европы*). В качестве обозначения «устройства повседневной жизни людей» (*феодалное государство, государство в государстве*). И в качестве обозначения организованной группы лиц, осуществляющих властные функции (напомню ленинское определение *государства* как «аппарата насилия одного класса над другим»). Например, из пред-

ложения *О социально не защищенных должно позаботиться государство* неясно, имеется ли в виду «устройство» (как саморегулирующаяся система) или «власть». *Конституция — основной закон государства — государства как «страны» или как «устройства»?* (Наверное, «устройства», поскольку в одной и той же стране конституция может меняться, однако возможно и «страны», потому что «устройство» не всегда точно отражается в конституции, а также может быть более или менее сходным в разных странах). *Политика, враждебная интересам государства — интересам «страны», интересам «устройства» или «власти»?* Если в этих расхожих контекстах возможны разные толкования, то успех коммуникации находится в зоне большого риска, поскольку осмысление одного и того же слова отправителем и получателем коммуникации может и совпадать, и не совпадать. Добавлю, что при понимании *государства* как «власти» остаются неясными те конкретные лица, которые имеются в виду. А при понимании *государства* как «устройства» в таком же положении находятся те институты как элементы структуры, которые входят в «устройство». Уход от конкретики в этих случаях демонстрируют также такие выражения, как, например, *в Кремле считают, Белый дом возражает, Париж согласен на переговоры* и т.п., где подразумевается «власть», однако это обозначено весьма размыто (см. об этом ниже).

Культура. Слово *культура* употребляется в русском языке в нескольких значениях. В качестве основных можно выделить четыре случая. «Бытовая культура» как соблюдение определенных норм в повседневной жизни, санитарных, гигиенических и пр., поддерживающих физическое здоровье человека, удовлетворяющих его физиологические потребности. Другое значение — это «культура духовная», т.е. культура в отношениях между людьми в разных коллективах и обстоятельствах, в поведении, в коммуникации, во внимании не только к самому себе, но и к другим, живым, умершим и еще не родившимся. Этим двум связанным между собой значениям противостоит культура как обозначение «высоких достижений человечества в художественной области», в музыке и поэзии, живописи и литературе и пр. (Художественная культура тесно связана с духовной, но также часто соприкасается с бытовой в таких, например, областях, как архитектура и дизайн). При этом разнообразные результаты, достигаемые художественной культурой, равно как и целенаправленные усилия к этим результатам ведущие, требуют своих организационных и вполне материальных структур, музеев и киностудий, театров и училищ и др. И это разнообразное хозяйство также называют *культурой*, наряду с *образованием, здравоохранением*, например, предусматривая на нее бюджетные расходы. Поэтому, когда речь идет, например, о *министерстве (министре) культуры*, это можно понимать и как «высокие достижения», и как «хозяйство, связанное с созданием и сохранением этих достижений». Видимо, необходимость различения этих двух значений отразилась, пусть и не лучшим образом, в противопоставлении *деятеля культуры* (режиссер, художник, артист и пр.) и *работника культуры* (служащий соответствующего министерства, музея, театра и пр.).

Очевидно, что в словосочетаниях типа *средневековая культура, немецкая культура* и т.п. культуру можно понимать и как бытовую, и как духовную, и как

художественную. В связи с этим хочу привести рассказ А.А. Зализняка о разговоре с С.С. Аверинцевым, читавшим тогда курс русской духовности. «Аверинцев сказал: „Область, к которой относятся мои занятия, — не наука и не искусство; но она не менее интересна для человека, чем наука и искусство. Человечество, однако, не выработало для нее отдельного имени, и за неимением такового ее относят к науке...“ А.А. Зализняк добавляет: «Его слова произвели на меня тогда очень сильное впечатление — своей ясностью и бесстрашной прямоотой» (Зализняк 2018).

Народ. У этого слова можно выделить три значения. Первое обозначает население какой-либо страны — государства (см. выше) или некую этническую общность людей, совсем не обязательно совпадающую с государственной принадлежностью (ср. словосочетание *титульная нация*, обозначающее такое совпадение). Вообще невнятное разграничение *гражданства* («подданства») и *национальности* («этнического происхождения») породило очень много проблем для русского языка особенно в середине прошлого века, когда, по мнению официальных властей, сформировалась «новая культурно-историческая общность людей — советский народ». Обсуждение этих очень важных для русского языка вопросов, связанных с не всегда гармоничным взаимодействием между политическим и бытовым дискурсом увело бы нас в сторону от обсуждаемой проблемы.

Другое значение слова *народ* — это «основная трудовая масса населения». Именно в этом значении это слово употреблено в революционной песне: «*Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой*». Замечу, что это значение внятно выражается словосочетанием *простой народ* и словом *простонародье* («*Всея по наследству перешедшей плотью, всем обликом, которым дорожу, к широкому в плечах простонародью я от рождения принадлежу*», — писал поэт Евгений Винокуров). Подобная же утрата определяющего прилагательного произошла в начале прошлого века со словосочетанием *сознательный рабочий*, когда оно превратилось по форме просто в *рабочий*, сохранив положительный оценочный компонент от прежнего значения словосочетания. И, наконец, третье значение — «люди, группа людей». Именно в этом значении это слово употребляется в сказке Леонида Филатова «Про Федота-стрельца...»: «*Там собрался у ворот этот (как его?) народ...*». Хотя вполне возможно видеть здесь и значение, отмеченное выше как второе.

Благодаря лишь широкому контексту пушкинского Бориса Годунова в словосочетании *Народ безмолвствует* следует видеть значение 2. В более узком контексте возможно и понимание 3.

Множественность значений весьма употребительного слова *народ* в словосочетании «*весь народ*» породило справедливую реплику Андрея Платонова: «*Без меня народ не полный*». Современные идеологи продолжают эксплуатировать многозначность слова *народ*, пытаясь внедрить содержательно невнятное словосочетание «*глубинный народ*». Автор не задается неизбежным в таком дискурсе вопросом, чем же *глубинный народ* отличается от *народа поверхностного* и просто от *народа*.

3. Гиперонимы без ясных гипонимов

Другое проявление необходимости контекста для внятного понимания написанного/произнесенного находим среди гиперонимов с неясными гипонимами. *События, происшествия, мероприятия, политика, свойства, специфика, возможности, достижения, поведение, природные явления, общественные интересы, государственная безопасность, качество населения* и мн. и мн. др. — все эти обозначения, более или менее ясные по своей когнитивной сути, оставляют весьма невнятным конкретный объем покрываемых таким именованием понятий.

Постараюсь продемонстрировать эти обстоятельства на примере слова *ценности*. Очевидно, что само это слово представляет пример регулярной многозначности, соединяющей физическое и нравственное (*трогать за душу и за руку, теплая вода и чувства, высокие потолки и мысли, чистоту соблюдать и хранить*), что более или менее легко различается благодаря контексту (см. выше). В данном случае речь о другом, о том, какие же именно нравственные представления и нормы поведения общество воспринимает как ценные (Inglehart 2018). (Замечу, что при этом непременно возникает необходимость признать некоторые характеристики и нормы не ценными, а следовательно, требуется обосновать и реализовать такое деление).

Принято считать, что основные моральные ценности сформулированы в 10 христианских заповедях, однако едва ли все из них (как, например, заповедь о субботе) подразумеваются употребляющими сегодня слово *ценности*. С другой стороны, обязанность заботиться (и материально, и морально!) о детях не выступает в числе заповедей. Равно как и внимание к больным, слабым, нуждающимся, проявление которого есть самоё суть христианства, не отмечено специально в заповедях, но представлено евангельскими притчами.

В связи с невнятным наполнением содержания слова *ценности* не могу не вспомнить показанную по отечественному ТВ встречу Маргарет Тэтчер с ведущими советскими журналистами. Когда один из них упомянул *преимущества социализма*, Тэтчер буквально закричала *What advantages?!* и, не получив внятного ответа, довела беседу до полного разгрома оппонентов.

Вопрос о соотношении гиперонимических и гипонимических обозначений, будучи одним из фундаментальных и в теории познания, и в лингвистике, в русистике никогда не рассматривался как весьма актуальный. Хотя и привлекал внимание исследователей прежде всего в связи с попытками создания научно-терминологических систем (Лотте 1961). Между тем очевидно, что предложение *Соловей разливаётся в терновнике* значительно информативнее, чем такое же по количеству слов предложение *Птица поет в кустах*. Как очевидно и то, что для ценителя тонких чувств предпочтительнее первое, а для стремящегося к обобщениям ученого, орнитолога или ботаника, ценнее второе.

Не могу не обратить внимание, что современный русский дискурс (sic!) очень активно использует гиперонимические обозначения. В детстве я никак не мог понять, что же я должен делать, когда человек с плаката призывал и меня *бороться за мир*. Или *соблюдать / не нарушать правила*, суть которых оставалась для меня

весьма невнятной. Помогали справиться с ситуацией И. Ильф и Е. Петров с их призывом «перестать бороться за чистоту, а начать подметать». Размытые невнятные рекомендации широко представлены и в быту, где советы типа быть «аккуратным (внимательным)», «не тратить напрасно здоровье (деньги)», «стараться» и т.п. выражают лишь участливое отношение к судьбе адресата, никак не снабжая его какими-либо конкретными рекомендациями о том, как же обеспечить эту счастливую судьбу.

4. Формально не выраженные значения, модификационные и субстанциональные

Кроме слов со множеством значений, кроме гиперонимов с неясным гипонимическим наполнением, часто даже и не проясненным благодаря контексту, следует выделить еще один случай семантической неопределенности, преодолеваемой и не преодолеваемой контекстом. Я имею в виду формальное отсутствие модификатора, открывающее возможность неоднозначного понимания, каковое также может быть, а может и не быть преодолено благодаря контексту.

Известный диалог Фамусова с Молчалиным иллюстрирует именно такой случай: *Шел в комнату — попал в другую... — Попал или хотел попасть?* И грозный царь спрашивал купца Калашникова: *«Вольной волею или нехотя ты убил моего верного слугу?...»* В самом деле в русском языке есть немало глаголов, которые могут обозначать и целенаправленное действие, и действие случайное, произвольное: *Поскользнулся и упал* (случайно), но *Упал — отжался* (на занятии физкультурой) называет уже не случайное падение.

Проснулся — сам или потому, что разбудили? Только контекст может дать ответ на этот вопрос (*Проснулся от удара грома*), а без подобного контекста вероятны оба толкования. Это совершенно ясно на фоне *выздоровел — вылечили, лег — положили, встал — подняли* и др. (Гордиевская 2018). И многие глаголы с *-ся* также оставляют открытым вопрос о том, кто (что) является источником состояния: *рассмеялся, удивился, рассердился* и др. сам или по внешней причине? Ср. также *распад СССР* («сам») и *развал СССР* («сам») или «в результате чьих-то усилий» (см. ниже).

Обозначения, предполагающие разные модификаторы, представлены не только в глаголах. *Куртка* — одежда для улицы, т.е. как *плащ, пальто*, или для дома, т.е. как *пиджак, кофта*? *Чайник* — сосуд определенной формы для кипячения воды или для заварки? Только контекст (например, *железный* или *фарфоровый* может прояснить этот вопрос). Разумеется, при наличии некоторых знаний о материалах и о процедуре приготовления чая (ср. англ. *tea-pot* и *tea-kettle*). И даже слово *человек*, обозначая и мужчину, и женщину, только благодаря контексту может (или не может) уточнить, кто же имеется в виду, мужчина или женщина, мальчик или девочка.

Формально отсутствовать в речи, хотя и присутствовать в сознании и для реципиента, и производителя речи — могут не только модификационные характеристики. Знаменитая фраза З.Н. Гиппиус *«Если надо объяснять, то не надо объяснять»* несмотря на не замещенную при глаголе позицию объекта, очень

внятно описывает невозможность эффективной коммуникации специалиста с профаном, интеллектуала с дикарем, душевно тонкого человека — с грубым и примитивным... (Известно, что при различии в компетенции участников коммуникации она может быть успешной, только соответствуя нижнему уровню).

У больного температура (> N), В раю, конечно, климат, зато в аду общество («хороший»), женщина в возрасте («большом»), Карету мне, карету! («дайте»), моя бывшая («жена») — и другие подобные примеры подтверждают тот факт, что многие русские предложения значат (и для продуцента, и для реципиента) больше, чем простая сумма тех слов и форм, из которых это предложение состоит. Весьма широкое использование в русском дискурсе различных прецедентных текстов и их персонажей, знакомых и производителю, и реципиенту, также позволяет говорить о проявлении высокой контекстуальности русского языка. Впрочем, здесь мы уже выходим за пределы языка и собственно речевой деятельности, в область, которую за неимением лучшего обозначения принято именовать «фондом общих знаний собеседников», которые непременно следует отличать от знания о конкретных ситуациях как самого общения, так и предмета речи (см. об этом ниже).

В связи с этим особого внимания заслуживают формально не выраженные значения, представленные в русских относительных прилагательных разного типа. Ср., например, притяжательные прилагательные *медвежья берлога* («где живет...») и *медвежья походка* («такая, как у...»), *осиное гнездо*, *осиный вкус* и *осиная талия*, *лебединый крик*, *любовь*, *песня*. Правда, у притяжательных прилагательных в русском языке, выделяемых таким образом исключительно по типу оформления парадигмы склонения, подобная многозначность невыраженных компонентов значения вещь довольно редкая. Здесь в качестве невыраженного формально компонента значения преимущественно выступает «принадлежащий, обладающий». Зато собственно относительные прилагательные обладают весьма широким набором формально не выраженных значений, характеризующих тот характер «отношений», которые существуют между значениями определяемого существительного и корня определяющего прилагательного. Ср. *стальная иголка* и *воля*, *дачная постройка* и *жизнь*, *итальянский полдень* и *костюм* и мн. др.

Такая же проблема возникает с прилагательным *контекстуальный* — «имеющий какие-то отношения с определяемым словом» и его синтаксическим дериватом *контекстуальность*. *Контекстуальность культуры (и языка)* можно понимать и как «зависимость от контекста» (относительно большая или меньшая), и как «обязательное требование к контексту для успешной коммуникации» (в большем или меньшем объеме) (Ларина 2017). Ср. также *деревенский дом* — «находящийся в...» и «такой, как в...», *университетский учебник* — «созданный в...» и «предназначенный для...» и мн. др.

5. Контекстуальная зависимость значения грамматических показателей

Высокую зависимость своей семантики от контекста обнаруживают в русском языке грамматические характеристики и, в частности, флексии. Даже такие сугубо сочетаемостные по своей природе грамматические характеристики существитель-

ных как род и одушевленность в некоторых контекстах приобретают семантическую ценность (Зализняк 1967). Например, *ужасный невежа* — *ужасная невежа* (мужской и женский пол); *наш врач* — *наша врач* (пол неизвестен — женский пол); *падающего толкни* — *падающее толкни* (лицо — предмет, явление). Разнообразие типов склонения и многочисленность падежной системы также не позволяют без обращения к контексту определить падежную характеристику многих существительных (*столу* — *сестру*, *сливки* — *в тиши* — *у земли*, *крестьяне* — *в небе* — *к стене* и др.), а тем более номинативную ценность конкретной грамматической характеристики (*дать брату* — *брату скучно*, *нет стены* — *край стены* и др.).

Хорошо известна контекстная зависимость грамматических форм числа существительных, где в качестве воздействующего контекста могут выступать разные факторы, от лексического значения слова (*сливки* — *волки*, *ворота* — *профессура* — *знамена* и др.) до общего фонда знаний коммуникантов (*На стройку привезли кирпич*; *Водитель, уступи дорогу пешеходу!*) (Ляшевская 2004). Также хорошо известны различные значения конкретных глагольных характеристик наклонения, времени и даже лица. Не могу не заметить, что все эти контекстуальные изменения обычно иллюстрируются отдельными примерами, а конкретные условия, в каждом случае определяющие ту или иную семантическую трансформацию, исчерпывающим образом, насколько мне известно, не выявлены. Эта задача в условиях существования корпуса русского языка (с соответствующей разметкой!) представляется реально выполнимой. А практическая важность такого решения актуальна не только для рецепции, но и в связи с необходимостью обеспечить продуктивные речевые действия на русском языке. Напомню, что цель таких действий — никогда не употребление определенной грамматической формы, но воплощение определенного содержания, которое часто выражается по-разному именно в конкретном контекстуальном окружении (Милославский 2018).

Особого внимания в связи с вопросами контекстуальности русского языка заслуживают вопросы о безличных глаголах типа *спится*, *работается*, и о страдательных формах глаголов с полной парадигмой. Как известно, субъект в этих случаях не только выражается нестандартно, т.е. не именительным, но либо дательным, либо творительным падежом, но может и вообще опускаться: *считается, что... решение принято*; *вопрос обсуждается* и др. Таким образом возникают контексты, дающие широкий простор для предположений реципиента о том, кто (что) же именно есть производитель действия (носитель состояния) (Падучева 2012). Весьма заманчиво видеть во всех этих случаях в качестве производителя некую сверхъестественную силу, что представляет большой интерес для классификации языков по параметру «отношение к власти», нередко выступающему в качестве основания для классификации культур.

На фоне артиклевых языков очевиден преимущественно контекстуальный способ выражения определенности — неопределенности лица, предмета и явления в русском языке (Виноградов 1990). Напомню, что русский язык располагает необходимым и достаточным арсеналом средств и для выражения определенности (*этот*, *тот самый*, *упомянутый*, новейшее нелитературное *конкретный* и др.), и для выражения неопределенности (*какой-то*, *некий*, *один*, *всякий* и др.). Дело

лишь в том, что в отличие от артиклевых языков, этот параметр в русском языке вовсе не обязателен для выражения и таким образом, будучи опущен, дает реципиенту простор для интерпретаций, регулируемых лишь различными типами контекстуального воздействия (см. выше).

Подобная же свобода интерпретации в значительной степени характеризует и временные формы русского глагола. Так, например, употребление личных форм настоящего времени дает основание считать их вневременными, а следовательно, их оппозиции прошлому и будущему — привативными со всеми вытекающими отсюда последствиями для осмысления настоящего времени (Виноградов 1972). В русском языке вовсе не обязательно обозначать последовательность внутри прошлых и внутри будущих действий. Это, как и в случае с артиклями, можно легко сделать (*после того, как; сначала, сперва, потом, после* и др.), но можно и не делать, полагаясь на сообразительность (и доверчивость?) реципиента. Право, заслуживающее внимания свойство языка (мышления, души)?!

Не могу также не отметить, что глаголы несовершенного вида также находятся в привативной оппозиции к глаголам совершенного вида. Если у глаголов совершенного вида непременно есть указание либо на однократность действия (*сказал, толкнул, поцеловал, позвонил* и др.), либо на его результативность (*построил, написал, выучил* и др.), либо они допускают обе интерпретации (*встал, выбрал, решил* и др.), то соответствующие глаголы несовершенного вида вовсе не сообщают о действиях многократных и/или безрезультатных (Милославский 2015). *Говорил, толкал, целовал, звонил* — сколько раз, неизвестно, *строил, писал, учил* просто ничего не сообщают о результате этих усилий. Ср. *звонил (по телефону) — позвонил — дозвонился* и *встал сразу — с трудом, решил тотчас — после раздумий; звонил один раз и много раз, однажды говорил и всегда говорил* и т.п. Очевидно, что во всех этих случаях именно контекст способен добавить соответствующую модификационную характеристику, либо, оставаясь никак не выраженной, она оставляет реципиенту возможность разных интерпретаций.

Добавлю еще и так наз. нулевую связку в простом предложении и деепричастные обороты, сообщающие явно лишь о меньшей значимости называемого ими действия. Между тем между обоими действиями могут существовать и другие содержательные связи: ср. *Подъезжая под Ижоры, я взглянул на небеса, И вспомнил ваши взоры, ваши синие глаза* (одновременность) и *Решась кокетку ненавидеть, кипящий Ленский не хотел пред поединком Ольгу видеть* (причина и следствие). Очевидно, что характер отношений между «основным» и «побочным» действиями, формально никак не выраженный, определяется исключительно контекстом, причем не всегда однозначно. То же самое относится и к различным бессоюзным сложным предложениям: ср. *Сыр выпал — с ним была плутовка такова* (последовательность) и *Проголодаешься — так и хлеба достать догадаешься* (условие) и мн. др.

6. Тенденция к высокой или низкой контекстуальности

Наблюдения за изменениями в русском языке конца прошлого — начала нынешнего века свидетельствуют о разнонаправленных тенденциях, действующих в нем по параметру «контекстуальность» (Валгина 2001, Богданова 2018).

Одна тенденция состоит в том, что многозначность, а следовательно, и контекстуальность растет. Появление (или открытие) новых феноменов в жизни не порождает новых номинаций, но включается как одно из значений в уже имеющиеся слова. Так, например, произошло с именованями прежде только «мужских» профессий и должностей. Появление в этом ампула женщин расширило число значений у таких, например, слов, как *доктор, врач, инженер, агроном, декан, директор*, добавивших к своим возможным значениям еще и «Женщина, имеющая такую профессию (должность)». При другой интерпретации этого явления прежнее значение «мужчина, имеющий такую профессию (должность)» трансформировалось в «лицо...» (см. об этом выше 1.3). Другие возможности отразить в языке произошедшие гендерные социальные изменения оказались не слишком успешными. Либо по причине столкновения с именованями жен по мужу (*губернаторша*), либо по причине наличия отрицательной оценки (*врачиха*), либо в силу ограниченности синтагматических возможностей (*врач пришла, хорошая врач* только в именительном падеже). Добавлю, что во всех таких случаях оппозиция по отношению к немодифицированному обозначению оставалась привативной, т.е. контекстуальная зависимость у него сохранялась.

Новейшим примером той же тенденции выступает слово *коррупция*, которым обозначаются любые способы использования служебного положения для удовлетворения личных потребностей. Это именование применяется к самым различным таким действиям (ср. *взятничество, вымогательство, насилие, связи с преступным миром, протекционизм, продажа различных должностей, званий, наград* и т.д. и т.п.) без различения ролей участников преступления и сущностей, воплощающих удовлетворение интересов обеих сторон. По мере широкого ознакомления общества со всякими нарушениями (крайне невнятное обозначение!) в работе должностных лиц (еще одно невнятное обозначение) требуется все большее число точных и кратких обозначений таких конкретных нарушений (видимо, в принципе число их типов конечно). Новые обозначения, однако, либо вовсе не возникают, либо остаются описательными и весьма громоздкими (*оборотни в погонах*, например, где проясняется лишь принадлежность преступников к силовым структурам), либо архаизируются. Именно тенденция к увеличению контекстуальности действует в современной разговорной речи и в политическом дискурсе.

Противоположную тенденцию являет дискурс в специальных областях (Июдин и др. 2013). Так, например, спорт как предметная область демонстрирует тенденцию к появлению точных обозначений, пусть и с формальным усложнением: *синхронное (художественное) плавание, хоккей на траве, пляжный волейбол, женский футбол*. То же самое наблюдаем в обозначениях блюд в ресторанах и даже столовых, в названиях предметов одежды и обуви, где еще четверть века назад русский язык обходился самыми общими обозначениями типа *суп (первое) — второе — третье, шуба — пальто — плащ — костюм — платье — брюки*. Разнообразие жизни ведет к разнообразию именованый. Однако эта закономерность действует по-разному в разных сферах жизни (и дискурса!). Если бы современная социология как наука больше интересовалась не предвыборными рейтингами партий и политиков, но стремилась бы понять, в чем (и почему?) наше общество

начинает разбираться глубже и тоньше, а где — примитивизируется, данные о нынешнем состоянии разных типов русского дискурса, рассмотренные по параметру «контекстуальность», дали бы не просто интересные, но и весьма полезные для самого, мало склонного к рефлексии, общества результаты. Очевидно, что истинно научный дискурс по своей природе также стремится к уменьшению контекстуальности. Рост числа названий разного рода лекарств, необходимость патентного закрепления таких названий, а также процент таких именовании, становящихся общеупотребительными, — одно из ярких таких проявлений.

7. Контекстуальность русского языка и общественная практика

Как кажется, предложенный угол рассмотрения достаточно хорошо известных явлений и фактов, представленных в русском языке, позволяет и поставить принципиальные вопросы, и предложить практические рекомендации.

1. Сопоставление языков по параметру, определяющему соотношение в речевой деятельности формально выраженных и внятных и не выраженных и невнятных компонентов, представляется весьма перспективным. Такой взгляд способен многое прояснить не только в общей проблеме соотношения языка и мышления, но и способствовать изучению конкретных свойств определенных менталитетов и типов поведения. При этом едва ли целесообразно спешить давать оценки «хорошо/плохо» разным типам такого соотношения (Hofstede 2001; Hofstede, Minkov 2010). Замечу лишь, что максимально низкая контекстуальность (что это такое?), конечно же, идеал, к которому следует стремиться, никогда его не достигая, в науке. Однако такое стремление едва ли оправдано в человеческом общении, личном и с помощью разного рода гаджетов, благодаря СМИ, с разными типами участников и т.д. и т.п. Очевидно, что цели, нередко противоположные у производителя и получателя информации, эффективно достигаются здесь благодаря множеству разных характеристик речи, а не благодаря одной-единственной.

Также следует воздержаться от перевода сделанных наблюдений «в цифру», как бы модно это сейчас ни выглядело. Числовое представление качественных характеристик всегда сомнительно, а при размытости самих этих характеристик сомнительно вдвойне (Council of Europe Communications Ref. DC 024, 2019).

В новой лингвистической парадигме современная академическая и университетская русистика сделала резкий крен в направлении культурологии. Это отсутствие конкретных знаний (не путать с возможностью разных проявлений) о способах преодоления ассиметричного дуализма языкового знака не способствует ни научному прогрессу, ни удовлетворению общественных потребностей. Мы не имеем полного набора конкретных алгоритмов для устранения многозначности слов и форм слова, мы часто не умеем раскрывать круг конкретных предметов, явлений, действий и т.д., скрывающихся за гиперонимами, мы не обладаем набором правил, позволяющих в каждом конкретном слове восстановить отсутствующий в тексте, но присутствующий в сознании коммуникантов фрагмент действительности... А если и обращаем внимание на эти обстоятельства, то только как на предмет шуток и анекдотов (Шмелева, Шмелев 2002). А между тем неточное и/или неполное понимание говорящими по-русски текстов на русском

языке превращается в опасную социальную проблему. Гораздо более опасную, чем нарушение орфографических и/или орфоэпических норм, которое, хотя и создает помехи при коммуникации, обычно не приводит к ложному пониманию со стороны участников коммуникации (Пешковский 1959).

2. Нуждаются в принципиальной коррекции в своей правой части толковые словари русского языка. Речь в данном случае идет не о коррекции количества значений или метаязыка их описания, но о необходимости хоть каким-то образом указывать те типы контекстов (а не просто приводить отдельные примеры), где реализуется то или иное значение. В настоящее время такие общие указания практически отсутствуют, если не считать таковым, например, «в предикативном употреблении».

Как можно предположить на основе сделанных выше наблюдений, человек при рецепции на родном языке не перебирает возможные значения встреченного слова, чтобы затем, погрузившись в контекст, остановиться на каком-то одном из этих значений, как это часто делает, разбирая слово за словом, переводчик письменного текста с неродного языка. По-видимому, сначала реципиент текста на родном языке представляет в общем виде описываемую ситуацию и уже в этом ситуативном контексте семантизирует более или менее протяженные вербальные блоки, именно таким образом уже с помощью вербального контекста преодолевая заложенную в них неоднозначность. При этом здесь возможны разного рода расхождения между результатом деятельности реципиента и замыслом продуцента, что крайне опасно для коммуникации. В настоящем же виде толковый словарь русского языка (и не только русского) очень похож на тест с выбором из предложенных ответов. При этом неясно, и в словаре, и в тесте одинаково, какой же алгоритм действий приводит к выбору из предложенных ответов — правильного. Для словаря — в каждом конкретном употреблении, для теста — единственного среди других, неправильных.

Абсолютно все то же самое относится к описательным классифицирующим грамматикам русского языка от Грамматики Ломоносова до «Русской грамматики» 1980 года.

3. В процессе преподавания русского языка как родного, если цель его преподавания не ограничивать овладением правилами орфографии и пунктуации, следовало бы увеличить число упражнений на 1) разграничение информации формально выраженной и не выраженной, связывая это, например, с опытом импрессионизма в разных видах искусства, 2) добавление в текст необходимой / устранение избыточной, по мнению разных реципиентов, информации, 3) определение в текстах многозначности, расплывчатости, двусмысленности, не преодолеваемой контекстом, и нахождение возможностей для устранения этих характеристик, 4) соотнесение целей реципиента и продуцента информации и возможностей преобразования заданного текста в сторону его большей / меньшей конкретности.

4. При обучении русскому языку как неродному, видимо, следует больше обращаться к прямому методу, к различным разговорникам, давая возможность учащимся запоминать целые блоки слов (и диалогов?), употребительных именно в определенных ситуациях, не оперируя исключительно словом как единицей для

понимания чужих и построения собственных речевых высказываний. При этом чисто лингвистическое осмысление должно уходить на второй план или может даже отсутствовать.

5. Для общей и частных теорий перевода разные формы и разная степень проявления характеристики «контекстуальность» также требуют большего внимания. В частности, к более или менее строгой обязательности / необязательности некоторых семантических характеристик и вербальных распространений, к построенной на многозначности «игре слов» (и ассоциаций), представленных в одном языке и отсутствующих в другом, к необходимости учитывать неочевидные возможности неоднозначности толкований коррелирующих языковых единиц в языке-базе и в языке-цели.

© И.Г. Милославский, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант 17-04-00053-ОГН/18).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алифиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М., 2014. С. 289—313. [Alifirenko, N.F. (2014). Modern problems of the science of language. Moscow, 289—313. (In Russ.)]
- Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 2005. С. 130—143. [Alpatov, V.M. (2005). History of linguistic teachings. Moscow, 130—143. (In Russ.)]
- Балачандран Н. Степень контекстуальности культуры как фактор информации в межкультурной коммуникации. *Мир русского слова*. 2016. № 4. [Balachandran, N. (2016). The degree of cultural contextuality as a factor of information in intercultural communication. “The World of the Russian word». No 4. (In Russ.)]
- Богданова Л.И. Многозначность и заимствование как когнитивные процессы в современном русском языке // *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация*. Выпуск 2. М., 2008. [Bogdanova, L.I. (2008). Polysemy and borrowing as cognitive processes in modern Russian. Language. Culture Transfer. Communication. Release 2. Moscow. (In Russ.)]
- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. [Valgina, N.S. (2001). Active processes in modern Russian. Moscow. (In Russ.)]
- Виноградов В.А. Статья // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. [Vinogradov, V.A. (1990). Article. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow (In Russ.)]
- Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972. [Vinogradov, V.V. (1972). Russian language. Moscow. (In Russ.)]
- Гордиевская М.Л. Семантика контролируемости/неконтролируемости в русском языке // *Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: Материалы III международной научно-практической конференции*. Орел, 2018. [Gordievskaya, M.L. (2018). Semantics of controllability/uncontrollability in the Russian language. Language, culture, communication: study and training: Materials of the III International Scientific Practical Conference. Oryol. (In Russ.)]
- Доброхотов А.Л. Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН. М., 2010. [Dobrokhотов, A.L. (2010). New philosophical encyclopedia. Institute of Philosophy RAN. Moscow. (In Russ.)]
- Добров Б.В., Лукашевич Н.В. Разрешение лексической многозначности на основе тезауруса предметной области. Труды международной конференции «Диалог — 2007». [Dobrov, B.V.,

- Lukashevich, N.V. (2007). The resolution of lexical ambiguity based on the thesaurus of the subject area. Proceedings of the international conference "Dialogue — 2007". (In Russ.)
- Зализняк Андрей А. Русское именное словоизменение. М., 1967. [Zaliznyak, Andrei A. (1967). Russian nominal inflection. Moscow. (In Russ.)]
- Зализняк Андрей А. Прогулки по Европе. М.; СПб., 2018. [Zaliznyak, Andrei A. (2018). Walking around Europe. Moscow — Saint-Petersburg. (In Russ.)]
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. [Zaliznyak, Anna A. (2006). Polysemy in language and methods of its presentation. Moscow. (In Russ.)]
- Иомдин Б.Л. и др. Словарь бытовой терминологии: новые проблемы и новые методы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19). Т. 1. М., РГГУ, 2013. [Iomdin, B.L. and others (2013). Dictionary of household terminology: new problems and new. *Computational linguistics and intellectual technologies*. Issue 12 (19). T. 1. Moscow: RSUH. (In Russ.)]
- Иомдин Б.Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста // *Вопросы языкознания*. 2014. № 4. [Iomdin B.L. (2014). Many-valued words in context and out of context. *Questions of linguistics*. No 4. (In Russ.)]
- Кобрицов Б.К. Методы снятия семантической многозначности. НТИ серия 2, 2004. № 2. [Kobritsov, B.K. (2004). *Methods for removing semantic ambiguity*. STI series 2, No 2 (In Russ.)]
- Ларина Т.В. Основы межкультурной коммуникации. М., 2017. [Larina, T.V. (2017). *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii*. Moscow. (In Russ.)]
- Лотман Ю.М. К проблеме типологии культур. Ереван, 1979. [Lotman, Yu.M. (1979). To the problem of the typology of cultures. Yerevan. (In Russ.)]
- Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. М., 1961. [Lotte, D.S. (1961). *Fundamentals of construction of scientific and technical terminology: questions of theory and methodology*. Moscow. (In Russ.)]
- Ляшевский О.Н. Семантика русского языка. М., 2004. [Lyashevsky, O.N. (2004). *The semantics of the Russian language*. Moscow. (In Russ.)]
- Милославский И.Г. Видовая принадлежность глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности // Изв. РАН СЛЯ, 2015. Том 74. № 1. [Miloslavskiy, I.G. (2015). The species of the verb in the provision of receptive and productive speech activity. *Izv. RAN SLYa*, Vol. 74. No 1. (In Russ.)]
- Милославский И.Г. О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и продукции. *Russian Journal of Linguistics*, 2018. Vol. 22. № 2. [Miloslavskiy, I.G. (2018). On the fundamental differences between Russian grammars for reception and production. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 22. No. 2. (In Russ.)]
- Ольховская А.И. Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии. М., 2015. [Olkhovskaya, A.I. (2015). Polysemy as a problem of general and vocabulary lexicology. Moscow. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // *Вопросы языкознания*, 2012. № 1. [Paducheva, E.V. (2012). Indefinitely-personal sentence and its implied subject. *Questions of linguistics*, No 1. (In Russ.)]
- Панов М.В. О некоторых общих тенденциях... // *Вопросы языкознания*, 1963. [Panov, M.V. (1963). On some general trends ... *Questions of linguistics*. (In Russ.)]
- Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. В кн. Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959. [Peshkovsky, A.M. (1959). Objective and normative point of view on the language. In the book. Peshkovsky A.M. Selected Works. Moscow. (In Russ.)]

- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. [Sannikov, V.Z. (1999). Russian language in the mirror of the language game. Moscow. (In Russ.)]
- Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // *Вестник МГУ, серия 10 «Журналистика»*, 2010. № 5. [Solganik G.Ya. (2010). Modern linguistic situation and development trends of the Russian literary language. *Vestnik MGU, series 10 Journalism*, No. 5. (In Russ.)]
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 2004. [Saussure, F. (2004). The course of general linguistics. Moscow. (In Russ.)]
- Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М., 2002. [Flier, A.Ya. (2002). Culturology for cultural studies. Moscow. (In Russ.)]
- Шмелева Е.А., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М., ЯСК, 2002. [Shmeleva, E.A., Shmelev A.D. (2002). Russian anecdote. Text and speech genre. Moscow: YASK. (In Russ.)]
- Hall, E. (1990). Understanding cultural differences. Intercultural Press.
- Hofstede, G. (2001). Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values, Sage.
- Hofstede, G., Minkov, M. (2010). Cultures and Organizations: Software of the Mind. Macgrow-Hill.
- Inglehart, R.F. (2018). Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge University Press.
- Navigli, R. (2009). Word Sense Disambiguation: a Survey. ACM Computing Surveys. ACM Press, No 41 (2), 1—69.
- Roy, M. (2010). Berko, et al. Communicating. Boston.

Article history:

Received: 03 March 2019

Revised: 24 April 2019

Accepted: 12 May 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03 марта 2019

Дата принятия к печати: 12 мая 2019

Bionote:

IGOR G. MILOSLAVSKY — Doctor of Philology, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Distinguished professor of Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Comparative Analysis of Languages. Research interests: studies of active grammar of the Russian language, creation of special divisions of ideographic grammar of the Russian language, revelation of combinatory possibilities of the units of different level conveying definite nominative contents.

Contact information: e-mail: igormil@hotmail.com

Сведения об авторе:

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЛОСЛАВСКИЙ — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик Международной академии. Сфера научных интересов: изучение вопросов активной грамматики русского языка, создание специальных разделов идеографической грамматики русского языка, выявление комбинаторных возможностей единиц различного уровня, выражающих определенное номинативное содержание

Контактная информация: e-mail: igormil@hotmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761

Research Article

Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka str., Building 1, Moscow, 119034, Russia

Abstract

Associative experiments uncover people's active attitude to the world represented by language means that determines their relevant strategies of verbal activity and mediates the specifics of their world conceptualization. A word's associative field modeled on the basis of experimental data is a psychological structure of a word's content that is relevant for native speakers. Associative meaning distinguished via the analysis of distribution of reactions to a stimulus word proves to be an effective method of discovering emerging trends in the change of word meanings. The author researches the issue of data interpretation in associative experiments. Despite the long history of usage, the notion "associative field" and the correlation of stimulus and reaction are often interpreted in different ways because, firstly, they model the most complex processes of speech activity; secondly, most of suggested typologies of associates do not have a common systematization criterion, which hinders the usage of such classifications in research practice and sometimes leads to an ambiguous interpretation of associative data. Therefore, the author argues that classifications of associates should be developed depending on: (1) characteristics of psycholinguistic/linguistic object researched through an associative experiment; (2) isomorphism of speech and the activity it accompanies; (3) characteristics of mental supports in the cognitive process; (4) the way of representation of these supports. Such criteria of classification require an analysis of the correlation between stimulus and reaction as a unit of association. This correlation is a separate speech act where the stimulus is a motive producing the reaction and the associate expresses the author's communicative intention. This helps to establish motives of associating and thus acquire a more veracious database for modelling different components of speech activity and its overall production/ comprehension processes. Besides, this approach justifies the principles of worldview modelling. The author presents theoretical and methodological grounds for an effective analysis of associates on the basis of a psycholinguistic object defined by several parameters: strategy of association, dominant psychological function of a language sign that realizes the strategy and the motive of activity explicated in associates.

Keywords: *stimulus, reaction, associate, associative experiment, associative field, nucleus of field, periphery of field, classification, worldview, modelling*

For citation:

Pishchalnikova, Vera A. (2019). Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 749–761. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.

Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики

В.А. Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, стр. 1, Москва, 119034, Россия

Аннотация

Ассоциативный эксперимент выявляет деятельностное отношение человека к миру, представленное языковыми средствами, которое детерминирует актуальные для индивида стратегии вербальной деятельности и опосредованно — специфику концептуализации мира. Ассоциативное поле слова, моделируемое по данным эксперимента, представляет психологическую структуру содержания слова, актуальную для носителей языка. Ассоциативное значение, выявляемое посредством анализа дистрибуции реакций на слово-стимул, оказывается одновременно эффективным средством обнаружения намечающихся тенденций в изменении значения слова. Автор статьи исследует проблему интерпретации данных ассоциативного эксперимента. Несмотря на давние традиции использования, понятие «ассоциативное поле» и соотношение *стимул — реакция* трактуются по-разному, поскольку, во-первых, созданы для анализа сложнейшего феномена — речевой деятельности. Во-вторых, в большинстве предложенных типологий ассоциатов нет единого критерия их систематизации, что усложняет применение таких классификаций в исследовательской практике и приводит, в частности, к неоднозначной интерпретации ассоциативных данных. Поэтому автор статьи аргументирует положение, согласно которому классификации ассоциатов должны выстраиваться (1) в зависимости от моделируемых свойств психолингвистического / лингвистического объекта, который исследуется с помощью ассоциативного эксперимента, (2) от изоморфности речевой деятельности той, которую она сопровождает, (3) от характера ментальных опор в познавательном процессе, (4) от способа вербальной репрезентации этих опор. Такие критерии классификации требуют анализировать в качестве единицы ассоциирования *соотношение* стимула и реакции, которое представляет собой единое речевое действие, где стимул становится мотивом порождения высказывания, а ассоциат выражает коммуникативное намерение автора. Это позволяет установить мотивы ассоциирования и, таким образом, получить более достоверную базу данных для моделирования различных компонентов речевой деятельности и процесса ее продуцирования / восприятия в целом. Кроме того, такой подход обосновывает принципы моделирования образа мира. Автор представляет теоретико-методологическое основание позиции, согласно которой эффективный анализ ассоциатов возможен на основе психолингвистического объекта, заданного несколькими параметрами: стратегией ассоциирования, доминирующей психологической функцией языкового знака, реализующего стратегию, мотивом деятельности, эксплицированным в ассоциатах.

Ключевые слова: *стимул, реакция, ассоциат, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ядро поля, периферия поля, классификация, образ мира, моделирование*

Для цитирования:

Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 749—761. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.

1. Введение. Постановка проблемы

Описание психического процесса ассоциирования, начатое в отечественной лингвистике работами А.А. Леонтьева (Леонтьев 1969), до сих пор представляет одну из самых сложных теоретических проблем и требует серьезной методологической проработки, тем более что эксперимент является одним из действенных

способов обнаружения глубинных ассоциативных связей слова и потому может обслуживать разные методики анализа его значения. В ассоциативном эксперименте проявляется способ актуализации слова как предмета деятельности, представленный в стратегии ассоциирования, что позволяет установить предпочтения индивида в способах действия со словом и опосредованно — специфику его образа мира. Ассоциативный эксперимент позволяет регистрировать психологически актуальные смыслы, реализуемые носителями языка в речевых произведениях, в том числе и в соотношении *стимул — реакция*, основанном на предикации (Miller, Johnson-Laird 1976). Поэтому ассоциативный тезаурус — это и способ фиксации языковой способности носителя языка, «вероятностного мира языковой личности» (Караулов 1999:7), и база для установления универсального и индивидуального в его организации. Следовательно, на основе психолингвистического анализа ассоциативного поля возможно обнаружение мотивов речевой деятельности индивида и интерпретация специфики его ассоциативно-вербальной сети. Однако то, что соотношение стимула и реакции предикативно, часто упоминается, не находя применения в анализе реальных массивов ассоциатов. Экспериментальные исследования показывают также, что любое слово как предмет речевой деятельности обладает некоторым эмоциональным значением (Кинцель 1998), но эта «слабая эмоциональность», будучи важной с точки зрения психологического содержания речи и определения способов оперирования словом, может быть выделена только при анализе ассоциатов. Ассоциативные реакции фиксируют, кроме того, и интуитивные различия между словами, имеющими одинаковые или сходные области референции, например, стилистические. Поэтому эффективность ассоциативного эксперимента в изучении значения слова трудно переоценить.

Известно, что ассоциативное поле (далее АП. — *В.П.*) того или иного слова-стимула рассматривается в отечественных психолингвистических исследованиях не только как (1) фрагмент вербальной памяти человека, но и как (2) фрагмент образа мира «усредненного» носителя той или иной культуры. Такая позиция представлена, например, рядом работ (Тарасов 1993; Уфимцева 2011) создателей Русского ассоциативного словаря [РАС 2002]. Первое сомнений не вызывает, если акцентировать, что ассоциативное поле — модель фрагмента памяти, поскольку соотношение стимул — реакция, в полном соответствии с теорией речевой деятельности, рассматривается как речевое действие / операция. Второе же — установление содержательной аналогии между компонентами модели вербальной памяти и фрагментами образа мира — едва ли можно принять безоговорочно.

В свое время нами были отмечены некоторые проблемные вопросы методики проведения и интерпретации данных свободного ассоциативного эксперимента с целью сравнения «содержания образов мира» носителей разных лингвокультур и интерпретации его данных (Пищальникова 2007). Было отмечено, что, во-первых, в экспериментальных анкетах зачастую объединяются разные, хотя и соотносимые по значению, лексемы, что недопустимо в силу неодинаковых ассоциативно-вербальных связей слов в сопоставляемых языках. Кроме того, едва ли вообще возможно предполагать, что одна и та же лексема репрезентирует одно и то же ментальное образование у носителей даже одной лингвокультуры, по-

сколькx экспериментально доказано, что определенное слово может оказаться средством доступа к очень разным ментальным содержаниям (Залевская 2005).

Во-вторых, ассоциаты представляют *семантические* компоненты слов и могут лишь свидетельствовать о функциональном единстве семантических и ассоциативных характеристик слов (Леонтьев 1969), но вопрос об их ассоциативном содержании («образе», стоящем за словом) всегда остается открытым. Состав семантических полей лексем-стимулов, как правило, определяется на основе имеющихся лексикографических источников, но при этом нельзя отождествлять два вида исследовательских конструкторов — семантическое поле и ассоциативное поле: они не изоморфны, поскольку ассоциативное поле не основывается на системных отношениях лексических единиц языка. Однако отождествление этих двух видов моделей позволяет некоторым исследователям устанавливать тождество ассоциативного поля как «фрагмента вербальной памяти человека» и «образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании» (Медведева 2005: 86). Эта методологическая ошибка — следствие неразграничения (1) феномена памяти и модели памяти и (2) забывания того, что, по словам Л.С. Выготского, *смысловой* «мир» личности образуется вследствие эффективного *действия с инструментами* иных «миров», например, языка. И этот характер действия с инструментом (языком) в ассоциативном эксперименте опосредует содержание ассоциации, а значит не позволяет устанавливать прямые зависимости между значением слова-ассоциата и содержанием стоящего за ним ментального образования.

Вербальные ассоциации, повсеместно служащие материалом для суждения о содержании сознания, отражают прежде всего ассоциативные связи *лексических* единиц. Они только указывают на лексическую единицу, как-то соотносимую с ментальным содержанием. Задача психолингвиста — определить характер и специфику этого соотношения, т.е. установить характер действия со словом, определить, каким способом в связи *стимул — ассоциат* отражается превращение одной формы психологического значения в другую — языковую. На деле же анализ АП практически всегда производится с опорой на лексикографические источники, что искажает отношения ассоциатов и не выявляет специфики ассоциативных значений.

Сказанное не позволяет эффективно использовать и классификацию ассоциатов как прием анализа значения слова. А между тем исследования последних лет показали, что, опираясь на группировки ассоциатов, можно моделировать не только структуру, но и динамику значения отдельных содержательных компонентов слова и прогнозировать пути их изменения (см., например: Панарина 2017; Шевченко 2018; Хлопова 2018). Так, в перечисленных работах экспериментально доказано, что семантический сдвиг в психологической структуре значения начинается с изменения эмоционально-оценочного компонента содержания, изменения, имеющего градуальный характер: четких границ между этапами развития значения нет, но каждый из них характеризуется специфическими признаками, обусловленными закономерностями осуществления интеллектуальной и предметной деятельности в конкретных социально-коммуникативных условиях (например,

изменение содержания прецедентных имен *Сусанин, Пушкин, Цезарь, Наполеон*). Хотя пути развития такого сдвига принципиально различны, эмоционально-оценочный компонент, представленный в системе ассоциатов со все возрастающей частотностью, с течением времени располагается всё ближе к ядру значения. При этом лексикографические источники не фиксируют и не могут зафиксировать эту динамику. (Для более точной констатации эмоционального содержания стимула в свое время было предложено верифицировать данные свободного ассоциативного эксперимента разными видами шкалирования.) Развивая подобные исследования, необходимо определить принципы группировки ассоциатов, которые позволили бы установить основания структурной аналогии лексического и ассоциативного значений слов.

2. Проблема классификации ассоциатов

Детальный анализ классификаций разного типа осуществлен Е.И. Горошко, которая условно разделяет существующие типологии на лингвистические, психологические, логические и «смешанные» и полагает, что «построение некоей идеальной классификации ассоциаций, основанной на некоем непротиворечивом принципе, невозможно и не нужно» (Горошко 2001 textology.ru/razdel.aspx?ID=38). С таким положением трудно согласиться: возможно, «идеальная» классификация ассоциатов и не нужна, но каждая исследовательская задача требует систематизации ассоциативных данных, и принципы такой систематизации должны быть четко определены и непротиворечивы хотя бы в рамках конкретного исследования. В противном случае исследователь получит несистемную, противоречивую, а значит научно неэффективную картину интерпретации ассоциатов, демонстрирующую искажение реальной картины ассоциирования. Неэффективность такого подхода усиливается и тем, что в этом случае не остается места для анализа единичных ассоциатов, которых, как правило, большинство в АП. Но совокупность именно единичных ассоциатов, представляющих личностные смыслы, актуализированные вербальным стимулом, позволяет обнаружить *потенциальные* возможности сочетаемости слова-стимула и прогнозировать на их основе пути развития значения слова. При этом значение понимается как существенно нестабильное психологическое образование, способное возникать только в конкретной речемыслительной деятельности человека. В психолингвистике личностный смысл, вслед за Л.С. Выготским, понимается как актуальная для индивида в рамках данной конкретной деятельности, в том числе вербальной, значимость предмета деятельности, которым может быть предмет, действие, событие и пр. Она детерминирована системой психологических факторов, что объясняет участие «соматического компонента» в формировании значения (см. корпоральную семантику как направление в исследовании значений (Залевская 2004; Пищальникова 2007; Пищальникова, Сонин 2017) и интеграцию разных условий смыслообразования подчинением функциональной смысловой доминанте. Поэтому один и тот же предмет может быть субъективно значимым в структуре разных деятельностей и, следовательно, порождает разные личностные смыслы. Если учитывать эти положения

общей теории деятельности, исследование единичных ассоциаций становится важным методологическим принципом: именно функциональная значимость смысловых компонентов, понятийных и непонятийных, объясняет, на наш взгляд, принципиальную изменчивость значения. Кроме того, в ассоциировании проявляется *способ* возникновения личностных смыслов, проясняющий не только характер связи слов в ассоциативно-вербальной сети индивида, но и мотивацию последнего, что чрезвычайно важно для определения тенденций развития лексической семантики.

Однако, понимая, что процесс ассоциирования в высшей степени субъективен, психолингвист должен, классифицируя реакции, обнаружить в соотношении стимула и реакции такие параметры, которые проявляются как существенные независимо от целей, задач и даже содержательного характера ассоциатов.

И тогда ассоциативное поле действительно может интерпретироваться как система компонентов, в которой каждый элемент фиксирует личностный смысл, так или иначе соотносимый с психологическим значением, актуализируя субъективные ассоциативные связи со словом как предметом деятельности. При этом степень операционализации каждого ассоциата определяется его частотностью, а аксиологическая маркированность ассоциата свидетельствует о значимости для индивида смысла, стоящего за вербальной реакцией.

В свое время мы представили модель рассредоточенной репрезентации личностного смысла (Пищальникова 1991: 9), в соответствии с которой слово как интегратор всего психологического содержания, стоящего за ним, в условиях конкретной речевой деятельности позволяет представить актуальный для индивида смысл, в том числе и слабо дифференцированный. При этом все структурные компоненты ассоциативного поля слова, как ядерные, так и периферические, могут быть функционально важными для понимания речевого произведения. В ассоциативном эксперименте, как правило, в силу временных ограничений на оперирование стимулом периферийные ассоциативные и зависимые эмоциональные связи не актуализируются, поэтому можно полагать, что на активацию потенциальных ассоциативных связей влияет именно структура значения слова-стимула. Чтобы в известной степени «деактуализировать» последнее, в анкету включаются слова-дистракторы (фоновые стимулы), что позволяет выявлять содержание не изолированного слова, а слова, включенного в высказывание (в отношении предикации).

Некоторые исследователи предлагают делить ассоциаты «по критерию языкового уровня, на котором происходит ассоциирование» (Степыкин 2017: 72), но дело в том, что реально ассоциации возникают не в связи с языковым уровнем — у носителя языка может вообще не быть представления об уровне (и любой другой) системе языка. Конечно, исследователь может распределить весь массив ассоциатов по языковым уровням, но это не обнаружит психологически актуального содержания, представленного в паре *стимул — реакция*, и не приблизит нас к пониманию характера связей лексем в ассоциативно-вербальной сети.

Сказанное актуализирует ряд методологических проблем. Так, понятия «ассоциация», «ассоциативная связь» предполагают возможность (1) анализа стратегии

ассоциирования, (2) содержания реакции, (3) соотношения *стимул — реакция* как речевого действия, как акта предикации, при этом в рамках теории речевой деятельности именно последнее значимо теоретически и продуктивно для понимания речевого произведения, поскольку внешне одна и та же реакция, рассмотренная в указанном соотношении, может свидетельствовать о разных стратегиях и разных мотивах деятельности индивидов. К сожалению, в подавляющем большинстве отечественных психолингвистических исследований, в основе которых лежит свободный ассоциативный эксперимент, устанавливается содержание слова-реакции на основе лексикографического описания его значения (см., например: Федченко 2005; Евсеева 2005; Медведева 2005; Дурандина 2006; Степанова 2006; Навильникова 2008 и др). Как правило, исследователи не выясняют, каким образом в отношениях *стимул-реакция* проявляются коммуникативные операции различного типа, модальные оценки и т.д., что позволило бы судить о структуре и сущности речевой деятельности вообще.

Не разграничиваются ассоциативные реакции, относящиеся к области референции слова-стимула, и «истинные» ассоциации (первые, как правило, отражают ту или иную смежность словесных форм, вторые — внутренние психические состояния, порождающие реакции), поскольку пока не выработаны процедуры отделения этих содержаний в вербальной реакции, где, как правило, пересекаются компоненты различной модальности. Поэтому необходимым методологическим шагом, в развитие идей А.А. Леонтьева о соотношения стимула и реакции как речевого действия, на наш взгляд, является теоретическое осмысление сущности этого соотношения и экспериментальная проверка его специфики (или отсутствия таковой) по сравнению с другими речевыми действиями. Вербальный стимул формирует мотив высказывания реципиента, а ассоциат выражает его коммуникативное намерение. В этом случае с помощью данных ассоциативного эксперимента можно моделировать содержательную структуру психологически значимых для индивида смыслов и процессы их изменения и далее использовать полученные результаты для моделирования фрагментов ассоциативно-вербальной сети: «Ассоциативный словарь... — это еще не речь, но он являет язык в его предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ „держания“ языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святыней святых, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего» (Караулов 2000: 750).

3. Соотношение стимул — реакция как специфический психолингвистический объект

По А.А. Леонтьеву, одна и та же языковая единица в структуре конкретного речевого действия может выполнять разные функции, реализуя цели речевой деятельности: обозначение свойств, качеств и функций объекта, указание через данный объект на другой, обозначение культурного содержания и пр. Именно цель речевой деятельности определяет вариативность содержания, стоящего за словом (личностный смысл). Следовательно, необходимо исследовать *речевое действие как*

механизм вербализации личностного смысла в актах функционального оперирования знаком: «если объективно знак предстоит субъекту как реальный знак со всем тем, что за ним стоит, включая и устойчивые способы оперирования с ним, то субъективно идеальная сторона знака предстает „фигурой сознания“, в которой реальное социальное содержание знака как бы смещено и преобразовано» (Леонтьев 1976: 49). Неоднократно участвуя в продуцировании речевого действия, слово начинает устойчиво ассоциироваться со своей функцией, частотная реализация которой закрепляется в виде интегративного значения слова, за которым стоят общественно одобренные способы действия (операции) со словом и ментальная форма существования предметного мира. Вне функционирования в индивидуальном сознании такие интегративные значения не психологичны: они не указывают на степень опосредования реального процесса познания значением и на то, как воплощаются языковые операции в речевой деятельности. Характер оперирования знаком представлен только в речемыслительной деятельности, и потому соотношение *стимул — реакция* является не только потенциальным источником новых смыслов, но и позволяет определить типологию действия со словом — установить совокупность операций с вербальными знаками в процессе ассоциирования. Ю.Н. Караулов писал, что «любое слово в нашем сознании, в памяти, точно так же, как в речевой цепи, не существует ... в отдельности: оно десятками, сотнями „нитей“ тянется к другим словам. Любое слово требует, так сказать, „продолжения“, ищет свою пару, хочет превратиться в „модель двух слов“. И такие возможные „продолжения“, такие модели двух слов — типичные, легко воспроизводимые, правдоподобные и понятные носителю языка <...> При этом каждая пара стимул—реакция — это еще не законченное высказывание, но уже необходимая его составляющая — либо грамматически оформленная его часть, либо только ядро будущего высказывания, которому предстоит придать завершенную форму» (Караулов 2002: 749).

Ассоциирование как акт предикации выявляет личностный смысл стимула, который формируется в данных конкретных условиях предикации; для субъекта последние являются условиями осмысления стимула. Но необходимо учитывать, что ассоциативное состояние — это состояние актуализации потенциальных реакций, поэтому каждая из них — временная, и ее значимость для индивида надо проверять в лонгитюдном эксперименте. Следовательно, снова встает вопрос о таких параметрах ассоциирования, которые были бы устойчивыми независимо от содержания реакции. Это, во-первых, как мы показали, *операция*, осуществляющая осмысление стимула, или *стратегии ассоциирования* — первый идентифицируемый параметр пары *стимул — реакция* как речевого действия. Он так или иначе отражает отношение индивида к коммуникативной ситуации.

В процессе предикации одновременно выявляется доминирующая *психологическая функция языкового знака* в условиях данной деятельности: фиксация свойств предметов, обнаруживающая их тождество в одном определенном отношении; обозначение знаком предмета как целого, как некоего гештальта; обобщение, когда знак представляет класс предметов и др. Эти функции актуализируют

характер ментальных опор — понимания вербальных единиц на базе выводного знания как внутреннего источника смыслообразования речемыслительной деятельности. Ментальный «контекст прежнего переживания» — это равнозначный и «реальный» компонент актуальной речевой деятельности индивида (Голубева 2016). Методологически гносеологи и психолингвисты вполне согласны с утверждением У. Матураны и Ф. Варелы: «то, что мы принимаем как некое простое восприятие чего-то, в действительности несет на себе неизгладимую печать нашей собственной структуры» (Матурана, Варела 2001: 20); «всякое познание есть действие со стороны познающего, т.е. всякое познание зависит от структуры познающего» (Матурана, Варела 2001: 30). Но в моделях второго порядка, позволяющих анализировать процесс понимания, эта идея не реализована. Чаще актуализируется другое: «никакая живая система как отдельность не может поддержать своей внутренней динамической равновесности и не способна развиваться, если она выключена из взаимодействия, образующего более широкую систему, которая включает в себя также элементы, внешние по отношению к данной живой системе, отделенные от нее» (Леонтьев 1971: 1).

Из подхода, представленного в диссертации О.В. Голубевой, вытекают принципиально новые возможности моделирования процесса понимания и установления его специфических свойств. Эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка базируется на системе когнитивных ментальных опор, связанных с той или иной вербальной единицей, и определяется актуализацией ассоциативных связей между опорами не столько вследствие условий конкретной речевой деятельности, сколько вследствие содержания смыслового инварианта опор. Он оказывается стабильным ментальным источником смыслов. При этом внутренние опоры выводного знания актуализируют релевантные для данной деятельности признаки предмета деятельности, а эти признаки представлены вербально. Установить причинно-смысловые связи опор выводного знания можно, опираясь на значения языковых единиц, актуализированные в речевой деятельности. Такая связь маркируется, как утверждает О.В. Голубева, ассоциатами, возникающими на вербальные стимулы, репрезентирующие компоненты выводного знания. А значит характер ассоциата может указывать на ментальные опоры, так или иначе послужившие возникновению выводного знания (= смыслового инварианта данной деятельности). С одной стороны, благодаря такому инварианту сохраняется устойчивая направленность речевой деятельности, с другой — возможно реструктурирование смысловых опор с учетом ее мотива. Представленный смысловой инвариант системно коррелирует со словом — это экспериментально доказано в уже упомянутом исследовании О.В. Голубевой.

Понимание слова-стимула обеспечивается интеграцией ментальных данных об опыте оперирования с ним, которая специфически отражается в ассоциативно-смысловом поле, дающем общее представление о переживаемом индивидом значении. Такая ментальная структура может детерминироваться системой иерархических мотивов деятельности, которые проявляются как эмоционально-оценочные компоненты значения слова (Вилонас 1990). Мотив деятельности объективируется в ассоциативно-смысловых полях и может быть смоделирован на основе

его маркеров (ассоциатов). Таким образом, «обнаруживается» экспликация мотива деятельности — третьего параметра в обсуждаемой модели. Смысловая близость стимулов и ассоциатов оказывается зависимой, во-первых, от сходства опыта испытуемых, во-вторых, от существенных в данной деятельности свойств объектов, названных словом-стимулом, при этом, в-третьих, испытуемые опираются в познавательной деятельности на релевантные маркеры причинно-смысловых связей опор выводного знания. Поэтому в ассоциате активируется деятельностно обусловленное содержание слова-стимула, и без субъективного процесса образования инварианта ментальных опор понимание не осуществляется. Ментальные опоры амодальны, и именно потому они порождают смысловой инвариант, хотя возникают в процессе интеграции мультимодальных компонентов восприятия.

Сказанное вполне согласуется с базовым положением методологии психолингвистики, согласно которому структура окружающей среды только «запускает» структурные изменения в мыслительной деятельности человека, но не определяет их и не управляет ими. Таким образом, содержание ассоциата, представляющего выводное знание, может стать основанием для моделирования фрагмента ассоциативно-вербальной сети индивида.

4. Выводы

Преимущества ассоциативного эксперимента в выявлении психологически актуальных для индивидов личностных смыслов определяются следующим. Он обнаруживает деятельностное отношение человека к миру, репрезентированное словом, что позволяет на основе АП моделировать характер психологической структуры содержания слова и концептуализации действительности носителями того или иного языка. Ассоциативное значение, выявляемое посредством анализа дистрибуции реакций на слово-стимул, оказывается эффективным средством обнаружения намечающихся тенденций в изменении значения слова. Только ассоциативный эксперимент дает возможность так или иначе отграничить эмоциональный, ассоциативный и референциальный компоненты значения слова. С помощью ассоциативного эксперимента обнаруживаются субъективные структурные аналогии между семантическими признаками слов-стимулов и значимыми признаками соотносимого с ним объекта действительности, включенного в деятельность с помощью стимула. Это позволяет на основе содержательного сравнения ассоциатов, представляющих одинаковый способ ассоциирования, создавать интегративные аналогические семантико-признаковые модели и выявлять не только степень расхождения между структурой семантических компонентов слова и соотношением признаков предмета, но и устанавливать операции, в которых такое расхождение частотно реализуется.

Поэтому «реальная» ассоциативная структура слова требует повышенного внимания к принципам ассоциирования, типологии реакций и их интерпретации. Однако анализ классификаций, представленный в научной литературе, свидетельствует об отсутствии общих принципов интерпретации данных ассоциативного эксперимента.

Рассматривая, вслед за А.А. Леонтьевым, отношение *стимул — реакция* как речевое действие, мы предлагаем учитывать в анализе ассоциатов стратегию ассоциирования, доминирующую психологическую функцию языкового знака, реализующего стратегию, мотив деятельности, эксплицированный в ассоциатах, а также степень операционализации ассоциирования, определяемую по частотности ассоциатов, и их аксиологическую маркированность.

© В.А. Пищальникова, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990. [Vilyunas, V.K. (1990). *Psihologicheskie mekhanizmy motivacii cheloveka*. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)]
- Голубева О.В. Гипотеза эвиденциальности выводного знания: (экспериментальное исследование): научная монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2016. [Golubeva, O.V. (2016). *Gipoteza ehvidencial'nosti vyvodnogo znaniya: (ehksperimental'noe issledovanie): nauchnaya monografiya*. Tver': Tverskoi gos. un-t. (In Russ.)]
- Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: научная монография. Харьков: Ра-Каравелла. [Электронный ресурс]: textology.ru/razdel.aspx?ID=38. [Goroshko, E.I. *Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo eksperimenta: nauchnaya monografiya*. Khar'kov: Ra-Karavella. [Elektronnyi resurs]: textology.ru/razdel.aspx?ID=38.]
- Дурандина С.Л. Национальная специфика понимания концепта «человек» (на примере библейской фразеологии // *Речевая деятельность. Языковое сознание. Общественная личность*. Тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: ИЯ РАН, РосНОУ, 2006. С. 97—98. [Durandina, S.L. (2006). *Nacional'naya specifika ponimaniya koncepta «chelovek» (na primere biblejskoj frazeologii. Rechevaya deyatel'nost'. Yazykovoe soznanie. Obshchayushchiesya lichnosti. Tezisy докладov XV Mezhdunarodnogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikatsii*. Moscow: IYA RAN, RosNOU, 97—98. (In Russ.)]
- Евсеева Е.М. Концепт образа мира в языковом сознании саха и представителей американского Севера // *Речевая деятельность. Языковое сознание. Общественная личность*. Тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: ИЯ РАН, РосНОУ, 2006. С. 99—100. [Evseeva, E.M. (2006). *Koncept obraza mira v yazykovom soznanii saha i predstavitelei amerikanskogo Severa. Rechevaya deyatel'nost'. Yazykovoe soznanie. Obshchayushchiesya lichnosti. Tezisy докладov XV Mezhdunarodnogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikatsii*. Moscow: IYA RAN, RosNOU, 99—100. (In Russ.)]
- Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // *Слово. Текст. Избранные труды*. М.: Гнозис, 2005. С. 234—244. [Zalevskaya, A.A. (2005). *Koncept kak dostoyanie individa. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy*. Moscow: Gnozis, 234—244. (In Russ.)]
- Залевская А.А. Телесность/корпоральность и значение слова // *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*. М., Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 57—65. [Zalevskaya, A.A. (2004). *Telesnost'/korporeal'nost' i znachenie slova. Yazykovoe bytie cheloveka i ehtnosa: psiholingvisticheskie i kognitivnyi aspekty*. Moscow, Barnaul: Izd-vo AltGU, 57—65. (In Russ.)]

- Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999. [Karaulov, Yu.N. (1999). *Aktivnaya grammatika i associativno-verbal'naya set'*. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN. (In Russ.)]
- Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // *Языковое сознание и образ мира*. М., 2000. С. 191—206. [Karaulov, Yu.N. (2000). *Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi tsepi. Yazykovoie soznanie i obraz mira*. Moscow, 191—206. (In Russ.)]
- Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. [Kincel', A.V. (1998). *Eksperimental'noe issledovanie emotsional'no-smyslovoi dominanty kak tekstoobrazuyushchego faktora*. Dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul. (In Russ.)]
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. [Leont'ev, A.A. (1997). *Osnovy psiholingvistiki*. Moscow: Smysl. (In Russ.)]
- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // *Психология эмоций*. Тексты / под ред. В.К. Виллонаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 162—171. [Leont'ev, A.N. (1984). *Potrebности, motivy i emotsii. Psihologiya emotsiy*. Teksty. V.K. Vilyunasa, Yu.B. Gippenrejter (eds.). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 162—171. (In Russ.)]
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. [Leont'ev, A.A. (1969). *Psiholingvisticheskie edinitcy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // *Принципы и методы семантических исследований*. М.: Наука, 1976. С. 46—73. [Leont'ev, A.A. (1976). *Psiholingvisticheskiy aspekt yazykovogo znacheniya. Principy i metody semanticheskikh issledovaniy*. Moscow: Nauka, 46—73. (In Russ.)].
- Матурана У., Варела Х. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. [Maturana, U., Varela, H. (2001). *Drevo poznaniya*. Moscow: Progress-Tradiciya. (In Russ.)]
- Медведева Л.П. Национально-культурная специфика речевого мышления англичан, русских и бурят (на материале домена «Игра»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. [Medvedeva, L.P. (2005). *Nacional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo myshleniya anglichan, russkikh i buryat (na materiale domena «Igra»)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. (In Russ.)]
- Навильникова Д.И. Опыт содержательного анализа ассоциативного поля (на примере тематической группы «еда») // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика*. Т. 6. Вып. 2. С. 42—52. [Navil'nikova, D.I. *Opyt sodержatel'nogo analiza assotsiativnogo polya (na primere tematicheskoy gruppy «eda»)*. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika*, 6 (2), 42—52. (In Russ.)]
- Панарина Н.С. Моделирование механизма прецедентности: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2017. [Panarina, N.S. (2017). *Modelirovanie mekhanizma precedentnosti*. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow: MGLU. (In Russ.)]
- Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Часть 2: Этнопсихолингвистика. М.: МГЛУ, 2007. [Pishchal'nikova, V.A. (2007). *Istoriya i teoriya psiholingvistiki. Chast' 2: Etnopsiholingvistika*. Moscow: MGLU. (In Russ.)]
- Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Р-Валент, 2012. [Pishchal'nikova, V.A., Sonin, A.G. (2012). *Obshchee yazykoznanie*. Moscow: R-Valent. (In Russ.)]
- Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М.: АСТ: Астрель, 2002. [Russkij associativnyj slovar'. V 2 t. Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva i dr. Moscow: AST: Astrel', 2002. (In Russ.)]

- Степанова О.В. Особенности языкового сознания немцев и русских (на материале семантического поля «Работа»: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2006. [Stepanova, O.V. (2006). *Osobennosti yazykovogo soznaniya nemcev i russkikh (na materiale semanticheskogo polya «Rabota»*: Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow: MGLU, 2006. (In Russ.)]
- Тарасов Е.Ф. Введение. Методологические проблемы сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М.: Ин-т яз-ния, 1993. С. 3. [Tarasov, E.F. (1993) Introduction. Methodological problems of consciousness. *Language and consciousness: paradoxical rationality*. Moscow: In-t yaz-niya, 1993, 3. (In Russ.)].
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с. [Ufimtseva, N. (2011). In *Language consciousness: dynamics and variability*. Moscow: Institute of linguistics, RAS, 2011. (In Russ.)]
- Федченко А.В. Изменения в ассоциативном поле слова «любовь» в языковом сознании русских и американских подростков 11—16 лет // *Язык. Сознание. Культура*. Москва—Калуга: ИЯ РАН — Институт психологии РАН, 2005. С. 198—205. [Fedchenko, A.V. (2005). *Izmeneniya v associativnom pole slova «lyubov'» v yazykovom soznanii russkikh i amerikanskikh podrostkov 11—16 let. Yazyk. Soznanie. Kul'tura*. Moskva—Kaluga: IYA RAN — Institut psihologii RAN, 198—205. (In Russ.)]
- Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2018. [Khloпова, A.I. (2018). *Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovykh tsennostey*: Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow: MGLU. (In Russ.)]
- Шевченко С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2017. [Shevchenko, S.N. (2017). *Strukturnaya specifika associativnogo polya leksicheskikh edinit, oboznachayushchikh poleznye iskopaemye, kak proyavlenie semanticheskikh razlichiy leksem*: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow: MGLU. (In Russ.)]
- Miller, G.A., Johnson-Laird P.N. (1976). *Language and Perception*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Article history:

Received: 13 March 2019

Revised: 29 April 2019

Accepted: 19 May 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13 марта 2019

Дата принятия к печати: 19 мая 2019

Bionote:

VERA A. PISHCHALNIKOVA — Honored Professor of Higher Education, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Comparative Linguistics at Moscow State Linguistic University. Research interests: methodology of psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, psychopetics, theory of intercultural communication.

Contact information: e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Сведения об авторе:

ПИЩАЛЬНИКОВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА — Заслуженный работник высшей школы, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного лингвистического университета. *Сфера научных интересов:* методология психолингвистики, этнопсихолингвистика, психопоэтика, теория межкультурной коммуникации.

Контактная информация: e-mail: pishchalnikova@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783

Research Article

Constructing the Ideal Future in Foreign Military Media Discourses of The World War II Period

Olga A. Solopova, Maria. S. Saltykova

South Ural State University
(National Research University)
76, Lenina Av., Chelyabinsk, 454080 Russia

Abstract

The major objective of the paper is to establish functions of modeling the ideal future in the British, American and French military media discourses of World War II period. The authors argue that military media discourse is a hybrid type that combines the components of military, political, military-political, and media discourses whose concentration and interpenetration can vary greatly. The military media discourse is a mode of organizing knowledge, ideas, or experience of war that are rooted in the media and influenced by historical, geopolitical, social, and cultural context. The approach taken in this study is a mixed methodology of linguistic political prognostics that integrates fundamentals of philosophy, future studies, cognitive linguistics, and political linguistics. The samples from the digitized archives of the UK, the USA, and France (24 695 samples) are investigated through a number of methods: corpus, descriptive, cognitive and discourse analyses, cultural, metaphorical modeling, and comparative analyses. Being a basic value of military media discourse, the ideal future is determined by its nature: the idea of a better world inherent in human nature is intensified in transformative moments, war being one of them; representing the present, the media model both the past and the future. The ideal future integrates the key features of utopia and prognosis differing from them in certain specific characteristics. Its basic functions are prognostic, constructive, modeling, critical, provocative, and visualizing ones that complement one another in constructing an ideal projection of the postwar world and the future of the USSR as a geopolitical ally of Great Britain, the USA, and France.

Keywords: *linguistic political prognostics; military-media discourse; image of the future; discourse format; discourse component; function; World War II; USSR*

For citation:

Solopova, Olga A., Saltykova, Maria S. (2019) Constructing the Ideal Future in Foreign Military Media Discourses of The World War II Period. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 762—783. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783.

Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны

О.А. Солопова, М.С. Салтыкова

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
ул. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия

Аннотация

Целью работы является анализ функций моделирования образа светлого будущего в военно-публицистических дискурсах Великобритании, США и Франции периода Второй мировой войны. Авторы считают, что военно-публицистический дискурс представляет гибридный формат, сочетающий компоненты военного, политического, военно-политического и масс-медийного дискурсов, концентрация и взаимопроникновение которых в значительной степени может варьировать. Он складывается в среде массовой коммуникации, соотносен с военной реальностью, репрезентирует ее и находится под влиянием исторических, геополитических и социокультурных условий, в контексте которых он конструируется и развивается. Исследование выполнено в рамках лингвополитической прогностики, синтезирующей эвристики философии, прогнозирования, когнитивной лингвистики и лингвополитологии. Текстовый материал британского, американского, французского дискурсов (объемом 24 695 документов) из оцифрованных архивов Великобритании, США и Франции изучается с использованием комплекса методов: корпусного, описательного, когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического, сопоставительного. Образ светлого будущего как базовая ценность военно-публицистического дискурса детерминирован его природой. Во-первых, стремление к светлому будущему, заложенное в человеческой природе, многократно возрастает и обостряется в условиях переломных и кризисных моментов истории. Во-вторых, создавая и перераспределяя информацию об объективной реальности, медиа не только формируют настоящее, но и моделируют образы прошлого и будущего. Образ светлого будущего, с одной стороны, вбирает в себя и интегрирует основные черты утопии и прогноза, с другой — обладает специфическими характеристиками, отличными от названных видов проективного знания. К числу его основных функций отнесены прогностическая, конструктивная, моделирующая, критическая, провокативная и визуализирующая функции, которые взаимодополняют друг друга в процессе создания идеальной проекции послевоенного устройства мира и будущего СССР как геополитического союзника Великобритании, Франции, США.

Ключевые слова: лингвополитическая прогностика; образ будущего; военно-публицистический дискурс; формат дискурса; компонент дискурса; функция; Вторая мировая война; СССР

Для цитирования:

Солопова О.А., Салтыкова М.С. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 762—783. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783.

1. Введение

Утопия является одной из форм «видения будущего» как альтернативы конструирования иного мира, контрастирующего с настоящим. Нацеленность человека и общества на более совершенную реальность воплощается в виде некоторой мыслительной модели — в образе идеального будущего, то есть суть утопии состоит в проектировании другого мира, противопоставленного окружающей дей-

ствительности. Причем, в современной философской мысли «иная утопическая реальность» может быть не только ложной и деструктивной, она начинает рассматриваться как феномен, которому присущи конструктивные функции усовершенствования социального порядка (Жданова, Чудова 2011; Тоффлер 2013; Чаликова 1993; Bloch 2000). Будучи созидательной фантазией человечества, связанной с продуцированием общественного идеала, утопия является условием и движущей силой развития культуры и общества (Ainsa 1990).

Категория утопического активно вовлечена в разнообразные сферы социально-философской рефлексии (философия истории, философия культуры, философия политики, социальная философия), что обуславливает актуальность исследования данной категории в военно-публицистическом дискурсе, поскольку данный формат институционального дискурса является междисциплинарной областью, связывающей воедино политику, историю, культуру и медиадискурс.

Утопия представляет собой сложное исторически обусловленное социокультурное явление, продукт общественного сознания, возникающий на определенном этапе развития общества. Исследователи отмечают, что «напряженность» утопизма особенно возрастает в периоды глубоких общественных потрясений (Черткова 1993; Шацкий 1990). Предпосылки утопии заложены в самой сущности дискурса войны и дискурса о войне: двухценностная ориентация военно-публицистического дискурса четко демонстрирует его мифологизированность, в нем условными полюсами редукции являются две альтернативы развития — «победа» и «поражение», и, соответственно, образы будущего (светлого и мрачного) представлены в заостренном виде (Солопова, Чудинов 2018). Образ светлого будущего выполняет функцию посредника между сущим (войной) и должным (победой правых сил, миром), проецируя высшие идеалы и ценности — торжество Справедливости, победу Добра — на действительность.

Моделируемый образ будущего включает в себя целый комплекс аксиологических, философских, исторических, социальных, этнических, когнитивных и собственно лингвистических параметров. Поэтому становится очевидной необходимость глубокого исследования его репрезентации в военно-публицистических дискурсах разных стран с привлечением материала различных хронологических срезов.

В данной статье на материале британского, американского и французского военно-публицистического формата дискурса периода Второй мировой войны будут рассмотрены его особенности и компоненты, с помощью инструментария лингвополитической прогностики будут исследованы функции образа будущего как одной из базовых ценностей военно-публицистического дискурса.

2. Военно-публицистический дискурс как объект дискурсивных исследований

В современной дискурсологии неоправданно дефицитны комплексные работы, посвященные анализу военно-публицистического дискурса как разновидности дискурса институционального. Тем не менее, необходимые предпосылки для подобного изучения сформировались. Круг наиболее значимых концепций, закла-

дывающих теоретико-методологические основы исследования военно-публицистического дискурса, формируют работы отечественных и зарубежных ученых по проблематике *языковых основ войны* (Culpeper 2011, Gavriely-Nuri 2010, Lakoff 1991, Mollin 2018) и *конфликтного дискурса* (Алешина 2015, Masalha 2003, Starr, Dubinsky 2015). Отдельного внимания заслуживают исследования, затрагивающие специфику *военного дискурса* (Ищенко 2007, Олянич 2015, Ainsa 1990) и *военно-политического дискурса* (Бачурин 2014, Солопова, Чудинов 2018, Lakoff 1991). Особый интерес для изучения разрабатываемой тематики представляют работы, направленные на анализ *военно-публицистического дискурса* (Ищенко 2007, Солопова, Салтыкова 2018, Solopova, Saltykova 2018). Следует подчеркнуть, что проблематика «дискурса войны» и «дискурса о войне» не получила исчерпывающего освещения в современной лингвистической литературе: сохраняет актуальность методологическая проблема соотношения понятий военно-публицистического дискурса, текста, стиля, жанра, отсутствуют определение военно-публицистического дискурса и системное описание структуры и компонентов последнего, не существует четкой дифференциации между военным, военно-политическим и военно-публицистическим видами дискурса.

Одни исследователи включают военно-публицистический дискурс в формат военно-политического дискурса (Бачурин 2014, Солопова, Чудинов 2018). Другие относят его к формату дискурса военного, широкая трактовка которого сводит воедино «дискурс военных о войне, политиков о войне, дискурс средств массовой информации, освещающих военные действия» (Ищенко 2007), «военно-художественную литературу, военную публицистику и военно-политические материалы» (Юсупова 2009). На наш взгляд, это связано с «гибридностью» военно-публицистического дискурса, представляющего собой совокупность компонентов различных институциональных форматов дискурса (военного, военно-политического, политического, массмедийного), концентрация и взаимопроникновение которых в значительных пределах может варьировать.

Данный факт, однако, не исключает возможности условного отграничения военно-публицистического дискурса от смежных с ним феноменов. Опираясь на системообразующие признаки, предложенные В. И. Карасиком для характеристики институционального дискурса (Карасик 2002), можно классифицировать военно-публицистический дискурс как *дискурс о войне*, агентами которого являются представители СМИ, военные и политические структуры, предоставляющие информацию журналистам, клиентами — непосредственная или имплицитная аудитория. Хронотопом в военно-публицистическом дискурсе в широком смысле могут выступать хронологические рамки и география военного конфликта, отдельного сражения или события, связанного с подготовкой и проведением военных операций, в узком — он определяется временем и местом появления материала в СМИ. Основная цель военно-публицистического дискурса состоит в оказании дифференцированного воздействия на аудиторию, задачи включают массовую мобилизацию населения внутри страны, с одной стороны, и деморализацию противника, с другой. Цель диктует выбор основных стратегий, с помощью которых медиа конструируют смысл событий и образы войны: стратегии презен-

тации и дискредитации. Военно-публицистический дискурс представлен всем многообразием жанров, свойственных массмедийному дискурсу (аналитическая статья, обозрение, интервью, хроника и другие). Прецедентными текстами, востребованными в военно-публицистическом дискурсе, являются доклады, выступления и обращения политических лидеров государств, глав военных ведомств и международных организаций, с одной стороны, и военно-техническая документация — с другой, формирующие военный и военно-политический дискурсы соответственно. Кроме того, ресурсы интертекстуальности включают имена великих полководцев и военачальников, значимые события театра военных действий прошлого, далекого и недавнего. Дискурсивные формулы интегрируют «институциональность» военного дискурса, которая проявляется в военно-фактологической информативности, в употреблении военной терминологии и клише, и «декоративность» массмедийного дискурса, которая состоит в использовании ярких разноуровневых образных средств.

Итак, в нашем понимании, военно-публицистический дискурс является гибридным *форматом институционального дискурса, сложившимся в среде массовой коммуникации, соотношенным с военной реальностью и репрезентирующим ее, находящимся под влиянием экстралингвистического контекста (культурно-исторического, идеологического, политического, социального)*. Перефразируя определение Т. ван Дейка (Дейк 2013), военно-публицистический дискурс представляет собой механизм трансформации макросоциального феномена «военный конфликт» на микросоциальный уровень с помощью дифференцированного информационного воздействия, формирующего в сознании аудитории определенные ценностные фрагменты.

3. Инструментарий и материал исследования

Одной из базовых ценностей военно-публицистического дискурса является образ светлого будущего. Во-первых, как отмечают исследователи, дискурсу средств массовой информации, в принципе, присущи утопические и прогностические свойства (Немирова 2015, Solopova 2017): создавая и перераспределяя информацию об объективной реальности, медиа не только форматируют настоящее, но и моделируют образы прошлого и будущего, присваивая право генерировать как историческое, так и утопическое. Во-вторых, стремление к светлому будущему, заложенное в человеческой природе, многократно возрастает и обостряется в условиях военного конфликта, что предопределено инстинктом самосохранения, позволяющим человечеству выжить и сохранить себя как вид, нацию, государство, т. е. образ светлого будущего детерминирован самой природой военно-публицистического дискурса.

В нашем понимании образ будущего представляет собой наглядное и яркое представление о том, чего нет, но может и могло бы быть, сочетающее рациональное и чувственное, индивидуальное и социальное, языковое и внеязыковое. Образ будущего — это субъективная ментальная репрезентация одного из вероятных миров грядущего, не эквивалентная объектам «внешнего» мира настоящего

и прошлого: он не может рассматриваться как психическая реакция сенсорного опыта, представленная в сознании как память об этом опыте, поскольку будущее еще не наступило, и не является слепком с настоящей действительности, поскольку будущее предсуществует в настоящем только как предполагаемое или желаемое следствие законов и причинно-следственных связей настоящего, запрограммированных в виде спектра возможных путей развития, или, напротив, как парадоксально непредсказуемые и маловероятные события, наступление которых способно преобразить настоящую реальность.

Вследствие гибридной природы военно-публицистического дискурса и отсутствия в современной дискурсологии специфических методов и приемов его анализа, в настоящей работе предлагается исследовать образ будущего в рассматриваемом формате дискурса с использованием инструментария *лингвополитической прогностики*, представляющей собой междисциплинарное направление, синтезирующее эвристики философии, прогнозирования, когнитивной лингвистики и лингвополитологии.

Лингвополитическая прогностика постулирует, что прогностичность является имманентной категорией дискурса. Ее универсальность доказана в диахроническом исследовании, проведенном на материале репрезентативных корпусов текстов российского, британского и американского политических дискурсов (Solopova 2017). Один из этапов лингвопрогностического анализа представлен ретроспекцией, результатом которой являются ретроспективные трехуровневые модели будущего. Матричный уровень анализа фокусирует внимание на экстрадискурсивных условиях, существенных для моделирования будущего в том или ином хронологическом срезе, и предполагает изучение совокупности геополитических, культурных, исторических, социальных факторов настоящего, способных оказать влияние на будущее развитие государства и на его конструкт в дискурсе. На интрадискурсивном уровне исследованию подлежат разноуровневые ядерные и периферийные языковые средства с футуральной семантикой. Заключительной процедурой является концептуальный сценарный анализ, представленный двумя предельными альтернативами развития настоящего — мрачным и светлым будущим. Таким образом, инструментарий лингвополитической прогностики соответствует цели и задачам настоящей работы и может быть положен в основу изучения образа будущего в военно-публицистическом дискурсе.

Выбор ретроспективного среза периода Второй мировой войны для анализа образа будущего в *зарубежных* дискурсах не случаен. Исследовательский интерес обусловлен рядом причин: колоссальными последствиями Второй мировой войны, которые, в частности, привели к формированию современной системы геополитических отношений; переосмыслением официальной концепции истории Второй мировой войны, сформированной советской историографией; появлением новых исследовательских подходов в изучении Второй мировой войны (культурной истории, истории повседневности, гендерной истории, истории памяти), в рамках которых текст рассматривается как исторический источник, отражающий как объективную реальность, так и движущие мотивы и доминантные образы.

В век цифровых технологий особенности историографии Второй мировой войны заключаются в активном расширении корпуса источников благодаря рассекречиванию архивов, появлению факсимильных баз данных и онлайн собраний военной периодики. В настоящей работе источниками материала для исследования специфики образа будущего в военно-публицистическом дискурсе являются авторитетные архивы исторических газет и журналов Великобритании, США и Франции (The British Newspaper Archive, Chronicling America, Gallica). Использование специализированных систем поиска данных по ключевым словам (*будущее, советский, Россия*) при условии встречаемости словоформ в пределах одного контекста позволило сформировать иллюстративный корпус текстов на материале каждого дискурса. Результатом процедуры отбора является массив данных за период с 1 сентября 1939 года по 2 сентября 1945 года, включающий 24 695 документов британского, американского и французского дискурсов (13 566, 5640 и 5489 документов соответственно) (рис.).

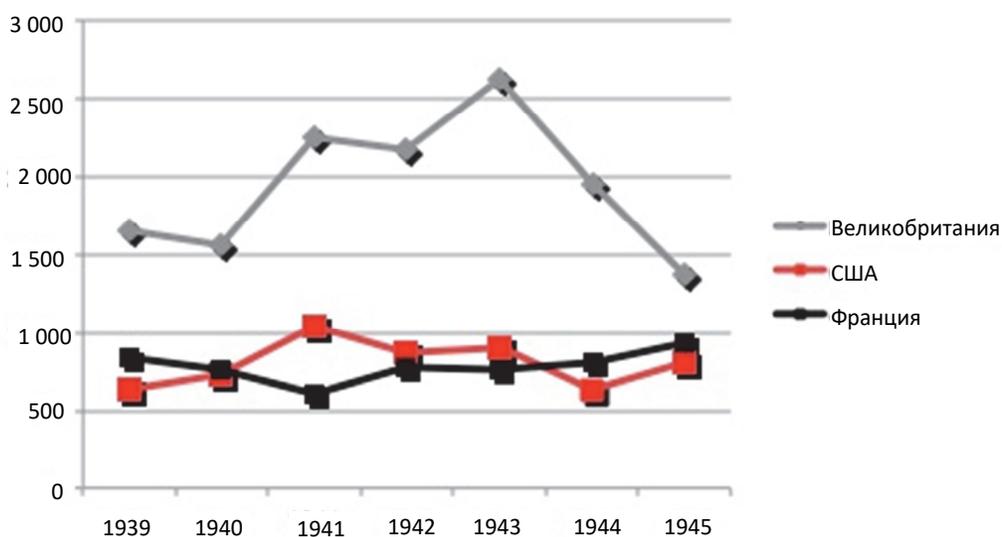

Рис. Данные количественного сопоставительного анализа (1939—1945) /
Fig. Quantitative data of comparative analysis (1939—1945)

Количественный анализ доказывает частотность обращения к проблематике будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны: каждый хронологический срез (с 1939 года по 1945 год) представлен статистически представительной выборкой документов о будущем СССР в дискурсах Великобритании, США и Франции. Интересно отметить, что интерес будущих стран — участниц «Большой тройки», Великобритании и США, к вероятному развитию событий в Советском Союзе и к роли СССР на международной арене, возрос в год вторжения на его территорию нацистской Германии и ее сателлитов.

Французский дискурс 1941 года, напротив, отмечен наименьшим количеством документов с заданными параметральными данными, что, вероятнее всего, связано

с установлением во Франции режима Виши: с июля 1940 года тиражи большинства газет сократились в три-четыре раза, многие издания закрылись или были запрещены властями, большая часть оставшихся находилась под контролем службы пропаганды немецкого военного командования. Тем не менее, в последующие годы частотность обращения к образу будущего СССР во французском военно-публицистическом дискурсе возрастает, так как со временем появляются группы движения Сопротивления, начинается выпуск нелегальных изданий, которые также представлены в архиве Gallica.

Не менее показателен численный перевес документов, формирующих подкорпус британского публицистического дискурса в целом, что напрямую зависит от исторической ситуации анализируемого периода, геополитической расстановки сил, целей и установок самой Великобритании, ее взаимоотношений соперничества / союзничества с Советским Союзом (Англо-польский альянс и Польский поход Красной Армии (1939 г.); Советско-финская война (1939—1940 гг.), в которой Великобритания оказывала военную помощь Финляндии; союзничество СССР и Великобритании в борьбе против фашизма (1941—1945 гг.)).

Созданный корпус оцифрованных текстов обрабатывался вручную, поскольку физическое состояние оригинальных источников периода Второй мировой войны осложняет последующую автоматизированную обработку материала и его конвертацию в текстовый формат с помощью профессиональных систем оптического распознавания.

Дальнейшая работа с материалом потребовала привлечения комплекса методов и методик: описательного метода (интерпретация, компонентный и контекстуальный анализ), когнитивно-дискурсивного метода (учет экстралингвистического контекста как фактора смыслообразования, интенциональная составляющая военно-публицистического дискурса, его институциональные параметры), метод метафорического моделирования (особенности доминантных метафорических моделей, их прагматические смыслы в моделировании будущего), лингвокультурологического анализа (специфика образа будущего в каждом дискурсе), сопоставительного метода (выявление общих черт и особенностей).

В разделе кратко представлен фрагмент сопоставительного исследования образа светлого будущего в британском, американском и французском военно-публицистических дискурсах. Задачи авторов — показать соотношение «утопического» и «прогностического» в образе светлого будущего в военно-публицистическом дискурсе в целом и продемонстрировать специфику репрезентации будущего СССР как геополитического союзника Великобритании, США, Франции.

4. Функции образа «светлого будущего»: утопия vs прогноз

Функциональная природа феномена предвидения, его многоаспектность, отвечающая разнонаправленным запросам общества, объясняет его актуальность и востребованность на каждом этапе развития общества. Исследователи отмечают проявление утопической мысли в разные исторические эпохи, выделяя такие функции как критическая, конструктивная, нормативная, прогностическая, провокативная, визуализирующая, мировоззренческая, аксиологическая, моделирующая,

экспериментальная, поисковая, идеологическая и другие (Черткова 1993). Развитию многовариантного социального воображения способствует появление современных концепций научного прогнозирования — прогностики, футурологии, форсайта, в которых за прогнозом закреплены следующие функции: аналитическая (ретроспективная, диагностическая, прогностическая), поисковая и нормативная, ориентирующая, манипулятивная, управленческая и другие (Агеев 2004).

Каждой из перечисленных функций отведена своя роль в построении проекций культурной и политической сфер жизни общества, социальных движений и катаклизмов (Bloch 2000, Dahrendorf 1967, Duran 1972, Lasky 1976, Tillich 1973). Образ светлого будущего, с одной стороны, вбирает в себя и интегрирует основные черты утопии и прогноза, с другой — обладает специфическими характеристиками, отличными от названных видов проективного знания. Проиллюстрируем ключевые функции моделирования образа светлого будущего в военно-публицистическом дискурсе периода Второй мировой войны.

Потребность человека в предвидении будущего бесспорно согласуется с ролью, выполняемой **прогностической** функцией. Утопия и прогноз готовят человека и общество к будущему. Утопия ориентирована на предсказание тенденций возможного развития конкретной утопической концепции, т.е. в ней образ светлого (идеального, совершенного, желаемого) будущего является единственной конечной целью. Прогнозирование, в свою очередь, определяет систему альтернатив будущего, фиксирует спектр предполагаемых событий, что порождает многовариантность будущего, т.е. образ светлого (ожидаемого, вероятного) будущего является одним из множества предельных вариантов, противостоящих конечной цели.

В военно-публицистическом дискурсе образ светлого будущего как мира без войны определяется, прежде всего, интересами общечеловеческого порядка. В долгосрочном будущем он состоит в гармонизации отношений между национальными и культурными сообществами, вовлеченными в конфликт, и определяется идеей взаимодополняющего сосуществования и диалога стран, что, так или иначе, соотносится с категорией утопического. В концептуальном плане образы войны и мира выстраиваются на основе бинарной оппозиции тьмы и света. Моделирование светлого будущего сопровождается варьированием и повторами лексем со значением союзничества, сотрудничества, совместности:

- (1) In this world war we have come to realise that, in fact, interdependence is more important than independence. The future peace of the world will depend on the cooperation of the United Nations. We have come to know and understand one another as never before in *the dark days of war*. It is the hope of every man and woman who cares for the future of the world that that knowledge and understanding may grow even more rapidly in *the ever-brighten days of peace*¹ (Londonderry Sentinel, 23 November 1943).

¹ В этой мировой войне мы поняли, что в действительности взаимозависимость важнее независимости. Будущее мира будет зависеть от сотрудничества Объединенных Наций. В *мрачные дни войны* мы узнали и поняли друг друга так, как никогда прежде не знали и не понимали. Надежда каждого человека, которого заботит будущее мира, состоит в том, что это знание и понимание будет расти еще быстрее в *ясные мирные дни* (здесь и далее перевод авторов).

- (2) If there is to be *peace* in the world, that *peace* has to be made in full partnership between the English-speaking sea and air power and the massive land power of Russia. The alternative is the loss of the *war*, chaos after the *war* and more interminable *wars* for generations to come² (San Bernardino Sun, 9 June 1942).
- (3) *Unis dans la guerre et la victoire*, ces deux grands pays resteront *unis dans la paix* pour édifier, aux côtés des autres nations alliées, aux côtés de la France, l'organisation qui garantira aux peuples *un avenir de paix et de justice*³ (L'Humanité, 8 november 1944).

Идеальному светлому будущему, лишённому противоречий и конфликтов, свободному от зла и страданий, противостоит не иной вариант грядущего, даже не его зеркальная «мрачная» альтернатива, а продолжение войны, т.е. настоящее. Партнерство великих держав, наличие общего врага и единой высшей цели обуславливает репрезентацию будущего СССР как геополитического союзника в светлом ключе:

- (4) I don't think there is any question that if we are victorious, the *strongest European Power will be the Soviet Union*⁴ (The New York Herald-Tribune, 11 February 1943).
- (5) Every reasonable man understands that *Russia will play one of the leading roles* in the postwar organization of Europe and the whole world⁵ (San Bernardino Sun, 21 July 1943).
- (6) L'Union Soviétique est *une grande nation*. Son peuple est *un grand peuple* qui, dans l'avenir, doit jouer un rôle que l'on peut mesurer aux *réussites déjà réalisées*⁶ (Russie d'aujourd'hui, juin 1943).

Причем, следует особо подчеркнуть, что Советскому Союзу безоговорочно отводится ведущая роль как в период военных действий, так и в послевоенном мироустройстве:

- (7) *Future of any race will be determined in Russia*⁷ (Portsmouth Evening News, 30 March 1942).
- (8) *The war will be decided in Russia anyway*⁸ (San Bernardino Sun, 23 December 1942).

² Если наступит *мир*, то этот *мир* должен быть заключен при полном партнерстве между англоговорящими морскими и воздушными державами и огромной сухопутной державой, Россией. Единственной альтернативой является поражение в *войне*, хаос после *войны* и бесконечные *войны* в будущем.

³ *Объединившись в войне и в победе*, эти две великие державы (СССР и США — прим. авт.) останутся *едиными в мире*, чтобы вместе с Францией и другими странами-союзницами построить систему, которая обеспечит народам *будущее в мире и справедливости*.

⁴ Не думаю, что существуют сомнения в том, что в случае нашей победы *самой мощной европейской державой будет Советский Союз*.

⁵ Каждый думающий человек осознает, что *Россия будет играть одну из ведущих ролей* в послевоенном устройстве Европы и всего мира.

⁶ Советский Союз — *великая держава*. Ее народ — *великий народ*, который в будущем должен играть ту роль, которую можно оценить по *уже достигнутым победам*.

⁷ *Будущее каждого народа будет определено в России*.

⁸ *Исход войны в любом случае будет предрешен Россией*.

- (9) L'Union Soviétique apparaît aujourd'hui *aux yeux de tous comme l'une des plus grandes puissances du monde*. Ses pires ennemis d'hier reconnaissent volontiers désormais *qu'elle a sauvé l'univers, la civilisation moderne, tout l'avenir humain*⁹ (L'Humanité, 8 november 1944).

Узловой точкой, в которой пересекаются утопия и образ будущего в военно-публицистическом дискурсе, является не только перспективность, но и формирование идеального конструкта будущего, что достигается за счет **конструктивной** и **моделирующей** функций. Процесс создания совершенной модели — синтез фактов, внесение новизны и провоцирование ментальных усилий — позволяют определить желаемый образ и исключить другие альтернативы. В идеальном светлом будущем заложено стремление к миру, воля к победе, надежда на торжество добра, на освобождение от тягот и лишений войны. При этом конструкты будущего могут быть отнесены к краткосрочной и долгосрочной перспективе, высшей целью которых являются победа над фашизмом и совершенное устройство послевоенного мира соответственно:

- (10) Friendship with the Soviet Union and close co-operation in future would bring nearer to realization that *great ideal of mankind, permanent and enduring peace*¹⁰ (The Lancaster Guardian, 3 December 1943).
- (11) We must fight with a full heart, for *the destruction of the enemy, his complete annihilation, the wiping of Hitlerism forever from the face of the earth*. We must strengthen the *Anglo-Soviet-American Alliance* in the fires of war so that it will be *an indestructible instrument for a desired peace*¹¹ (Evening Star, 25 February 1943).
- (12) La France et l'U.R.S.S. doivent *rester unies «dans le présent pour écraser le fascisme, dans l'avenir pour construire une paix durable»*. Une séparation entre l'U.R.S.S. et nous ne doit jamais se produire, car *le progrès, la paix et le bonheur de l'humanité en dépendent*¹² (L'Humanité, 18 décembre 1944).

Победа над противником является конечной целью в военном конфликте и идеальным образом в военно-публицистическом дискурсе. Она представляет собой стержневой элемент светлого будущего, ориентирующий геополитических союзников на поиск конструктивных моделей мирового устройства в послевоен-

⁹ Сегодня все признают Советский Союз одной из величайших держав мира. Его вчерашние злейшие враги отныне добровольно признают, что СССР спас весь мир, всю современную цивилизацию и будущее человечества.

¹⁰ Дружба с Советским Союзом и тесное сотрудничество в будущем приблизят к достижению великого идеала человечества, к наступлению долговременного и прочного мира.

¹¹ Мы должны сражаться всем сердцем за уничтожение врага, за его полное истребление, мы должны навсегда стереть фашизм с лица земли. Мы должны укрепить англо-советско-американский альянс на огневом рубеже так, чтобы он стал нерушимым инструментом в условиях желанного мира.

¹² Франция и Советский Союз должны оставаться единьими «в настоящем, чтобы подавить фашизм, в будущем — чтобы построить прочный мир». Никогда не должно произойти раскола между СССР и нами, поскольку от этого зависят прогресс, мир и счастье человечества.

ный период. Образ «будущего» послевоенного мира задает идеальную проекцию геополитической системы, что также максимально сближает его с утопией:

- (13) If history records Hitler as having been of any use whatever to the world, it will be because he destroyed the distrust which had formerly existed between Soviet Russia and the rest of the civilised world, and so opened *the way to a new and more hopeful organisation of international security*¹³ (Liverpool Daily Post, 21 June 1943).
- (14) The alternative is *genuine economic and political collaboration among equal sovereign states*, envisaged in the scraps of paper which made up the Atlantic Charter and the Moscow declaration. The American people have taken the principles of both of these documents seriously¹⁴ (Sunday Star, 14 January 1945).
- (15) L'Armée de l'U.R.S.S. *a rempli magnifiquement sa mission historique en défendant la patrie soviétique menacée et envahie par la sauvagerie hitlérienne*. Elle a en même temps contribué, *plus que nulle autre force au monde, là, libérer tous les pays démocrates antifascistes asservis par Hitler ou menacés par lui d'asservissement*. Par ses sacrifices sans nombre, l'U.R.S.S. *a assuré leur liberté de demain et leur sécurité internationale pour l'avenir*¹⁵ (Journal officiel de la République française, 22 décembre 1944).

Замысел построения разумного социального порядка в мире геополитики, проект идеального сообщества, в котором возможно гармоничное и мирное сосуществование идеологических и социальных моделей, опирающихся на разнообразные культурные и мировоззренческие, — суть утопических установок военно-публицистического дискурса периода Второй мировой войны.

Конструктивный потенциал образа будущего и аксиологический аспект его светлой альтернативы выступают той идеальной детерминантой, с которой соотносятся и критически осмысливаются настоящее и прошлое. В военно-публицистическом дискурсе **критическая** функция проекции в будущее — это, прежде всего, отрицание существующей действительности и стремление заменить ее безупречно сконструированной моделью идеального послевоенного мира. В отличие от прогнозирования, где альтернативы будущего экстраполируются из устойчивых тенденций настоящего и прошлого, в моделировании светлого образа послевоен-

¹³ Если в анналах истории и будет отмечена какая бы то ни было польза, принесенная миру Гитлером, то она будет состоять в том, что он уничтожил недоверие, ранее существовавшее между Советской Россией и остальным цивилизованным миром, и этим открыл *путь к новой, многообещающей организации международной безопасности*.

¹⁴ Альтернативой этому является *истинное экономическое и политическое сотрудничество между равными суверенными государствами*, предусмотренное в Атлантической хартии и Московской декларации. Народ Америки серьезно воспринял принципы, изложенные в этих документах.

¹⁵ Советская армия *великолепно выполнила свою историческую миссию*, защищая Родину, находящуюся под угрозой и захваченную гитлеровским зверем. Больше, чем любая другая держава в мире, она *способствовала освобождению всех антифашистских демократических стран, поработанных Гитлером* или находящихся под угрозой гитлеровского порабощения. Благодаря своим бесчисленным жертвам СССР обеспечил их завтрашнюю свободу и международную безопасность в будущем.

ного мира отчетливо проявляются черты утопии. Он выстраивается как антитеза настоящему: идеальное будущее противопоставляется мрачному и непотребному настоящему, мир мыслится как избавление от абсолютного зла, хаоса, лишений войны (настоящее) и торжество абсолютного добра, наступление порядка и всеобщего благополучия (будущее):

- (16) We want an end to *the cruelty and destructiveness of war* — we want in its place *a new beginning — a beginning of sure and true peace*¹⁶ (The Scotsman, 26 April 1945).
- (17) The purpose is to continue to build the foundation for an international accord which will bring order and security after *the chaos of war*, and which will give some assurance of *lasting peace* among the nations of the world¹⁷ (The Wilmington Morning Star, 2 March 1945).
- (18) C'est le sentiment obsédant de ces immenses sacrifices consentis, là-bas et partout où les hommes de bonne volonté ont dû défendre chèrement leur liberté qui nous dicte la tâche à accomplir : *faire une Europe en ordre pour avoir une Europe en paix*¹⁸ (Journal officiel de la République française, 22 november 1944).

Наиболее отчетливо специфика критической функции прослеживается при моделировании образа светлого будущего СССР как геополитического союзника Великобритании, США и Франции. В этом образе, с одной стороны, заложено неразрывное единство будущего, настоящего и прошлого, типичное для прогнозирования, с другой — свойственные утопии инверсия исторического времени и обратный порядок связи времен. То есть время течет из будущего через настоящее в прошлое. В отличие от утопии образ светлого будущего геополитического союзника не отрицает настоящего и породившего его прошлого, напротив, он встраивает их в контекст светлой альтернативы и форматирует матрицу смыслов, значений, событий в нужном ключе. То есть именно будущее определяет настоящее и прошлое:

- (19) The U.S.S.R. itself has by no means reached finality in constitution building. The present stretch of its road to democracy lies through a period of peaceful evolution towards that personal liberty which is the hallmark of democracy. Russia seeks peaceful relations with all States irrespective of their political systems, economic and political co-operation, alliances against aggression, renunciation of imperialist expansion at the cost of other nations¹⁹ (Western Mail, 18 November 1944).

¹⁶ Мы хотим положить конец жестокости и разрушительности войны. Вместо нее мы хотим начала новой жизни — начала надежного и настоящего мира.

¹⁷ Цель состоит в том, чтобы продолжать выстраивать основу для международного согласия, которое после хаоса войны принесет порядок и безопасность и которое гарантирует прочный мир между народами мира.

¹⁸ Неотступная мысль об огромных жертвах всюду, где люди доброй воли были вынуждены заплатить высокую цену за свою свободу, диктует нам задачу: *привести Европу в порядок, сделать так, чтобы она существовала в мире*.

¹⁹ СССР еще не достиг завершенности в создании конституции. Нынешний этап его пути к демократии лежит через период мирной эволюции к личной свободе, которая является отличительной чертой демократии. Россия стремится к мирным отношениям со всеми государствами вне зависимости от их политического устройства, к экономическому и политическому сотрудничеству, к союзам против агрессии, к отказу от империалистической экспансии за счет других государств.

- (20) The Union of Soviet Socialist Republics is so much the foremost champion of all the democratic forces of Europe that the United States, our country, which for a century and a half stood in the vanguard of world democracy, can now be allied with those democratic forces in Europe ONLY ON CONDITION²⁰ that we are allied with the Soviet Union²¹ (Western Daily Press, 10 February 1942).
- (21) La France d'aujourd'hui est sûre qu'on lui a grossièrement menti! Elle voit en U.R.S.S. *un peuple uni, fort, un peuple qui sait souffrir, qui sait lutter, qui sait vaincre*. Elle ne peut plus nier que *les chefs de l'Union Soviétique comptent parmi les meilleurs directeurs d'Etats des temps actuels*²² (L'Echo d'Alger, 30 décembre, 1944).

Негативные тенденции в моделировании образа Советского Союза, типичные для зарубежных дискурсов довоенного периода (неприятие советского режима, боязнь «красного террора» и распространения коммунистической «заразы», возможность экономической, научно-технической и военной угрозы со стороны СССР), коренным образом трансформируются в военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны при репрезентации образа светлого будущего СССР, сильного союзника, основной военно-политической силы, обуславливающей победный ход войны. Демократия и коммунизм как две различные идеологии более не противостоят друг другу: «демократичность» коммунистического режима интерпретируется как данность, то есть нечто представленное в действительности, и как задание на будущее, которое подлежит дальнейшему воплощению в жизнь. За советским режимом признается право на существование, констатируется «законность» социально-политического устройства Советского Союза, прочность и результативность власти, величие Советов:

- (22) Scotland is going to gain, in following in the path that Russia had set before us, far more in the way of democracy, as well as in breaking up Britain into a number of free states on the plan of the U.S.S.R.²³ (Stirling Observer, 29 June 1943).
- (23) The Soviet people have built a great government. They are a great people or they could not have built a great government. I have the greatest possible admiration for the Russian people as a people²⁴ (Evening Star, 25 September 1942).

²⁰ Сохранено шрифтовое выделение оригинального текста (*прим. авт.*).

²¹ Союз Советских Социалистических Республик является первостепенным приверженцем и поборником демократии среди всех демократических сил Европы, Соединенные Штаты, наша страна, которая на протяжении полутора веков стояла в авангарде мировой демократии, сейчас может быть в союзе с демократическими силами Европы ТОЛЬКО ПРИ УСЛОВИИ союзничества с Советским Союзом.

²² Сегодня Франция уверена, что вчера ее обманули! Она видит, что *Советский Союз — единый, сильный народ, народ, который знает, как страдать, как бороться, знает, как победить*. Она больше не может отрицать тот факт, что *лидеры Советского Союза — одни из лучших государственных руководителей этого времени*.

²³ Шотландия станет значительно более демократическим государством, следуя по пути, который открыла перед нами Россия и создав на территории Великобритании несколько свободных государств по образцу СССР.

²⁴ Советский народ создал великое правительство. Это великий народ, иначе он не смог бы создать великое правительство. Я испытываю величайшее восхищение русским народом.

- (24) Nul ne peut plus contester qu'ils *ont placé leur peuple naguère arriéré à la tête des pays les plus évolués!*²⁵ (L'Echo d'Alger, 30 décembre 1944).

Более того, сконструированное согласно проекции светлого будущего настоящее предлагает новые возможности и пути совершенствования государственного устройства не только самого Советского Союза, но и иных государств: СССР представляет собой модель идеального социалистического строя и выступает образцом для подражания.

Образ светлого будущего, ожидающий геополитического союзника в перспективе, проецируется на представление о его руководителях, ответственных как за ее будущее, так и за настоящее, превративших страну в мощную промышленную и военную державу, которая способна одержать победу в битве с фашизмом:

- (25) *Stalin is the greatest military strategist of this war, surpassing even Montgomery, and the future of the peoples of the world depends on the people of Soviet Russia and Great Britain*²⁶ (Rochdale Observer, 3 March 1945).
- (26) All history contains nothing to compare with the mighty deeds of the Red Army under *the guiding genius of Stalin*. They have turned the tide of war definitely in favor of the United Nations. They have brought victory within reach²⁷ (Evening Star, 25 February 1943).
- (27) Les chefs des nations alliées, comme *les autorités morales et intellectuelles les plus hautes rendent hommage au peuple soviétique, à son Armée Rouge* qui a porté le coup mortel au fascisme barbare, à *Staline*, chef de la politique et de la stratégie de l'U.R.S.S.²⁸ (L'Humanité, 18 décembre 1944).

Инверсия времени и ориентация на светлое будущее структурируют прошлое геополитического союзника, которое оценивается и форматируется, исходя из успехов и побед в настоящем и из перспективы плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества в будущем:

- (28) *Had the Soviet leaders not carried out their task magnificently these 25 years*, many people who are in this room might to-night have been in concentration camps, if they were still alive²⁹ (The Surrey Mirror, 27 November 1942).
- (29) There is deep significance for today in the fact that we combine in this meeting the commemoration of *Abraham Lincoln*, America's foremost contribution to the world leadership of democratic liberation, and of *Vladimir Ilyich Lenin*, founder of the Soviet

²⁵ Никто не может более оспаривать тот факт, что *Советский Союз*, который не так давно считался слаборазвитым государством, *направил свой народ в авангард самых развитых стран!*

²⁶ Сталин — *величайший военный стратег этой войны*, превосходящий даже Монтгомери, будущее народов мира зависит от народов Советской России и Великобритании.

²⁷ Вся история не сравнится с невероятными победами Красной Армии, *ведомой гением Сталина*. Определенно, они переломили ход войны в пользу Организации Объединенных Наций. Они сделали победу досягаемой.

²⁸ *Лидеры союзных наций воздают должное советскому народу, его политическому лидеру Сталину, и Красной Армии*, которая нанесла смертельный удар по варварскому фашизму.

²⁹ *Если бы советские лидеры блестяще не выполняли свою задачу эти 25 лет*, многие люди, которые находятся здесь, могли бы быть в концентрационных лагерях, если бы были еще живы.

Power which at this moment is liberating the world from the menace of Nazism³⁰ (Evening Star, 25 February 1943).

- (30) C'est que deux années de lutte sur le front oriental, la magnifique résistance de l'Armée Rouge, la victoire de Stalingrad, *la puissance grandissante de l'Union Soviétique* ont prouvé jusqu'à l'évidence que *la Russie n'était pas telle que la dépeignaient ses adversaires*³¹ (Russie d'aujourd'hui, juin 1943).

Образ общей цели, роль СССР в ее достижении позволяют сближать разные системы государственного устройства и нивелировать идеологические противоречия прошлого. Мыслимое общее светлое будущее заставляет искать и находить схожие черты между собственной страной и социалистической Россией в настоящем и в прошлом, оценивать пройденный советским государством путь с точки зрения его заслуг в настоящем и моделируемом будущем.

В ситуации военного времени глобальная проблема установления и сохранения мира, идея служения Отечеству и обеспечения безопасности государства, «придают смысл существованию, становятся стимулом великих свершений» (Асабина 2009) и мощным рычагом мобилизации общественных масс. И утопия, и прогноз, как формы проективного знания, ориентированы на поиск проблемных узлов в настоящей действительности и формирование новых ракурсов возможного устройства мирового сообщества. В военно-публицистическом дискурсе е д и н с т в е н н ы м предпочтительным и нормативным вариантом будущего развития военного конфликта, принимаемым в качестве цели, является победа. **Провокативная** функция образа светлого будущего, реализуемая в форме призыва или указания, призвана стимулировать рефлексию адресата и каузировать выполнение действия по изменению социальной реальности:

- (31) You must *think victory*, and then you must *act victory*³² (Stirling Observer, 29 June 1943).
- (32) *Achievement of victory over Hitlerism — is the supreme common task* today. In the name of Lincoln and Lenin we devote all our capacities to that goal³³ (Evening Star, 25 February 1943).
- (33) Et, après *la victoire*, ce qu'il faudra faire *pour que cette victoire ne soit pas vaine, nous le ferons en commun*; sans tergiverser, sans attendre, toutes les mesures seront prises, parce que nous savons ce que nous a coûté une position naguère hésitante³⁴ (Journal officiel de la République française, 22 décembre 1944).

³⁰ Сегодня имеет большое значение то, что на этом собрании мы чтим память об *Аврааме Линкольне*, чей вклад в мировое лидерство Америки в борьбе за демократическое движение является самым выдающимся, и о *Владимире Ильиче Ленине*, основателе советской державы, которая в данный момент освобождает мир от угрозы нацизма.

³¹ Два года борьбы на восточном фронте, мощное сопротивление Красной Армии, победа Сталинграда, *растущее величие Советского Союза* доказали, что *Россия оказалась не тем государством, каким бы ее хотели представить противники*.

³² Ты должен думать только о победе и делать все для победы.

³³ Сегодня победа над гитлеризмом — это общая высшая цель. Во имя Линкольна и Ленина мы посвящаем все наши силы достижению этой цели.

³⁴ И когда мы победим, необходимо сделать так, чтобы эта победа не была напрасной, мы осуществим это вместе; будут приняты все меры, не откладывая, не дожидаясь, потому что мы знаем, чего стоило нам занять нерешительную позицию.

Рассматриваемая функция ведет не только к преодолению шаблонов и сложившихся стереотипов, но и к изменению отношения к социальной действительности в целом и к образу геополитического союзника в частности:

(34) *Plan the future with Russia now*³⁵ (Portsmouth Evening News, 17 March 1943).

(35) *Listen, America, Russia happens to be fighting our battles now and fighting them with success. We must not forget that the heroism of Russians and their brilliant victories over Hitler have saved us and given us the breathing spell we need. Beware of those belittling or degrading Russia*³⁶ (Roanoke Rapids Herald, 26 February 1942).

(36) *Pour la France et la Russie, être unies c'est être fortes; se trouver séparées, c'est se trouver en danger*³⁷ (Journal officiel de la République française, 22 décembre 1944).

Образ светлого будущего способствует обновлению системы ценностей, норм, геополитических и социальных ориентиров адресата, выполняя роль своеобразного катализатора мышления и мотиватора, побуждающего к сотрудничеству с Советским Союзом и мобилизации совместных усилий к достижению желаемого результата.

Одной из основных в процессе конструирования образа светлого будущего в военно-публицистическом дискурсе является **визуализирующая** функция, в принципе присущая утопии. Ее роль состоит в осмыслении социокультурного идеала, в его воплощении в образах и символах, что содействует моделированию целостной, осязаемой картины светлого будущего. В процессе создания системы образов, наиболее развернуто репрезентирующих светлое будущее, особенно активна когнитивная метафора:

(37) *Russia, stubbornly defending herself, had shown a strength and resilience which might well make her one of the architects of the future*³⁸ (Yorkshire Evening Post, 12 November 1941).

(38) *Russia will probably be the most powerful single star in the world if, with the help Britain and the United States, she is able to smash Germany*³⁹ [Evening Despatch]. *Friends for Tomorrow*. In peacetime we'll need the *friendship* of our Allies as much as we do now, in war. Whatever our views may be about communism, Russia stands today as the *Savior* of democracy in Europe⁴⁰ (Evening Star, 14 February 1943).

³⁵ *Планируй будущее с Россией.*

³⁶ *Послушай, Америка, Россия сейчас сражается в наших битвах и сражается успешно. Мы не должны забывать, что героизм русских и их блестящие победы над Гитлером спасли нас и дали нам необходимую передышку. Берегись тех, кто принижает заслуги России и подрывает ее авторитет.*

³⁷ *Для Франции и России быть в единстве — оставаться сильными; быть врозь — оказаться в опасности.*

³⁸ *Стойко обороняющаяся Россия проявила силу и неустранимость, что вполне может превратить ее в одного из архитекторов будущего.*

³⁹ *Вероятно, Россия будет самой яркой и единственной звездой в мире, если с помощью Великобритании и США ей удастся разгромить Германию.*

⁴⁰ *Друзья завтрашнего дня.* В мирное время нам будет так же сильно нужна дружба наших союзников, как сейчас, во время войны. Что бы мы ни думали о коммунизме, сегодня Россия является Спасителем демократии в Европе.

- (39) Le Secours Populaire de France et des Colonies affirme, avec l'unanimité des Français que *l'union avec la grande démocratie soviétique permettra d'aller*, suivant la belle phrase rappelée par Gabriel Péri quelques instants avant sa mort «*vers des lendemains qui chantent*»⁴¹ (La Défense, 22 décembre 1944).

Востребованность метафоры в конструировании образа светлого будущего определяется рядом причин. Во-первых, как утопия и прогноз, она является специфической формой освоения окружающего мира, и ей присущи те же самые функции. Во-вторых, она представляет собой базовый механизм познания и категоризации различных модусов действительности, в том числе будущего. В-третьих, структура метафоры (X подобно Y) дает возможность радикально сократить путь от одного образа к другому, что позволяет экономно, четко и ярко представить новое знание применительно к новым условиям, но отталкиваясь от уже известного и знакомого. В-четвертых, в метафорах заложены те ключевые образы и символы, которые позволяют интенсифицировать двухценностную ориентацию военно-публицистического дискурса (свет — тьма, ад — рай, добро — зло, друг — враг, строительство — разрушение и другие). В-пятых, образ светлого будущего, его мирозидательные установки предопределяют и объясняют использование определенных метафор контекстом военно-публицистического дискурса (метафоры родства, строительства, религии, дома и другие), что свидетельствует об их взаимообусловленности и взаимозависимости.

5. Заключение

Образ светлого будущего является одной из базовых ценностей военно-публицистического дискурса. Он интегрирует и модифицирует функции утопии и прогноза, перерабатывая их в соответствии со спецификой рассматриваемого формата дискурса и выбранного для анализа исторического периода. Как любой форме проективного знания образу светлого будущего в военно-публицистическом дискурсе свойственны следующие черты:

— его отражение и репрезентация в текстах анализируемого временного периода: образ светлого будущего является идеальной проекцией того общества и того исторического момента, в котором он возник, что обуславливает его востребованность обществом как формы сознания, выражающего альтернативность развития истории (прогностическая функция);

— значимость образа будущего для исторического момента, поскольку в нем аккумулируются идеалы, надежды и чаяния представителей не одного, а различных сообществ (моделирующая и конструктивная функции);

— связь с настоящим и отрицание последнего в случае моделирования образов войны и послевоенного мира, переформатирование настоящего и прошлого геополитического союзника в соответствии с представлением о его вероятном будущем (критическая функция);

⁴¹ Организация Народная Помощь Франции и Колоний в единстве с французским народом утверждают, что *союз с великой советской демократией позволит прийти*, как красиво сказал Габриэль Пери за несколько минут до смерти, *к идеальному будущему* (досл. «к завтрашним дням, которые поют»).

— незавершенность, когнитивная составляющая которой заключается в побуждении к дальнейшей рефлексии над будущим, а апеллятивная — в призыве к активным действиям, направленным на изменение существующего миропорядка и способным перенаправить развитие истории (провокативная функция);

— метафоричность и экспрессивность: создание системы образов, наиболее развернуто репрезентирующих идеальную альтернативу (визуализирующая функция).

С одной стороны, образы светлого будущего послевоенного мироустройства и СССР как геополитического союзника в британском, американском и французском военно-публицистических дискурсах способствовали целенаправленной реализации общих ориентиров в достижении единой цели — победы над фашизмом. С другой стороны, они являлись «сиюминутными» утопиями, порожденными конъюнктурой военного времени, потребовавшей союзничества столь разных систем идеологического и общественного мироустройства. Плодотворное сотрудничество Советского Союза в мире послевоенной геополитики с его бывшими соратниками по оружию осталось незавершенным проектом мировой истории, как и утопическая концепция «мира во всем мире».

© О.А. Солопова, М.С. Салтыкова 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 19-012-00192).

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The research done for this work has been funded by RFBR (project № 19-012-00192).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агеев А. И. Энергия будущего // Экономические стратегии. М.: ИНЭС, 2004. №8. С. 1—5. [Ageev, Aleksandr I. (2004). *Energiya budushchego*. (The Energy of the Future). In *Ekonomicheskie strategii*. Moscow: INES, 8, 1—5. (In Russ.)].
- Алешина Е.Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. М.: Прометей, 2015. 220 с. [Aleshina, Ekaterina Yu. (2015). *Publichnyi politicheskii diskurs konfliktnoi situatsii* (Public Political Discourse in Situations of Conflict). Moscow: Prometei. (In Russ.)].
- Асабина Т.Ю. Утопия в исторической перспективе // Труды Белор. гос. технич. ун-та. Сер. V. Политология, философия, история, филология. 2009. Вып. XVII. С. 104—106. [Asabina, Tatiana Yu. (2009). *Utopiya v istoricheskoi perspektive* (Utopia through history). In *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series “Politologiya, filosofiya, istoriya, filologiya”, 17, 104—106. (In Russ.)].
- Бачурин В.Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика / под ред. А.П. Чудинова. Екатеринбург, 2014. № 4 (50). С. 99—104. [Bachurin, Vadim D. (2014). *Manipulyativnye tekhnologii, primenyayemye SMI v sovremennom voenno-politicheskom diskurse* [Manipulative Technologies Used in Modern Military Media and Political Discourse by Mass Media]. In *Politicheskaya lingvistika*. In Chudinov, A.P. (ed.). Yekaterinburg, 4 (50), 99—104. (In Russ.)].

- Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев, А.М. Амагов. М.: Librokom, 2013. 344 с. [Dijk, Teun A. van. (2013). *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies]: transl. by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatov. Moscow, Librokom. (In Russ.)].
- Жданова С., Чудова И.А. Идеологии и утопии современного общества: визуальный анализ кинотекста // Современный дискурс-анализ. 2011. № 1 (4). С. 51—71. [Zhdanova, Sofia, Chudova, Irina A. (2011). *Ideologii i utopii sovremennogo obshchestva: vizual'nyi analiz kinoteksta* [Ideologies and Utopias of Modern Society: Image Analysis of the Film Construct]. In *Sovremennyyi diskurs-analiz*, 1 (4), 51—71. (In Russ.)].
- Ищенко Н.А. Военный дискурс и дискурсивное измерение войны // Культура народов Причерноморья. 2007. № 116. С. 22—24. [Ishchenko, Natalia A. (2007). *Voennyi diskurs i diskursivnoe izmerenie voyny* [Military Discourse and Discursive Measuring of War]. In *Kultura narodov Prichernomor'ya*, 116, 22—24. (In Russ.)].
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik, Vladimir I. (2002). *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Framework: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena. (In Russ.)].
- Немирова Н.В. Прецедентность политического прогнозирования в газетном дискурсе // Политическая лингвистика / под ред. А.П. Чудинова. Екатеринбург, 2015. № 3 (53). С. 148—155. [Nemirova, Natalia V. (2015). *Pretsedentnost' politicheskogo prognozirovaniya v gazetnom diskurse* [Precedential Character of Political Prediction in Newspaper Discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. In Chudinov, A.P. (ed.). Yekaterinburg, 3 (53), 148—155. (In Russ.)].
- Олянич А.В. Милитарный (военный) дискурс // Дискурс-Пи. Т. 12. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. № 2. С. 165—167. [Olyanich, Andrey V. (2015). *Militarnyyi (voennyi) diskurs* [Military Discourse]. In *Diskurs-Pi*, 12, 2, 165—167. (In Russ.)].
- Солопова О.А., Салтыкова М.С. Битва прошлого, битва за прошлое: «Курская Дуга» в военнопублицистическом дискурсе союзников // Взаимодействие языков и культур: мат-лы междунар. науч. конф. Челябинск: ЮУрГУ, Т. 1. 2018. С. 135—139. [Solopova, Olga and Saltykova, Maria (2018). *Bitva proshlogo, bitva za proshloe: "Kurskaya Duga" v voennopublitsisticheskom diskurse soyuznikov* (The Battle of the Past, the Battle for the Past: "Kursk Salient" in Military-Media Discourse of the Allies). In *Vzaimodeistvie yazykov i kul'tur*, 1, 135—139. (In Russ.)].
- Солопова О.А., Чудинов А.П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313—337. [Solopova, Olga and Chudinov, Anatoly (2018). *Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: from Victory Bells to Russia's V-Day*. In *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 313—337. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337>.
- Торфлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Е. Руднева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, И. Москвина-Тарханова, А. Микиша, А. Мирер, В. Кулагина-Ярцева, Н. Хмелик, Е. Комарова. М.: АСТ, 2013. 344 с. [Toffler, Alvin (2013). *Shok budushchego* [Future Shock] / transl. by E. Rudneva, L. Burmistrova, K. Burmistrov, I. Moskvina-Tarkhanova, A. Mikisha, A. Mirer, V. Kulagina-Yartseva, N. Khmelik, E. Komarova. Moscow: AST. (In Russ.)].
- Черткова Е. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71—81. [Chertkova, E. (1993). *Utopiya kak tip soznaniya* [Utopia as a Type of Conscience]. In *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 3, 71—81. (In Russ.)].
- Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 455 с. [Szacki, Ezhi (1990). *Utopiya i traditsiya* (Utopia and Traditions / Utopie + Tradycja: Przegląd Problematyki) / transl. by V.A. Chalikova. Moscow: Progress. (In Russ.)].

- Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. Вып. 4. С. 1055—1057. [Yusupova, Tatiana S. (2009). *Strukturnye osobennosti voennogo diskursa* (Structural Features of Military Discourse). In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 11, 4, 1055—1057. (In Russ.)].
- Ainsa, Fernando (1990). *Necesidad de la utopía*. Buenos-Aires y Montevideo: Tupac & Nordan.
- Bloch, Ernst (2000). *The spirit of Utopia*. California; Stanford: Stanford University Press.
- Chronicling America: The National Endowment for the Humanities and the Library of Congress // Internet Archive [official website]. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov> (mode of access: 25.09.2018).
- Dahrendorf, Ralf Gustav (1967). *Pfade aus Utopia: Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie*. München: Piper & Co. Verlag.
- Duran, Juan Guillermo (1972). *Literatura y utopía en Hispanoamérica*. N.Y.: Cornell University.
- Gavrieli-Nuri, Dalia. Mythic Metaphors and Cultural Codes In the Israeli Peace Discourse. In *Journal of Language and Politics*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2010, 3, 449—468. <https://doi.org/10.1075/jlp.9.3.06gav>.
- Gallica: la Bibliothèque nationale de France et de ses partenaires // [official website]. URL: <http://gallica.bnf.fr>. (mode of access: 25.09.2018).
- Lakoff, George. Metaphor and war: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. In *Peace Research*. Mantoba; Canadian Mennonite University: CMU Press, 1991, 23. 2 (3), 25—32.
- Lasky, Melvin (1976). *Utopia and revolution*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Masalha, Nur (2003). *The Politics of Denial: Israel and the Palestinian Refugee Problem*. London: Pluto Press. <https://doi.org/doi: 10.2307/j.ctt18dztmq>.
- Mollin, Sandra. The Use of Face-Threatening Acts in the Construction of In- and Out-Group Identities in British Parliamentary Debates. In *The Discursive Construction of Identities On- and Offline*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2018, 205—226. <https://doi.org/10.1075/dapsac.78.09mol>.
- Solopova, Olga A. Metaphor in Modeling the Future: The Best-Case Scenario (Based on Political Discourses of Russia, the USA and Great Britain, the 21st Century). In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2017, 46, 55—70. <https://doi.org/10.17223/19986645/46/5>.
- Solopova Olga A., Saltykova, Maria S., Voroshilova, Maria B. (2018). Internet Archiving: The Use in Discourse Studies. In *NORDSCI Proceedings*, 301—309. <https://doi.org/10.32008/NORDSCI2018/B1/V1/1>.
- Starr, Harvey, Dubinsky, Stanley (2015). *The Israeli Conflict System: Analytic Approaches*. In *Routledge Studies in Middle Eastern Politics*. London / New York: Routledge.
- The British Newspaper Archive // Internet Archive [official website]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (mode of access: 25.09.2018).
- Tillich, Paul (1973). Critique and Justification of Utopia. In *Utopias and Utopian Thought*. Eds. by Frank Edward Manuel. London: Souvenir Press, 296—309.

Article history:

Received: 16 January 2019

Revised: 01 March 2019

Accepted: 17 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 января 2019

Дата принятия к печати: 17 марта 2019

Bionotes:

OLGA A. SOLOPOVA is Ph.D. (Advanced Doctorate) in Philology, Professor at the Institute of Linguistics and International Communications of the South Ural State University (National Research University). Her research interests include linguistic political prognostics, discourse analysis and diachronic political metaphor studies.

Contact information: e-mail: o-solopova@bk.ru.

MARIA S. SALTUKOVA is Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Institute of Linguistics and International Communications of the South Ural State University (National Research University). Her research interests include discourse analysis, media discourse and linguistic political prognostics.

Contact information: e-mail: marie-s@mail.ru.

Сведения об авторах:

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СОЛОПОВА — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций, ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет). *Сфера научных интересов:* лингвополитическая прогностика, дискурсология, диахроническая политическая метафорология.

Контактная информация: e-mail: o-solopova@bk.ru

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА САЛТЫКОВА — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций, ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет). *Сфера научных интересов:* дискурсология, медийный дискурс, лингвополитическая прогностика.

Контактная информация: e-mail: marie-s@mail.ru.

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-784-801

Research Article

Mediatization of Culture in the Discourse of Modern Kazakh Media

D.O. Baigozhina¹, N.I. Klushina², S.Sh. Takhan³¹Eurasian National University n.a. L.N. Gumilyov
2, Satpaeva str., 010000 Astana, Kazakhstan²Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
9, Mohovaja str., 125009 Moscow, Russia³Eurasian National University n.a. L.N. Gumilyov
2, Satpaeva str., 010000 Astana, Kazakhstan

Abstract

The concept of mediatization in modern social sciences leads to a new understanding of the role of media in society and culture. Within the framework of this concept, media appears not as an intermediary between society, its culture and socially significant information, but as a structural element of society and culture itself (T. Adorno, M. Castells, N. Couldry, S. Hjarvard, F. Krotz, S. Livingstone, W. Lippmann, N. Luhmann, M. McLuhan, P. Lazarsfeld, R. Merton, K. Popper, S. Zizek). The relevance of our study is due to the urgent need to investigate the effects of mediatization associated with its increasingly global nature. We hypothesise that in the process of mediatization of culture in the space of any national media discourse a new type of culture is created — media culture. The aim of this study is to show the formation of media culture on the example of the Russian language media discourse in Kazakhstan. The research is based on the linguistic concept of precedence (Yu.N. Karaulov, V.G. Kostomarov, D.B. Gudkov, V.V. Krasnykh) and the modern understanding of the typology of culture in Russian philosophy (N.B. Kirillova, V.V. Mironov and etc.). The study pursues the following goals: to identify precedent phenomena, which we define as minimized texts of culture, in the headers of the most widely circulated Russian language publications in Kazakhstan; to analyse precedentonyms associated with the classical (elitist) or mass culture; to consider phraseological units as markers of popular culture. On the basis of the analysis of precedents and phraseological units used in the dominant positions of the Russian language media discourse in Kazakhstan, we conclude that media culture is formed in the process of mediatization of elite, mass and folk culture through precedents and phraseological units. Media culture is a special, integral type of modern culture that combines elements of all types of cultures (elite, mass and folk) and is replicated through mass media in society. It consolidates society on the basis of general media knowledge.

Keywords: *mediatization, media discourse, Kazakhstan media, media culture, precedent phenomena, phraseological units, culture codes*

For citation:

Baigozhina, Dana O., Natalia I. Klushina and Serik Sh. Takhan. (2019) Mediatization of Culture in the Discourse of Modern Kazakh Media. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 784—801. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-784-801.

Медиатизация культуры в дискурсе современных казахстанских медиа

Д.О. Байгожина¹, Н.И. Клушина², С.Ш. Тахан³

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
010000, Казахстан, Астана, ул. Сапиева, 2

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, д. 9, Москва, 125009, Россия

³Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
010000, Казахстан, Астана, ул. Сапиева, 2

Аннотация

Концепция медиатизации в современной науке приводит к новому пониманию роли медиа в обществе и в культуре. Медиа предстают в рамках данной концепции не как посредник между обществом, его культурой и социально значимой информацией, а как структурный элемент самого общества и культуры (Т. Adorno, М. Castells, N. Couldry, S. Hjarvard, F. Krotz, S. Livingstone, W. Lippmann, N. Luhmann, М. McLuhan, P. Lazarsfeld, R. Merton, K. Popper, S. Zizek). Актуальность нашего исследования обусловлена назревшей необходимостью изучить эффекты медиатизации, связанные с ее все более глобальным характером. В процессе медиатизации культуры в пространстве любого национального медиадискурса создается новый тип культуры — медиакультура. Цель исследования — показать на примере русскоязычного медиадискурса Казахстана, как происходит формирование медиакультуры. Исследование базируется на отечественной лингвистической концепции прецедентности (Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др.) и на современном филологическом понимании в российской науке типологии культуры (Н.Б. Кириллова, В.В. Миронов и др.). В исследовании ставились задачи: выявить в заголовочных комплексах наиболее тиражных русскоязычных изданий Казахстана прецедентные феномены, которые нами понимаются как свернутые тексты культуры; проанализировать прецедентные онимы с точки зрения их апелляции к классической (элитарной) или массовой культуре; рассмотреть фразеологизмы как маркеры народной культуры. По результатам анализа делается вывод о том, что медиакультура формируется в процессе медиатизации элитарной, массовой и народной культуры посредством прецедентов и фразеологизмов. Она представляет собой особый, интегральный тип современной культуры, совмещающей в себе элементы всех типов культур (элитарной, массовой и народной) и тиражирующейся через СМИ в общество, и выполняет важную функцию консолидации социума на основе общего медийного знания.

Ключевые слова: медиатизация, медиадискурс, казахстанские СМИ, медиакультура, прецедентные феномены, коды культуры

Для цитирования

Байгожина Д.О., Клушина Н.И., Тахан С.Ш. Медиатизация культуры в дискурсе современных казахстанских медиа // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 784—801. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-784-801.

1. Введение

В современной лингвистике произошло несколько кардинальных поворотов, связанных с обновлением теоретической и методологической базы исследований (повороты когнитивный, коммуникативно-прагматический, дискурсологический), а также «медийный поворот» (Ст. Гайда), связанный с выдвиганием в центр лингвистических наблюдений такого объекта, как язык в медиа, в том числе в циф-

ровых медиа и в интернете. До настоящего времени исследования языка СМИ проводились в рамках функциональной стилистики, язык СМИ описывался как публицистический (газетно-публицистический) функциональный стиль — один из 5 стилей русского литературного языка, наравне с официально-деловым, научным, разговорным и литературно-художественным функциональными стилями. В рамках функциональной стилистики была описана структура публицистического стиля, выявлены два его подстиля — собственно-публицистический и информационный, сформирована типология публицистических и информационных жанров. В начале XXI века с изменением экстралингвистических условий формирования стилей литературного языка (возникновение интернета и цифровизация общественной деятельности) и выдвиганием языка СМИ в центр исследований функциональной стилистики (вместо языка художественной литературы) возникает острая необходимость в обновлении и создании новых методологических принципов и понятийного аппарата для понимания языковых процессов, вызванных технологическими причинами. Таким образом, медийный поворот в лингвистике стал импульсом к формированию новых научных областей — медиалингвистики (Добросклонская 2008 и др.), медиастилистики (Клушина 2018 и др.), интернет-лингвистики (Тошович 2015 и др.). Данные научные дисциплины находятся в соотношении части и целого: интернет-стилистика является активно развивающейся областью медиастилистики, а медиастилистика, в свою очередь, в значительной мере входит в состав медиалингвистики, но не совпадает с ней, поскольку опирается на категориальный аппарат и методологию общей теории стилистики и репрезентирует ее закономерное развитие в информационную эпоху.

Именно медийным поворотом обусловлена актуальность нашего исследования, которое посвящено изучению медиатизации как важнейшего стилистического процесса, влияющего на формирование и функционирование не только любого национального медиадискурса, но и глобального дискурса медиа.

Цель исследования — показать на примере казахстанских СМИ, как в процессе медиатизации культуры формируется новый тип культуры, а именно медиакультура, составляющая «матрицу культуры» (Шеченко 2018) в современном медиатизированном социуме. Новизна и теоретическая значимость исследования обусловлены новым, стилистическим подходом к пониманию процесса медиатизации. Медиатизация культуры с точки зрения стилистики — это «создание зон пересечения медиа и культуры» (Клушина 2018), т.е. создание особого субдискурса культуры, в котором интегрируются разные типы культуры — культура традиционная, элитарная и массовая.

2. Материал, методология и методы исследования

Эмпирической базой для исследования послужили медиатексты русскоязычных СМИ Казахстана. Для анализа нами были выбраны заголовочные комплексы статей, поскольку заголовки являются сильными позициями текста и оказывают непосредственное влияние на восприятие читателя. Современный читатель в поставленном медиа информационном потоке ориентируется по заголовкам и часто

составляет себе информационную картину дня исключительно по заголовочным комплексам, совокупность которых формирует у адресата фоновые медийные знания, вполне достаточные в условиях стремительного обновления информации для понимания происходящего в стране и мире. Поэтому именно заголовки представляют собой ключевые тематические и экспрессивные доминанты, организующие медиадискурс, и воспринимаются как самостоятельный субдискурс. Необходимо также учитывать, что с возникновением цифровых технологий функции заголовков меняются: заголовки часто утрачивают связь с репрезентируемыми ими медиатекстами и получают самостоятельную роль в интернет-коммуникации в качестве заголовков-анонсов, которые читатель разворачивает в текст, кликая на них только при желании узнать детали сообщения или из-за любопытства. Отсюда возникает проблема кликбейта и утраты традиционной связи заголовка с медиатекстом. В условиях конкурентности медиа и их медийных продуктов (медиатекстов) заголовочная политика изданий сближается с маркетинговыми стратегиями, и поэтому сегодня заголовки рассматриваются как элемент продвигающих и продающих коммуникаций (пиар и рекламы). Нередко заголовок дает не автор-журналист, а редактор или специальный отдел в редакции, поэтому современный заголовок часто не учитывает авторскую интенцию и начинает выполнять особую прагматическую функцию (в дополнение к традиционным стилистическим функциям). Все сказанное позволяет нам рассматривать заголовки как самостоятельные тексты, организованные в заголовочный субдискурс медиадискурса, они активно участвуют в формировании матрицы медиакультуры, репрезентируемой в СМИ.

Нами проанализированы прецедентные феномены и фразеологизмы, включенные в заголовочные комплексы медиатекстов разных жанров, но объединенные общей темой — темой культуры. Материалом послужили те СМИ, которые в трехчастной типологической структуре медиа (качественные, массовые и желтые издания) обозначаются как массовые СМИ. Именно в данном типе медиа распространен «культурный» контент, который практически не релевантен для нишевых и специализированных изданий (например, в области экономической, научной, RT- и IT-журналистики и т.п.). Ориентация на максимально широкую аудиторию данного типа изданий способна обеспечить наибольший (в количественном измерении) прагматический эффект.

Для сбора эмпирического материала, таким образом, были выбраны наиболее популярных и тиражных русскоязычных СМИ Казахстана (газеты «Экспресс К», «Казахстанская правда», «Айкын», «Курсивъ» и др.) за 2017—2018 г. Дадим краткую характеристику анализируемых изданий:

1. «Айкын». Это республиканская общественно-политическая газета. Выпускается 4 раза в неделю. Она в информационную повестку включает темы политики, экономики, общественной жизни, спорта, культуры и т.п. Территория распространения: Республика Казахстан. Тираж 40 000. Ежедневный тираж 160 000.

2. «Экспресс К». Ежедневная общественно-политическая республиканская газета Казахстана. Круг читателей — активная, деловая часть населения. Бумажная

версия «Экспресс К» выходит пять раз в неделю (вт., ср., чт., пт., сб.). Интернет-версия обновляется круглосуточно. Газета в информационную повестку включает темы и рубрики: социум (экспертиза, человеческий фактор, окражающая среда, острый угол, на местах, диалог, помощь), происшествия (розыск, ЧС, сводка, фемиды), жизнь (здоровье, праздник, профессия, экскурсия, образование, увлечение, фауна, память), мир (горячая точка, происшествия, политэкономия), политика (президент, форум, визит, ведомство), экономика (ресурсы, промышленность, сельское хозяйство, строительство и транспорт, финансы и рынки, бизнес), культура (кино, литература, музыка, шоу-бизнес, мода, экспозиция, сцена), спорт (вокруг спорта, репортаж, чемпионат, новости), наука (открытия, исследование, неизведанное, технологии, космос). Тираж: еженедельный — 51 505.

3. «Литер». Ежедневная республиканская общественно-политическая газета. Основные рубрики: политика, общество, экономика, спорт, культура, наше государство, актуальное. Тираж ежедневно: 30 000 экз. Распространение: по всей территории Республики Казахстан по подписке и в розницу. Периодичность: 4 раза в неделю (вторник, среда, пятница, суббота).

4. «Казахстанская Правда». Общенациональная ежедневная газета, главный источник официальной и деловой информации в республике. Тираж 100 тысяч экземпляров. Основные рубрики: Президент, политика, экономика, происшествия, общество, технологии, культура, спорт, мир.

5. «Комсомольская правда. Казахстан». Республиканская общественно-политическая газета. Выходит как республиканская вкладка в российскую газету «Комсомольская правда». Тираж газеты: 450 000 экземпляров в месяц, периодичность: вторник, четверг, пятница. Электронные подписчики на e-mail, которые получают газету в формате PDF, — более 65 000 человек по всему Казахстану, и с каждым днем эта цифра увеличивается. Контент: на страницах газеты освещаются политические и экономические события в стране и за рубежом, культурная и спортивная жизнь республики, поднимаются актуальные проблемы и вопросы, социально-значимые темы. Основные рубрики: политика, экономика, общество, история, культура, красота/здоровье, спорт, афиша. Распространяется во всех областях РК.

6. «Курсивъ». Республиканский деловой еженедельник для экономически активного населения Казахстана. Тираж: 12 500 экземпляров. Рубрики: политика, экономика, власть и бизнес, финансы, компании и рынки, общество, авто, культура и стиль, тенденции и исследования.

Как видим, выбор изданий обусловлен следующими экстралингвистическими факторами: высокая тиражность, широкий охват целевой аудитории, тематическая специфика, география распространения и др. Данные издания, таким образом, являются массовыми, включают специальные тематические рубрики, в которых публикуются материалы, репрезентирующие культурные события страны, и охватывают все регионы Казахстана. Это позволяет говорить о том, что медиатизация культуры, происходящая посредством данных СМИ и формирующая в них особый субдискурс культуры, будет транслирована практически на всю аудиторию страны и поддерживать в казахском обществе традиционные и новые культурные коды.

Методом сплошной выборки была создана база данных, включающая примеры употребления в медиатекстах прецедентных феноменов (в частности, прецедентных онимов) и фразеологизмов, которые мы рассматриваем как вербальную репрезентацию современных культурных кодов. Эмпирическая база составила около 500 примеров, что позволяет говорить о репрезентативности и достоверности нашего исследования. Прецедентные феномены не только апеллируют к текстам культуры, но и сами по себе являются свернутыми текстами культуры. Реализуясь в медиадискурсе в свернутом (можно даже сказать, закодированном) виде, данные феномены выполняют важную просветительскую и культууроформирующую функцию инкорпорирования в общественное сознание символов высокой культуры. Фразеологизмы мы включили в эмпирическую базу исследования в качестве маркеров традиционной народной культуры, выполняющих в медиадискурсе ту же функцию, что и прецедентные феномены.

Нами была разработана методология анализа, релевантная целям и задачам проводимого исследования. Методология реализуется посредством следующего алгоритма последовательных шагов анализа:

1) опираясь на стратификацию современной культуры (Н.Б. Кириллова, В.В. Миронов, С.Г. Тер-Минасова и др.), в которой различается культура элитарная, традиционная и массовая, мы выделяем в исследуемых медиатекстах маркеры данных типов культуры — прецедентные феномены и фразеологизмы;

2) соотносим выявленные прецеденты и фразеологизмы с каждым типом культуры;

3) выделенные маркеры культуры классифицируем также в соответствии с их укорененностью в национальной культуре (казахской), русской культуре и мировой культуре, поскольку русскоязычный медиадискурс Казахстана отражает его полилингвальную культуру (отметим, что современная языковая политика Казахстана заключается в формировании трехязычной языковой личности, владеющей казахским, русским и английским языками).

4) рассматриваем инкорпорирование в казахстанский медиадискурс выделенных нами культурных кодов и их взаимодействие.

В проведенном нами исследовании мы использовали стилистический метод контекстуального анализа и метод интерпретационного анализа для декодирования культурных кодов в медиатексте, с учетом экстралингвистических факторов. Также мы применяли метод стилистического толкования выбора вербального маркера культуры с функцией экспрессивизации медиатекста. В исследовании также были использованы элементы прагматилистического метода (для понимания и объяснения перлокутивного эффекта) и лингвокультурологического метода анализа прецедентности и интертекстуальности в медиатекстах.

3. Концепция медиатизации

Медиатизация различных сфер общественной жизни (политики, культуры, экономики, науки и др.) — новое исследовательское направление в медиастилистике, которое по-новому формулирует вопросы, касающиеся влияния средств массовой информации на культуру и общество. В исследованиях по функциональ-

ной стилистике данная проблема не затрагивалась. В рамках функциональной стилистики обсуждались вопросы вовлечения в публицистический стиль различных элементов других стилей как особенность данного незамкнутого стиля на фоне закрытых стилей русского языка (например, официально-делового). Впервые стилистическая роль медиатизации и сама медиатизация как стилистический феномен была освещена в монографическом исследовании «Медиастилистика» (Клушина 2018), которое является первой попыткой конституирования новой лингвистической области, возникшей как результат медийного поворота в лингвистике. «*Медиатизация* — это придание публичности различным сторонам социальной деятельности и вовлечение их в сферу общественных дискуссий, что может повлечь за собой широкий резонанс и, в конечном итоге, важнейшие изменения в общественной жизни и в общественном сознании. Медиатизация общественной жизни — важнейшая социальная функция современных СМИ. Вовлекая в свое пространство другие дискурсы и преобразуя их соотносительно собственных законов, медиадискурс тем самым способен описать все многообразие мира, сделать знание не столько «общеизвестным», как это считают некоторые исследователи медиадискурса, сколько *общим*, консолидирующим национальные социумы и макклюзновскую «глобальную деревню». Медиатизация обладает и стилистической значимостью. Зоны пересечения медиадискурса с другими институциональными дискурсами создают уникальную стилистическую ситуацию: в пространстве медиадискурса сосуществуют контексты из различных сфер деятельности. Но все эти контексты не просто сосуществуют как фрагменты внешнего мира — в едином пространстве медиадискурса фрагментарность внешней жизни преобразуется в целостный медиамир, в котором различные контексты призваны усиливать его достоверность, его реальность» (Клушина 2018).

Таким образом, концепция медиатизации оказалась необходимой и востребованной для понимания того, как посредством медиа вовлекаются в общественную жизнь различные институциональные сферы (политика, бизнес, культура, религия и др.), как они репрезентируются средствами массовой информации и — в конце концов — влияют на общественное сознание и нашу реальность. Например, освещение новостей во время предвыборной кампании оказывает влияние на политические взгляды людей; реклама влияет на потребительские предпочтения покупателей; рассказы о культурных событиях выполняют просветительскую функцию и сохраняют в социуме культурные коды.

Данная новая концепция имеет не только важное стилистическое значение, но и значение социальное. Медиатизация всех сторон общественной жизни, наступившая с развитием цифровых технологий, свидетельствует о том, что медиа перестали быть просто посредником в распространении информации (в концепциях Г. Макклюзна, Н. Лумана и др.). Медиа стали средой обитания, повседневностью для цифрового человека, который погружен в эту среду, влияет на нее и зависим от нее. Концепция медиатизации как раз и помогает выявить подобное влияние медиа на индивидуум и социум и обратное влияние человека на медиа и медиасреду. Результатом данного взаимодействия становится формирование

и развитие нового, медиатизированного бытия человека. Социум приспособляется к законам медиа, но и сами медиа преобразуются под воздействием общественных законов.

Таким образом, медиатизация связана с изменением понимания роли медиа в структуре общественной жизни. Это не означает, что традиционные вопросы, связанные с использованием медиа в качестве «передатчика» (медиума), уже не актуальны. Но это означает, что понимание важности средств массовой информации в современной культуре и обществе больше не может опираться на те объяснительные модели, которые предполагают, что средства массовой информации отделены от культуры и общества и что они обеспечивают только процесс посредничества («месседж», по Г. Макклюэну). Средства массовой информации — это не просто технологии, которые организации или отдельные лица могут использовать или не использовать по своему усмотрению. Наличие средств массовой информации стало структурным условием для социальных и культурных практик, как в культурной сфере, так и в обществе в целом (Ливингстон, 2009). Средства массовой информации являются одновременно частью самой социальной и культурной сферы. Они представляет собой общую арену общественного обсуждения. Поэтому в современной медиалогии медиатизацию рассматривают как макросоциальный процесс (наравне с глобализацией), поскольку ее влияние отражается на развитии общества в целом (Дж. Маццолени). Медиатизация — это процесс, в котором социальные институты (не связанные со СМИ) должны адаптироваться к медийной логике, к медийным целям и ограничениям (Дж. Маццолени, В. Шульц, С. Хьярвард).

Таким образом, в нашем исследовании феномен медиатизации необходим для раскрытия механизма формирования медиакультуры в СМИ и посредством СМИ. Медиатизация для решения поставленных нами научных задач используется в двух аспектах: стилистическом (как способ формирования медиакультуры в медиадискурсе с помощью включения в него текстов и вербальных символов разных типов культур) и в социальном (как особый процесс институализации медиа и превращения медиа из посредника, канала связи между социальными сферами в самостоятельный институт, выполняющий консолидирующую, адаптирующую и собственно формирующую функции для развития общества в цифровую эпоху.

В своем исследовании мы рассматриваем частный аспект медиатизации — медиатизацию культуры в казахстанских СМИ.

4. Прецедентность как маркер медиатизации культуры

Медиатизация культуры создает в рамках медиадискурса особый субдискурс, который мы условно называем *культурный медиадискурс* (Клушина, 2018). Его роль — сохранение национальной и всемирной культурной традиции в современном информационном обществе, трансляция культуры на широкую национальную (прежде всего) аудиторию, инкорпорирование мирового опыта в национальную картину мира, формируемую медиа, и — в итоге — укоренение ее в массовом

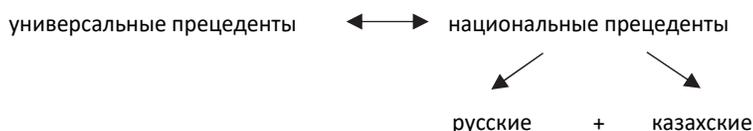
сознании для консолидации социума и его просвещения. Мы опираемся на понимание современными философами (Кириллова 2006, Миронов 2008 и др.) неоднородности культуры, в которой различают элитарную/высокую культуру, народную/традиционную культуру и культуру массовую (поп-культуру, масскульт). Эта типология культуры базируется в том числе и на семантике культуры: народная культура сохраняет традицию (сказки, предания, пословицы, фразеологизмы), элитарная культура производит новые смыслы, а массовая культура тавтологична (она лишь тиражирует образы народной и элитарной культуры).

Медиатизация культуры происходит через прецедентные культурные феномены и фразеологию, которые, попадая в медиа, становятся свернутыми текстами культуры и узловыми точками в картине мира и в формируемом медиа массовом сознании. Особенности трансформации массового сознания под воздействием медиадискурса и возможность выделения особого типа — массмедийного сознания описаны в монографии «Медиастилистика»: «Мы осмелимся утверждать, что медиа не манипулируют массовым сознанием, а формируют свой, особый тип сознания — *медийное*, которое становится основой массового сознания. В доинформационную эпоху человек получал информацию из разных источников — из книг, фильмов, путешествий, из взаимодействия и общения с другими людьми, т.е. опытным, а не виртуальным путем. Добытую информацию необходимо было осмыслить и отрефлексировать. Таким образом у человека вырабатывалась привычка к личному осознанию внешнего мира и набирался багаж из собственных переживаний. Индивидуальный опыт (чувственный и интеллектуальный) доставался с трудом и являлся основой индивидуальности. В информационном обществе медиа, как и любые достижения технического прогресса, облегчают труд (в данном случае — именно интеллектуальный) и заменяют личную рефлекссию на полуфабрикаты готовых интерпретаций. Поэтому мы говорим о сращивании медийного сознания с массовым. Массовое сознание отказывается от личного, индивидуального опыта в пользу тривиального, тиражируемого, массового» (Клушина 2018: 84). Таким образом, через репрезентацию прецедентных феноменов и фразеологизмов и других культурных кодов в СМИ человек информационной эпохи приобщается к высокой и к традиционной культуре, включает их в когнитивную сферу своей личности.

В данном параграфе нашей статьи мы исследуем медиатизацию культуры через прецедентные феномены в современном казахстанском медиадискурсе с целью выявления особенностей и проблематики культурного казахстанского медиадискурса, который оказывает сильное воздействие на массовое сознание медийной аудитории Казахстана. В своем исследовании мы опираемся на концепцию прецедентности, разработанную Ю.Н. Карауловым, В.Г. Костомаровым, Д.Б. Гудковым, В.В. Красных и др. В казахской лингвистике над прецедентными феноменами работали исследователи Т. Коньров, Г.Б. Мадиева, Е. Керимбаев, Г.Х. Ихсангалиева, Н.Уали и др.

Прецедентные феномены дифференцируются на прецедентные онимы, прецедентные тексты, прецедентные ситуации/ события, прецедентные высказывания

(В.В. Красных, 2003). Различаются универсальные и национальные прецедентные феномены (В.В. Красных, 2003). Мы исследуем прецеденты, которые представляют в медиадискурсе русскоязычных СМИ Казахстана феномены культуры, как глобальной, так и национальной. Спецификой казахстанского медиадискурса является тот факт, что в нем отражаются универсальные прецедентные феномены (относящиеся к мировой культуре), и национальные, которые, в связи с историческим семидесятилетним сосуществованием в границах единого государства СССР, репрезентируют апелляцию к двум национальным лингвокультурам — русской и казахской. Таким образом, первый вектор классификации и изучения прецедентных культурных феноменов связан с осью *универсальности — национальной специфичности*

Второй вектор изучения связан с различием в современной культуре элитарной культуры и массовой. Отсюда мы группируем отдельно прецедентные феномены, инкорпорирующие в медиадискурс элементы элитарной/классической культуры и элементы массовой/поп-культуры.

Рассмотрим примеры прецедентных феноменов, циркулирующих в русскоязычном медиадискурсе Казахстана.

Мы выделяем три типа прецедентов.

♦ **Универсальные прецедентные феномены**, к которым относим прецеденты классической мировой культуры, известные всему мировому сообществу:

- (1) *«Казахский Моцарт»* (про молодого казахстанского музыканта Рахат-Би-Абдысагин, который покорила мир);
- (2) *Казахстанскую Мадонну оценили в Париже* (о казахстанке Светлане Мелик-Нубаровой, которая получила приглашение участвовать в престижном Международном конкурсе фотографов в Париже. Ее оригинальные работы, воспевающие материнство, вызвали огромный интерес у европейских экспертов и критиков);
- (3) *Казахский Пикассо* (о казахском художнике Салихитдине Айтбаеве, который был ярким представителем шестидесятников. Искусствоведы не без оснований прозвали его казахстанским Пикассо. В его творчестве легко прослеживаются мотивы работ испанского и французского художника, но с казахским национальным колоритом — таков уникальный, узнаваемый стиль знаменитого казахстанца);
- (4) *Возьмите Моцарта с собой...* (Моцарт — австрийский композитор и музыкант-виртуоз. Один из самых популярных классических композиторов, Моцарт оказал большое влияние на мировую музыкальную культуру);
- (5) *Под звуки скрипки Страдивари* (Страдивари — мастер струнных инструментов, ученик Николо Амати) и др.

Универсальные прецеденты, апеллирующие к высокой культуре в русскоязычном медиадискурсе Казахстана используются в доминантных позициях

дискурса (в заголовочных комплексах) и не только привлекают внимание адресата, но и формируют в общественном сознании устойчивые связи с мировой классикой (живопись, музыка, литература и т.п.), тем самым включая казахского читателя в мировой культурный процесс.

Особо следует отметить умелую корреляцию мировой культуры с казахстанской через устойчивую и частотную модель: *казахстанский/-ая* + *оним*, репрезентирующий классический прецедентный феномен (см. примеры (1)—(3)).

♦ **Национальные прецедентные феномены** (принадлежащие как к русской лингвокультуре, так и казахской)

Русские:

- (6) *Средь шумного бала: первая скрипка* — об особенностях работы в оркестре;
- (7) *Он памятник себе воздвиг...*;
- (8) *Чеховские посиделки*;
- (9) *И смех, и слезы, и кино*;
- (10) *Герои нашего времени* и др.

Казахские:

- (11) *«Золотой человек» шагает по планете* (Золотой человек — это Алтын адам, сакский воин. Воин, облаченный в золотой костюм с албыми вставками и высокий конусообразный шлем, стал государственным символом страны, саки жили в V—VI веке);
- (12) *Культегин в столице* (Культегин — политический и военный деятель Второго тюркского каганата, соправитель Бильге-кагана, сын Кутлуг-Эльтериш-кагана, жил в конце VII — первой половине VIII в.в., история казахов);
- (13) *По следам Коркыта* (Коркыт — легендарный тюркский поэт-песенник и композитор IX века, выходец из степей вдоль реки Сыр-Дарья);
- (14) *Коркыт и мелодии Великой степи*;
- (15) *От Балкан до Великой степи* (Балканы — Балканский полуостров, расположен на юго-востоке Европы. Великая степь — земля казахов);
- (16) *«Акбаян» в Эдинбурге* («Акбаян» — спектакль по мотивам лиро-эпической драмы казахского народного писателя Габита Мусрепова «Козы Корпеш — Баян Сулу») и др.

Как показывают наши примеры, в казахстанском медиадискурсе тесно переплетаются элементы русской классической культуры и казахской. Русские прецедентные феномены в основном принадлежат классической литературе, являющейся обязательной для изучения в школах, этим можно объяснить частотность их включения в заголовки статей, к тому же они не требуют декодирования.

Феномены казахстанской национальной классической культуры также составляют ядро прецедентности в русскоязычном медиадискурсе страны и выполняют просветительские функции в национальной лингвокультуре.

♦ **Прецеденты массовой культуры**, которые апеллируют к онимам глобализированной поп-культуры:

- (17) *Козы-Корпеш и Мэрилин Монро* (Козы-Корпеш — казахская лиро-эпическая поэма XIII—XIV веков, записана в середине XIX века, Мэрилин Монро американская киноактриса, секс-символ 1950-х годов, певица и модель);
- (18) *Малефисента великой степи* (Малефисента — современный фильм, в главной роли Анджелина Джоли, великая степь — степь, где кочевали казахи);

- (19) *Казахстанский Гарри Поттер мечтает стать проводником* («Гарри Поттер» — современный фильм по роману английской писательницы Джоан Роулинг, 11-летний Жалгас Нурлыбек, победивший тяжелую болезнь, на фотосессии любил быть Гарри Поттером).

Данные примеры демонстрируют отмеченную при использовании прецедентов классической культуры тенденцию к корреляции онимов массовой культуры с казахскими кодами культуры, что способствует инкорпорированию в медиадискурс Казахстана элементов глобальной поп-культуры и погружению их в национальный контекст.

В рассматриваемом нами процессе медиатизации массовой культуры необходимо выделить в качестве самостоятельного сегмент медиадискурса, который включает в себя прецедентные высказывания российской поп-культуры, наиболее частотными из которых являются прецеденты из песен российской эстрады. Например:

- (20) *Какой портрет, какой «Алаш»* («Какой портрет, какой пейзаж» взято из эстрадной песни, Алаш — существовавшее в годы Гражданской войны самопровозглашенное казахское государство, под управлением правительства «Алаш-Орды»);
(21) *Какой портрет, какой визаж;*
(22) *Мы поедем, мы помчимся!*
(23) *Старая сказка о главном;*
(24) *Миллион Алле роз!*
(25) *Их ирония судьбы и др.*

Также особый пласт прецедентных феноменов казахстанского медиадискурса сформирован прецедентами-советизмами, т.е. кодами советской культуры, которую с позиций сегодняшнего дня можно рассматривать как особую диффузную область между высокой/ элитарной культурой и поп-культурой, поскольку советская культура зачастую апеллирует к высоким смыслам (особенно, в той части культуры, которая описывает героиню Великой Отечественной войны). Например:

- (26) *В их сердцах набат: Сталинград! Сталинград!;*
(27) *Ничто не забыто, никто не забыт;*
(28) *Как закалялся стиль;*
(29) *В огне брода нет;*
(30) *А вазы я попрошу остаться* («А вас я попрошу остаться» — взято из фильма «Семнадцать мгновений весны»);
(31) *Сильные духом и др.*

Таким образом, наше исследование показывает, что в казахстанском субдискурсе культуры наиболее частотны прецеденты, обеспечивающие связь с общемировым культурным достоянием (*Вход к да Винчи свободный; Ромео и вендетта; От Шекспира до колдовства; Казахский Моцарт* и др.), с народной культурой (*Коркыт и мелодии Великой степи* и др.), а также с русской культурой (*Он памятник себе воздвиг...; Чеховские посиделки* и др.).

Общемировые и русские прецеденты высокой культуры, транслируемые через СМИ, выполняют важную просветительскую функцию в современном казахстанском обществе. Прецеденты национальной культуры сохраняют народную тради-

цию и национальную специфику медиадискурса и картины мира в целом. Прецеденты массовой культуры выполняют функцию консолидации социума, включения его в глобальный контекст, но при этом теряется просветительская функция медиадискурса культуры.

5. Фразеологизмы и их роль в медиатизации народной культуры

Современные исследователи прецедентные феномены понимают довольно широко, относя к ним в том числе и фразеологию (на основании ее воспроизводимости и устойчивости). Таким образом, в российской научной традиции сосуществуют 2 точки зрения на прецедентность. В узком понимании к прецедентным феноменам относят только имена, высказывания, тексты и ситуации, в широком — к ним добавляется и фразеология.

Медиатизация фразеологизмов выполняет важную функцию сохранения народной мудрости и народных образов в массовом сознании. Казахстанский русскоязычный медиадискурс демонстрирует сильную тенденцию к использованию фразеологизмов в доминантных позициях. Причем фразеологизмы используются как в полной, так и в усеченной форме, например:

- (32) *Поматросил и бросил;*
- (33) *Не в свои сани;*
- (34) *Гора с плеч;*
- (35) *Быка за рога;*
- (36) *Век живи, век учишь!* и др.

Но наиболее частотны трансформированные фразеологизмы в функции языковой игры, например:

- (37) *Пух и крах;*
- (38) *Погром среди ясного неба;*
- (39) *Старый дракон борозды не портит;*
- (40) *Береги жесть смолоду;*
- (41) *Ума нет, считай — коллега;*
- (42) *Арт костей не ломит;*
- (43) *Как сюр в масле* и др.

Наше исследование показывает, что фразеологизмы, встречающиеся в русскоязычных СМИ Казахстана, связаны прежде всего с русской народной культурой, что опять-таки отражает тесную связь казахской и русской культур, продиктованную экстралингвистическими факторами — общее советское прошлое. Этим же фактором объясняется частотное использование в русскоязычных СМИ Казахстана кодов и символов (в том числе трансформированных) русских народных сказок (напр., «Жили-были 3 невестки» и т.п.).

Подчеркнем, что фразеологизмы и другие коды народной культуры часто используются в заголовочных комплексах, поскольку несут экспрессивно-стилистическую информацию, помимо информации семантической, и тем самым они организуют пространство медиадискурса, закрепляются в массовом сознании социума, сохраняя связь с русской и мировой культурой.

6. Выводы

Мы выявили в современной медиакультуре казахстанских СМИ использование в доминантных позициях медиадискурса прецедентов и фразеологизмов, репрезентирующих коды высокой классической культуры (универсальной классической культуры, национальной русской культуры, национальной казахской культуры), коды массовой культуры и коды культуры народной. Наше исследование медиатизации культуры позволяет сделать выводы о том, что медиа не просто транслируют коды классической, народной или массовой культуры, но и создают особый тип культуры — медиакультуру, которая переплавляет в себе различные коды и символы в единый медийный вариант современной культуры. Это позволяет говорить о медиакультуре как сложном феномене, кумулирующем в себе различные типы культуры, что противоречит устоявшемуся пониманию медиакультуры как синонима массовой, низкой культуры. По мнению Н.Б. Кирилловой, медиа — не просто набор технологий для распространения сообщений, это среда, где создаются, оформляются и передаются разные культурные коды и символы (Кириллова, 2006). Переплетение всех отмеченных кодов создает матрицу медиакультуры (Шевченко, 2018), которая, в свою очередь, формирует общественное сознание. Таким образом, в современном казахстанском субдискурсе культуры в результате медиатизации формируется особое коммуникативное пространство медиакультуры, с новой системой ценностей и сплетением не только кодов разных типов культур (традиционной, элитарной и массовой), но и разных национальных культур (казахской и русской).

Медиатизация нами понимается не только как социальный процесс, связанный с экстралингвистическими особенностями медиакommunikации, когда практически все сферы социальной жизни представлены в том или ином виде в пространстве медиа через сайты, СМИ и соцсети, но и как стилистический вектор современного развития языка и культуры в медиа. Стилистика является важнейшей на сегодня интегративной гуманитарной наукой, в которой тесно переплетаются актуальные когнитивные, филологические, дискурсивные, прагматические и другие исследования. Выбор того или иного стилистического средства для репрезентации действительности всегда когнитивно и дискурсологически обусловлен. Поэтому формирование медиакультуры не линейный процесс, а стилистически обусловленный. Медиатизация культуры имеет различные эффекты. В нашем исследовании мы отметили важнейшие из них: консолидация общества на основе медийного знания, сохранение культурных ценностей национальной культуры, взаимопроникновение культур в едином национальном медиапространстве, интеграция в глобальный культурный контекст. Наше исследование позволяет раскрыть лингвистический механизм медиатизации культуры, показать полифункциональность процессов медиатизации, а также ввести концепцию медиатизации в категориальный аппарат формирующейся новой области стилистики — медиастилистику.

© Д.О. Байгожина, Н.И. Клушина, С.Ш. Тахан (2019)

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Байгожина Д.О. Медиакultura в исторических изменениях // Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия журналистика. 2018. № 1 (47). С. 170—178. [Baigozhina D.O. (2018) *Mediakul'tura v istoricheskikh izmeneniyakh. Vestnik KazNU imeni al'-Farabi. Seriya zhurnalistika*, 1 (47), 170—178. (In Kazakh)]
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с. [Gudkov, D.B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с. [Dobrosklonskaya, T.G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podhod k izucheniyu yazyika SMI*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]
- Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 2. С. 20—33. [Dobrosklonskaya, T.G. (2006). *Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezhkulturnoy kommunikatsii. Vestn. Mosk. unta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 2, 20—33. (In Russ.)]
- Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. С. 119—128. [Zizek, Slavoj. (1998). *Kiberprostranstvo, ili Nevyinosimaya zamknutost byitiya. Iskusstvo kino*, 1, 119—128. (In Russ.)]
- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 114 с. [Zizek, Slavoj (1999). *Vozvyishennyiy ob'ekt ideologii*. Moscow. (In Russ.)]
- Иванова М.В., Клушина Н.И. Нормы в массмедиа: когнитивный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 5—12. [Ivanova M.V., Klushina, N.I. (2018). *Normy v mass-media: kognitivnyy aspekt. Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2, 5—12. (In Russ.)]
- Караулов Ю.Н. Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М., 1986. С. 105—123. [Karaulov, Yu.N. (1986). *Rol' pretsedentnykh testov v strukture i funktsionirovanii yazykovoy lichnosti. Nauchnye traditsii i novyye napravleniya v prepodavaniya russkogo yazyika i literatury*. Moscow. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. [Kastels, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow.: GU VShE]
- Кириллова Н.Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну. М.: Акад. проект, 2006. 448 с. [Kirillova, N.B. (2006). *Mediakultura: ot moderna k postmodernu*. Moscow: Akad. Proekt. (In Russ.)]
- Клушина Н.И. Медиастилистика. М., 2018. 184 с. [Klushina, N.I. (2018). *Mediastilistika*. Moscow: Flinta. (In Russ.)]
- Клушина Н.И. Культура в медиапространстве: структура и эффекты // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин: Первый Междунар. науч. коллоквиум. Белгород, 26—27 сентября 2013 г.: сб. науч. работ. Белгород, 2013. С. 37—42. [Klushina, N.I. (2013). *Kultura v mediaprostranstve: struktura i efekty*. Mass-media i massovyye kommunikatsii: status nauchnykh i uchebnykh distsiplin: Pervyi Mezhdunar. nauch. kollokvium, Belgorod, 26—27.09.2013, 37—42. (In Russ.)]

- Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 78—90. [Klushina, N.I. (2016). Diskurs-analiz i stilistika: integrativnyye metody issledovaniya media kommunikatsii. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, 4, 78—90. (In Russ.)]
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.В. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С.73—76. [Kostomarov, V.G., Burvikova, N.V. (1994). Kak teksty stanovyatsya pretsedentnymi. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 1, 73—76. (In Russ.)]
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с. [Krasnyih, V.V. (2002). *Etnopsiholingvistika i lingvokulturologiya: Kurs lektsiy*. Moscow: ITDGK «Gnozis». (In Russ.)]
- Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М.М. Назаров. М., 1999. С. 138—149. [Lazarsfeld, P., Merton, R. (1999). Massovaya kommunikatsiya, massovyye vkusy i organizovannoe sotsialnoe deystvie. *Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire: metodologiya analiza i praktika issledovaniy*. Moscow, 138—149. (In Russ.)]
- Липшман У. Общественное мнение. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004. 384. [Lippman, Walter (2004). *Public opinion*. Moscow.: In-t Fonda «Obschestv. mnenie». (In Russ.)]
- Луман Н. Реальность масс-медиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005. 256 с. [Luman, Niklas (2005). *Realnost mass-media*. Moscow: Praxis. (In Russ.)]
- Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с. [Luman, Niklas (2005). *Media kommunikatsii*. Moscow.: Logos. (In Russ.)]
- Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Жуковский: Канон-пресс, 2003. 464 с. [McLuhan, Herbert (2003). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow: Zhukovskiy: Kanon-press. (In Russ.)]
- Миронов В.В. Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры / Язык средств массовой информации. М.: Академический Проект, 2008. 315 с. [Mironov, V.V. (2008). *Sredstva massovoy kommunikatsii kak zerkalo pop-kulturyi*. Yazyk sredstv massovoy informatsii. Moscow: Akademicheskij Proekt (In Russ.)]
- Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с. [Popper, Karl (1992). *The Open Society and Its Enemies*. Moscow: Mezhdunar. fond «Kulturnaya initsiativa» (In Russ.)]
- Рогозина И.В. Функции и структура медиакартины мира // Методология современной психоллингвистики: сб. статей. М., 2003. С. 121—137. [Rogozina, I.V. (2003). *Funksii i struktura mediakartiny mira*. Metodologiya sovremennoy psiholingvistiki: sb. statey. Moscow. 121—137. (In Russ.)]
- Тахан С.Ш. Русские литературные традиции в очерках А. Букейханова (На материале публикаций в журнале «Сибирские вопросы») // *Нёман: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал* (Беларусь). 2017. № 9. С. 132—140. [Takhan, S.SH. (2017). Russkiye literaturnyye traditsii v ocherkakh A. Bukeykhanova (Na materiale publikatsiy v zhurnale «Sibirskiye voprosy»). *Noman: yezhemesyachnyy literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal*. Belarus, 9, 132—140. (In Kazakh)]
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. 776 с. [Toffler, Alvin (2002). *The Third Wave*. Moscow: AST. (In Russ.)]
- Тошович Б. Интернет-стилистика. М.: Флинта: Наука, 2015. 238 с. [Toshovich, Branko (2015). *Internet-stilistika*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]

- Третьякова О.В. Плюсы и минусы медиатизации правовой жизни общества // Вестн. Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 4. С. 111—126. [Tretyakova, O.V. (2011). Plyusy i minusy mediatizatsii pravovoy zhizni obschestva. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 4, 111—126. (In Russ.)]
- Черных А.И. Медиа и демократия. М.; СПб.: Университет. кн., 2011. 272 с. [Chernyih, A.I. (2011). *Media i demokratiya*. Moscow; SPb.: Universitet. kn. (In Russ.)]
- Черных А.И. Социология массовых коммуникаций. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 451 с. [Chernyih, A.I. (2008). *Sotsiologiya massovyih kommunikatsiy*. Moscow: izdat. dom GU-VShE. (In Russ.)]
- Черных А.И. Реальность «четвертой власти» // Социолог. журнал. 2008. № 1. С. 100—125. [Chernyih, A.I. (2008). Realnost «chetvertoy vlasti». *Sotsiolog. Zhurnal*, 1, 100—125 (In Russ.)]
- Шевченко Л.И. Символы современной культуры в интертексте славянских медиа // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 77—84. [Shevchenko, L.I. (2018). Simvoly modernoy kul'tury v intertekste slavyanskikh media. *Aktual'nyye problemy stilistiki*, 4, 77—84. (In Russ.)]
- Adorno, Theodor (1991). *The Culture Industry. Selected Essays on Mass Culture*. London: Routledge.
- Couldry, Nick (2008). Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling. *New Media Society*, 10 (373), 373—391.
- Fairclough, Norman (1995). *Media discourse*. New York, 1995.
- Hjarvard, Stig (2008). The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*, 2, 105—134.
- Krotz, Friedrich (2007). The Meta-Process of “Mediatization” as a Conceptual Frame. *Global Media and Communication*, 3, 256—260.
- Livingstone, Sonia (2009). On the mediation of everything: ICA presidential address 2008. *Journal of communication*, 59 (1), 1—18. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2008.01401.x.

Article history:

Received: 07 January 2019

Revised: 20 February 2019

Accepted: 15 April 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 января 2019

Дата принятия к печати: февраля 20 2019

Bionotes:

DANA BAIGOZHINA is a PhD student of the Faculty of Journalism and Political Science at Gumilyov Eurasian National University. Her research interests embrace intercultural communication, mediatization of culture, information technologies and media education.

Contact information: e-mail: baigozhina777@mail.ru

NATALIA KLUSHINA is Doctor of Philology, Professor of the Department of Stylistics of the Russian Language Faculty of Journalism at Lomonosov Moscow State University. She is President of the Commission on Stylistics of the International Slavistic Committee. Her research interests cover stylistics, media stylistics and discourse analysis.

Contact information: e-mail: nklushina@mail.ru

SERIK TAKHAN is Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Journalism and Political Science at Gumilyov Eurasian National University. Research interests: stylistics, history and theory of Russian and Kazakh journalism, intercultural communication and media discourse.

Contact information: e-mail: takhan_serik@mail.ru

Сведения об авторах:

ДАНА ОНИРБЕКОВНА БАЙГОЖИНА — докторант факультета журналистики и политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, старший преподаватель. *Сфера научных интересов:* межкультурная коммуникация, медиатизация культуры, информационные технологии, медиаобразование.

Контактная информация: *e-mail:* baigozhina777@mail.ru

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА КЛУШИНА — доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов. *Сфера научных интересов:* стилистика, медиастилистика, дискурсология.

Контактная информация: *e-mail:* nklushina@mail.ru

СЕРИК ШЕШЕНБАЕВИЧ ТАХАН — доктор филологических наук, профессор факультета журналистики и политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. *Сфера научных интересов:* язык и стиль СМИ, история и теория русской и казахской публицистики, межкультурная коммуникация, теория и практика медиатекста.

Контактная информация: *e-mail:* takhan_serik@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-802-819

Research Article

Linguistic, Pragmatic, and Stylistic Peculiarities of 2018 FIFA World Cup Representation in British Media-Discourse

Natalya N. Koshkarova

South Ural State University (National Research University)
76 Lenin St., Chelyabinsk, 454080, Russia

Abstract

The purpose of the present research is to analyse linguistic, pragmatic, genre and stylistic peculiarities of the articles from British mass-media which cover the organization and the results of the 2018 World Cup. The importance of such analysis is determined by the necessity to investigate the public evaluation of the phenomenon under study. This will contribute to the understanding of mundane interpretations of sport in a particular culture and analyse the means of the country's image formation. Quality and tabloid newspapers were used as the basis for the analysis, with the aim of creating an integral picture of the world's attitude to the World Cup. The methods of discourse analysis and the analysis of the communicative situations let the author conclude that political discourse has an enormous influence on sport discourse. The politicization of sport discourse happens because of the discussion of topics from the conceptual sphere POLITICS, through the inclusion of controversial issues, on which Russia has not yet reached an understanding with the world community, into defamatory contexts. In the framework of sport discourse, the 'friend-foe' opposition becomes explicit, which is also characteristic of political discourse. In the British mass-media the materials with a positive illocutionary intention are mostly realized alongside with the foregrounding of politically charged issues and axiologically marked concepts. The analysis of publications in foreign mass-media is important for the purpose of understanding that ambitious sport projects help to ruin the stereotypes about Russia and create a positive image of the country on the world arena.

Keywords: *FIFA World Cup, sport discourse, political discourse, mass-media discourse, axiogenic situation, the country's image*

For citation:

Natalya N. Koshkarova (2019). Linguistic, Pragmatic, and Stylistic Peculiarities of 2018 FIFA World Cup Representation in British Media-Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 802—819. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-802-819.

Лингвопрагматические и жанрово-стилистические особенности репрезентации чемпионата мира по футболу 2018 г. в британском медиадискурсе

Н.Н. Кошкарлова

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
76, пр. Ленина, Челябинск, 454080, Россия

Аннотация

Целью настоящего исследования является анализ лингвопрагматических и жанрово-стилистических особенностей публикаций в британских СМИ, освещающих проведение и итоги чемпионата мира по футболу 2018. Актуальность исследования обусловлена необходимостью лингвистического изучения общественной оценки анализируемого явления, что позволит составить представление об обыденном толковании спорта в определенной культуре с целью анализа способов и средств создания имиджа страны. В качестве эмпирического материала использовались как авторитетные печатные издания (*The Times*, *The Guardian*, *The Daily Telegraph*, *The Independent*), так и таблоиды (*The Daily Mail*, *The Daily Mirror*, *The Sun*) для создания более целостной картины отношения британского общества к прошедшему чемпионату. С помощью метода дискурсивного анализа, а также контекстуального изучения коммуникативных ситуаций автор приходит к выводу, что политический дискурс оказывает существенное влияние на спортивный дискурс. Политизация спортивного дискурса происходит в первую очередь за счет обсуждения тем из концептуальной сферы ПОЛИТИКА, через включение в диффамирующий контекст вопросов, по которым Россия еще не пришла к консенсусу с мировым сообществом. В рамках спортивного дискурса эксплицируется оппозиция «свой—чужие», характерная и для политического дискурса. Материалы с положительным иллокутивным намерением также присутствуют в британском медиадискурсе, но они по большей части реализуются наряду с актуализацией политически нагруженных вопросов и аксиологически маркированных концептов. Анализ публикаций в зарубежных СМИ важен с точки зрения понимания того, что крупные спортивные проекты оказывают неоценимую помощь в разрушении стереотипов о России и создании положительного имиджа страны на мировой арене.

Ключевые слова: чемпионат мира по футболу, политический дискурс, спортивный дискурс, масс-медийный дискурс, аксиогенная ситуация, имидж страны

Для цитирования:

Кошкарлова Н.Н. Лингвопрагматические и жанрово-стилистические особенности репрезентации чемпионата мира по футболу 2018 г. в британском медиадискурсе // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 802—819. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-802-819.

1. Введение

Чемпионат мира по футболу FIFA 2018 стал для России поистине знаковым событием с точки зрения различных аспектов функционирования российского общества и формирования имиджа страны на мировой арене. Спортивный турнир послужил мощным импульсом для развития городов, принимавших матчи мундиала. Стране предстоит оценить экономический эффект от проведения чемпионата. Не вызывает сомнения тот факт, что мундиаль — это дополнительный инструмент для развития спортивного движения в России. Однако мы глубоко

убеждены в том, что помимо стимулирования социально-экономического развития страны в целом и ее отдельных территорий, такие крупные спортивные соревнования решают и еще одну важную задачу: «повышение авторитета страны в глазах мирового сообщества» (Давыдова, Дулина, Икингрин, Коричко 2018: 69).

15 июля 2018 г. на гала-концерте в преддверии финала чемпионата мира по футболу президент России В.В. Путин сказал: «Мы рады, что наши гости все видели своими глазами, что рухнули мифы и предубеждения» (Путин 2018). Действительно, прошедший чемпионат стал действенным инструментом разрушения стереотипов и предрассудков, созданных западными средствами массовой информации до начала проведения спортивного мероприятия. Не стоит отрицать тот факт, что большинство материалов, опубликованных западными СМИ в ходе подготовки чемпионата мира, носили клеветнический, фейковый и диффамационный характер.

Такие публикации¹ являются примером ситуации, когда спортивный дискурс испытывает на себе влияние политического дискурса. Тема политизации спортивного дискурса затрагивается в большом количестве публикаций (Иванова 2014; Мартыненко 2014; Новиков 2015; Русакова, Корнеева 2016; Филонов, Юдина 2018; Shippi 2012; Zirin 2013). Н.В. Новиков одной из причин такой ситуации видит в «соревновательном духе», в актуализации оппозиции *свои/чужие*, которая характеризует как политическую, так и спортивную жизнь (Новиков 2015: 207). Такая позиция созвучна утверждению Е.Г. Малышевой о том, что «концепт „Спорт“ является одной из универсальных идеологем русской идеологической картины мира» (Малышева 2009: 337). По справедливому замечанию автора, «универсальность идеологемы „Спорт“ ... заключается в том, что ее содержание *одинаково* понимается и оценивается политиками и государственными деятелями разной политической ориентации, и она используется в политическом дискурсе сторонников самых разных политических взглядов (Там же: 336).

Вполне правомерно утверждать, что спорт и спортивные состязания как неотъемлемая часть социальной жизни человека принадлежат к числу аксиологически маркированных событий, которые «осмысливаются в виде концептов — квантов переживаемого знания — и объективируются в семантике слов и фразеологизмов, в высказываниях, определенных сюжетах и жанрах речи» (Карасик 2014: 65). Спорт, футбол в частности, детерминирован ценностными установками и приоритетами участников не только спортивного, но и политического (в большей степени) дискурса, так как состояние современного спортивного мира говорит о том, что концепция «спорт вне политики» в настоящее время теряет свою актуальность (Мартыненко 2014). Лингвопрагматические характеристики материалов,

¹ Backers shun 'toxic' FIFA brand, leaving Russia 2018 World Cup facing financial crisis. The Daily Mirror. May 1, 2017.

FIFA promise to investigate doping in football: 'We WILL test suspect Russia samples before start of the World Cup. The Daily Mail. December 23, 2017.

Mascot fears at 2018 World Cup as McDonald's my not take kids to Russia over safety risks. The Mail Online. March 8, 2018.

освещающих спортивные события в средствах массовой информации, представляют интерес для изучения с лингвистической точки зрения, так как позволяют выявить все грани общественной оценки анализируемого явления, составить представление об обыденном толковании спорта в той или иной культуре, подвергнуть анализу способы и средства создания имиджа страны. Таким образом, целью настоящего исследования является анализ публикаций в британских средствах массовой информации, освещающих проведение чемпионата мира по футболу в России.

2. Материал исследования

Материалом для исследования послужили статьи в британских СМИ, опубликованные в период проведения чемпионата мира по футболу, то есть с 14 июня по 15 июля 2018 г. (плюс минус один-два дня). В качестве источников эмпирической базы использовались следующие издания: *The Daily Mail*, *The Daily Mirror*, *The Sun*, *The Times*, *The Guardian*, *The Daily Telegraph*, *The Independent*. Мы намеренно исключили из временного контекста публикации дискредитирующего характера, вышедшие в свет в период подготовки мундиала, так как «туманная атака» на чемпионат мира неоднократно становилась объектом научного интереса ученых (Милованова, Свинкина 2018; Саражакова 2018), в том числе и в наших публикациях (Кошкарлова 2018). Всего было проанализировано 45 публикаций, ключевым словосочетанием для поиска на страницах интернет-версий указанных газет была номинация 2018 FIFA World Cup.

Как видно из приведенного списка, в него вошли как авторитетные печатные издания (*The Times*, *The Guardian*, *The Daily Telegraph*, *The Independent*), так и таблоиды (*The Daily Mail*, *The Daily Mirror*, *The Sun*), что дает возможность создать более целостную картину отношения британского общества к прошедшему чемпионату. Гипотеза исследования заключается в том, что жанровая, тематико-стилистическая и лингвопрагматическая специфика указанных изданий будет являться вариативной реализацией инвариантной сюжетной модели формирования и реализации медиастратегии освещения спортивного события в британских СМИ. Дискурсивное пространство указанных СМИ характеризуется изоморфизмом, который преломляется в зависимости от редакционной политики конкретного издания.

Вопрос о роли средств массовой информации в формировании общественного мнения обсуждается в рамках многих научных направлений: политологии (Обидов 2017; Horniak 2016), социологии (Бабанов, Гришина 2018; Молодов 2016; Mehraj, Bhat, Mehraj 2014), философии (Прилукова 2013), журналистики (Суходолов 2014), лингвистики (Озюменко 2017; Солопова, Чудинов 2018; Пушкарева 2017, Larina et al. 2019, Thongprayoon, Hill 1996 и многие другие). Средства массовой информации, будучи «основными «поставщиками» коллективного знания, или посредниками в его распространении» (Володина 2015: 20), не только отражают действительность, но и зачастую формируют и конструируют новую реальность в соответствии с аксиологическими установками конкретного

издания и (или) представляющего его журналиста. В последнее время зависимость идеологических пресуппозиций и установок акторов дискурса стала активно проявляться в таком виде институционального общения, как спортивный дискурс. Спортивный дискурс все чаще испытывает на себе влияние этнокультурных стереотипов и национальных особенностей коммуникантов. Взаимосвязь спортивного дискурса и базовых политических и идеологических ценностей отражена в определении первого, данного Е.Г. Малышевой: «спортивный дискурс — это особый тип институционального дискурса», в текстах которого «находят отражение многоаспектные проявления деятельности человека в спортивной сфере, в том числе универсальные и национально специфические представления о спорте и его составляющих как о базовых культурологических и идеологических ценностях» (Малышева 2017: 27).

Таким образом, выбор в качестве материала для исследования британских газет различного направления представляется оправданным, что является важным с точки зрения анализа роли СМИ в отражении спорта как социальной и дискурсивной практики.

3. Методы исследования

Выбор материала для исследования определяет совокупность методов, применяемых для анализа эмпирической базы: с целью изучения текстов британских СМИ в качестве ведущего использовался метод дискурсивного анализа, применение которого сопровождалось контекстуальным изучением коммуникативных ситуаций. Дискурсивный анализ масс-медиа является в настоящее время достаточно востребованным методом исследования, так как он позволяет «описать и понять процессы создания, обмена и дифференциации смыслов в пространстве массовой коммуникации (например, что изображается в СМИ как нормальное, допустимое, приемлемое, а что — нет, и какими контекстуальными связями это обусловлено), иерархизации репрезентаций (например, как и почему маркируются те или иные образы как более или менее привлекательные или как и в связи с чем определяется важность события), легитимации определенного опыта и практик (какие действия одобряются и как это осуществляется дискурсивно)» (Кожемякин 2010: 17—18). Как известно, разновидностью дискурс-анализа является столь востребованный и широко применяемый в настоящее время критический дискурс-анализ, «который включает понятие *власть* и анализирует то, как власть оперирует языком» (Понтон, Ларина 2016: 9). Такой подход релевантен для целей нашего исследования, так как на примере анализа репрезентации спортивного дискурса в текстах СМИ можно проследить взаимосвязь между дискурсом как социальной практикой и спортом как социальным и культурным явлением, детерминированным политическими условиями и обстоятельствами. Контекстуальный анализ выбранного материала «включает рассмотрение всех экстралингвистических факторов: времени, места, сферы деятельности, участников дискурса, их социальных ролей, характера их взаимоотношений и когнитивных характеристик участников дискурса» (Шапочкин 2013: 107).

4. Результаты исследования

Чемпионат мира по футболу стал не только спортивным, но и геополитическим событием, интерес к которому был прикован с момента его подготовки. Как уже отмечалось выше, в подготовительный период британские СМИ использовали большой арсенал речевых средств для воздействия на целевую аудиторию в своих публикациях дискредитирующего характера: материалы касались проблемы допингового скандала², отстрела бродячих собак на улицах российских городов³ и других тем, непосредственным образом не связанных с предстоящим спортивным событием. Прагматический потенциал таких публикаций можно определить как построение параллельной реальности, где Россию представляют «аутсайдером, постоянно увязвающим в коррупции и сталкивающимся с прочими деструктивными процессами, но при этом стремящимся во что бы то ни стало попасть на мировую авансцену» (Воинов 2015: 176).

Несмотря на создание достаточно позитивного имиджа России в материалах, вышедших в свет в период проведения мундиала, ряд публикаций носит диффамационный характер. Так, 15 июня 2018 г. в газете *The Daily Mail* была опубликована статья под заголовком *Welcome to Volgograd*⁴:

When England arrive to play Tunisia they will discover the heartbeat of Vladimir Putin's nationalism — and the poorest host city — Добро пожаловать в Волгоград: когда англичане приедут, чтобы сразиться с Тунисом, они окажутся в центре национализма Путина и самом бедном городе, принимающем чемпионат.

Негативный прагматический потенциал содержится уже в самом заголовке статьи: семантика номинации *Vladimir Putin's nationalism* созвучна риторике обвинений президента России в монополии на русский национализм и девальвацию этого понятия, которое не раз звучало со стороны западных партнеров (см., например, Joffe 2016). Лексема *the poorest*, негативный оценочный компонент которой усиливается за счет превосходной степени прилагательного, выражает соответствующую оценку в гипертрофированной и гиперболизированной форме и способствует созданию желаемого перлокутивного эффекта.

Негативный оценочный компонент анализируемого материала далее контекстуально поддержан за счет противопоставления как композиционно-стилистического приема организации текста:

But many here point to the contrasting economic fortunes of the victorious and defeated cities. 'We bear no comparison with Berlin,' says Aleksandr, an accountant. — Многие здесь обращают внимание на диаметрально противоположное экономическое состояние городов-победителей и побежденных городов. 'Мы не выдерживаем никакого сравнения с Берлином', — говорит бухгалтер Александр.

² FIFA promise to investigate doping in football: 'We WILL test suspect Russia samples before start of the World Cup. *The Daily Mail*. December 23, 2017.

³ Putin 'to send 'canine death squads' out to slaughter stray dogs ahead of this year's World Cup. *The Daily Mail*. January 22, 2018.

⁴ Welcome to Volgograd. *The Daily Mail*. June 15, 2018.

Другим аргументом в пользу того, что спортивный дискурс все больше тяготеет к политическому дискурсу, является использование «оценочно нагруженных прецедентных имен» (Иванова 2014: 101), когда апелляция к аксиогенно детерминированной системе ассоциаций выполняет не информативную, а манипулятивную и интерпретативную функцию:

*Even the memorials to **the Battle of Stalingrad**, which are everywhere, seem to root this place in the 1940s, idealising war without finding a modern way to articulate its futility. — Кажется, что памятники **Сталинградской битве**, которые здесь повсюду, оставили этот город в сороковых годах, идеализируя войну и не пытаясь найти современные способы объяснить ее бессмысленный характер.*

Таким образом, политизация спортивного дискурса проявляется в активном использовании прецедентных имен (точнее, прецедентных событий), когда «автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию на фоне обширного дискурса» (Нахимова 2014: 173). Так, в анализируемом материале при обсуждении животрепещущей темы безопасности болельщиков во время матчей спортивного турнира автор ссылается на жесткое столкновение, случившееся после матча группового этапа между Россией и Англией в Марселе летом 2016 г.:

*Some locals do fear being caught up in the kind of **fight**s between **Russians and English** which occurred in Marseille two summers ago. — Некоторые местные жители опасаются повторения **беспорядков в Марселе два года назад**.*

Русофобская истерия, созданная в британских СМИ, не помешала английским болельщикам приехать в Россию и насладиться игрой своей сборной, о чем сообщает та же газета *The Daily Mail* в статье, опубликованной 16 июня 2018 г. под заголовком *England fans arrive in Volgograd ahead of first World Cup match*⁵. — *Английские болельщики приезжают в Волгоград в преддверии первого матча чемпионата мира*. Создание единого дискурсивного пространства между указанным материалом и статьей, проанализированной выше, достигается за счет упоминания о беспорядках в Марселе, которые могли стать препятствием для поездки английских болельщиков на мундиаль в России:

Mr. Clarke said he was in Marseille during the European Championships in 2016, and was concerned there may be a repeat of the violence which marred the tournament. — Господин Кларк сообщил, что он был в Марселе во время чемпионата Европы в 2016 г. и опасался повторения беспорядков, которые омрачили тогда этот турнир.

Но реальность превзошла все ожидания, и в статье приводятся лишь восхищенные отзывы английских болельщиков:

*I was a bit worried about what it was going to be like, but soon realised it's **an amazing place**. It's so clean, so friendly and everyone is really polite. Everyone's coming up to me asking me where I'm from. I've seen about 10 England fans, there're more Russians in England shirts. Yesterday I wasn't wearing my England shirt and no one came to me — today everyone is coming to me and welcoming me to Russia. — В начале я опасался того, что ждет меня впереди, но вскоре понял, что это отличное место. **Здесь все так чисто,***

⁵ England fans arrive in Volgograd ahead of first World Cup match. The Daily Mail. June 16, 2018.

все настолько дружелюбны и вежливы. Многие подходят ко мне и спрашивают, откуда я приехал. Я уже встретил около десяти фанатов из Англии, а многие русские одеты в английские футболки. Вчера я не надел английскую футболку, и никто не подошел ко мне, а сегодня многие хотят познакомиться со мной, и они рады видеть меня в России.

В статье под заголовком *The World Cup helped Russia put on its best face — and the world smiled back*⁶ — Чемпионат мира помог России показать себя с лучшей стороны, а мир улыбнулся в ответ, опубликованной в газете *The Independent* 14 июля 2018 г., автор использует тактику призыва с целью «выполнить некоторое действие, которое является частью общественной или политической деятельности и может быть значимо для широкого круга лиц» (Чернышева 2016: 153):

Forget everything you ever read or thought about Russia — this is absolutely brilliant! It's such a shame so many people were put off. — Забудьте все, что вы раньше читали или думали о России — страна совершенно великолепна. Жаль, что многие были лишены этой возможности.

Восхищение автора по поводу увиденного во время чемпионата мира актуализируется посредством прилагательных с положительной оценкой *hospitable, organised, modern*:

To our collective joy, edification and more than slight embarrassment, the Russia we found was hospitable, organised, modern, bending over backwards to help us — and ready to party. — К нашей всеобщей радости и к стыду Россия оказалась гостеприимной, организованной, современной, готовой помочь и умеющей веселиться страной. Пребывание здесь послужит нам хорошим уроком.

В процессе межкультурного диалога и реализации концептуальной оппозиции политического дискурса «свои—чужие» немаловажную роль играет концепт «еда», который семантизирован в тексте статьи через трофонимы — языковые единицы, обозначающие названия блюд:

Even the food, sometimes ridiculed as stodgy and bland, was getting a thumbs-up, especially the ubiquitous Georgian cordon bleu, smoky Armenian cafes, and surprisingly affordable Siberian caviar. — Даже еда, которую поначалу высмеивали как однообразную и безвкусную, оказалась достойной похвалы, особенно грузинский коньяк, закоптелые армянские кафе и даже черная икра по удивительно доступной цене.

В целом необходимо отметить, что глоттонический дискурс в его функционально-стилистических и коммуникативно-прагматических аспектах занимает важное место в публикациях британских СМИ о прошедшем чемпионате мира. Так, одной из активно обсуждаемых тем стала проблема нехватки пива в жаркие летние дни во время проведения мундиала:

*BEER BARREN. England World Cup fans face Russia beer shortage as boozy supporters drink parts of Moscow dry*⁷. — Нехватка пива. Английские болельщики столкнулись с нехваткой пива, так как охочие до выпивки осушили бары Москвы.

⁶ The World Cup helped Russia put on its best face – and the world smiled back. *The Independent*. July 14, 2018.

⁷ BEER BARREN. England World Cup fans face Russia beer shortage as boozy supporters drink parts of Moscow dry. *The Sun*. June 20, 2018.

*High and dry! Panic for football fans as Moscow faces **running out of BEER** during the World Cup⁸ — Радостные и обезвоженные! Футбольные болельщики в панике из-за **нехватки пива** в Москве во время чемпионата мира.*

Как видно из приведенных контекстов, мишенью для дискредитации стали факты из российской действительности, которые имеют лишь косвенное отношение к анализируемому спортивному мероприятию. В большинстве публикаций в диффамирующий контекст вплетены и политические вопросы, по которым Россия не всегда может найти общий язык со странами мирового сообщества:

*Of course, there will be a reality check after the love-in with Russia. It does still snow here in other seasons, no amount of fan fun can hide some **serious political problems**, and critics will say president Vladimir Putin has exploited the tournament to clean an increasingly pariah image abroad⁹. — Конечно, после этой влюбленности в Россию мы снова вернемся в реальность. Здесь все еще идет снег в другие времена года и никакая любовь фанатов не может скрыть **политические проблемы**. Критики утверждают, что Владимир Путин использовал чемпионат с целью улучшения имиджа России как страны-изгоя за рубежом.*

*Mr. Putin, no doubt, hopes the world can forget about politics for a month, and instead envelop itself in the enigmatic (mythical) charm of the Russian soul. **The reality is likely to prove different**¹⁰. — Безусловно, господин Путин надеется, что мир на месяц забудет о политике и окажется во власти загадочного и мифического очарования русской души, **но реальность, вероятно, докажет обратное**.*

Несмотря на большое количество позитивных высказываний в адрес России и прошедшего чемпионата мира, негативный образ нашей страны активно создается в анализируемых публикациях, а главным аргументом при этом является дело Скрипаля:

*But critics fear the World Cup will legitimize Putin's autocratic policies at home and Russia's actions abroad, from alleged meddling in the U.S. presidential election to annexing the Crimean Peninsula from Ukraine and **a suspected nerve agent attack in Britain**. Moscow vehemently denies any interference in the American vote or involvement in the attack against **a former Russian spy in Salisbury**¹¹. — Но критики опасаются, что чемпионат мира укрепит авторитарную политику Путина внутри страны и действия России на международной арене: вмешательство в президентскую кампанию в США, аннексию Крымского полуострова и **подозрение в использовании нервно-паралитического вещества в Великобритании**. Москва категорически отрицает свое вмешательство в американские выборы или причастность к **покушению на бывшего российского разведчика в Солсбери**.*

⁸ High and dry! Panic for football fans as Moscow faces running out of BEER during the World Cup. The Sun. June 20, 2018.

⁹ The World Cup helped Russia put on its best face – and the world smiled back. The Independent. July 14, 2018.

¹⁰ Putin's Kremlin is hoping to use World Cup to bring Russia out of isolation. The Independent. June 11, 2018.

¹¹ Russian hopes, fears tied up in Putin's showcase World Cup. The Daily Mail. June 14, 2018.

Как было отмечено выше, спортивный дискурс становится все более и более политизированным, на что указывают и британские СМИ (приведенный контекст взят из лида, для которого характерно опущение глагола-связки):

*Rarely has a World Cup been more politicised, but Russia optimistic the tournament will mark a turnaround in its international fortunes*¹². — *Редко какой чемпионат мира был настолько политизированным, но Россия надеется, что турнир станет поворотным пунктом в улучшении международного имиджа страны.*

Арсенал речевых средств, используемых для политизации спортивного дискурса в анализируемых публикациях достаточно широк: от привлечения фактологического материала в манипулятивных целях до сравнения политики, проводимой Россией, с образом официального талисмана ЧМ. Напомним, что им стал антропоморфный волк Забивака, когда человеческие свойства были перенесены на представителя животного мира. В каждой культуре существует национально детерминированные стереотипы об образах животных: так, в славянской традиции волк — это предок домашней собаки и во многом близок к ней по повадкам. В западной традиции волк ассоциируется со злом и даже смертью (Bukowick 2004: 66). Этнокультурные различия в символике животных положены в основу противопоставления образа милого волка и «реальности внешней политики России»:

*The reality of Russian foreign policy is in such sharp, indeed grotesque, contrast to the civilised, cuddly image symbolised in Zabivaka, the friendly wolf adopted as the mascot of this championship. There is no such thing, in the natural world nor in international diplomacy, as a friendly wolf. Perhaps that is Mr. Putin's idea of satire, a nice twist on the old line of "a wolf in sheep's clothing"*¹³. — *Реальность внешней политики России находится в резком и абсурдном контрасте с образом **милого и дружелюбного талисмана Забиваки**. Ни в природном мире, ни в международной дипломатии не существует дружелюбного волка. Возможно, это попытка Путина проявить юмор и иронию, вариант поговорки «волк в овечьей шкуре».*

Другой активно обсуждаемой темой в медиадискурсе британских СМИ во время проведения чемпионата стала проблем ЛГБТ-сообществ в России, что, по мнению Д.Е. Воинова, объясняется популяризацией «ценностей «fair play» («честной игры») и «уважения» (подразумевается взаимоуважение между спортсменами, зрителями и соблюдение правил соревнований) в рамках чемпионатов FIFA» (Воинов 2015: 165). Так, 16 июня 2018 г. газета *The Independent* сообщила о том, что в Санкт-Петербурге запущен проект Cup for People, в рамках которого активисты и правозащитники объединились для того, чтобы привлечь внимание международных организаций и журналистов к правам ЛГБТ-сообщества, экологическим проблемам и другим социальным вопросам.

¹² Putin's Kremlin is hoping to use World Cup to bring Russia out of isolation. *The Independent*. June 11. 2018.

¹³ Usually boycotting a world sporting event would seem extreme, but this is Putin's Russia we're talking about. *The Independent*. June 14. 2018.

Газета *The Sun* в своей статье от 28 июня 2018 с одноименным названием задает следующие вопросы: *Противозаконен ли гомосексуализм в России? Какие законы, ограничивающие права ЛГБТ-сообщества, подписал Владимир Путин? Каково отношение к ЛГБТ-сообществу в России?* Одним из синтаксических средств, использованных у казанном материале, являются уступительно-противительные придаточные предложения с союзами *while*, *although*:

While it's not against the law to be in a gay relationship in Russia, same sex marriages are illegal. — Хотя находиться в однополых отношениях в России не противоречит закону, но однополые браки являются незаконными.

Although sexual activity between gay people was decriminalised in 1993, homosexual couples are not eligible for the legal protections offered to heterosexuals in Russia. — Хотя сексуальные отношения между геями были декриминализованы в 1993 году, гомосексуальные пары не имеют в России никакой правовой защиты¹⁴.

Использование подобного синтаксического приема дает возможность автору указать на отсутствие достаточной социальной поддержки ЛГБТ-сообщества в России, несмотря на наличие изменений в отношении прав ЛГБТ-граждан.

В начале мундиала уже упомянутая газета *The Independent* заявляла о том, что Россия печально известна неблагоприятной статистикой по вопросам защиты прав ЛГБТ-сообщества; о том, что ЛГБТ-комьюнити в России подвергается насилию, преследованию, нарушению прав и дискриминации. В такой ситуации, утверждает издание *The Independent* в статье от 17 июня 2018 г., России следовало отказать в проведении столь престижного соревнования:

Russia should never have been granted the right to host this prestigious tournament, given the country's appalling human rights record. — России следовало бы отказать в праве принимать у себя этот престижный турнир, учитывая ужасную ситуацию с правами человека в стране¹⁵.

Негативный прагматический потенциал данного высказывания усиливается за счет использования в тексте статьи лексических единиц с эмоционально-оценочным компонентом: *homophobic* (гомофобный), *appalling* (устрашающий), *un-constitutional* (неконституционный), *rogue* (репрессии), *purge* (мошенник).

Именно царящая в России гомофобная риторика и насилие против ЛГБТ-сообщества, по мнению газеты *The Telegraph* (18 июня 2018 г.), постоянно находятся в центре внимания мировой прессы: *Violence against gays and homophobic rhetoric in Russia regularly make global headlines¹⁶.*

Столь критическое и негативное настроение в анализируемых материалах сменилось с течением времени, и газета *The Daily Mail* в материале от 29 июня 2018 г. сообщает о том, что проведение чемпионата мира сделало Россию более

¹⁴ Is homosexuality illegal in Russia, what laws has Vladimir Putin enacted and how are LGBT people treated in the country? *The Sun*. June 28, 2018.

¹⁵ We spoke to activist Peter Tatchell about his one-man protest and detainment. *The Independent*. June 17, 2018.

¹⁶ World Cup 2018: 'Safe space' for LGBT football fans in Russia forced to move after 'political attack'. *The Telegraph*. June 18, 2018.

‘*gay-friendly*’. Хотя в материале от 25 июня 2018 г. журналисты этой газеты высказывали опасение по поводу того, что такие послабления в отношении ЛГБТ-сообщества прекратятся с завершением чемпионата.

Однако, как мы уже отмечали выше, материалы с положительной риторикой доминируют в медиапространстве британских СМИ, что, на наш взгляд, объясняется умелым использованием Россией шансов «на капитализацию национального имиджа с помощью мундиала» (Воинов 2015: 177). В рамках национальной медиастратегии, реализуемой обеими сторонами (Россия vs. Запад), спорт превращается в эффективное оружие информационно-психологической войны. Победу в такой войне одержит тот, кто сможет умело воспользоваться политическими и медийными итогами крупных спортивных мероприятий.

Газета *The Daily Mail* в начале проведения мундиала (17 июня 2018 г.) писала:

*He (Russian President Vladimir Putin. — N.K.) wants the world to walk away from this tournament in awe, not in fear*¹⁷. — Президент России Владимир Путин хочет, чтобы мир уехал с турнира в восхищении, а не страхе.

В той же газете в материале от 14 июня 2018 г. находим восторженные отклики по поводу усилий России провести чемпионат на высоком уровне:

*Russian President Vladimir Putin claims soccer and politics have nothing to do with each other, yet the World Cup he kicked off Thursday is about much more than sports. It's about proving to the world that Russia is a global power broker and not an outcast, that it's an open, confident and generous nation — and not an isolated, repressive place hobbled by sanctions*¹⁸. — Президент России Владимир Путин заявляет, что футбол и политика не связаны между собой, но чемпионат мира, который он открыл в четверг, имеет дело не только со спортом. Чемпионат помогает доказать, что Россия — это влиятельный субъект на международной арене, а не изгой, что Россия — это открытая, уверенная в себе и щедрая нация, а не изолированная и загнанная в угол санкциями страна.

Чемпионат мира стал эффективным инструментом разрушения стереотипов о России, которые могут рассматриваться как социальные конструкты, через призму идеологии и ее реализации в конкретном типе дискурса (Tomí 2001):

*The rank-and-file Russian people were magnificent hosts. They were generous, welcoming, **smiling wreckers of lazy Western stereotypes**. Their nation is as rich in history, culture and beauty as their oligarchs are in cash*¹⁹. — Обычные русские люди оказались великолепными хозяевами. Своим гостеприимством, щедростью, улыбчивостью **они разрушили нелепые стереотипы**, созданные на Западе. Русская нация настолько же богата историей, культурой и красотой, насколько богаты ее олигархи.

Как видно из приведенного фрагмента, хвалебные отзывы о прошедшем чемпионате реализуются наряду с аксиологически маркированным концептом ОЛИГАРХИЯ. Более того, положительная коннотация восторженных эмоций

¹⁷ Russia's headache: Keeping it safe, keeping it fun. *The Daily Mail*. June 17, 2018.

¹⁸ Russian hopes, fears tied up in Putin's showcase World Cup. *The Daily Mail*. June 14, 2018.

¹⁹ What a party. World Cup 2018 had everything — even an England team we could be proud of. *The Sun*. July 16, 2018.

от чемпионата нивелируется и (или) даже сводится на нет за счет критики в адрес режима В. Путина:

*Beyond all the FIFA corruption and the evils of Vladimir Putin's regime, and the myriad of reasons why they should never have actually staged it, Russia put on an extravagant party*²⁰. — *Несмотря на коррупционный скандал в ФИФА и все ужасы путинского режима, несмотря на миллионы причин, почему России не следовало проводить чемпионат, Россия устроила грандиозный праздник.*

Анализ речевого материала показывает, что трансляция положительных отзывов о прошедшем чемпионате происходит через актуализацию политически нагруженных вопросов:

*Putin's Russia is responsible for the Salisbury poisoning with novichok — but the World Cup belongs to football fans everywhere. It is Putin's Russia that has been responsible for downing MH17; for cyberwarfare; for fanning the flames of conflict in Ukraine and for poisoning British citizens in Wiltshire*²¹. — *Россия Путина ответственна за отравление новичком в Солсбери, но чемпионат мира принадлежит футбольным болельщикам по всему миру. Именно Россия Путина ответственна за катастрофу Боинга 777, за кибервойну, за обострение ситуации на Украине и отравление британских граждан в Уилтшире.*

Но при всей политической ангажированности таких публикаций радует то, что их авторы осознают неоспоримый факт:

*It was certainly Putin's Russia that won the right to host the World Cup. But this World Cup does not belong to the Kremlin. It belongs to football fans everywhere in the world*²². — *Именно Россия Путина выиграла право принимать чемпионат мира. Но чемпионат мира не принадлежит Кремлю. Он принадлежит болельщикам по всему миру.*

Как видно из приведенного лингвопрагматического анализа текстов британских СМИ, посвященных итогам чемпионата мира по футболу 2018, их авторы используют широкий арсенал средств для воздействия на целевую аудиторию: прецедентные имена, актуализация насущных вопросов современной политики, реализация концептуальной оппозиции политического дискурса «свой—чужие». Последнее обстоятельство дает нам основание прийти к выводу о том, что спортивный дискурс в настоящее время испытывает на себе значительное влияние современных общественно-политических факторов и условий. Наиболее ярко проявление идеологических установок эксплицировано в спортивном медиадискурсе, основная цель которого заключается не только в информировании, но и интерпретации при освещении спортивных событий.

²⁰ What a party. World Cup 2018 had everything – even an England team we could be proud of. The Sun. July 16, 2018/

²¹ The World Cup 'does not belong to Vladimir Putin' and an England boycott would only cheat fans. The Sun. June 14, 2018.

²² The World Cup 'does not belong to Vladimir Putin' and an England boycott would only cheat fans. The Sun. June 14, 2018.

5. Заключение

Таким образом, анализ британских публикаций, вышедших в свет во время проведения чемпионата мира по футболу 2018, показывает, что риторика материалов, опубликованных в качественных изданиях и в таблоидах, кардинально не отличается. Однако лингвистический анализ публикаций позволяет сделать вывод о влиянии политического дискурса на спортивный дискурс. Политизация спортивного дискурса происходит в первую очередь за счет обсуждения тем из концептуальной сферы ПОЛИТИКА, через включение в диффамирующий контекст вопросов, по которым Россия еще не пришла к консенсусу с мировым сообществом. В рамках спортивного дискурса эксплицируется оппозиция «свои—чужие», характерная для политического дискурса. Материалы с положительной риторикой также присутствуют в медиадискурсе британских СМИ, но они по большей части реализуются наряду с актуализацией политически нагруженных вопросов и аксиологически маркированных концептов.

В проанализированных текстах британских СМИ используются следующие речевые и языковые средства: лексические единицы с негативным и эмоционально-оценочным компонентом, противопоставление как композиционно-стилистический прием, отсылка к прецедентным именам, сравнение, апелляция к идеологически окрашенным концептам.

Анализ публикаций в зарубежных СМИ важен с точки зрения понимания того, что крупные спортивные проекты оказывают неопределимую помощь в разрушении стереотипов о России и создании положительного имиджа страны на мировой арене. В этой связи важным является сохранение и преумножение имиджевого капитала, накопленного во время мундиаля, его использование с целью укрепления положения страны на мировой арене и недопущения информационных атак на Россию.

© Н.Н. Кошкарлова, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Список литературы / References

- Бабанов И.В., Гришина Е.А. Современный спорт — проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 116—124. [Babanov, I.V., Grishina, E.A. (2018). *Sovremennyyi sport — problemy i protivorechiya*. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 6, 116—124. (In Russ.)]
- Воинов Д.Е. «Мягкая сила» игр «Сочи—2014» и зарубежные медиа: анализ политико-информационного фона российской Олимпиады // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 2. С. 155—181. [Voinov, D.E. (2015). «Myagkaya sila» igr «Sochi—2014» i zarubezhnye media: analiz politiko-informatsionnogo fona rossiiskoi olimpiady. *Moscow University Journal of World Politics*, 2, 155—181. (In Russ.)]

- Володина М.Н. Социальная и информационно-языковая роль текстов массовой коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. 2015. С. 20—26. [Volodina, M.N. (2015). *Sotsialnaya i informatsionnoyazykovaya rol tekstov massovoi kommunikatsii*. In *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse*, 20—26. (In Russ.)]
- Давыдова С.А., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Коричко Ю.В. Чемпионат мира по футболу FIFA—2018: ожидания и мнения студентов России // Теория и практика физической культуры. 2018. № 6. С. 68—72. [Davydova, S.A., Dulina, N.V., Ikingrin, E.N., Korichko, Yu.V. *Chempionat mira po futbolu FIFA—2018: ozhidaniya i mneniya studentov Rossii* (2018). *Teoriya i praktika fizicheskoi kultury*, 6, 68—72. (In Russ.)]
- Иванова С.В. Политика на спортивных полях (заметки на полях спортивных материалов чемпионата мира—2014 по футболу) // *Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления*. УрГПУ. 2014. С. 95—102. [Ivanova, S.V. (2014). *Politika na sportivnykh polyakh (zametki na polyakh sportivnykh materialov chempionata mira—2014 po futbolu*. In *Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya*, 95—102. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // *Политическая лингвистика*. 2014. № 1 (47). С. 65—75. [Karasik, V.I. (2014). *Aksiogennaya situatsiya kak edinitsa tsennostnoi kartiny mira*. *Political Linguistics Journal*, 1 (47), 65—75. (In Russ.)]
- Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // *Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки*. 2010. № 12 (83). Вып. 6. С. 13—21. [Kozhemyakin, E.A. (2010). *Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya*. *Belgorod State University Scientific bulletin. Philology, Journalism. Pedagogy. Psychology*, 12 (83), 6, 13—21. (In Russ.)]
- Кошкарлова Н.Н. «Туманная атака» на чемпионат мира по футболу—2018: британские СМИ о предстоящем спортивном событии // *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 34. С. 706—709. [Koshkarova, N.N. (2018). «*Tumannaya ataka*» na chempionat mira po futbolu—2018: britanskies SMI o predstoyashchem sportivnom sobytii. *Cognitive studies of language*, 34. (In Russ.)]
- Мальшева Е.Г. Универсальная идеологема «спорт» в политическом дискурсе СССР и современной России // *Личность. Культура. Общество*. 2009. Вып. 1. (№ 46—47). С. 330—337. [Malysheva, E.G. (2009). *Universalnaya ideologema «sport» v politicheskom diskurse SSSR I sovremennoi Rossii*. In *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 1 (46—47), 330—337. (In Russ.)]
- Мальшева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. М.: Флинта, 2017. 370 с. [Malysheva, E.G. (2017). *Russkii sportivnyi diskurs lingvokognitivnoe issledovanie*. Moscow: Flinta. (In Russ.)]
- Мартыненко С.Е. Диалектическая взаимосвязь спорта и политики и ее проявление в средствах массовой коммуникации // *Вестник МГОУ. История и политические науки*. 2014. № 5. С. 179—186. [Martynenko, S.E. (2014). *Dialekticheskaya vzaimosvyaz sporta i politiki i ee proyavlenie v sredstvakh massovoi kommunikatsii*. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 5, 179—186. (In Russ.)]
- Милованова М.В., Свинкина М.Ю. Репрезентация образа России в медиадискурсе Германии в контексте Чемпионата мира по футболу 2018 // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. 2018. Т. 17. № 3. С. 148—157. [Milovanova, M.V., Svinkina M.Yu. (2018). *Reprezentatsiya obraza Rossii v mediadiskurse Germanii v kontekste Chempionata mira po futbolu 2018*. In *Bulletin of Volgograd State University*, 17 (3), 148—157. (In Russ.)]
- Молодов О.Б. Масс-медиа в ракурсе общественного мнения в условиях кризиса // *Социальное пространство*. 2016. № 2 (4). С. 1—13. [Molodov, O.B. (2016). *Massmedia v rakurse*

- obshchestvennogo mneniya v usloviyakh krizisa. In *Sotsialnoe prostranstvo*. 2 (4), 1—13. (In Russ.)]
- Нахимова Е.А. Прецедентные феномены как доминанта политического текста // *Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления*. УрГПУ. 2014. С. 173—175. [Nakhimova, E.A. (2014). Pretsedentnye fenomeny kak dominanta politicheskogo teksta. In *Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya*, 173—175. (In Russ.)]
- Новиков Н.В. Политизация франкоязычных спортивных СМИ. Власть политического дискурса // *Политическая лингвистика*. 2015. № 2 (52). С. 206—213. [Novikov, N.V. (2015). Politizatsiya frankoyazychnykh sportivnykh SMI. Vlast politicheskogo diskursa. *Political Linguistics Journal*, 2 (52), 206—213. (In Russ.)]
- Обидов О.С. Место и роль СМИ в политике // *Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова*. 2017. № 2. С. 95—97. [Obidov, O.S. (2017). Mesto i rol SMI v politike. *News of the Institute of philosophy, political science and law named after A. Bahovaddinov of the Academy of Science of the Republic of Tajikistan*, 2, 95—97. (In Russ.)]
- Озюменко В.И. Медийный дискурс в атмосфере информационной войны: от манипуляции — к агрессии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. Том 21. № 1. С. 203—220. [Ozyumenko, Vladimir (2017). Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. (In Russ.)]
- Прилукова Е.Г. Власть симулякров // *Известия высших учебных заведений. Уральский регион*. 2013. № 5. С. 84—87. [Prilukova, E.G. (2013). Vlast simulyakrov. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Uralskii region*, 5, 84—87. (In Russ.)]
- Путин В.В. Гала-концерт в преддверии финала чемпионата мира по футболу. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58001> (дата обращения: 23.07.2018). [Putin, V.V. Galakontsert v preddverii finala chempionata mira po futbolu. <http://kremlin.ru/events/president/news/58001> (In Russ.)]
- Пушкарева В.В. Представление о России в журнале “OSTEUROPA”: проблемы толерантности. Обзор публикаций за 2008—2016 г. // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2017. Т. 1. № 1. С. 95—102. [Pushkareva, V.V. (2017). Predstavlenie o rossii v zhurnale “Osteuropa”: problemy tolerantnosti. Obzor publikatsii za 2008—2016 g. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 1 (1), 95—102 (In Russ.)]
- Русакова О.Ф., Корнеева В.А. Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния // *Теории и проблемы политических исследований*. 2016. Т. 5. № 5А. С. 195—207. [Rusakova, O.F., Korneeva V.A. (2016). Sport kak sfera primeneniya «myagkoi» I «zhestkoi» sil politicheskogo vliyaniya. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 5 (5A), 195—207 (In Russ.)]
- Саражакова А.С. Особенности освещения зарубежными СМИ процесса подготовки к чемпионату мира по футболу 2018 // *Проблемы науки*. 2018. 7 (31). С. 87—91. [Sarazhakova, A.S. (2018). Osobennosti osveshcheniya zarubezhnymi SMI protsessa podgotovki k chempionatu mira po futbolu 2018. *Problems of Science*. 7(31), 87—91. (In Russ.)]
- Солопова О.А., Чудинов А.П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia’s V-day // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. Том 22. № 2. С. 313—337 [Solopova, Olga and Chudinov, Anatoly (2018). Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: from Victory Bells to Russia’s V-Day. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 313—337. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337 (In Russ.)]

- Суходолов А.П. Идеологическая функция журналистики // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2014. № 1. С. 11—16. [Sukhodolov, A.P. (2014). Ideologicheskaya funktsiya zhurnalistiki. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 1, 11—16. (In Russ.)]
- Филонов В.И., Юдина А.В. Политический фактор в сфере большого спорта: теоретико-методологический аспект // *Вестник Поволжского института управления*. 2018. Т. 18. № 1. С. 106—112. [Filonov, V.I., Yudin, A.V. (2018). Politicheskii faktor v sfere bolshogo sporta teoretiko-metodologicheskii aspekt. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 18 (1). 106—112. (In Russ.)]
- Чернышева А.Ю. Лингвопрагматика призыва // *Филология и культура*. 2016. № 2 (44). С. 152—158. [Chernysheva, A.Yu. (2016). Lingvopragmatika prizuva. *Philology and Culture*, 2 (44), 152—158. (In Russ.)].
- Шапочкин Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 101—107. [Shapochkin, D.V. (2013). Metod kognitivnogo analiza diskursa v lingvistike. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 10 (301), 101—107. (In Russ.)]
- Bukowick, Karen Elizabeth (2004). *Truth and Symbolism: Mythological Perspectives of the Wolf and Crow*. BA, Boston College, <http://hdl.handle.net/2345/489>.
- Horniak, Richard (2016). Influence of Political Parties and the Media on the Formation of Public Opinion. *Challenges of the Future*, 1 (4), 188—200.
- Joffe, Josef (2016). Putinism or Nationalism? Neither. Opportunism. *Strategika. Conflicts of the Past as Lessons for the Present*, 37, 7—9.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko and Douglas Ponton (2019). Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz Papers in Pragmatics* (forthcoming).
- Mehraj, Hakim Khalid, Bhat Akhtan Neyaz, Mehraj, Hakeem Rameez (2014). Impacts of Media on Society: a Sociological Perspective. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 3 (6), 56—64.
- Ponton, Douglas M. and Larina, Tatiana. (2016). Discourse analysis in the 12-st century: Theory and Practice. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25.
- Shippi, Panayiotis (2012). Social and Political Factors Affecting Sporting Success in Small Countries: The Case of Cyprus. *Biomedical Human Kinetics*, 4, 38—44.
- Tomi, Leena M. (2001). Critical Analysis of American Representations of Russians. *Pragmatics*, 11 (3), 263—283.
- Thongprayoon, Boonchan, Hill, Brooks L. U.S. Mass Media and Thai Society. *Intercultural Communication Studies*, 1996, VI: 1, 53—74.
- Zirin, Dave (2013). *Game Over: How Politics Has Turned the Sports World Upside Down*. New York: The New Press.

Article history:

Received: 27 January 2019

Revised: 14 March 2019

Accepted: 25 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 января 2019

Дата принятия к печати: 25 марта 2019

Bionote:

NATALYA N. KOSHKAROVA, Doctor of Philology, Professor at the Institute of Linguistics and International Communications of South Ural State University (National Research University). Research interests include discursive studies, speech acts theory and political discourse.

Contact information: e-mail: koshkarovann@susu.ru

ORCID: 0000-0001-8861-0353

eLibrary SPIN-код: 3844-0536

Сведения об авторе:

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КОШКАРОВА — доктор филологических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и международных коммуникаций, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)». *Сфера научных интересов:* дискурсивные исследования, теория речевых жанров, политический дискурс.

Контактная информация: e-mail: koshkarovann@susu.ru

ORCID: 0000-0001-8861-0353

eLibrary SPIN-код: 3844-0536

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-820-836

Research Article

Gastronomic Vocabulary as a Feature of Nigerian English

Anna A. Borisova and Yulia N. EbzeevaRUDN University
10-2 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

Abstract

The World Englishes Paradigm studies various aspects of the English language characterized by specific peculiarities and changing as a result of contacts with indigenous languages and cultures. The history of English in Nigeria embraces 500 years of an interaction between highly different cultural systems and civilizations. Language contacts between English and the indigenous languages of Nigeria have led to its linguistic, cultural and infrastructural diversity. The aim of this article is to analyse the gastronomic vocabulary of Nigerian English influenced by the Nigerian worldview and culture. The research is focused on borrowings from African languages (mainly Yoruba and Igbo) that play a vital role in forming the culturally important lexicon of Nigerian English. The sources of the research material are dictionaries, as well as books by Nigerian writers composed in English. The analysis carried out in the course of the research allowed us to discover secondary nominations that denote Nigerian flora and cuisine, to reveal their metaphorical usage and to study corresponding figurative comparisons, idioms, proverbs and sayings. The investigation of gastronomic symbols in Nigerian speech shows universal processes of employing common gastronomic lexical units from real-life discourse as a basis for symbolization. The results of the study show that the gastronomic vocabulary and the images it creates constitute one of the most impressive Nigerian cultural codes. The knowledge of this vocabulary is instrumental in understanding those codes.

Keywords: *Nigerian English, linguistic worldview, gastronomic vocabulary, floral symbols*

For citation:

Borisova, Anna. A., Ebzeeva, Yulia N. (2019). Gastronomic Vocabulary as a Feature of Nigerian English. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 820—836. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-820-836.

Научная статья

Гастрономическая лексика как одна из особенностей нигерийского варианта английского языка

А.А. Борисова, Ю.Н. ЭбзееваРоссийский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2, Москва, Россия, 117198

Аннотация

Парадигма «Мир английского языка» (World Englishes Paradigm) изучает различные варианты проявления, которые характеризуются специфическими особенностями и изменениями вследствие контактов английского языка с автохтонными языками и культурами. История английского языка

в Нигерии охватывает 500 лет взаимодействия очень разных культурных систем и цивилизаций. Языковые контакты между английским языком и коренными языками Нигерии привели к лингвокультурному и внутривидовому разнообразию. Целью данной статьи является анализ гастрономической лексики нигерийского варианта английского языка, которая рассматривается в контексте влияния менталитета и культуры нигерийцев на их речевую деятельность. В центре внимания — заимствования из африканских языков (в основном йоруба и игбо), которые представляют собой неотъемлемый пласт культурно значимой лексики английского языка Нигерии и существенно обогащают его словарный состав. Материал для исследования извлекался из лексикографических источников, а также англоязычных художественных произведений нигерийских авторов. В ходе проведенного анализа были выявлены случаи вторичной номинации лексем, обозначающих флору Нигерии и нигерийскую кухню, их метафорическое употребление, а также их использование в сравнительных оборотах, фразеологизмах и поговорках. Исследование гастрономической символики в речи нигерийцев позволило проследить универсальные процессы использования общеупотребительных, близких повседневной жизни гастрономических лексем в качестве основы для символизации и сделать вывод о том, что гастрономическая лексика и создаваемые с ее помощью образы составляют один из ярких культурных кодов народа. Знание этой лексики играет важную роль в понимании этих кодов.

Ключевые слова: *нигерийский вариант английского языка, языковая картина мира, гастрономическая лексика, флористические символы*

Для цитирования:

Борисова А.А., Эбзеева Ю.Н. Гастрономическая лексика как одна из особенностей нигерийского варианта английского языка // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 820—836. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-820-836.

1. Введение

Распространение английского языка на все континенты, в том числе на африканский, привело к появлению ряда вариантов английского языка, «отличающихся друг от друга тем, что в каждом из них проецировалась культура их пользователей, и нередко в формирующиеся варианты переносились черты родных языков пользователей» (Прошина 2017:7). Первые научные изыскания в области контактной вариантологии английского языка, объединившей социолингвистов, лингвокультурологов и литературоведов, появились в 1950—1960-е гг. в трудах британского лингвиста Д.Р. Фирта, который утверждал, что английский язык «международный не только в Европе, но и в Азии и Африке и служит образу жизни африканских народов...» (Firth 1956/2006: 204). В это же время появились труды известного лингвиста Б. Качру, который изучал индийский вариант английского языка, а также работа отечественных ученых Т.М. Беляевой и И.А. Потаповой «Английский язык за пределами Англии» (1961), изучавшими функционирование английского языка за пределами проживания англосаксов. Тем не менее, данная парадигма до сих пор не получила большого распространения в отечественной науке. В 2017 г. была опубликована монография известного российского лингвиста З.Г. Прошиной «Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории», рассматривающая основополагающие и дискуссионные проблемы новой лингво-методической парадигмы, связанной с глобальным распространением английского языка в мире и его диверсификацией. Данная парадигма, известная как *World Englishes Paradigm*, сосредоточена на вариантных проявлениях языка, который характеризуется специфическими особенностями

и претерпевает изменения в результате взаимодействия с автохтонными языками и влияния автохтонной культуры. Следует отметить, что в последние годы нигерийские ученые также проявляют все больший интерес к изучению особенностей английского языка в Нигерии (Igboanusi 2002, Bamgbose 1998, Banjo 1995).

Важным достижением лингвистики на современном этапе является то, что «...язык уже не рассматривается «в самом себе и для себя»; он предстает в новой парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека» (Маслова 2017: 4). Современная антропоцентрическая парадигма существенно раздвигает рамки лингвистических исследований, которые сфокусированы на деятельностной природе языка и его участии в процессе жизнедеятельности человека и социума, и объединила усилия представителей различных дисциплин, изучающих человека, на вопросах взаимодействия языка, менталитета, культуры, языкового сознания и языковой картины мира.

Лингвисты активно занимаются изучением того, каким образом знания человека о мире, фоновые знания структурируются в языке в процессе языковой коммуникации (Арутюнова 1999, Богданова 2017, Карасик 2009, 2016; Gladkova & Larina 2018a, b; Goddard & Wierzbicka 2014, Kecskes 2014, Larina et al. 2017; Schnurr & Zayts 2017, Wierzbicka 2003, 2006 и многие др.). Язык воплощает культуру его носителей, предоставляя говорящему средства для выражения актуальных понятий и отношений. Процессы категоризации непосредственно связаны с человеком, его представлениями о мире и особенностями его восприятия. Носитель языка характеризует окружающий его мир при помощи особых языковых символов, которые образуют код культуры, специфичный для каждой национальной культуры. В процессах категоризации мира проявляются коды культуры, которые реализуются в языке.

Большое внимание уделяется проблеме отражения картины мира в языке, в рамках которой разрабатывается производное понятие «языковая картина мира», которая, по определению Н.Ф. Алефиренко, в конечном итоге есть «воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности» (Алефиренко 2016: 134). И.В. Зыкова отмечает, что «полным вариантом обозначения картины мира принято считать такое обозначение, как «концептуальная картина мира», которая характеризуется как «сложное концептуальное явление (образование), неотъемлемо связанное с человеческим познанием окружающей действительности и знанием о ней, их (т.е. познания и знания) границ и глубины (Зыкова 2015: 24).

На современном этапе исследования языка лингвокультурология изучает особое культурное пространство — коды культуры. Образы пищевых продуктов и всего, что с ними связано, составляют один из самых богатых и разветвленных культурных кодов любого народа (Маслова, Пименова 2016: 87). Разнообразные виды пищевых продуктов, традиции приготовления блюд, связанные с ними праздники и ритуалы имеют непосредственное отношение к основной системе ценностей народа.

В нашей статье мы основываемся на том, что современные варианты английского языка — это явления как лингвистические, так и культурно-мировоз-

зренческие и лингвокультурологические. Они отражают культуру и менталитет народов и имеют следы переноса некоторых черт родного языка и родной культуры, что необходимо для сохранения их лингвокультурной идентичности.

Нигерийский вариант английского языка, как и другие его варианты, хранит ценности культуры, отношения и символы, которые запечатлены прежде всего в его лексике и фразеологии. Целью данного исследования является рассмотрение лингвокультурологического своеобразия нигерийского варианта английского языка на примере гастрономической лексики в контексте влияния менталитета и культуры нигерийцев на их речевую деятельность. Главная задача нашей работы — интерпретация нигерийского культурного пространства на примере гастрономической лексики, установление взаимосвязи своеобразия нигерийского варианта английского языка с менталитетом и фрагментами языковой картины мира нигерийцев.

Материал извлекался из лексикографических источников (*A Dictionary of Nigerian English Usage*, Н. Igboanusi; *Igbo-English Dictionary*, М. Echeruo; *Yoruba-English/English-Yoruba Dictionary and Phrasebook*, С. Oyeleke, А. Mawadza), а также англоязычных художественных произведений нигерийских авторов (Ch. Achebe, Ch.N. Adichie, S. Atta, F. Nwapa, I. Okoye and L. Shoneyin).

Было проанализировано 9 произведений шести англоязычных нигерийских писателей общим объемом 2500 страниц, из которых рассмотрено более 100 репрезентативных примеров.

2. Языковая и социокультурная ситуация в Нигерии

Английский язык в Нигерии является результатом тесного взаимодействия на протяжении почти 500 лет принципиально отличных культурных систем и цивилизаций. В период колониального господства британцы принесли в страну английский язык, христианство и элементы англосаксонской культуры. Нигерия является самой полиэтнической страной в Африке к югу от Сахары, где английский является официальным языком в рамках федеральной конституции и служит образу жизни нигерийцев. Нигерия относится к одной из крупнейших англоговорящих и многоязычных стран. В ней насчитывается более 250 этнических групп, представители которых говорят на 521 языке. Около 70% населения приходится на три народа: игбо, йоруба и хауса. В результате английский язык взаимодействует с нигерийскими автохтонными языками, в первую очередь игбо, йоруба, хауса. Языковые контакты английского языка, языка бывшей метрополии, и местных языков Нигерии привели к лингвокультурологическому и внутрискруктурному своеобразию.

В силу особенностей природной среды обитания народа, его основного исторического рода занятий (охота — рыболовство — скотоводство — земледелие), его культурно-исторического развития национальная кухня является одной из самых специфичных областей бытования народа, что, конечно, отражается на ее лингвистическом обеспечении (на системе наименований, относящихся к пищевому сырью, полуфабрикатам, готовым блюдам и рецептуре их изготовления, а также на символике этих наименований) (Маслова, Пименова 2016: 29).

Национальная кухня Нигерии является органичной частью западноафриканской кухни и отчасти всей Субтропической Африки, которую отличают специфические способы приготовления и потребления пищи, что получает отражение в языке. Культурологически представляет интерес пример, где известная нигерийская писательница Чимаманда Нгози Адичи перечисляет гастрономические пристрастия нигерийцев, всеядность своих соотечественников, создавая образ этнокультурной идентичности нигерийцев:

Nigeria is a nation of people who eat beef and chicken and cow skin and intestines and dried fish in a single bowl of soup, and it is called assorted (Нигерия — это нация людей, которые едят говядину, курицу, коровью кожу и кишки, и сушеную рыбу в одной тарелке супа, и этот суп называется «ассорти».) (Americanah, 2013: 421).

Национальная кухня нигерийцев, ее отражение в языке, является фрагментом картины мира африканских народов. Богатство флоры и фауны, климат Тропической Африки влияют на традиции национальной кухни, на способы приготовления блюд. Для понимания своеобразия нигерийской кухни необходимо принимать во внимание этнокультурную неоднородность нигерийцев. Блюда национальной кухни Нигерии традиционно подразделяют на южные и северные, что связано с различными ингредиентами, входящими в их состав. На юге страны традиционными продовольственными культурами, получившими наибольшее распространение, являются ямс и маниок. В северных штатах главные продовольственные культуры — просо и сорго, которые дают достаточно устойчивые урожаи при недостатке влаги. Здесь выращивают бобовые, кукурузу, рис, томаты, овощи. Из плодов масличной пальмы и арахиса получают растительные жиры.

По оценкам нигерийского лингвиста Г. Игбоануси, некоторые гастрономические термины, распространенные в нигерийском варианте английского языка, встречаются в других англоязычных странах Западной Африки, таких как Гана, Камерун, Сьерра Леоне: *foo-foo/fufu* — (йоруба) блюдо из кассавы; *egusi soup* — (йоруба) — суп из семян дыни; *suya* — (хауса) запеченное мясо со специями (Igboanus 2002: 22). Это свидетельствует о единстве западноафриканского гастрономического тезауруса и об обогащении западноафриканских вариантов английского языка заимствованиями из автохтонных языков Нигерии.

Изобилие культурно-специфичных наименований национальной кухни в английский вариант английского языка часто делает его трудным для понимания. Наглядный пример, свидетельствующий о необходимости знания реалий из сферы гастрономии Нигерии для успешной коммуникации находим в работе нигерийского исследователя Т. Аджани, который приводит разговор в ресторане между официантом и посетителем:

Bola: What do you have on the menu today?

Waiter: We have dodo, akara, amala, eba and tuwo.

Bola: What about soup, what kind of soup do you have for today?

Waiter: We have egusi soup, ewedu and ogbono. Which one would you prefer? We also have bush meat, obokun, oku-Eko and ponmo.

Bola: Okay, give me a plate of amala, egusi soup and bush meat... How much will that be?

Waiter: twenty naira and fifty kobo.

Бола: Что у Вас сегодня в меню?

Официант: У нас есть додо, амала, эба и туво.

Бола: А что насчет супа, какой у Вас сегодня есть суп?

Официант: У нас есть суп эгуси, эведу и оногбо. Какой Вы предпочтете? У нас также есть дикое мясо, обокун, оку-эко и понмо.

Бола: Хорошо, принесите мне тарелку амалы, эгуси суп и дикое мясо. Сколько это будет стоить?

Официант: двадцать найр и пятьдесят кобо (Ajani 2007).

В этом примере мы видим много наименований нигерийской кухни, которые заимствованы из трех основных нигерийских языков. *Dodo* (жареный плантен), *akara* (блюдо из коровьего гороха), *amala* (блюдо из ямса), *eba* (блюдо из клубней кассавы), *egusi* (суп из дыни), *ewedu* (соус из листьев растений), *obokun*, *oku-eko* и *ponmo* являются заимствованиями из йоруба. *Tuwo* — это популярная еда у хауса, в то время как *ogbona* — это суп, популярный у игбо. Данный фрагмент подтверждает, что «каждая этнокультура до сих пор в значительной мере является «вещью в себе», малопонятной для носителей иных (особенно генетически и типологически удаленных) культур и языков» (Маслова, Пименова 2016: 28—29).

В художественном тексте находим интересный лингвокультурологический пример, свидетельствующий о важности приема пищи в нигерийской культуре и скрытом подтексте, понять который можно только при наличии знаний культурного фона:

What he took back to Harrison were the compliments from the guests about how pretty everything was, but he did not add that the guests then bypassed his canapés to eat Ugwu's pepper soup and moi-moi and chicken boiled in bitter herbs. — Он передал Харрисону комплименты от гостей о том, как все было хорошо, но он не упомянул, что гости не стали есть его канапе, потому что ели приготовленный Углу перечный суп, мой-мой и тушенную в горьких травах курицу (Adichie 2006: 109).

3. Флористические символы Нигерии: *yams* и *kola nuts*

Многие растения издавна служат основой питания народов Нигерии и входят в рецептуру многих блюд национальной нигерийской кухни, что, соответственно, находит отражение в языке. В рационе питания африканцев основным элементом исторически являлись зерновые и ямс. Широкое распространение флористического символа *yams* (ямс) в произведениях нигерийских авторов позволяет считать его одним из ключевых в нигерийской культуре и в языковой картине мира нигерийцев. В лексеме *yams* для африканцев воплощена культурно значимая информация: ямс является наиболее типичным растением в Нигерии, одним из основных продуктов питания, из которого готовят традиционные блюда.

Будучи одним из главных продуктов питания в Нигерии, ямс ассоциируется с различными ритуалами и празднествами. После окончания уборки урожая отмечается праздник молодого ямса — *ahiajoku* или *new yam festival*, названный по имени бога ямса у народности игбо, когда исполняются ритуальные танцы и дегустируются блюда, приготовленные из молодого ямса. Перед употреблением собранного урожая ямса необходимо принести его в дар богам. Таким образом, жители деревень благодарят своих предков и богов за благословение земли и плодородие.

Проведенный нами анализ лексикографического материала, а также этноспецифических текстов свидетельствует о том, что название этого растения достаточно широко используется в речи нигерийцев как основание для образования переносных значений и закрепляется в составе фразеологизмов и паремииологии. Лексему *yam* (ямс) находим в нигерийских пословицах и поговорках:

A child's fingers are not scolded by a piece of hot yam which its mother puts into its palm. — Пальцы ребенка никогда не обожжет кусок горячего ямса, который его мать кладет ему в руку (Мать плохо не сделает) (Achebe 1958: 63).

Ярким свидетельством важности данного растения в жизни нигерийцев, являющегося традиционным ежедневным продуктом питания, представляется следующий пример из произведения нигерийской писательницы Л. Шонейин, который является образцом языкового творчества носителя нигерийского английского языка:

- (1) *Whether we accompany our palm oil with yam or we accompany our yam with palm oil, the most important thing is to have a good meal of oil-soaked yam. We must help each other.* — Едим ли мы ямс с пальмовым маслом, или пальмовое масло с ямсом, самое главное — съесть вкусное блюдо из ямса в масле. Мы должны помогать друг другу (Shoneyin 2010: 100).

Лексема *yam* (ямс) часто используется в сравнительных оборотах при положительных оценках качеств, свойств, умений. Следующие компаративные обороты характерны для определенного семиотического пространства и являются национально-специфичными:

- (2) *For, our fathers said that old friends are like the heads of yams that grow and don't die.* — Наши отцы говорили, что старые друзья как головы ямса, растут и не умирают (Nwapa 1966:163);
- (3) *He grew rapidly like a yam tendril in the rainy season.* — Он вырос быстро, как побег ямса в сезон дождей (Achebe 1958: 52);
- (4) *It (her English) reminded him of a slicing a yam with a newly sharpened knife, the easy perfection in every slice.* — Ее английский был подобен тому, как режут ямс наточенным ножом, легкость и совершенство в каждом кусочке (Adichie 2006: 22).

Эти красочные сравнения (2—4) передают национально-культурные особенности мировидения и уникальный колорит языка, являясь ярким вербальным средством выражения особенностей нигерийской культуры.

В нашем материале встретилось метафорическое употребление лексемы *yams*, что представляется важным фактом, так как, по справедливому замечанию А.П. Чудинова, «метафора относится к числу тех феноменов, в которых наиболее ярко проявляется «душа народа», его ментальный мир» (Чудинов 2004: 29). В следующем примере (5) нигерийская писательница Флора Нвапа использует красочную метафору, сравнивая луну с кусочком ямса, которого хватает, чтобы осветить весь мир:

- (5) *«What a bright moon», Efurū remarked. «Yes, how bright it is. The wonderful work of nature. A piece of yam that is sufficient for all the world».* — «Какая яркая луна», заметила Эфуру. «Да, какая она яркая. Прекрасное творение природы. Кусочек ямса, которого хватает, чтобы осветить весь мир» (Nwapa 1966: 13).

Приведем еще некоторые примеры вторичной номинации лексемы *yam* в произведениях нигерийских писателей:

- (6) *Leave the white people out of it. Everybody knows they always rush to any place that has cooked yams ready for them to eat.* — Не впутывай сюда белых. Все знают, что они всегда спешат в любое место, где их ждет готовый ямс (Emecheta 1994: 3);
- (7) *...a girl who wore a miniskirt to evening lesson even though she had fat yams on her legs* — ...девочка, которая надела мини-юбку на вечерний урок, хотя у нее на ногах был жирный ямс (Adichie 2004: 141).

В примере (6) *cooked yams* приобретает значение «все готовое», в примере (7) словосочетание *fat yams* используется для описания внешнего вида полного человека.

Другой флористический символ нигерийской лингвокультуры — это *kola nut* (орех кола), являющийся с давних времен одним из знаковых элементов традиционной культуры. В жизни нигерийцев орех кола, содержащий кофеин и являющийся природным стимулятором, имеет большое значение. Его жуют для подкрепления сил, чтобы утолить голод, во время выполнения тяжелой физической работы.

Однако орехи кола играют в традиционной культуре намного более важную роль, чем пищевая добавка. У разных народов страны они являются неотъемлемой частью различных церемоний. Ни одно праздничное застолье не обходится без орехов кола. У народов юга Нигерии они являются знаком гостеприимства. Если хозяин не может предложить гостю орех колы, он должен принести извинения. У народности йоруба принято дарить орехи кола уходящему гостю, при этом имеет значение количество орехов: нечетное количество орехов означает, что хозяин не проявляет очень дружественных чувств к гостю и не хочет продолжать с ним знакомство; четное количество орехов выражает дружеское отношение хозяина. В некоторых общинах народности игбо отмечались ограничения для женщин в отношении орехов кола, когда женщинам не разрешалось культивировать растение, а также раскалывать орехи в присутствии мужчин. В традиционной культуре орех кола считался лучшим подарком, который дарил жених семье невесты. Чем больше орехов дарил жених, тем больше он выказывал свое желание вступить в брак и проявить уважение к семье невесты. Он также используется в церемонии жертвоприношений и в церемонии предсказания судьбы. Согласно обычаю, богатые нигерийцы во время традиционных праздников раздавали беднякам орехи кола, демонстрируя свою щедрость. В патриархальные времена орехи кола и пальмовое вино употреблялись земледельцами в знак завершения их коллективного труда.

Приведем пример актуализации лексемы *kola* из романа Ф. Нвапы, свидетельствующий о важности данного флористического символа:

- (8) *We shall have kola before the business. It is a pity my husband is not at home. He went to the farm. Efuru brought two big kola-nuts. They were fit only for kings. She put them before the men, with some alligator pepper. The spokesman took one kola-nut and blessed it. Then he broke it and gave the men.* — Нам стоит съесть орехи кола перед тем, как приступать к делу. Очень жаль, что моего мужа нет дома. Он

ушел на ферму. Эфуру принесла два больших ореха кола. Они были королевского размера. Она поставила их перед мужчинами вместе с крокодилийм перцем. Главный мужчина за столом взял орех кола и благословил его. Затем он разбил его и дал мужчинам (Efuru 1966: 9).

Церемония ореха кола описана в романе Чинуа Ачебе «Все распадается» (1959), где можно встретить ссылку на процесс употребления ореха кола как минимум 10 раз, что подчеркивает его важную роль в традиционной культуре Нигерии. Орехами кола угощают не только в торжественных и радостных случаях, но и при выражении соболезнования, когда соседи, односельчане, родственники приходят, чтобы выразить соболезнования в связи со смертью человека. В романе Ф. Нвапы «Эфуру» находим следующий пример:

- (9) *Kola was brought and as they were having the kola, other sympathizers came and join them. Some greeted Efuru and sat down to have their own share of kola or palm wine. Others said a few things in praise of the dead man.* — Принесли орехи кола, и пока они их ели, другие сочувствующие присоединились к ним. Некоторые поздравлялись с Эфуру и сели, чтобы съесть свою порцию орехов кола и выпить пальмового вина. Другие сказали несколько слов в память о покойном (Nwapa 1966: 205).

Важно отметить, что на примере лексемы *kola* также прослеживаются вторичные номинации. Нигерийцы употребляют данную лексему в значении «взятка» или «подкуп». В словаре английского языка Нигерии Г. Игбоануси посвящает отдельные страницы символике этой лексемы в речи нигерийцев:

- Officer, please, help me. I will give you some cola.* — Офицер, пожалуйста, помогите мне. Я дам Вам немного денег (Igboanus 2002: 62).

Значение имени «cola» (ореха кола) уподобляется подкупу, что мотивировало соответствующее переносное значение.

4. Гастрономическая символика и флористические символы в языковой картине мира нигерийцев

Гастрономическая лексика иллюстративна для рассмотрения национально-культурного своеобразия нигерийского варианта английского языка, языковой картины мира нигерийцев и ее отражения в развитии лексической системы. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что она является яркой чертой нигерийского варианта английского языка, свидетельствующей о его лексико-семантической и лексико-фразеологической специфике.

В данной статье мы не ставим задачу подробного описания выявленной нами гастрономической лексики, вошедшей в нигерийский вариант английского языка. Ограничимся лишь некоторыми примерами, свидетельствующими об уникальности нигерийской кухни и лексики, обслуживающей данную сферу деятельности человека.

Chin-chin (чин-чин) — это популярная закуска в Западной Африке, представляющая собой сладкое, хрустящее, похожее на пончик тесто из пшеничной муки (с добавлением молока и сахара), также может готовиться из коровьего гороха (cowpea) с добавлением земляного ореха для аромата.

Jollof rice (рис джоллоф) — одно из традиционных блюд африканской кухни Нигерии (*jollof* происходит от средневекового государства Джолоф). Это блюдо иногда называют *benachin* (беначин), что в переводе с языка волоф означает «один горшочек». Рис с мясом тушат, заправляют помидорами, луком и перцем.

Fufu (фуфу) — традиционное блюдо национальных кухонь не только Нигерии, но и народов Западной Африки в целом. Представляет собой пюре или кашу, которую обычно готовят из толченой кассавы, ямса, реже бананов, батата, маиса или риса. В качестве специй и соусов служат окра (бамия) и томатные соусы. Фуфу подается в виде шариков, которые макают в соус и едят.

Garri (гари) (в Гане — *gari*, а в некоторых регионах субсахарской Африки — *gali*) — популярное в Нигерии и Западной Африке блюдо из клубней кассавы, которое может употребляться в пищу как закуска, а также готовится каша, которая у игбо называется *utara*, у йоруба — *eba*, у хауса, в северной части страны — *teba*. Термин *gari* в основном употребляется в Нигерии, Камеруне, Сьерра Леоне, Бенине и Того. Данное слово входит в состав фразеологизма *to pour sand into someone's garri*, имеющего значение «создать кому-либо проблему».

В произведениях нигерийских англоязычных авторов нами встретились многочисленные иллюстрации употребления и приготовления различных блюд нигерийской кухни. Внимание писателей к деталям, малоизвестным европейскому читателю, способствует созданию достоверного нарратива:

- (10) *I watched her pound the cocoyams, dipping the pestle often into the bowl of water so the cocoyam wouldn't stick too much to it. Still, the sticky white mash clung to the pestle, to the mortar, to Auntie Ifeoma's hand. She was pleased though, because it would thicken the onugbu soup well.* — Я смотрел, как она толкла таро, окуная пест в миску с водой, чтобы таро сильно не прилипал к нему. И все же, липкая белая масса прилипла к песту, к ступе, к руке тетюшки Ифеомы. Тем не менее, она была довольна, потому что это сделает блюдо онугбу достаточно густым (Adichie 2004: 165—166).
- (11) *Lunch was fufu and soup. The fufu was smooth and fluffy, she made it well; she pounded the yam energetically, adding drops of water into the mortar, her cheeks contracting with the thump-thump-thump of the pestle* На ланч был фу-фу и суп. — Фу-фу был мягкий и воздушный, она хорошо приготовила его; она энергично взбила ямс, добавив немного воды в ступу, ее щеки сотрясались каждый раз, когда она толкла пестом ямс. (Adichie 2004: 11).
- (12) *I molded my fufu into small balls with my fingers, dipped it in the soup, making sure to scoop up fish chunks, and then brought it to my mouth.* — Я слепил мелкие шарики из фу-фу, окунал их в суп, и убедившись, что я достал из тарелки мелкие кусочки рыбы, клал их в рот. (Adichie 2004: 12).

Следует отметить, что лексема *soup* в нигерийском английском называет не отдельное блюдо, а подливу, соус, который едят с основным блюдом, главным образом с традиционными нигерийскими кушаньями, приготовленными из корнеплодов, таких как ямс, маниок, таро. Такие соусы готовят из листьев растений, едят с мясом, рыбой или морепродуктами. В данном случае наблюдается семантическое сужение значения лексической единицы. Что касается конкретных обозна-

чений таких супов, то они также отличаются разнообразием. Приведем лишь несколько примеров.

Egusi soup — суп из дыни egusi (эгуси), один из наиболее популярных супов в южной Нигерии, представляет собой густую овощную подливку, которая подается к отварному рису, толченому пюре из ямса, жареным бананам. Основа эгуси — семена и ломтики сухой дыни, которые жарят в пальмовом или арахисовом масле, с луком, перцем и помидорами. Их можно тушить с мясом, курицей или рыбой и подавать также с фуфу.

Akara soup (суп акара) — готовят из бобов, перца, лука, помидоров, которые толкут, а потом обжаривают.

Elele soup (элеле суп) — готовят с добавлением к этим продуктам сушеной рыбы или креветок.

Ogbono soup (огбоно суп) — популярен у народности игбо, где его готовят из семян манго.

Ofe nsala или **Igbo white soup** — рыбный суп, который популярен в восточной части Нигерии, имеющий также название «белый суп» из-за своего светлого цвета, ввиду отсутствия в нем пальмового масла. В самом традиционном варианте используется сом в виде целой рыбы, также он готовится из морского угля.

Pepper soup (перечный суп) (у игбо — ngwongwo) — популярное нигерийское блюдо, которое готовится из разных видов мяса, рыбы, курицы. В качестве специй в суп обычно добавляется африканский мускатный орех (ehu seeds). Существует фразеологизм *to be high on pepper soup* — осмелеть.

- (13) *His words surprised him. He had stepped out of himself. He was high on pepper soup.* — Его слова удивили его. Он превзошел себя. Он осмелел (Adichie 2013: 25).

С мучными блюдами нигерийцы употребляют острые приправы. Существует множество видов перца, которые часто используются в сочетании с другими пряностями и добавляются, в том числе, в сладкие блюда и освежающие напитки. Острые приправы не только украшают пресные мучные изделия, но и являются прекрасным профилактическим средством желудочных инфекций. Среди них «крокодилий» перец (*alligator pepper*) — дорогая специя в Западной Африке для супов и риса, отличающаяся жгучестью; мелкие зерна перца подают в тарелочках, чтобы желающие могли попробовать его на вкус. У игбо по традиции, когда новорожденному исполняется всего несколько дней, ему дают немного крокодильего перца, чтобы ребенок, согласно поверью, не был глухонемым:

- (14) *When the baby was five days old, Ajanupu told her sister that it was time to put alligator pepper in her mouth so that her tongue will be free. If this was not done, Ajanupu said, the baby might be deaf and dumb.* — Когда девочке было 5 дней, Аджанупу сказала сестре что пора положить ей в рот крокодилий перец, чтобы освободить ей язык. Если это не будет сделано, ребенок может быть глухонемым (Efuru 1966: 3).

Когда у представителей народа йоруба рождается ребенок, ему дают немного этой специи (*atare*) в рамках праздника наречения имени малыша (*naming cere-*

mony). Этот ингредиент является традиционным на разных праздниках. У народа игбо крокодилий перец и орех кола подаются гостям. Представляет интерес вторичная номинация названий этого продукта. С лексемой *pepper* находим следующие фразеологизмы:

to pepper somebody — разозлить кого-либо:

He is doing this to pepper me. — Он делает это, чтобы разозлить меня (Atta 2010: 57);

to smell pepper — получить неприятности;

to show pepper — наказать, разобраться с кем-то:

I will show you pepper today. — Я тебе сегодня покажу! (Igboanusi 2002: 251).

Приведем еще несколько примеров фразеологизмов и пословиц, компонентами которых выступают наименования еды или напитков:

coconut-head — тугодум:

You have a coconut-head. — У тебя голова как кокос (ты тупой) (Igboanusi, 2002: 79);

to bring palm wine (пить пальмовое вино) — свататься;

wine-carrying ceremony — церемония сватовства, когда родня жениха приходит с вином и другими подарками для знакомства с родителями невесты.

Лексема *bread-fruit* (хлебное дерево) употребляется в нигерийской пословице, которая отражает картину мира и древнюю устную традицию народов страны:

The bread-fruit which chooses to fall on the day of festivity has not fallen early enough — всему свое время.

Благодаря пословицам, патриархальная община продолжала вековые традиции и порядки, способствуя формированию нормы отношений, воспитывая идеального африканца. Такие изречения выражают законченную мысль об окружающей действительности и являются истиной в глазах представителей данной лингвокультуры.

В нашем материале мы обратили внимание на то, что в нигерийском варианте английского языка реалии окружающего мира, имена нигерийской флоры являются основаниями для сравнений и представляют элемент особого взгляда на действительность, который фиксируется языковой картиной мира (ЯКМ) нигерийцев:

(15) *The girl swung her hips like a ripe mango on a tree.* — Девушка покачивала бедрами подобно тому, как качается созревшее манго на дереве (Shoneyin 2010: 98).

(16) *When she opens her mouth English begins to pour from it like heated palm oil.* — Когда она открывает рот, английский язык начинает литься из него как разогретое пальмовое масло (Shoneyin 2010: 4).

(17) *“She is very fair, she looks mixed, and the thing is that she is not even pretty, she has a face like an overripe yellow pawpaw”.* — Она очень светлокожая, она выглядит как полукровка, и дело в том, что она не просто симпатичная, ее лицо выглядит как спелая желтая азими́на (Adichie 2009: 10).

Уточним, что азими́на (*paw paw*) представляет собой двудольные цветковые растения, дающие плоды, похожие на манго. Нигерийцы часто варят листья дерева

и используют их в лечении простуды и малярии. Еще один компаративный оборот из нигерийского художественного дискурса отражает национальную картину мира:

- (18) *Even though she must have been nearing sixty, Segun's mother's skin glistened like the flesh of a pawpaw sliced open.* — Несмотря на то, что ей было к шестидесяти, кожа у матери Сегуна блестела как мякоть разрезанной азимины (Shoneyin 2010: 178).

Для нигерийской языковой картины мира характерно приписывание растениям свойств и признаков человека, в традиционном народном восприятии они относятся к разряду живой природы. Пример находим в произведении нигерийской писательницы Ч. Адичи:

- (19) *I've seen him talking to the krotan plant.* — Я видел, как он разговаривал с кротаном (Adichie: 2006). Кротан (*krotan plant*) — тропическое и субтропическое растение, распространенное в Нигерии.

Лексема *cashew* (*cashew tree* — дерево, плод которого является распространенным продуктом питания в Нигерии) встречается как метафора, которая представляет человека через растительную номинацию, что отражает индивидуально авторскую картину мира:

- (20) *She was walking across the yard towards him. She had only a wrapper tied around her chest, and as she walked, he imagined that she was a yellow cashew, shapely and ripe.* — Она шла через двор к нему. На ней была только юбка, завязанная на груди, и пока она шла он представлял, что своими формами она похожа на желтый зрелый плод кешью (Adichie 2006: 24).

Лексема *cassava* (важное пищевое корнеплодное тропическое растение, которое широко распространенная в Нигерии) также встречается в произведениях нигерийских писателей в сравнительных оборотах:

- (21) *The ride to his village was mostly silent. As they drove past some farms with rows and rows of corn and cassava like a neatly plaited hairstyle, Master said, 'See?'* — По дороге в деревню они в основном молчали. — Когда они проезжали мимо ферм с многочисленными посадками кукурузы и маниока, похожими на аккуратно заплетенные косички, Мастер спросил: «Видишь?». (Adichie 2006: 88).
- (22) *I was compensation for the failed crops. I was just like the tubers of cassava in the basket.* — Я была компенсацией за пропавший урожай. Я была как клубни маниока в корзине (Shoneyin 2010: 82).

Таким образом, реалии окружающего мира, имена африканской флоры становятся основаниями сравнений и представляют элемент своеобразного взгляда на действительность, который фиксирует ЯКМ нигерийцев. Такие сравнения не будут употребляться представителями иной семиосферы. Возникновение образных сравнений объясняется особенностями менталитета нигерийцев, наличием специфических местных реалий и установлением своеобразных ассоциативных связей в сознании нигерийцев.

5. Заключение

Контактная вариантология английского языка открыла новые области междисциплинарных исследований: социолингвистических, лингвокультурологических, лингвокогнитивных. Английский язык в Нигерии является одним из вариан-

тов английского языка, который сложился в результате языкового контакта и имеет специфические черты, отражая автохтонную культуру. В статье была рассмотрена гастрономическая лексика нигерийской кухни и ее символизация, в первую очередь в этноспецифических художественных текстах англоязычных писателей Нигерии. Представленный материал показывает, что нигерийское лингвокультурное пространство является самостоятельным образованием и отражает нигерийские доминанты культуры, имманентные им ассоциации и символы. Национальная кухня Нигерии является важным аспектом культурной жизни страны, а ее языковая символика, коммуникативная значимость образуют фрагмент картины мира нигерийцев.

Ближайший предметный мир, к которому относится повседневная кухня, становится основой для образного осмысления мира и важной частью национальной языковой картины мира. Рассмотрение лексики, относящейся к тематической группе «национальная кухня» позволяет сделать вывод, что в нигерийском варианте английского языка новые слова образуются с использованием собственно английского и заимствованного лексического материала из автохтонных языков, в основном йоруба и игбо. Рассмотрение гастрономической терминологии в речи нигерийцев существенно обогащает лингвокультурологическое представление о формах существования английского языка, а также показывает универсальные процессы использования общеупотребительных, близких повседневной жизни гастрономических лексем в качестве основы для символизации. Фразеологизмы, связанные с гастрономической лексикой, ярко показывают особенности африканской ментальности. Реалии окружающего мира, зафиксированные лексическими единицами, задают эталоны сравнительных оборотов, пословиц, поговорок, фразеологических единиц, тех элементов специфического взгляда на действительность, который отражен языковой картиной мира нигерийцев. Исследование коммуникативной значимости гастрономической терминологии дает представление о развитии лексики языка, а также о менталитете и языковой картине мира нигерийцев.

© А.А. Борисова, Ю.Н. Эбзеева 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ФИНАСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS:

The research done for this work has been funded by 5-100 Project at RUDN.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2016. [Alefirenko, Nikolay F. (2016). *Lingvokul'kurologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* (Linguoculturology. Axiological space of the language). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. [Arutyunova, Nina D. (1990). *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the world of a human). 2 ed. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)]
- Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. No 4. С. 729—748. [Bogdanova, Lyudmila I. (2017). The Reflection of Evaluation in Russian Language Dictionaries. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 729—748] doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748.
- Германова Н.Н. Введение в языкознание. Язык в социокультурном контексте. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2017. [Germanova, Natalia N. (2017). *Vvedenie v yazykoznanie. Yazyk v sotsiokul'turnom kontekste* (Introduction to linguistics. Language in the social and cultural context). Moscow: MGLU “Rema”. (In Russ.)]
- Зыкова И.В. Коцептосфера культуры и фразеология. М.: Ленанд, 2015. [Zykova, Irina V. (2015). *Kotseptosfera kul'tury i frazeologiya* (Sphere of concepts and phraseology). Moscow: Lenand. (In Russ.)]
- Исмагилова Р.Н. Народы Нигерии. М.: Издательство Восточной литературы. 1963. [Ismagilova, Rosa N. (1963). *Narody Nigerii* (Peoples of Nigeria). Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi literatury. (In Russ.)]
- Исмагилова Р.Н. История Нигерии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1981. [Ismagilova, Rosa N. (1981). *Istoriya Nigerii v novoe i noveishee vremya* (The history of Nigeria in new and contemporary times). Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Исмагилова Р.Н. История романых форм в литературах Африки / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Восточ. лит., 2010. [Ismagilova, Rosa N. (2010). *Istoriya romannykh form v literaturakh Afriki* (The history of novel in African literature) / Institut mirovoi literatury A.M. Gor'kogo RAN. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. [Karasik, Vladimir I. (2009). *Yazykovye klyuchi* (Language keys). Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. No 4. С. 56—77 [Karasik, Vladimir I. (2016). Discourse Manifestation of Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 56—77. (In Russ.)]
- Кочакова Н.Б. Традиционные культуры народов Нигерии. М.: ИАФР. РАН, 2008. [Kochakova, Natalia B. (2008). *Traditsionnye kul'tury narodov Nigerii* (Traditional cultures of Nigerian peoples). Moscow: IAFR. RAN. (In Russ.)]
- Лаптухин В.В. Пять тысяч километров по Нигерии. М.: Мысль, 1975. [Laptukhin, Viktor V. (1975). *Pyat' tysyach kilometrov po Nigerii* (Five thousand kilometers from Nigeria). Moscow: Mysl'. (In Russ.)]
- Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. [Maslova, Valentina A., Pimenova, Marina V. (2016). *Kody lingvokul'tury* (Linguocultural codes). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2017. [Maslova, Valentina A. (2017). *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* (Introduction to cognitive linguistics). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]
- Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2009. [Mechkovskaya, Nina B. (2009). *Obshchee yazykoznanie. Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* (General linguistics. Structural and social typology of languages). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]
- Найденова Н.С. Лингвистический анализ этноспецифического художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2014. [Naidenova, Natalia S. (2014). *Lingvisticheskiy analiz etnospetsifi-*

- cheskogo khudozhestvennogo teksta (Linguistic analysis of an ethnospecific literature). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]
- Нигерия. Справочно-монографическое издание / отв. редакторы И.Г. Большов, Т.С. Денисова. М.: ИАФР РАН, 2013. [Bolshov, Igor G., Denisova, Tatiana S. (eds.) (2013). *Nigeriya. Spravochno-monograficheskoe izdanie* (Nigeria. Reference book). Moscow: IAfr RAN. (In Russ.)]
- Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. [Proshina, Zoya G. (2017). *Kontaktnaya variantologiya angliiskogo yazyka. Problemy teorii*. World English Paradigm (World Englishes Paradigm. The problems of theory). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]
- Сапрыкина О.А., Найденова Н.С. Романские языки в Тропической Африке и постколониальный художественный дискурс. М.: Инфра-М, 2017. [Saprykina, Olga A., Naidenova, Natalia S. (2017). *Romanskie yazyki v Tropicheskoi Afrike i postkolonial'nyi khudozhestvennyi diskurs* (Roman languages in Sub-Saharan Africa and post-colonial discourse). Moscow: Infra-M. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. Национальная ментальность и соответствующие ей метафорические модели. Landau: Verlag Empirische Padagogok, 2004. P. 19—30. [Chudinov, Anatoly P. (2004). National mindset and its metaphoric models. Landau: *Verlag Empirische Padagogok*, 19—30. (In Russ.)]
- Ajani, Timothy T. (2007). Is there indeed a Nigerian English? *Journal of humanities and social sciences*, 1 (1).
- Bamgbose, Ayo. (1998). Torn between the norms: innovations. *World Englishes*, 17 (1), 1—17.
- Banjo, Ayo. (1995). On codifying Nigerian English: Research so far. *New Englishes: A West African Perspective*. Ibadan: Mosuro Publishers, 203—231.
- Crystal, David A. (1997). *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crystal, David A. (2006). *How Language Works*. Penguin Books Ltd.
- Firth, John Rupert. (1956). *Descriptive linguistics and the study of English. Selected papers of J.R. Firth, 1952—1959* / Ed. by F.R. Palmer. Bloomington: Indiana University Press, 96—113. Reprint: *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics* / Ed. by K. Bolton and B. Kachru. (2006). Vol. 3. London/New York: Routledge, 203—217.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and the World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018b). Anna Wierzbicka, Language, Culture and Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 717—748. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka. (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Kachru, Braj (2006). *World Englishes and Culture Wars. The Handbook of World Englishes*. London, 450.
- Kecskes, Istvan (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Larina, Tatiana V., Ozyumenko, Vladimir I., Kurteš, Svetlana. (2017). I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, 13 (1), 195—215.
- Schnurr, Stephanie, Zayts, Olga (2017). *Language and Culture at Work*. Routledge.
- Wierzbicka, Anna (2003). *Cross-Cultural Pragmatics*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna. (2006). *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Wilents, Gay. (1992). *Binding Cultures. Black Women Writers in Africa and the Diaspora*. Indiana University Press.

Литературные источники / Literary sources

- Achebe, Chinua. (1958). *Things Fall Apart*. Oxford: Heinemann.
- Adichie, Chimamanda Ngozi. (2004). *Purple Hibiscus*. London: Fourth Estate.
- Adichie, Chimamanda Ngozi. (2006). *Half of a Yellow Sun*. London: Fourth Estate.
- Adichie, Chimamanda Ngozi. (2009). *The Thing Around Your Neck*. London: Fourth Estate.
- Adichie, Chimamanda Ngozi. (2013). *Americanah*. USA: Knopf.
- Atta, Sefi. (2010). *Swallow*. USA: Interlink Pud Group.
- Nwapa, Flora. (1966). *Efuru*. Oxford: Heinemann.
- Okoye, Ifeoma. (1982). *Behind the Clouds*. UK: Longman.
- Shoneyin, Lola. (2010). *The Secret Lives of Baba Segi's Wives*. London: Serpent's tail.

Словари / Dictionaries

- Awde, N., Wambu, O. (1999). *Igbo-English / English-Igbo Dictionary & Phrasebook*. Hippocrene Books, (U.S.) N.Y.
- Idigboanusi, H.A. (2002). *Dictionary of Nigerian English Usage*. Ibadan, Nigeria.
- Killam, D., Ruth, R. (2000). *The Companion to African Literatures*. Indiana, James Currey.
- Oyeleke, C., Mawadza, A. (2019). *Yoruba-English/English-Yoruba Dictionary & Phrasebook*. (U.S.) N.Y. Hippocrene Books Inc.

Article history:

Received: 13 April 2019

Revised: 01 June 2019

Accepted: 15 June 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13 апреля 2019

Дата принятия к печати: 15 июня 2019

Bionotes:

ANNA A. Borisova is a PhD student at RUDN University. Her research interests embrace language and culture, intercultural communication, language contacts and discourse analysis.

Contact information: e-mail: borisova_aa@rudn.ru

YULIA N. EBZEEVA is a PhD, Associate Professor, Chair of Foreign Languages Department, Faculty of Philology, RUDN University. Her research interests embrace lexicology, language and culture; intercultural communication and language contacts.

Contact information: e-mail: ebzeeva_yun@rudn.ru

Сведения об авторах:

АННА АЛЕКСАНДРОВНА БОРИСОВА — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов:* язык и культура, межкультурная коммуникация, языковые контакты, дискурс-анализ.

Контактная информация: e-mail: borisova_aa@rudn.ru

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ЭБЗЕЕВА — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов:* лексикология, язык и культура, языковые контакты, межкультурная коммуникация.

Контактная информация: e-mail: ebzeeva_yun@rudn.ru

**РЕЦЕНЗИИ
BOOK REVIEWS**

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-837-844

Book Review

Naming: What? Why? How?

Review of Irina V. Annenkova,
Elena N. Remchukova (eds.). 2018. *Naming in Different Areas
of Communication Field*. Ottawa: Carleton University

Elena O. Mendzheritskaya

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1-51, 119991, Moscow, Russia

For citation:

Menzheritskaya, Elena O. (2019). Naming: What? Why? How? Review of Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova (eds.). 2018. *Naming in Different Areas of Communication Field*. Ottawa: Carleton University. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 837—844. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-837-844.

Рецензия

Номинация: Что? Как? Почему?

Рецензия на коллективную монографию
«Номинация в разных коммуникативных сферах»
(под ред. И.В. Анненковой и Е.Н. Ремчуковой.
Карлтонский университет, Оттава, 2018)

Е.О. Менджеричская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, 119991, Россия

Для цитирования:

Menzheritskaya, Elena O. (2019). Naming: What? Why? How? Review of Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova (eds.). 2018. *Naming in Different Areas of Communication Field*. Ottawa: Carleton University. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 837—844. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-837-844.

Naming is a multifaceted phenomenon approached from different perspectives and in different academic disciplines. It deserves special attention, which is demonstrated by the collective monograph “Naming in Different Areas of Communication Field”.

In the preliminary remarks to the book under review the editors state that today naming issues are widely discussed not only in professional circles of specialists engaged in brand promotion and advertising texts, but also by linguists whose research is closely connected with communication studies, cognitive science, semantics, etc. The sociolinguistic situation in Russia at the beginning of the XXI century is characterized by the rapid development of nomination in the commercial sphere where it involves the linguistic nomination of institutions and goods pursuing various commercial objectives. However, in modern research this special type of linguistic activity should be marked with a more precise term of naming, speech activity aimed at creating original and memorable names for companies, enterprises, goods and services” (pp. 5—6).

It is a well-known fact that naming is applicable to many spheres of human activity. The monograph embraces several fields of communication and classifies them into three parts: “Modern Strategies in Urban Naming”, “Adaptive Tactics of Creative Naming in Media Space” and “Naming in the Context of Intercultural Communication”.

The choice of areas demonstrates the diversity of problems under research and presupposes the multiplicity of approaches to the analysis of naming. The objects of naming in the first part include:

— urban places and urbanonyms (Marina Golomidova “Naming of Urban Places and Problems of Urbanonymic Planning”, Elena Remchukova “Commercial Naming and Creative Speech Activity (Based on Urbanonyms in Russian Megacities)”, Tatiana Sokolova “Conflictogenic Urbanonyms in the Aspect of Naming Expertise”);

— automobile naming (Olga Maksimenko “Linguistic Problems of Automobile Naming (Abbreviation Peculiarities)”);

— dental clinics (Oxana Issers “Naming Strategy of Dental Clinics Marketing (the Region of Siberia as Example)”);

— bridal shops (Natalia Novospasskaya, Olesya Lazareva, Natalia Perlieva “The Functioning of the Precedent Proper Names in Ergonomie (Based on Names of Russian, English and Serbian Bridal Shops)”).

In the second part the chapters focus on media space:

Irina Annenkova “Naming as a Type of Media Space: Transformation of Meanings in MassMedia”;

Irina Kryukova “Semantic Transformations of Global Brands in Russian Post-Soviet MassMedia”;

Elena Naumova “Invective Naming as a Means of Modeling the Image of the Enemy in the Print Media”;

Oxana Aleksandrova “Foreign Film Title: Translation or New Naming Unit?”;

Vera Zirka “Saturation Paradigm of a Contemporary Smart Ad”.

If we try to answer the question why all these topics attract the attention of scholars we may recall that, on the one hand, many researchers treat mass media rather broadly, including such spheres as cinema, popular fiction, video, pop music and fashion. On the other hand, modern approaches to discourse allow us to consider cities and city life as a sort of discourse, provided we understand it as a cognitive process, as a reverberation of thinking with the help of particular language means.

Discourse study presupposes a multidisciplinary approach embracing all the tendencies in the development of such areas as computational linguistics, artificial intelligence, theoretical linguistics, social semiotics, psychology, logic, philosophy, historical studies, political studies, anthropology, ethnic studies, theory and practice of translation, literary criticism, etc. Moreover, discourse, which is a keystone of the cognitive paradigm in linguistics, is a synthesis of the two leading trends in modern research and cognitive and communicative ones. It is worth mentioning that the recent International Congress on Cognitive Linguistics (which took place at Lomonosov Moscow State University October 10—12, 2018) was entitled “Cognitio and Communicatio in Today’s Globalised World”. The authors of the monograph demonstrate their awareness of these tendencies and adhere to them.

The monograph also reflects modern trends in the development of culture studies, intercultural and linguo-cultural studies. In one of the latest investigations in these fields we come across the following statement. V. Krasnykh indicates that a person is formed as a personality, a member of a particular cultural and linguistic community (Bubnova, Zykova, Krasnykh, Ufimceva 2017: 189).

At the same time we bear in mind the Ter-Minasova’s definition of language applied to intercultural communication: “Language is a powerful tool, which forms a crowd of people into an ethnos, constitutes a nation through preservation and transmission of culture, traditions, public consciousness” (Ter-Minasova 2000: 15).

It allows us to bridge the gap between the first two parts of the monograph and the last one, which, to a certain extent, stands apart. It contains two chapters and contributes to the ideas of intercultural and multicultural communication:

Olga Rovnova “Russian Dialects in South America: Problems of Studying and Saving”; Maria Pilgun “Specific Nature of the Naming Unit in the Linguistic World View: Intercultural Aspect”.

The titles indicate that in the first part of the monograph the scholars not only provide a thorough analysis of urban space in terms of naming but also demonstrate their social awareness. For example, in the chapter “Naming of Urban Places and Problems of Urbanonymic Planning” Marina Golomidova claims: “Modern Russian practice indicates that there is an increased public attention to activities connected with name creation and involves a significant group of people. However, this does not relieve the urbanonymic nomination process of lobbying individual interests or naming failures” (p. 19).

Elena Remchukova in her paper “Commercial Naming and Creative Speech Activity (Based on Urbanonyms in Russian Megacities)” discusses in greater detail the problems of creativity in coining urbanonyms and their linguistic peculiarities: “Modern urbanonyms reflect the multicultural nature of Russian cities, forcing a nominator to seek a balance between the universal and national components of a name’s meanings. Ethnical and cultural components are actualized in naming with the help of toponyms, exoticisms, ethnic names, precedent phenomena... The abuse of the Latin alphabet and graphic hybridization as a means of creative naming is explained, to some extent, by the lack of “deterrents” — the major regulators in the field of naming. In terms of the development of the nominators’ professional competencies, it seems appropriate and timely to formulate the uniform principles of naming commercial places, develop recommendations for the nominators, form the base of linguistic and creative urbanonyms” (p. 30).

Tatiana Sokolova in her paper “Conflictogenic Urbanonyms in the Aspect of Naming Expertise” prevents those who introduce new names from spontaneous and not very thoughtful decisions because it may lead to misunderstanding and even result in conflicts: “Thus, naming expertise at the stage of verification of the claimed designation, at the stage of registration of a trade name and placement of a commercial designation on an urban sign can serve as a preventive measure for the emergence of conflictogenic urbanonyms, and at the stage of consideration of citizens’ complaints to the FAS and litigation — help to make informed decisions” (p. 77).

Considering a rather specific sphere of automobile naming Maksimenko points out: “In real practice of the communications integrative formation and perception of a nomination (on the basis of collective and individual) occurs. All this makes it necessary to investigate features and laws of perception and creation of names, including commercial, and specificity of their functioning in real practice of the communications” (p. 41).

The study of dental clinics naming seems even more specialized but the author of it (Issers) carries out a rigorous analysis of the process in question from the point of view of various linguistic and communicative aspects and concludes by saying: “This study demonstrates the main marketing and naming strategies found in the commercial branding of Russian dental services... To sum it up, the study of naming of dental services in Russia could be useful for analysis of medicine branding and naming peculiarities. Moreover, it also provides a basis for drawing conclusions on the formation of city environment in a particular region” (p. 54).

The first part of the monograph ends with subjecting to the analysis of the bridal shops naming performed by Natalia Novospasskaya, Olesya Lazareva and Natalia Perlieva on the background of different cultures, namely Russian, English and Serbian, paying special attention to the functioning of the precedent proper names in ergonomics. The authors draw the following conclusion: “The use of precedent-setting proper nouns as ergonomic namings is currently of relevance. Precedent-setting nouns in ad-

vertese, pragmatics and mass media language are characterized by bright imagery, expressiveness and typification. The use of a precedent-setting onym in ergonymy appears to be connotative use of a proper noun in its metaphoric meaning; ergonyms of this type serve both to name and characterize objects which are an important component of the social realm of a certain nation. Precedent-setting nouns performing assessment and typification functions characterize an object by indicating such object's direct involvement with the bearer of precedent setting or by transferring the bearer's features" (p. 59).

In the second part of the collective monograph under discussion called "Adaptive Tactics of Creative Naming in Media Space" the authors try to embrace various tendencies in media sphere connected with naming in general and linguistic peculiarities of this process in particular.

Here we may come across some interesting observations concerning the introduction of Latin script in the Cyrillic writing system in the paper "Naming as a Type of Media Space: Transformation of Meanings in Mass Media" by Irina Annenkova: "Invasion of Latin script in Cyrillic writing system is not a new phenomenon in our culture. The incorporation of foreign languages into Russian media, the flooding of Russian linguistic system with foreign words and, finally, the attempts to completely or partially replace the Cyrillic letters with Latin ones, is observed by the linguists for already more than three hundred years, and there is still no definite answer to the question of how to relate to this expansion of foreign words into the Russian linguistic and cultural-speech environment" (p. 83—84).

When in Russian quality press we come across such headlines as we understand that it may serve not only as a means of attracting attention but also as a means of segregating the target audience, because if a certain edition employs this sort of language play it relies on the ability of their readers to decipher this linguistic quiz. Moreover, these examples show the distortion of cultural mental stereotypes (called cognitive stereotypes).

These ideas partly correlate with the next paper "Semantic Transformations of Global Brands in Russian Post-soviet Mass Media" by Irina Kryukova: "...global brands are not just fixed in collective linguistic consciousness, but they are also emotionally evaluated by the native speakers of Russian. Semantic transformations, followed by appellativation, pluralization, and the development of figurative meanings, is a common quality of the global brands. At that, they get a potential ability to denote the objects and phenomena of Russian reality, which share common semantic feature. We observe the forming of ambivalent emotional evaluative meanings, which reflect ambiguous attitudes to the globalization process in Russian society. As the result, at a certain stage of its semantic development the global brand becomes one of the most vivid figurative means of expressing the value system of Russians" (p. 96).

This cognitively-based approach to the language of modern mass media is further developed in the paper "Invective Naming as a Means of Modeling the Image of

the Enemy in the Print Media” by Elena Naumova. She comes to the following conclusion: “The most frequently read and cited media are capable of forming stable connotative connections in readers and simulate certain images on their basis. This modeling takes place with the use of stylistic means of speech, widely used in journalism, in particular, by means of invective language. The analysis of invective stylistic speech means in the mass media, making the top of Yandex by citation in Russia, revealed that the publication seeks to shape a certain image of reality in accordance with its more or less engaged editorial policy in the reader, and evaluative stylistic means carry out the most important function of the journalistic style — the impact function — to their fullest” (p. 106).

The problem of naming is illustrated with a somewhat different material provided by Oxana Aleksandrova. She entitled her paper “Foreign Film Title: Translation or New Naming Unit?” and suggests the following solution to this problem: “Translators use different strategies to convey the meaning of the original title, which vary from literal translation to complete transformation due to language differences and, as a result, communication barriers. The material revealed that the most popular strategy is literal translation, followed by lexico-semantic substitution, grammatical replacement and addition; omission is rather rare.

If adequate translation is not possible, a new naming unit is necessary. In Russian, a new naming unit is accompanied by expressed nuance, nonce words, idioms, while economy of language means and correlation with the film genre remain important. The choice in favour of a new title is determined by the commercial necessity, “transparency” degree and the conformity to the recipient culture, as well as by the nominator’s aesthetic preferences. According to the study results, both translation and new naming unit may be successful or unsuccessful. It is important to comply with the requirements for the heading text. In the case a new title has to be selected, the translator has to act as its author, to understand his intentions and creative idea, which we consider to be a difficult task” (p. 136).

In the chapter entitled “Saturation Paradigm of a Contemporary Smart Ad”, Vera Zirka suggests a new term — saturation paradigm. We can only guess the exact meaning of the term comparing it with such well-known terminological units as “saturation point” or “saturation coverage”. It reveals that by smart ad she means a smart (intellectual) advert summary (SAS) as a kind of a secondary text. According to the author, it is a qualitative text summary of any literary work, a brief description of its contents, characters, references, some information about the author, etc. She believes that the texts under consideration are characterized by special linguistic content (saturation) resulting in manipulation. The author claims that this mode reflects a close relationship of the two main functions of advertising messages: information and impact.

Naming is closely connected with advertising and marketing. According to Ksenzenko, “Topicality of the problems connected with the study of the regulations

of language units use in advertising communication is justified by a complex of objective reasons: the development of international contacts, the characteristics of modern media space formation and evolution, marketing communication importance growth/interference and integration of cultures” (Ksenzenko 2013: 101).

The third part of the monograph entitled “Naming in the Context of Intercultural Communication” contains two chapters, which have already been mentioned above.

The conclusion to the second paper of this section (“Specific Nature of the Naming Unit in the Linguistic World View: Intercultural Aspect” by Maria Pilgun) sounds quite impressive and promising for the discussion of an intricate matter of intercultural communication: “Nowadays, only the combination of openness of the domestic cultures with preservation and development of the national traditions can allow avoiding unification of the cultures, which downgrades the national and social features to the level of folklore, replacement of the term “cultural dialogue” with the term “cultural products exchange” (p. 175).

Hence, this review answers the questions raised in the title: what is discussed in connection with naming; why all these problems are tackled in the research works of scholars; how naming is treated at the background of the modern paradigm of humanitarian studies as a reverberation of reality and its cognitive manifestations in intercultural communication. The collective monograph under review produces a most favourable impression and is recommended to for specialists in different areas of knowledge, such as journalism, linguistics, cognitive studies, the general theory of nomination (naming) and everyone interested in the problems under discussion.

© Е.О. Менджеричкая, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Когнитивные исследования языка / Гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. Вып. XXXIV: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10—12 октября 2018 г. / Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. 984 с. [Cognitive studies of language (2018). Series editor-in-chief N.N. Boldyrev. Vol. XXXIV: *Cognitio* and *Communicatio* in today’s globalised world: Papers of the VIIIth International Congress on Cognitive Linguistics. October, 10—12, 2018. Moscow: Lomonosov Moscow State University; Neolit Publ.]
- Ксензенко О.А. Лингвистические аспекты изучения и оценки креативности в рекламной коммуникации // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2013. № 4. С. 101—109. [Ksenzenko, O.A. (2013). *Lingvisticheckiye aspekty izucheniya i otsenki kreativnosti v reklamnoy kommunikatsiyi. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya*, 4, 101—109. (In Russ.)]
- Менджеричкая Е.О. Дискурсофера печатных СМИ: игра на выживание: Монография. М.: МАКС Пресс, 2018. 312 с. [Mendzheritskaya, E.O. (2018). *Diskursosfera pechatnykh SMI: igra na vyzhivaniye*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)]

- Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 392 с. [Bubnova I.A., Zyкова I.V., Krasnykh V.V., Ufimtseva N.V. (Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryaschem. (2017). Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с. [Ter-Minasova, S.G. (2000). Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Moscow: Slovo. (In Russ.)]
- Menzheritskaya, Elena. (2013). The Cognitive Paradigm in Linguistics and Media Discourse Typology. In *Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich*. Maja N. Volodina (Hrsg). Mannheim, Institut für Deutsche Sprache, 49—55.
- Annenkova, Irina V. and Remchukova Elena (eds.) (2018) Naming in Different Areas of Communication Field. Carleton University Ottawa, 177 p.

Bionote:

ELENA O. MENDZHERITSKAYA is PhD, Associate Professor of the English Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Contact information: e-mail: discourse@mail.ru

Сведения об авторе:

ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА МЕНДЖЕРИЦКАЯ — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Контактная информация: e-mail: discourse@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-845-851

Book Review

Media Linguistics: New Approaches and Solutions

**Review of the reference dictionary
“Media Linguistics in Terms and Concepts”, ed. L.R. Duskayeva.
Moscow: Flinta, 2018. 440 pp. (In Russ.)**

Liudmila I. Bogdanova

Lomonosov Moscow State University (MSU)
Leninskie Gory, 1-51, Moscow, 119991, Russia

For citation:

Bogdanova, Liudmila I. (2019). Media Linguistics: New Approaches and Solutions. Review of the Reference Dictionary “Media Linguistics in Terms and Concepts”, ed. L.R. Duskayeva. Moscow: Flinta, 2018. 440 pp. (In Russ.). *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 845—851. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-845-851.

Рецензия

Медиалингвистика: Новые подходы и решения

**Рецензия на словарь-справочник под ред. Л.Р. Дускаевой
«Медиалингвистика в терминах и понятиях».
М.: Флинта, 2018. — 440 с.**

Л.И. Богданова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 13-14, Москва, 119991, Россия

Для цитирования:

Богданова Л.И. Медиалингвистика: новые подходы и решения. Рецензия на словарь-справочник под ред. Л.Р. Дускаевой «Медиалингвистика в терминах и понятиях». М.: Флинта, 2018. 440 с. // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 845—851. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-845-851.

В последнее время проблематика, связанная с медиалингвистикой, становится особенно актуальной. Однако широта и неопределенность понятия, названного данным термином, заставляет задуматься и о границах соответствующей научной дисциплины, и об уточнении ее понятийного аппарата. В этом плане выход в свет

словаря-справочника под редакцией Л.Р. Дускаевой «Медиалингвистика в терминах и понятиях» можно считать важным событием в современной научной жизни, своего рода ответом на новые вызовы. Ценность настоящего издания повышается и за счет того, что словарь по медиалингвистике издается в России впервые. Данная книга является результатом интенсивной и разносторонней работы коллектива ученых из разных вузов России, Белоруссии, Литвы и Польши. Усилия авторов словаря были сосредоточены на систематизации современных научных представлений о языке медиа и о научной дисциплине, его исследующей, т.е. медиалингвистике. Во Введении к Словарю Л.Р. Дускаева отмечает, что медиалингвистика — это «формирующееся в отечественном языкознании на пересечении лингвистики и медиалогии научное направление, предметом которого является речевая деятельность в медиа» (Дускаева 2018: 14). Данное направление основывается на достижениях функциональной стилистики и дискурс-анализа, неоднократно становившихся предметом специального рассмотрения. Обзор проблематики и анализ основных направлений представлен, в частности, в работах по дискурс-анализу [см., напр., (Анненкова 2011; Ponton, Ларина 2016; Карасик 2016; Kecskes 2016; Ponton, Ларина 2017 и др.)].

Одной из главных задач медиалингвистики по праву считается выявление закономерностей использования языка при организации медиакommunikации. Цель настоящего издания словаря по медиалингвистике не столько популяризаторская, сколько исследовательская. Композиция словаря выстраивается в соответствии с задачами исследователей и представляет собой четырехчастную структуру, отражающую различные направления медиалингвистики: критику медиаречи, грамматику медиаречи, медиастилистику и медиадискурсологию. В первом разделе представлена онтология медиалингвистики. Здесь дается толкование важнейших понятий и основных категорий медиалингвистики как научной дисциплины. Во втором разделе описываются языковые ресурсы, участвующие в создании медиатекстов. В третьем разделе рассматриваются понятия, с помощью которых описываются составные части медиалингвистики — медиастилистика, дискурсология и критика журналистской, рекламной и PR-речи, медиатекст в профессиональных сферах общения. Четвертый раздел посвящен гипермедиатексту. В этом разделе представлены понятия, с помощью которых изучается гипермедиатекст.

Реализованный авторами формат словаря-справочника позволил удачно соединить теорию и практику научных исследований в области медиалингвистики.

Выборочно остановимся, насколько это позволяет объем рецензии, на содержании разделов Словаря. В первом, основополагающем разделе «Онтология медиалингвистики», привлекают внимание словарные статьи, прежде всего связанные с методологией. Здесь даются важные для осознания научного аппарата дисциплины определения праксиологии как общего исследовательского метода в медиалингвистике, а также определяются частные методы изучения медиатекстов. В словаре представлена связь медиалингвистики и речеведения (Т.В. Шмелёва).

Особое место в словаре отводится обзорам, показывающим, как проходило становление медиалингвистики в англоязычной, немецкоязычной, польской исследовательской литературе. Медиалингвистика в Западной Европе и США стала развиваться, начиная с 70-х годов прошлого века. Т.Г. Добросклонская, автор трудов по медиалингвистике (Добросклонская 2005, 2008), отмечает вклад в становление и развитие этой науки таких ученых, как Т. ван Дейк (Dijk 1988), А. Белл (Bell 1991), Н. Фейрклаф (Fairclough 1995).

А.И. Едличко (Едличко 2016), автор статьи о медиалингвистике в Германии, приводит ценное наблюдение о том, что границы между межличностным и масс-медиаальным использованием языка, как отмечается в немецкоязычной научной литературе, очень быстро стираются, что приводит к возникновению гибридных коммуникативных форм (Едличко 2018: 66). Лингвистический анализ гибридизации признается одной из наиболее важных проблем медиалингвистики [см. об этом: (Perrin 2015)].

Рассматривая проблемы медиалингвистики в Польше, Б. Сковронек отмечает, что польские исследователи ориентируются в основном на идеографический подход — описание конкретных, избранных медийно-языковых явлений (Сковронек 2018: 68).

В центре исследовательских интересов авторов словаря находятся наиболее острые проблемы современной науки. Многие словарные статьи рецензируемого издания связаны прямо или косвенно с когнитивной лингвистикой, поскольку когнитивное направление в науке о языке на современном этапе является одним из наиболее востребованных и популярных. В этом плане обращают на себя внимание статьи, освещающие проблемы речевого воздействия. В словарной статье «Речевое воздействие в медиа» автор статьи Ж. Сладкевич рассматривает актуализацию речевого воздействия с помощью различных стратегий и тактик. Автор отмечает, что «принципиальными в аспекте когнитивного сближения образа адресанта и адресата медиатекста являются фасцинирующая и эмоционально-настраивающие стратегии», способствующие созданию особой тональности текста (Сладкевич 2018: 97).

Закономерно внимание авторов к рискам в медиакommunikации. Авторы соответствующего раздела, М.А. Кормилицына и О.Б. Сиротина, отмечают риски трех типов: 1) возможность провала коммуникации из-за полного непонимания; 2) возможность неправильного понимания; 3) возможность неполного, не совсем точного понимания, особенно опасного в плане порождения социальных рисков (Кормилицына, Сиротина 2018: 105). Рискогенность медиаречи косвенным образом связана с этикой. В словарной статье «Этика медиаречи» Т.И. Сурикова подчеркивает, что лингвоэтика содержит нормы-константы (вежливость, уважение к собеседнику, правдивость, умение слушать), но вместе с тем эволюционирует, отражая этические коллизии современности. Автор статьи отмечает, что речевой этикет в медиа адаптирует правила национального этикета к условиям медиадискурса (Сурикова 2018: 119).

Важное направление, получившее освещение в словаре, — критика медиаречи. Автор статьи В.В. Васильева отмечает, что важнейшей задачей критики

медиааречи является анализ речевого поведения в аспекте проявлений доминирования (Васильева 2018: 45). Язык доминирования в медиадискурсе в научной литературе называется также языком ненависти, языком вражды, проявляется в ксенофобии, манипулировании, речевой агрессии [см. об этом также: (Озюменко 2017)].

Во втором разделе, менее объемном и менее дифференцированном, чем первый, представлен анализ языковых ресурсов медиааречи. Статьи этого раздела написаны представителями разных научных школ (Т.Ю. Редькина, М.И. Конюшкович, М.А. Морозов, В.И. Коньков и др.). Авторы обращают внимание на такие важные явления для медиааречи, как дискурсивные слова (С.А. Манаенко), корелляция (Т.Ю. Редькина), актуальное членение (М.И. Конюшкович) и др.

Третий раздел, наиболее обширный, развернутый, детально разработанный, представляет медиатекст в профессиональных сферах общения. Третий раздел включает в себя два подраздела: 3.1. Медиатекст в журналистике; 3.2. Медиатекст в прикладных коммуникациях, который, в свою очередь, включает в себя рекламный медиатекст и медиатекст в связях с общественностью. Здесь читатель найдет для себя много новой и интересной информации. В подразделе «Медиатекст в журналистике» определяются такие понятия, как идиостиль журналиста (Н.С. Болотнова), поликодовость радиоречи (Н.Г. Нестерова), ререйтинг (В.И. Коньков), рассматриваются проблемы арт-дискурса. В статье «Арт-медиадискурс» Н.С. Цветова определяет дискурс искусства в российских СМИ как гипертекст, феноменологическими характеристиками которого можно считать открытость, являющуюся результатом диалогичности, и политопичность, многотемность (Цветова 2018: 188). Во втором подразделе «Медиатекст в прикладных коммуникациях» авторы словаря знакомят читателя с терминами и понятиями, связанными с рекламными медиатекстами и PR текстами. Архитектоника рекламного медиатекста рассматривается в аспекте ее уникальности, обусловленной полисемичностью, коммуникативной нагруженностью элементов, лаконичностью (Ксензенко 2018: 261). Специфика рекламного текста также связана с неймингом, который предназначен для создания фирменных наименований как индивидуализирующих знаков. В словарной статье «Нейминг в рекламе» рассматриваются удачные и неудачные имена (Кара-Мурза 2018: 271—274). Авторы обращают внимание также на корпоративный нейминг (Н.С. Балахонская), на имеджеформирующее речевое воздействие (Ю.М. Коняева), на контактоустанавливающую речевую деятельность в PR (Н.А. Прокофьева) и мн. др.

В четвертом, заключительном, разделе «Гипермедиатекст» рассматриваются новые жанры, появившиеся в связи с развитием интернет-коммуникации. Актуальной стала разработка критериев оптимальности свойств текстов, создаваемых в сетевых медиа: композиционного структурирования, идентификации описываемых событий (Дускаева 2018: 21). Важные параметры акцентирования ключевых позиций в тексте, динамики плотности изложения рассматриваются в статье «Гипермедиатекст новости» (Л.Р. Дускаева). Привлекают внимание своей проблематикой статьи «Комические жанры интернет-коммуникации» (Т.И. Попова),

«Самопозиционирование пользователя в Сети» (В.В. Васильева), «Сетевые номинации субъекта медиасообщения» (А.А. Малышев), «Фейковые новости» (А.А. Беловодская) и многие другие.

В заключение отметим, что потребность в осмыслении новых понятий медиалингвистики безусловно существует. Ученые нуждаются в единой площадке для обмена идеями, результатами исследований, для принципиальной концептуальной научной дискуссии. Медиалингвистика как феномен изучения специфической речевой деятельности еще долгие годы будет оставаться одной из наиболее широко обсуждаемых тем в науке. До сих пор существует много спорных и нерешенных вопросов в рамках этой дисциплины. Думается, что авторы словаря не ставили перед собой задачу сказать «последнее и окончательное слово» в медиалингвистике, решить все дискуссионные проблемы в этой сфере. Медиалингвистика, представляя собой динамично развивающуюся область знаний, будет постоянно нуждаться в новых подходах, новых обращениях к сложным и неоднозначным вопросам, требующим постоянных усилий для их решения. Хочется надеяться, что появятся новые издания этого важного и своевременного словаря, которые вновь подарят нам радость открытия сложного и не до конца ясного феномена медиа и медиалингвистики.

Настоящее издание словаря демонстрирует широту и разнообразие подходов к изучению медиалингвистики. Эта книга полезна не только лингвистам, но и широкому кругу специалистов в различных сферах гуманитарного знания.

© Л.И. Богданова, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Анненкова И.В. *Медиадискурс XXI века: Лингвофилософский аспект языка СМИ*. М., 2011. [Annenkova, I.V. (2011). *Mediadiskurs XXI veka: Lingvofilosofskiy aspekt yazyka SMI* [Media discourse of the XXI century Lingvophilosophical aspect of the language of the media]. Moscow. (In Russ.)]
- Васильева В.В. Критика медиаречи // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 45—49. [Vasilyeva, V.V. (2018). *Kritika mediarechi*. In: L.R. Duskayeva (Ed) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta. 45—49. (In Russ.)]
- Добросклонская Т.Г. *Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи*. М., 2005 [Dobrosklonskaya, T.G. (2005). *Voprosy izucheniya mediatekstov. Opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi*. Moscow. (In Russ.)]
- Добросклонская Т.Г. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ*. М., 2008. [Dobrosklonskaya, T.G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI*. Moscow. (In Russ.)]
- Дускаева Л.Р. *Диалогическая природа газетных речевых жанров*. Санкт-Петербург, 2012. [Duskayeva, L.R. (2012). *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov*. Sankt-Peterburg. (In Russ.)]

- Дускаева Л.Р. Введение // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 14—28. [Duskayeva, L.R. (2018). Introduction. In: L.R. Duskayeva (Ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta. 14—28. (In Russ.)]
- Едличко А.И. *Интернациональная политическая лексика: генезис, развитие, современное состояние (лексикографический аспект)*. М.: Изд-во Московского университета, 2016. [Edlichko, A.I. (2016). *International political vocabulary: origin, evelopment, current use (lexicographic aspect)*. Moscow.: Izd. Lomonosov MSU.]
- Едличко А.И. Медиалингвистика в немецкоязычной научной литературе // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 66—68. [Edlichko, A.I. (2018). *Medialingvistika v nemetskoyazychnoy nauchnoy literature*. In: L.R. Duskayeva (Ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta, 66—68. (In Russ.)]
- Кара-Мурза Е.С. Нейминг в рекламе // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 271—274. [Kara-Murza, E.S. (2018). *Neuming v reklame*. In: L.R. Duskayeva (Ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta, 271—274. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. Т. 20. С. 56—77. [Karasik, V.I. (2016). *Discourse Manifestation of Personality*. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 56—77. (In Russ.)]
- Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Риски в медиакоммуникации // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 105—107 [Kormilitsyna, M.A., Sirotinina, O.B. (2018). *Riski v mediakommunikatsii*. In: L.R. Duskayeva (Ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta, 105—107. (In Russ.)]
- Ксензенко О.А. Архитектоника рекламного текста. *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 260—262. [Ksenzenko, O.A (2018). *Arhitektonika reklamnogo teksta*. In: L.R. Duskayeva (Ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta. 260—262. (In Russ.)]
- Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220. [Ozyumenko, V.I. *Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Agression*. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. (In Russ.)]
- Понтон Д., Ларина Т.В. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (I) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 7—25. [Ponton, D. and Larina, T. (2016). *Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I)*. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25].
- Сковронек Б. Медиалингвистика в Польше // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 68—70 [Skovronek, B. (2018). *Medialinguistics in Poland*. In: L.R. Duskayeva (Ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta, 68—70. (In Russ.)]
- Сладкевич Ж. Речевое воздействие в медиа // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 96—99 [Sladkevich, J. *Speech in the media* (2018). In: L.R. Duskayeva (Ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta, 96—99. (In Russ.)]
- Сурикова Т.И. Этика медиаречи // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 116—119. [Surikova, T.I. (2018).

Etika mediarechi. In: L.R. Duskayeva (Ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta, 116—119. (In Russ.)]

Цветова Н.С. Арт-медиадискурс // *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 188—192 [Tsvetova, N.S. (2018). Art media discourse. In L.R. Duskayeva (ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: Flinta, 188—192. (In Russ.)]

Bell, Allan (1991). *The Language of News Media*. Oxford.

Dijk, Teun, van. (1988). *News as Discourse*. NY.

Fairclough, Norman (1995). *Media Discourse*. London.

Kecskes, Istvan (2016). A Dialogic Approach to Pragmatics. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 26—42.

Perrin, Daniel (2015). *Medienlinguistik*. 3. Aufl. Konstanz, München.

Ponton, Douglas and Larina, Tatiana (2017). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (II). *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 7—21.

Bionote:

LIUDMILA I. BOGDANOVA is Doctor of Philology, Professor at Lomonosov Moscow State University, the Faculty of Foreign Languages and Area Studies. Her research interests cover semantics, cognitive linguistics, Russian grammar.

Contact information: e-mail: libogdanova1@mail.ru

Сведения об авторе:

БОГДАНОВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доктор филологических наук, профессор; член редколлегии журнала «Вестник Российского университета. Серия Лингвистика». *Сфера научных интересов:* грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, выявление субъективных смыслов и способов их реализации в речи. Разрабатывает направление, связанное с описанием русского языка для речевых действий.

Контактная информация: e-mail: libogdanova1@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-852-855

Book Review

Mass Media from a Sociolinguistic Perspective

Review of I.P. Lysakova (2019). *Sociolinguistic Study of Soviet Press: Theory and Practice*. St. Petersburg, RGPU Publisher, 335 p.

Andrey V. Polonskiy

Belgorod State National Research University
Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia

For citation:

Polonskiy, Andrey V. (2019). Mass Media from a Sociolinguistic Perspective Review of I.P. Lysakova (2019). *Sociolinguistic Study of Soviet Press: Theory and Practice*. St. Petersburg, RGPU Publisher, 335 p. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 852—855. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-852-855.

Рецензия

Средства массовой информации в социолингвистической перспективе

Рецензия на монографию И.П. Лысаковой
«Социолингвистическое исследование советской прессы:
теория и практика. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена,
2019. 335 с.

А.В. Полонский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

Для цитирования:

Полонский А.В. Средства массовой информации в социолингвистической перспективе. Рецензия на монографию И.П. Лысаковой «Социолингвистическое исследование советской прессы: теория и практика». СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 335 с. // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 852—855. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-852-855.

Каждое время имеет свои феномены, обладающие особой силой влияния на общество, на его способ «собирания» своих культурных границ, на уклад его жизни, на мораль и традиции, на манеру думать и рассуждать. Сегодня к таким феноменам, без сомнения, относятся средства массовой информации. Будучи инструментом не только информационного сопровождения жизни и деятельности

человека, но и влияния, оперативного производства идеологии, СМИ требуют к себе особого внимания и аналитико-критического прочтения как их текущей практики и производимых ими социальных эффектов, так и истории их взаимодействия с обществом, с его институтами и культурно-коммуникативными сообществами. Фундаментальным аналитическим откликом на этот актуальный социальный запрос является монография «Социолингвистическое исследование советской прессы: теория и практика» (Лысакова 2019), подготовленная Ириной Павловной Лысаковой, профессором, доктором филологических наук, заведующей кафедрой межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Монография И.П. Лысаковой — это теоретически и методологически выверенное, обеспеченное анализом обширного корпуса текстов исследование, результаты которого впервые были опубликованы в ее монографии 2005 года (Лысакова 2005), и сегодня уже недоступны широкому кругу исследователей, хотя научно востребованы и чрезвычайно актуальны. В фокусе внимания этого труда (в нем три главы) находится отечественная пресса и «особенности приспособления слова к типу газеты» (С. 12).

В первой главе «Типологические языковые особенности советской прессы» рассматриваются возможности социолингвистического подхода к изучению СМИ и формированию их типовых моделей. Отметим удачно избранные исторические периоды функционирования прессы (1918—1920, 1923—1927, 1968—1980), каждый из которых имеет свои политико-идеологические и нравственно-эстетические доминанты. На ярких, прекрасно подобранных текстах из «Бедноты», «Правды», «Крестьянской газеты» автор показывает, что эволюция *языка и стиля* отечественных газет определяется не только меняющимися экономическими и политико-идеологическими условиями функционирования СМИ, но и социально-психологическими параметрами той аудитории читателей, с которой журналист непосредственно вступает в информационно-мировоззренческий диалог.

В этом отношении особого внимания заслуживают параграфы, впервые описывающие язык рабселькоровской информации и писем читателей (С. 2019: 69—71, 121—127 и др.). Автор утверждает всем материалом первой главы, что формирование типовых моделей советских СМИ происходит под влиянием социальных факторов на язык издания и отражает процесс динамической дифференциации общества в контексте его истории и культуры. «В иерархии типоформирующих и типологических признаков, — как замечает Ирина Павловна, — издатель, цель издания, аудитория, время, место, периодичность выхода, формат и др. — „язык и стиль“ занимают подчиненное положение, испытывая влияние со стороны всех перечисленных экстралингвистических факторов. Но если признать имплицитную зависимость „языка и стиля“ от типологически значимых характеристик в системе определенного типа издания, то „язык и стиль“ также следует рассматривать как маркер типа издания» (С. 29). Этот свой главный тезис автор подробно аргументирует параграфом «Социальная дифференциация языка» (С. 15—24). Совпадение оснований дифференциации языка и дифференциации типов изданий свидетельствует о соотносительности языка с типовой моделью газеты определенного профиля (С. 29).

Вторая глава «Пресса перестройки: от стандарта к экспрессии» посвящена функционированию СМИ в кардинально новых для страны экономических, культурных и политико-идеологических условиях, зафиксированных в лозунгах «гласности», «демократии» и «ускорения». В этой части монографии автор обращается к анализу языка и стиля наиболее характерных для периода перестройки газетных текстов («Огонёк», «Московские новости», «Смена», «Аргументы и факты», «Час пик»), отражающих динамику развития мышления советского человека, почувствовавшего «свежий ветер перемен» и решительно заявившего о необходимости политических преобразований в стране. Сравнивая тексты на одну тему, И.П. Лысакова документально описывает зреющее противостояние разных политических сил в прессе и возникновение нового жанра, образно названного «вести без балды» (С. 211—283).

Третья глава монографии «Научное изучение языка газеты», представляет собой развернутый очерк истории исследований языка и стиля прессы в отечественной лингвистике. Этот очерк знакомит с зарождением социолингвистической методики анализа в трудах ученых 20-х годов и с политической составляющей социолингвистических исследований того времени. Здесь четко сформулирована и теоретически обоснована авторская методика социолингвистического анализа прессы, описанная в предыдущих главах на примере скрупулезного анализа обширного корпуса текстов советских и российских газет (более 25 000 примеров!). Интерпретация «языка и стиля» издания как параметра, коррелирующего с его типовой моделью, с социально-историческими условиями функционирования СМИ и их аудиториями, является несомненной научной новизной рецензируемого исследования, отраженной в формуле: «стилистическое единство рубрики, заголовка, текста» — языковой код издания, созданный высоким профессионализмом редакционного коллектива» (С. 307).

Научная ценность сформулированного Ириной Павловной Лысаковой социолингвистического подхода к типологическому опознаванию СМИ не вызывает сомнений, поскольку он имеет объективные основания, которые коренятся в социальном расслоении общества, отражающемся как в социальной дифференциации языка, так и в формировании многослойной системы средств массовой информации.

СМИ — актуальная метафора общества, поэтому вопрос о СМИ, об их языке и стиле — это всегда вопрос не только об информационных технологиях и их типологии, но и о духовной сущности человека, о его социальной, личностной, гражданской и творческой самореализации, о его готовности к общественному диалогу, к публичной интеллектуальной дискуссии, стилистика которой должна основываться «на толерантной семантике дискуссионного взаимодействия различных мнений» (С. 315). Эта проблематика четко заявлена на страницах рецензируемой монографии и является сегодня чрезвычайно актуальной. Она стоит на первых позициях в повестке дня современной науки, с ее обостренным вниманием к СМИ и их влиянию на формирование современного гуманистического общества.

Осмысление в исторической и социально-идеологической перспективе опыта функционирования советских и российских СМИ, начавшегося с «акта конфронтации» («Декрет о печати» от 9 ноября 1917 года), позволило автору монографии сформулировать, чрезвычайно важный для сегодняшнего дня мировоззренческий

вывод о том, что общество посредством СМИ должно формировать не «культ неприятия чужого мнения» (С. 315), не «враждебное и непримиримое отношение ко всем, кто „не с нами“» (С. 313), а «культуру толерантности», культуру уважения к человеку как личности, уважения его права на свой выбор. «Чтобы выжить в современном мультикультурном мире, — считает Ирина Павловна Лысакова, — необходимо через СМИ формировать дискурс гуманизма, уважения другого и признания неизбежной и необходимой инаковости другого и других, корректности в отношениях с партнерами и совместной ответственности, настроенности на конструктивное взаимодействие и движение к согласию через диалог» (С. 314—315). Мысль о востребованности дискурса гуманизма сегодня звучит особенно актуально в контексте очень непростого общественного диалога, расположенного скорее к конфронтации и конфликту, чем к реальному поиску путей духовного и мировоззренческого объединения.

Автор рецензируемой монографии отобранным для анализа фактическим материалом, своими наблюдениями над многолетней практикой российских газет и глубокими научными выводами побуждает своих читателей к широкой научной дискуссии относительно роли СМИ в жизни общества. Благодаря глубине содержащихся в ней научных обобщений и описанному автором социолингвистическому подходу к типологии средств массовой информации. Монография «Социолингвистическое исследование советской прессы: теория и практика» благодаря глубине содержащихся в ней научных обобщений, а также предложенному и описанному автором социолингвистическому подходу к типологии средств массовой информации имеет исключительную научную ценность.

© А.В. Полонский, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Лысакова И.П. *Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. [Lysakova, I.P. (2005). *Yazyk gazety i tipologiya pressy. Sotsiolingvisticheskoe issledovanie*. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russ.)]
- Лысакова И.П. *Социолингвистическое исследование советской прессы: теория и практика*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019 [Lysakova, I.P. (2019). *Sotsiolingvisticheskoe issledovanie sovetskoi pressy: teoriya i praktika*. SPb.: RGPU Publ. (In Russ.)]

Bionote:

ANDREY V. POLONSKIY is Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of Journalism at the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University. *Research interests*: media culture, media communication, media aesthetics, discourse of modern mass media, media linguistics, media stylistics, media text, theory of journalism, linguistic culturology.

Contact information: e-mail: andrey.polonskiy@gmail.com

Сведения об авторе:

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОЛОНСКИЙ — профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета. *Сфера научных интересов*: медиакультура, медиакоммуникация, медиаэстетика, дискурс современных СМИ, медиалингвистика, медиастилистика, медиатекст, теория публицистики, лингвокультурология.

Контактная информация: e-mail: andrey.polonskiy@gmail.com

Conferences
Конференции

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-856-864

Conference report

**Phenomenon of Language: The Paradigms
of Functional Semantics and Linguosemiotics
(V Novikov Readings. Moscow, Russia,
18—19 April 2019)**

Elena Krasina, Marina Novikova

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

For Citation:

Krasina, Elena and Novikova, Marina (2019). Phenomenon of Language: paradigms of functional semantics and linguosemiotics (V Novikov Readings. Moscow, Russia, 18—19 April 2019). *Russian Journal of Linguistics. Russian Journal of Linguistics*, 23 (3), 856—864. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-856-864.

Обзор конференции

**Феномен языка в парадигмах
функциональной семантики и лингвосомиотики
(V Новиковские чтения. Москва,
18—19 апреля 2019 г.)**

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия

Для цитирования:

Красина Е.А., Новикова М.Л. Феномен языка в парадигмах функциональной семантики и лингвосомиотики (V Новиковские чтения. Москва, 18—19 апреля 2019 г.) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 856—864. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-856-864.

Синтезирующий подход к языку позволяет утверждать, что язык предстает в единстве двух систем: и как системно-структурно образование (Н.Д. Арутюнова, 2013; В.А. Звегинцев, 2007; В.А. Карпов, 2003; И.Г. Милославский, 2013, 2019; В.М. Солнцев, 1979; Ё. Benveniste, 1971; Ch. Bally, 1944; G. Guillaume, 1973; R. Jakobson, 1980), т.е. система единиц и категорий, и как семиотическая символическая система (А.Е. Бочкарев, 2014; Л.Г. Зубкова, 2010; А.Б. Соломончик, 2010; Ю.С. Степанов, 1985, 2014; L. Hjelmslev, 1953, 1961; J.M. Lotman, 1990, 2005;

Участники конференции V Новиковские чтения

C.S. Pierce, 1994; F. de Saussure, 1977; U. Eco, 1989). Обе системы взаимодействуют между собой, наиболее тесно — в области семантики, сфере смыслов, значений и означиваний, поскольку языковое содержание демонстрирует двойственную природу — одновременно семиотическую и семантическую.

Истоки функциональной семантики описаны в лингвистических теориях XX века, среди которых одной из ведущих стала теория Л.А. Новикова (Новиков, 1982, 2001; Функциональная семантика, 2011). Личность Льва Алексеевича Новикова, ученого и учителя, его теоретическое наследие по праву принадлежит сегодняшнему дню и служит примером неустанных исследовательских поисков, о чем свидетельствуют регулярно проводимые в РУДН Новиковские чтения, ставшие научным форумом, привлекающим авторитетных ученых и молодых исследователей из России и из-за рубежа.

Взаимодействие семантики и семиотики, развитие функциональной семантики и лингвосемиотики охватывает широкий круг проблем гуманитарного знания — от философии до филологии. Актуальность и активность развития такого трансцендентального подхода подтверждается многообразными и многочисленными теоретическими и прикладными разработками в различных сферах человеческой деятельности, в сфере общественной коммуникации.

Функциональная семантика прорастает из семиотики, становится ее неотъемлемой частью, а семиотика позволяет выйти за пределы собственно идеальных систем языка и философии, установить связь с материальными предметами и системами. В семиозисе язык предстает как искусство, как творческий процесс, как инструмент связи с другими семиотическими системами, например, изобра-

зительными — с декоративным искусством, орнаменталистикой, фотографией, кинематографией. Эти идеи ярко обозначились в докладе проф. В.А. Масловой (Витебск, ВГПУ им. П. Машерова) (Маслова, 2016, 2019), подчеркнувшей важность для семантики глубинной интерпретации наблюдаемых фактов от слова до текста, особенно текста художественного (Новиков, 2007), что характеризует семантическую концепцию Л.А. Новикова как полидисциплинарную и интегративную. Для постижения языка, человека и его языкового сознания, языка в человеке, культуре и обществе необходима и важна «глубинная интерпретация наблюдаемых в опыте фактов языка» (Новиков 1982:4). При этом наиболее эффективный путь к глубинному знанию — особое внимание к семантическим процессам. Ярким примером становится поэзия, поскольку она оперирует символами, имеющими диффузную имплицитную семантику. Очевидно, заключает В.А. Маслова, что Л.А. Новиков опередил время, поставив ряд вопросов, ставших актуальными только в XXI веке.

И.Г. Милославский, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, обратился к прикладным аспектам функциональной семантики, созвучным теоретическим постулатам Л.А. Новикова. Он сформулировал ряд задач обучения русскому языку, которые, по Л.В. Щербе, принадлежат к «активной грамматике», и главная среди них — обращение к языковому знанию и сознанию обучающихся, опора не на модели, их воспроизведение и запоминание, а на креативный подход, на коммуникативно-семантические стратегии, на глубинную интерпретацию языковых смыслов и значений (Милославский, 2013).

Совместный доклад проф. Т.Г. Хухуни и А.А. Осиповой (МГОУ, Московская область) анализирует проявления модернизации в переводе канонических текстов Священного Писания на рубеже XX—XXI веков (Хухуни, 2015). Путь от диахронического к синхроническому варианту текста всегда сложен, и переводческие стратегии вновь и вновь обращаются к семантике и прагматике, пытаясь уравновесить тексты оригинала и перевода, зачастую исходя из конфликтной оппозиции «архаизация vs. модернизация» в целях достижения адекватности и исключения искажения переводного текста.

Профессор М.Л. Новикова (РУДН, Москва), развивает идеи Л.А. Новикова в области лингвистического анализа художественного текста и рассматривает семантические преобразования и дискурсивную аномальность текстов с точки зрения художественных кодов, смысловой и эмоциональной многослойности поэтического слова. Лингвистическая поэтика понимает язык как искусство, как проекцию эстетического начала и объективацию эстетической функции, но при этом регулярно возникает противоречие между нормой и не-нормой, аномалией, обусловленной различными способами и средствами вербализации художественного познания и моделирования действительности. Смысловая плотность художественного текста, семантическая осложненность — его важнейшее свойство, яркое проявление эстетической функции. Словесный образ, сложные образные структуры управляются глубинными ассоциативными связями, которые обнаруживаются на различных уровнях динамической структуры художественного текста. Семантическая плотность художественного текста мотивирована концептуально и одновременно обусловлена смысловой множественностью и неоднозначностью.

Обращаясь к поэтическому тексту, ученик и последователь Л.А. Новикова, профессор Г.В. Векшин (Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии, Москва) раскрывал и обосновывал принцип звукового равновесия в стихе, согласно которому ключевые элементы текста не должны оставаться без звукового отклика (Векшин, 2006). Программа автоматического анализа текста «Фонотекст», разработанная на основе силлабоцентрической версии звуковой организации стиха, верифицирует этот принцип и подтверждает плодотворность его действия.

Область функциональной семантики охватывает не только лексическую, но и грамматическую систему языка, используя инструменты языковой метафоры и метонимии. Об этом рассуждает М.А. Рыбаков (РУДН, Москва), рассматривая падежные значения в русском языке. В функциональной семантике полисемия и метонимия — это семантическое отношение в языке и одновременно удобный способ хранения информации, средство языковой экономии, когда один знак способен означивать ряд предметов, свойств, явлений. Применительно к системе падежных значений метонимия позволяет представить семантические смыслы и отношения как неслучайный, мотивированный переход от одних значений к другим в направлении от более конкретных к более абстрактным значениям.

Применяя металингвистический подход к анализу лексической семантики терминов, К. Беднарова-Гибова (Университет г. Прешов, Словакия) опирается на базовый принцип Ф. Шариффана (Sharifian, 2015), устанавливающий связь употребления терминов с культурной концептуализацией. Семантика термина — это обязательная компонента лексической семантики в металингвистическом аспекте, тем более при обсуждении вопроса о синонимии в терминологии. Термины принадлежат языку для специальных целей и, по М. Кабре, они явные и полнозначные знаки специального языкового дискурса, конвенциональные символы понятий в отдельной области знаний (Cabr e, 1999: 80—81). Поскольку синонимия опирается на сходство и/или тождество денотативных смыслов, ее присутствие в метаязыке представляется нерелевантным, но сама возможность синонимии терминов создает ситуацию «синонимических ловушек». Проиллюстрировав эти положения языковыми примерами, К. Беднарова-Гибова заключает: при языковых контактах, например, в процессе перевода, необходимо учитывать допустимую смысловую вариативность терминов и влияние культурного наследия. Таким образом, принципы функциональной семантики активно реализуются и в метаязыковом пространстве.

Лингвосомиотика представлена в многообразии тем и проблем. Так, Т.В. Маркелова (АНО ВО Институт современного искусства, Москва) обращается к анализу семантической, синтаксической и прагматической природы оценочного знака-прагмемы и сопоставляет три типа оценочных знаков — функции, коннотации, прагмемы; при этом ведущая роль в их системе отводится прагмеме: «Прагматический аспект значения слова, выделенный и теоретически обоснованный Л.А. Новиковым, позволяет дифференцировать в оценочной лексике три группы знаков — знаки-прагмемы *Жизнь неприглядна*; знаки-коннотации *Жизнь сказочна* и знаки-функции *Жизнь прекрасна*, которые различаются спецификой реализации прагматической функции, непосредственно связанной с их семантикой» (Марке-

лова 2013: 49; 55). В этой триаде знаки-прагмемы реализуют одновременно и денотативное, и прагматическое значение, а в целом три типа прагматических знаков различаются по степени зависимости от контекста, шире — от репрезентации оценочного фрагмента языковой картины мира. Уникальность знака-прагмемы заключается в том, что он представляет собой своеобразное сжатое оценочное суждение, объединяя в себе основание оценки, оценочные субъект и предикат. В итоге Т.В. Маркелова формулирует следующее определение прагмемы: *это динамично развивающееся лексическое средство выражения оценки, знаковая природа которого основана на прагматике, диктующей семантику связи денотативного и оценочного значений; синтактике, эксплицирующей парадигму оценочных суждений; а также «двойственной» прагматике аксиологической природы знака-прагмемы.*

В докладе О.И. Максименко и П.Н. Хроменкова (МГОУ, Московская область) объектом становятся полисемиотические элементы государственных гербов, в первую очередь, цвет, геометрические формы (полоски, клетки и т.п.), иконические и символические изображения. При вербальной интерпретации этих семиотических компонентов государственной символики фактически описывается некий программный генезис политической сущности отдельного государства в диалоге с другими государствами, и в результате формируется поликодовый текст, комбинирующий невербальные и вербальные элементы программного характера. Полисемиотичность исследуемого объекта определяется в соотношении с поликодовостью передачи информации и мультимодальностью коммуникации.

Поликодовый гетерогенный текст представлен в выступлении Ю.А. Евграфовой (МГОУ, Московская область) на примере кинотекста художественного фильма «Фауст» (реж. А. Сокуров, 2011 г.). Статика и динамика фильма, его эпизодов и кадров задают статику и динамику денотативных и коннотативных смысловых соотношений. Коннотативный план, представленный культурно, социально и т.п. маркированными ассоциациями, надстраивается над планом денотативным, в котором преобладают иконические знаки, например, компоненты объектов пространства, места действия — горы, море, город и др. При этих условиях выявление коннотативных смыслов во многом зависит от средств, которые в лингвистике принято обозначать термином «троп». Троп экранного текста становится связующим звеном между денотацией и коннотацией, придавая динамику кинотексту в целом. Денотат-иконический знак в кадре фильма выполняет роль означающего двустороннего знака, а символический ассоциативный знак коннотации занимает место означаемого, а оба компонента знака объединяет семиотический механизм знака-символа. Иными словами, код задаёт означающие денотации, трансформируя предметы экранного пространства в знаки, вызывая в зрителе определенные эмоции, что, в свою очередь, является означаемым для коннотации, а способы конструирования денотации являются ее означающими. Таким образом, в гетерогенном экранном тексте при моделировании реальности конструируется смежность между отдельными денотатами, как правило, знаками-иконами или индексами, моделируется позитивная симулякративность, когда у зрителя — потребителя кинотекста возникает ощущение «реальности» происходящего на экране, а троп становится «скорописью» гетерогенного экранного текста, в основе которого лежит операция смещения или сгущения значения.

В докладе Т.В. Поплавской (МГЛУ, Минск, Беларусь) обсуждаются проблемы нейминга семиотического пространства города, анализируются микротексты-названия объектов городской среды, например, тексты-вывески кафе, магазинов, мастерских, кинотеатров и т.д. В целях успешной коммуникации для привлечения потребителя такие названия используют принцип языковой игры и карнавализации, по М.М. Бахтину, сравните, однотипные номинации «бар *Пятница*» и «ресторан *Friday*» (по-английски); актуализируется национально специфический культурный компонент, например, *American BBQ* (Американское барбекю); *BeerFest* (немецкий пивной праздник); итальянская кондитерская *Dolce Vita* (букв. ‘сладкая жизнь’) и др. Эволюция смыслов происходит за счет семантического и графического обыгрывания прецедентных имен, ср.: «кафе модных напитков» *Tea Funny* (‘чай’ + ‘забавно’, ‘смешно’) призвано ассоциироваться то ли со всемирно известной ювелирной маркой *Tiffany*, то ли с романом Трумэна Капоте «Завтрак у Тиффани» или с его экранизацией с участием Одри Хэпберн; аналогично «рестобар *ШексПИР*». Распространены и номинации «несочетающихся смыслов», создающие игровой эффект: *Танцующий лобстер*, *Зеленая собака*, *Винное собрание*, *Винная библиотека*, *Салон еды*, *Кондитерская мастерская*, *Flower Bar* (‘цветочный бар’). Все эти и многие другие примеры демонстрируют проявление в названиях и в городской семиотике в целом взаимодействие трех семиотических отношений — семантики, синтактики и прагматики, которые сопровождаются принципами поиска креативных смыслов и языковой игры.

Эстетическая функция рекламы активно обсуждается лингвистами, художниками и широкой общественностью, поскольку роль рекламы в современной коммуникации велика и неоднозначна. В исследовании проф. И.В. Бугаевой (Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязев, Москва) материалом послужила российская реклама с религиозным компонентом, что важно для России — многоконфессионального государства. Вербальными компонентами служит религиозная лексика, характеризующая, например, продукты питания: *святой*, *постный*, *освященный* и под. для православных; *халаль* для мусульман; *кошерный* для иудеев. Изображения религиозных символов наряду с использованием особых шрифтов и графической техники оформляют невербальный компонент манипулятивного воздействия рекламы. Наконец, особую роль играет цветовое оформление рекламы: *священный зелёный* — это цвет ислама. Невербальные компоненты рекламы выполняют смыслопорождающую функцию, а их взаимодействие с вербальными компонентами позволяет реализовать в поликодовом тексте рекламы эстетическую функцию.

Как показали доклады участников конференции, функциональная семантика и семиотика закладывают базу методологии анализа познавательной деятельности, становится основой для создания новых исследовательских парадигм.

© Е.А. Красина, М.Л. Новикова, 2019

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. [Arutunova, N.D. (2013). *Predlozheniye i jego smysl: Logiko-semanticheskiye problemy*. Moscow: Knizhyj dom «LIBROKOM». (In Russ.)]
- Бочкарев А.Е. Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. [Bochkarev, A.E. (2014). *Semantika. Osnovnoj leksikon*. Nizhnij Novgorod: DEKOM. (In Russ.)]
- Векшин Г.В. Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: МГУП, 2006. [Vekshin, G.V. (2006). *Ocherk fonostilistiki teksta. Zvukovoj povtor v perspective smysloobrazovaniya*. Moscow: MGUP. (In Russ.)]
- Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика: учебное пособие. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. [Zvegintsev, V.A. (2007). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika: uchebnoye posobiye*. Izd. 2-e. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)]
- Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. М.: Языки славянской культуры, 2010. [Zubkova, L.G. (2010). *Printsip znaka v sisteme jazyka*. Moscow: Jazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.)]
- Карпов В.А. Язык как система. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал, УРСС, 2003. [Karpov, V.A. (2003). *Jazyk kak sistema*. Izd. 2-e, ispr. Moscow: Editorial, URSS. (In Russ.)]
- Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. [Markelova, T.V. (2013). *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom jazyke*. Moscow: MGUP im. Ivana Fyodorova. (In Russ.)]
- Маслова В.А. Поэтический текст. Новые подходы и решения. М.: Флинта: Наука, 2016. [Maslova, V.A. (2016). *Poeticheskij tekst. Novyie podhody i resheniya*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]
- Маслова В.А. Концептуальные основы современной лингвистики. М.: Флинта: Наука, 2019. [Maslova, V.A. (2019). *Kontseptualnyie osnovy sovremennoj lingvistiki*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)]
- Милославский И.Г. Говорим правильно по смыслу или по форме? М.: АСТ, 2013. [Miloslavskiy, I.G. (2013). *Govorim pravilno po smyslu ili po forme?* Moscow: AST. (In Russ.)]
- Милославский И.Г. Современный русский язык. Культура речи и грамматика. М.: Юрайт, 2019. [Miloslavskiy, I.G. (2019). *Sovremennyiy russkij yazyk. Kultura rechi i grammatika*. Moscow: Yurayt. (In Russ.)]
- Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. [Novikov, L.A. (1982). *Semantika russkogo jazyka*. Moscow: Vyschaya shkola. (In Russ.)]
- Новиков Л.А. Избранные труды. В 2-х т. Т. I: Проблемы языкового значения; Т. II: Эстетические аспекты языка. *Miscellanea*. М.: РУДН, 2001. [Novikov, L.A. (2001). *Izbrannyye trudyi. V 2 t. T. I: Problems of linguistic meaning. T. II: Aesthetic aspects of language. Miscellanea*. Moscow: RUDN. (In Russ.)]
- Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: Издательство ЛКИ, 2007. [Novikov, L.A. (2007). *Khudozhestvennyj tekst i jego analiz*. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)]
- Новикова М.Л. Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста. М.: РУДН, 2005. [Novikova, M.L. (2005). *Ostranneniye kak osnova obraznoj jazykovej semantiki i struktury khudozhestvennogo teksta*. Moscow: RUDN. (In Russ.)]
- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1977. [Solntsev, V.M. (1977). *Jazyk kak sistemno-strukturnoye obrazovaniye*. Izd. 2-e, dop. Moscow: Nauka. (In Russ.)]

- Соломончик А.Б. Язык как знаковая система. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. [Solomonchik, A.B. (2010). *Jazyk kak znakovaya sistema*. Izd. 2-e. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russ.)]
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. [Stepanov, Yu.S. (1985). *V trekhmernom prostranstve jazyka. Semioticheskiye problem lingvistiki, filosofii, iskusstva*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Степанов Ю.С. Семиотика. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014. [Stepanov, Yu.S. (2014). *Semiotika*. 2 ed. Moscow: LELAND. (In Russ.)]
- Функциональная семантика. К 80-летию академика МАН ВШ профессора Льва Алексеевича Новикова: коллективная монография / Сост. Н.В. Новоспасская, Н.В. Перфильева. М.: РУДН, 2011. [Funktsional'naya semantika. (2011)/ K 80-letiyu akademika MAN VSH professor L'va Alekseevicha Novikova: kollektivnaya monographiya / Sost. N.V. Novospasskaya, N.V. Perfilieva. Moscow: RUDN. (In Russ.)]
- Хухуни Г.Т. Переводы Библии: история и современность. М.: ИИИ МГОУ, 2015. Huhuni, G.T. (2015). *Perevody Biblii: istoriya i sovremennost*. Moscow: NII MGOU. (In Russ.)]
- Bally, Ch. (1944). *Linguistique générale et linguistique française*. Edition second, refondue. Berne: A. FRANCKE S.A.
- Bednárová-Gibová, K. (2018). *Selected Chapters in English Lexicology. Part I: Lexical Semantics and Lexicography*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej university.
- Benveniste, É. (1971). *Problems in General Linguistics*. Trans. M.E. Meek. 2 vols. Florida: University of Miami.
- Cabré, M.T. (1999). *Terminology: Theory, methods and applications*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins,
- Eco, U. (1989). *La Struttura Assente*. (1968). In English: *The Absent Structure* / trans. A. Cancogni. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Guillaume, G. (1973). *Principes de linguistique théoretique*. Québec: Les Presses de l'Université Laval.
- Hjelmslev, L. (1961). *Prolegomena to a Theory of Language*. Baltimore: Indiana, 1953. *University Publications in Anthropology and Linguistics* (IJAL. Memoir, 7). Madison: University of Wisconsin Press.
- Jakobson, R. (1980). *The Framework of Language*. Chicago: Michigan Slavic Publications.
- Lotman, J.M. (1990). *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. London: New York: I.B. Taurus & Co Ltd.
- Lotman, J.M. (2005). On the semiosphere. *Sign Systems Studies*, 2005, 33 (1), 205—229.
- Pierce, C.S. (1994). *Pierce on Signs: Writings on Semiotics*. J. Hoopes (ed.). Chapel Hill, North Carolina: University of North Carolina Press.
- Saussure, F. de. (1977). *Cours de linguistique générale*. Ch. Bally (ed.). A. Sechehaye with the collaboration of A. Riedlinger. Lausanne and Paris: Payot, 1916 / trans. W. Baskin. *Course in General Linguistics*. Glasgow: Fontana/Collins.
- Sharifian, F. (2015). *The Routledge Handbook of Language and Culture*. London and New York: Routledge.

Сведения об авторах:

КРАСИНА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания РУДН, член редколлегии журнала *Вестник Российского*

университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика / *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Сфера научных интересов: теоретические вопросы языкознания, теория языка и текста; синтаксис, семантика и прагматика текста, лингво-семиотика.

Контактная информация: e-mail: krasina-ea@rudn.ru

НОВИКОВА МАРИНА ЛЬВОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка юридического института РУДН, член редколлегии журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* / *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Сфера научных интересов: лингвистическая поэтика, художественный текст, семиотическое и семантическое моделирование, язык как семиосфера, когнитивистика.

Контактная информация: e-mail: novikova-ml@rudn.ru

Bionotes:

ELENA A. KRASINA is DSc. in Philology, Full Professor, Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University, a member of the Editorial Board of *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Research interests: Theory of Linguistics; Theory of Language and Text, Syntax, Semantics and Pragmatics of Text, Linguo-semiotics.

Contact information: e-mail: krasina-ea@rudn.ru

MARINA L. NOVIKOVA is DSc. in Philology, Full Professor Russian Language Department, Institute of Law, RUDN university, a member of the Editorial Board of *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Research interests: Linguistic Poetics, Fictional Text studies, Semiotic and Semantic Modeling, Language as a Semiosphere, Cognitive studies.

Contact information: e-mail: novikova-ml@rudn.ru